

АЛГЕБРА

РОДСТВА

11

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

АЛГЕБРА РОДСТВА

РОДСТВО
СИСТЕМЫ РОДСТВА
СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Выпуск 11

Санкт-Петербург
2006

ББК 63.5
А-45

Составитель и ответственный редактор
В.А. Попов

Рецензенты
Н.А. Добронравин, С.А. Маретина

В статьях очередного выпуска альманаха обсуждаются теоретические и методологические проблемы реконструкции протосистем терминов родства и взаимоотношения систем родства с социальными институтами (на ностратическом, и, прежде всего, индоевропейском материале). Исследуются лингвистические особенности терминов родства в языках банту, сандаве (койсанская языковая семья) и в среднемонгольском языке. Впервые публикуются полные списки терминов родства и свойства ненцев. Предлагается оригинальная трактовка феномена «шуточного» родства. Выявляются корреляции между социоцентрическим и эгоцентрическим аспектами номенклатур родства, а также рассматриваются матрицы семьи и команды как культурные коды и повседневные практики российской власти. Публикуется содержание десяти предыдущих выпусков альманаха «Алгебра родства».

А 0505000000
ISBN 978-5-88431-146-6
Без объявления

© МАЭ РАН, 2006
© Попов В.А. (отв. ред.,
сост., предисловие), 2006
© Харитонов А.Ю.
(худож. оформл.), 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск альманаха «Алгебра родства»¹ представляет собой сборник научных статей, посвящённых разработке актуальных проблем функционирования, генезиса и исторической динамики систем родства (СР) и систем терминов родства (СТР).

Главную часть настоящего выпуска составляет дискуссионный раздел, в четырех статьях которого продолжается обсуждение теоретических и методологических проблем реконструкции протоСТР² (статья А.В. Дыбо и С.В. Кулланды «*In loco cognatis*» и заметки А.А. Бурькина и В.А. Попова «О методах сравнительно-исторических исследований /в связи с обсуждением реконструкции ностратических терминов родства и свойства/»). Основой же для нового этапа полемики послужили ответ оппонентам инициатора дискуссии Г.В. Дзибеля (Стэнфордский университет, США) «*Reconstructing "Our" kinship terminology*» и статья А.Р. Бомхарда (Университет Северной Каролины в Чарлзстоуне, США) «*The Nostratic hypothesis and Nostratic kinship terminology*». По техническим причинам обе последние статьи публикуются только в англоязычном варианте, первые две – в двух вариантах (по-русски и по-английски).

В статьях теоретико-методологического раздела (О.Ю. Артемовой «Гармония родства» и Ю.А. Артемовой «*Joking relations: "Шуточное" или "нешуточное" родство?*») выявляются корреляции между социоцентрическим и эгоцентрическим аспектами

¹Первый выпуск альманаха «Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства» был издан в 1995 г., второй – в 1998 г., третий и четвертый – в 1999 г., пятый – в 2000 г., седьмой – в 2001 г., девятый – в 2005 г. В качестве шестого выпуска «Алгебры родства» в 2001 г. была опубликована монография Г.В. Дзибеля «Феномен родства. Прологомены к иденетической теории», восьмой выпуск – это книга А.А. Маслова «Системы родства народов манде: Опыт историко-типологического исследования (2005 г.)», десятый выпуск – монография А.В. Калюты «Ацтеки: родство, гендер, возраст. Опыт историко-социологического исследования» (2006 г.).

²Первая часть дискуссии напечатана в пятом выпуске «Алгебры родства» (с. 51–88), вторая – в седьмом (с. 51–35), третья – в девятом (с. 5–56).

номенклатур родства и предлагается оригинальная трактовка феномена «шуточного» родства.

Раздел «Конкретные исследования» содержит статьи П.О. Рыкина «Система терминов родства в среднемонгольском языке» и О.А. Ивановой «Лингвистические особенности терминов родства в языках банту», посвященные исследованию СТР в ракурсе специфики структуры соответствующих языков. Работа А.А. Бурыкина «Терминология родства и свойства как средство характеристики социальных отношений» написана на материале вологодских имущественных описей конца XVIII века.

В разделе «Материалы» публикуются впервые систематизированные «Материалы к описанию терминологии родства и свойства ненцев» А.А. Бурыкина, сделавшего акцент на характерных особенностях СТР тундровых ненцев, и небольшое исследование лингвистических особенностей номенклатуры родства одного из койсанских народов (О.А. Иванова «Термины родства сандаве с лингвистической точки зрения»), а также статья Т.Б. Щепанской «Матрицы семьи и команды: культурные коды и повседневные практики российской власти в десятилетие кризиса (1990–2000-е гг.)», которая продолжает серию ее публикаций о специфике политической культуры современной России, сохраняющей огромный пласт традиционных компонентов, в том числе и из сферы антропологии родства.

Завершает альманах раздел «Библиография», в котором печатается содержание десяти предыдущих выпусков альманаха «Алгебра родства» (на русском и английском языках), включая указатели авторов и их статей в каждом выпуске.

Составитель считает своим долгом выразить искреннюю признательность А.А. Бурыкину, Г.В. Дзибелло и С.В. Кулланде за деятельное участие в подготовке этого выпуска альманаха, а также благодарность П.В. Кузьминой, Т.Г. Мянд и А.Ю. Сиим за техническое содействие и квалифицированные консультации.

В.А. Попов

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Проблемы реконструкции ностратической системы терминов родства и свойства

A. R. Bomhard

THE NOSTRATIC HYPOTHESIS AND NOSTRATIC KINSHIP TERMINOLOGY

1.0. Background

The Nostratic Hypothesis got its start in 1903 with a suggestion by the Danish Indo-Europeanist Holger Pedersen that a number of languages/language families of northern Eurasia and the ancient Near East might be genetically related to Proto-Indo-European. He coined the term “Nostratic” to refer to this proposed grouping of languages. Early work was done by a small number of scholars on the question of distant linguistic relationship, but most of that work was of poor quality and was ignored by mainstream scholars. It was not until the mid-1960s that the Russian linguists Vladislav M. Illič-Svityč and Aharon Dolgopolsky began to make meaningful progress in reconstructing the Nostratic parent language. Subsequently, a number of other scholars in other countries began making important contributions as well – these include: Václav Blažek, Allan R. Bomhard, Joseph H. Greenberg, Alexis Manaster Ramer, and Vitaly Shevoroshkin, among others. Two schools have come into being, namely, the Moscow School, whose chief spokesman is Aharon Dolgopolsky, and the American School, whose chief spokesman is Allan R. Bomhard. Serious work continues unabated.

2.0. Evidence for Nostratic

The following evidence provides the basis for setting up a Nostratic macrofamily:

1. First and foremost, the descendant languages can be shown to share a large common vocabulary. In an article published in 1965, Illič-Svityč listed 607 possible common Nostratic roots [Иллич-Свитыч 1965], but only 378 have been published to date in his posthumous comparative Nostratic dictionary [Иллич-Свитыч 1971], Dolgopolsky currently has gathered material to support well over 2,000 common Nostratic roots, but only a small sampling of this material has been published to date. In the joint monograph (1994) by Allan R. Bomhard and John C. Kerns, entitled *The Nostratic Macrofamily: A Study in Distant Linguistic Relationship*, 601 common Nostratic roots were listed [Bomhard, Kerns 1994], and another 50 were proposed in a later article by Bomhard [Bomhard 1996]. The late Joseph H. Greenberg has recently published volume 2 [Greenberg 2002] of his book *Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family*, in which a large amount of lexical material is discussed (Eurasiatic may be viewed as a branch of Nostratic). Finally, Bomhard is preparing a new book in which over 800 Nostratic roots are reconstructed [Bomhard (forthcoming)].

2. As is to be expected, the various branches of Nostratic investigated to date exhibit regular sound correspondences (see the Appendix at the end of this paper for details), though, it should be mentioned, there are differences in interpretation between Illič-Svityč and Dolgopolsky on the one hand and Bomhard on the other.

3. Finally, a substantial number of common grammatical formants have now been recovered – many of these are listed in Illič-Svityč's comparative Nostratic dictionary; see also the chapter on Nostratic morphology by John C. Kerns in [Bomhard, Kerns 1994: 141–190], volume 1 of Greenberg's [2000], and [Bomhard (forthcoming)].

Notable among the lexical items uncovered by Illič-Svityč, Dolgopolsky, Greenberg, and Bomhard is a solid core of common pronominal stems. These pronominal stems have particular importance, since, as forcefully demonstrated by John C. Kerns [Kerns 1985: 950], pronouns, being among the most stable elements of a language, are a particularly strong indicator of genetic relationship (M. Ruhlen makes the same point [Ruhlen 1994: 92–93]).

The conclusion seems inescapable that the consistent, regular phonological correspondences that can be shown to exist among the Nostratic daughter languages as well as the agreements in vocabulary and grammatical formants that have been uncovered to date cannot be explained as due to linguistic borrowing or mere chance but can only be accounted for in terms of common origin, that is, genetic relationship. To assume any other possibility would be tantamount to denying the efficacy of the Comparative Method. This does not mean that all problems have been solved. On the contrary, there remain many issues to be investigated and many details to be worked out, but the future looks extremely exciting and extremely promising.

3.0. A Sketch of Proto-Nostratic Phonology

Proto-Nostratic had a rich system of stops and affricates. Each stop and affricate series was characterized by the three-way contrast (1) voiceless (aspirated), (2) voiced, and (3) glottalized. The aspiration of series (1) was phonemically non-distinctive.

The Proto-Nostratic phonological system may tentatively be reconstructed as follows:

Stops and Affricates:

p ^h	t ^h	c ^h	č ^h	tʰ ^y	tʰ ^h	k ^h	k ^{wh}	q ^h			
b	d	ʒ	ž	dʲ	ɖʒ (?)	g	g ^w	g			
p'	t'	c'	č'	t'ʲ	tʰ'	k'	k' ^w	q'	q' ^w	ʔ	

Fricatives:

s	š	sʲ						h	h
z	ž(?)	zʲ(?)							ʕ

Glides:

w		y

Nasals and Liquids:

m	n	nʲ	ŋ
	l	lʲ	
	r	rʲ	

Vowels:	i (~ e)	u (~ o)
	e	o
	(ə ~)	a

Also the sequences:

iy (~ ey)	uy (~ oy)	ey	oy	(əy ~) ay
iw (~ ew)	uw (~ ow)	ew	ow	(əw ~) aw

3.1. Remarks on the Vowels

The following vowels may be reconstructed for Proto-Nostratic: **a*, **e*, **i*, **o*, and **u*. At least some of these vowels must have been subject to considerable subphonemic variation in the Nostratic parent language. The high front and back vowels **i* and **u*, in particular, may be assumed to have had lowered variants (indicated in the Proto-Nostratic reconstructions as **e* and **o* respectively), while the central low vowel **a* may be assumed to have had higher variants (indicated in the Proto-Nostratic reconstructions as **ə*). To complicate matters, **e* and **o* must also have existed as independent vocalic elements. It was the reanalysis, phonemicization, and exploitation of this subphonemic variation that gave rise to the ablaut and vowel harmony patterning found in the majority of the Nostratic daughter languages. It may be noted here that, according to [Greenberg 1990], traces of an earlier system of vowel harmony can be discerned in Proto-Indo-European.

It is unclear whether phonemic long vowels existed in Proto-Nostratic as well, though the evidence seems to indicate that they did not.

Finally, it may be noted that, while any vowel (**a*, **e*, **i*, **o*, **u*) could appear in initial syllables, only **a*, **i*, **u* could appear in non-initial syllables. This is identical to the patterning found in Dravidian.

4.0. Root Structure Patterning in Proto-Nostratic

Comparison of the various Nostratic daughter languages makes it possible to determine the rules governing the structural patterning of roots and stems in Proto-Nostratic. Most likely, the earliest patterning was as follows:

1. There were no initial vowels in Proto-Nostratic. Therefore, every root began with a consonant.
2. Originally, there were no initial consonant clusters either. Consequently, every root began with one and only one consonant. Medial clusters were permitted, however.

3. Two basic root types existed: (A) *CV and (B) *CVC, where C = any non-syllabic, and V = any vowel. Permissible root forms coincided exactly with these two syllable types.

4. A stem could either be identical with a root or it could consist of a root plus a single derivational morpheme added as a suffix to the root: *CVC+CV-. Any consonant could serve as a suffix.

5. A stem could thus assume any one of the following shapes: (A) *CV-, (B) *CVC-, (C) *CVC+CV-, or (D) *CVC-CVC-. As in Proto-Altaic, the undifferentiated stems were real forms in themselves and could be used without additional suffixes or grammatical endings. However, when so used, a vowel had to be added to the stem (unless the stem already ended in a vowel or in a semivowel, nasal, or liquid), thus: (A) *CV- > *CV (no change), (B) *CVC- > *CVC+V, (C) *CVC-CV- > (no change), or (D) *CVC-CVC- > *CVC-CVC+V. Following Afrasian terminology, this vowel may be called a "terminal vowel" (TV). Not only did terminal vowels exist in Proto-Afrasian, they were also found in Dravidian, where they are called "enunciative vowels". As in Proto-Dravidian, the terminal vowel was only required in stems ending in obstruents, which could not occur in final position.

The original root structure patterning was maintained longer in Proto-Dravidian and Proto-Altaic than in the other branches, while the patterning found Proto-Indo-European, Proto-Kartvelian, and Proto-Afrasian is based upon slightly later developments. The root structure constraints found in Proto-Indo-European were an innovation. In Proto-Uralic, the rule requiring that all words end in a vowel was an innovation and arose from the incorporation of the so-called "terminal vowel" into the stem. It should be mentioned that reduplication was a widespread phenomenon.

On the basis of the evidence of Proto-Indo-European, Proto-Kartvelian, Proto-Afrasian, Proto-Dravidian, and Proto-Altaic, it may be assumed that there were three fundamental stem types: (A) verbal stems, (B) nominal and adjectival stems, and (C) pronominal and indeclinable stems. Some stems were exclusively nominal. In the majority of cases, however, both verbal stems and nominal stems could be built from the same root. In Proto-Nostratic, only pronominal and indeclinable stems could end in a vowel. Verbal and nominal stems, on the other hand, had to end in a consonant, though, as noted above, when the undifferentiated stems were used as real words in

themselves, a “terminal vowel” had to be added to the stem (but only when the stem ended in an obstruent). The terminal vowels were morphologically significant. Adjectives did not exist as an independent grammatical category in Proto-Nostratic.

During the earliest period of Proto-Nostratic, *roots* could only have the forms: (a) *CV- and (b) *CVC-. Type (a) was restricted to pronominal stems and indeclinables, while type (b) characterized nominal and verbal stems. A single *derivational formative* could be placed after root type (b): *CVC + CV (derivational formative). Grammatical relationships were indicated by placing *particles* either after the undifferentiated stem or after the stem plus a derivational formative: (a) *CVC + CV (particle [P]) or (b) *CVC + CV (derivational formative [DF]) + CV (particle [P]). In this scheme, a morphologically significant formative vowel (FV) had to be added either directly after the root if it ended in a consonant or between the root and any following element, be it particle or derivational formative; thus, we get the following patterns:

- (a) *CVC + V_{FV} (plus particle: *CVC + V_{FV} + CV_P)
- (b) *CVC + V_{FV} + CV_{DF} (plus particle: *CVC + V_{FV} + CV_{DF} + CV_P)
- (c) *CVC-CVC + V_{FV} (plus particle: *CVC-CVC + V_{FV} + CV_P)

Eventually, the vowel of the derivational formative after the stem plus formative vowel was lost in type (b) when a particle was added, as follows: *CVC + V_{FV} + C_{DF} + CV_P. This is essentially the stage represented in Proto-Dravidian, though Proto-Dravidian has added long vowels to the equation as well as stems beginning with a vowel (no doubt arising from the loss of initial laryngeals). Next, the formative vowel was reinterpreted as part of the derivational formative in type (b): *CVC + VC + CV. This is the stage represented by Proto-Afrasian and is the basis for the root structure patterning found in Proto-Kartvelian and Proto-Indo-European as well. From an Afrasian perspective, there is no such thing as “formative vowels” – they are only preserved in Dravidian and Elamite, though, in Elamite, their status is disputed.

5.0. Proto-Nostratic Morphology

The assumptions we make about the morphological and syntactical structure of a given proto-language profoundly affect the reconstructions that we propose. In what follows, I will be proposing that

Proto-Nostratic was an active language. Now, active languages exhibit specific characteristics that set them apart from other morphological types. Therefore, it follows that the reconstructions I posit will conform with an active structure. However, I believe quite emphatically that reconstructions must never be driven by theory alone. Rather, they must be fully consistent with the supporting data. Moreover, not only must our reconstructions be consistent with the supporting data, they must be consistent from a typological perspective as well, and they must be able to account for later developments in the descendant languages in as straightforward a manner as possible, without recourse to ad hoc rules. When reconstructions are driven by theory alone, the results can be disastrous.

Several scholars have recently presented persuasive arguments in favor of reconstructing an early phase of Proto-Indo-European as an active language. Proto-Afrasian is also assumed to have been an active language. In active languages, subjects of both transitive and intransitive verbs, when they are agents semantically, are treated identically for grammatical purposes, while non-agent subjects and direct objects are treated differently. An “agent” may be defined as the entity responsible for a particular action or the entity perceived to be the cause of an action.

Above, we mentioned that Proto-Nostratic had *formative vowels*. Now, it is curious that the formative vowel can take different shapes in Proto-Dravidian: **a*, **i*, or **u*. This seems to indicate that the different formative vowels must have had some sort of morphological significance at one point in time, even though this distinction has been lost in Dravidian. Not only must the formative vowels have had morphological significance, it is even probable that they had different significance depending upon whether a nominal or verbal stem was involved.

For verbal stems, the formative vowels may have been aspect markers. The patterning may have been as follows: **a* marked imperfective, **i* marked perfective, and **u* marked subordinate.

For nominal stems, the situation is a bit more complicated. I assume that the following patterning existed in early Proto-Nostratic: **-i/*-u* was used to mark the subject in active constructions, while **-a* was used to mark the direct object in active constructions as well as the subject in stative constructions. **-a* was also used to mark the so-called “*status indeterminatus*”.

In later Proto-Nostratic, this patterning became disrupted, though it may have survived into Proto-Afrasian. In later Proto-Nostratic, the relational markers **-ma* and **-na* came to be used to mark the direct object in active constructions as well as the subject in stative constructions. Eventually, these relational markers became the primary means of marking the direct object in active constructions or the subject in stative constructions, with the result that the older patterning became disrupted. Thus, in the latest stage of the Nostratic parent language, we find the following patterning:

1. **-i/*-u*: used to mark the subject in active constructions:
 - (a) **CVC + i/u*
 - (b) **CVC + i/u + CV_{DF}*
 - (c) **CVC-CVC + i/u*
 2. **-a ~ *-ma/*-na*: used to mark the direct object in active constructions as well as the subject in stative constructions:
 - (a) **CVC + a* plus **-ma/*-na*: **CVC + a + ma/na*
 - (b) **CVC + a + CV_{DF}* plus **-ma/*-na*: **CVC + a + C(V)_{DF} + ma/na*
 - (c) **CVC-CVC + a* plus **-ma/*-na*: **CVC-CVC + a + ma/na*
- *-ma/*-na* was the first case form (bound relational marker) to develop in Proto-Nostratic. The second was the genitive (in the sense 'belonging to') in **-nu*. Indeed, these are the only two bound relational markers that can be confidently reconstructed for the latest period of Proto-Nostratic. Finally, it seems likely that unextended **-a* remained as the indicator of the *status indeterminatus*.

Proto-Nostratic syntax was head-final, or left-branching, that is, dependents preceded their heads according to the so-called "rectum-regens rule". In other words, "adverbs" preceded verbs, "adjectives" preceded nouns, and auxiliaries followed the main verb, though it must be emphasized here that adjectives did not exist as an independent grammatical category in Proto-Nostratic. The unmarked syntactical order was Subject + Object + Verb (SOV).

6.0. Pronominal, Deictic, and Anaphoric Stems

6.1. First Person Stems

First person singular (active): **mi*

First person plural (inclusive, active): **ma*

First person (stative): **k^ha*

First person (stative): **Ha*

First person singular: **na*

First person plural (exclusive, active): **na*

First person (postnominal possessive/preverbal agentive): **ʔiya*

6.2. Second Person Stems

Second person (active): **tʰi* (~ **tʰa*)

Second person: **si*

Second person: **ni*

6.3. Anaphoric and Deictic Stems

Pronominal base of unclear deictic function: **-gi/*-ge*

Deictic particle: (A) **ʔa-/*ʔə-* (distant), (B) **ʔi-/*ʔe-* (proximate), and (C) **ʔu-/*ʔo-* (intermediate)

Deictic particle: (A) **kʰa-/*kʰə-* (proximate), (B) **kʰu-/*kʰo-* (distant), and (C) **kʰi-/*kʰe-* (intermediate)

Deictic particle: (A) **tʰa-/*tʰə-* (proximate), (B) **tʰu-/*tʰo-* (distant), and (C) **tʰi-/*tʰe-* (intermediate)

Deictic particle: **ša-/*šə-*

Anaphoric pronoun stem: **si-/*se-*

Anaphoric pronoun stem: **na-*, **ni-*

Deictic particle: **tyʰa-* ‘that over there, that yonder (not very far)’

6.4. Interrogative, Relative, and Indefinite Stems

Relative: **kʷhi-/*kʷhe-*; interrogative: **kʷhə-/*kʷhə-*

Interrogative-relative stem: **ʔay-*, **ʔya-*

Interrogative: **mi-*; relative: **ma-*

Interrogative-relative: **na*

Indefinite: **ma-*, **mi-*, **mu-*

Indefinite: **dʷi-/*dʷe-* ‘this one, that one’

7.0. Nominal Morphology

The overall structure of nominals (nouns and adjectives) was as follows:

Root + formative vowel (+ derivational suffix)
(+ relational marker) (+ number marker)

A stem could consist of the unextended root or the root extended by a single derivational suffix (preceded, as indicated above, by a formative vowel). As has already been noted, it is necessary to recognize two distinct periods of development in Proto-Nostratic. In the earliest phase of development, the relational markers listed below were free relational morphemes (postpositional particles). In later Proto-Nostratic, however, at least two of them were well on their way to becoming bound relational morphemes (case suffixes).

As already noted, only the following two bound relational markers (case suffixes) can be confidently reconstructed for the latest period of Proto-Nostratic: (a) direct object **-ma*, **-na* and (b) genitive **-nu*. Other case relationships were expressed by postpositions (see below for a list), some of which developed into bound case morphemes in the individual daughter languages. This is confirmed by Dravidian, where only the accusative (**-ay*, **-Vn*), dative (**-kk-/*-k-*), and genitive (**-a*, **-in*) can be confidently reconstructed for the Dravidian parent language. Other case forms developed within the Dravidian daughter languages. Likewise, only the following two grammatical cases can be reconstructed for Proto-Uralic: (a) accusative **-m*, which probably was used to mark the definite direct object of finite verbs, and (b) a subordinate suffix **-n*, which functioned as a genitive/nominalizer with nouns and as an adverb formant with verbs. There were also at least three local cases in Proto-Uralic: (a) locative **-nA*, (b) separative **-tA* ~ **-tI*, and (c) and perhaps the latives **-k* (and/or **-ŋ*) and **-tʲ* (traditional **-č*) (and/or **-nʲ* [traditional **-ń*]). Denis Sinor has devoted an important study to the question of common case markers between Uralic and Altaic [Sinor 1988: 714–725]. He, too, posits a Proto-Uralic accusative in **-m* and a genitive in **-n*. For the former, he notes that nothing comparable can be posited for Proto-Turkic or Proto-Mongolian, but he does reconstruct a Proto-Tungus accusative **-m*, which is in agreement with what is found in Uralic. The clearest parallels for the latter are to be found in the Proto-Mongolian genitive **-n* and in the Proto-Turkic genitive **-n*. The genitive and accusative have converged in some Mongolian languages. This seems to indicate that Proto-Mongolian may have preserved the **-n* variant accusative form as opposed to the **-m* variant found in Uralic and Tungus. D. Sinor also discusses the Uralic and Altaic parallels between various local cases [Sinor 1988: 715–725]. Finally, it is worth mentioning here that, within Afrasian, A. Zabor-

ski tentatively reconstructs the following case morphemes for Proto-Omoti: (a) nominative **-i*, (b) genitive-instrumental-directional **-kV*, (c) dative **-s*, (d) dative-comitative **-rV*, (e) accusative **-a* and **-nV*, (f) instrumental-locative-directional-dative **-nV*, and (g) ablative **-pV* [Zaborski 1990: 628]. He notes that some of these case forms may go back to earlier postpositions [Zaborski 1990: 618]. Parallels with Cushitic show that at least some of these case forms go back to Proto-Afrasian. I.M. Diakonoff notes that the following cases can be established for Proto-Afrasian with reasonable certainty: (a) **-Vš*, **-šV* locative-terminative; (b) **-dV*, **-Vd* comitative, dative; (c) **-kV* ablative and comparative; (d) **-Vm* locative-adverbialis; (e) **-l* directive; and (f) **-p* (also **-f*) ablative (in Omoti); conjunction, demonstrative pronoun in other languages [Дьяконов 1988: 61]. The ultimate Nostratic origin of several of the case forms posited by Zaborski for Proto-Omoti and by Diakonoff for Proto-Afrasian is completely transparent.

In Proto-Nostratic, adjectives did not exist as a separate grammatical category. They were differentiated from nouns mainly by syntactical means – “adjectives” preceded the nouns they modified. Moreover, they did not agree with the head noun in number or gender.

7.1. Relational Markers

Direct object: **-ma*

Direct object: **-na*

Possessive: **-nu* ‘belonging to’

Possessive: **-lV* ‘belonging to’

Dative: **-na* ‘to, for’

Directive: **-k^ha* ‘direction to or towards, motion to or towards’

Directive(-locative): **-ri* ‘direction to or towards, motion to or towards (?)’

Locative: **-ni* ‘the place in, on, or at which something exists or occurs’

Locative, instrumental-comitative: **-ma* ‘in, from, with’

Locative: **-bi* ‘in addition to, together with’

Locative: **-i* ‘near to, near by (?)’

Comitative-locative: **-da* ‘together with’

Oblique: **-t^ha*

7.2. Dual and Plural Markers

Dual: **k^hi(-n)*

Plural: **-t^ha*

Plural: **-ri*

Plural: **-k^hu*

Plural (Eurasian only): **-sV*

Plural/collective: **-la*

Plural: **-nV*

Note: plurality could also be expressed by reduplication of the root.

7.3. Derivational Suffixes

Nominalizer: **-ri/*-re (~ *-r-)*

Nominalizer: **-ma (~ *-m-)*

Nominalizer: **-ya (~ *-y-)*

Nominalizer: **-t^ha (~ *-t^h-)*

Nominalizer: **-na (~ *-n-)*

Nominalizer: **-la (~ *-l-)*

Nominalizer: **-k^ha (~ *-k^h-)*

Nominalizer: **-k'a (~ *-k'-)*

8.0. Verbal Morphology

In Proto-Nostratic, verbs fell into two types of construction: (1) active and (2) stative. In active constructions, which usually involved transitive verbs, the grammatical subject of the verb represented the agent performing the action, and the direct object represented the patient, or recipient, of the action. Stative constructions, on the other hand, expressed a state of affairs, rather than an event. Verbs expressed aspectual contrasts rather than temporal contrasts. Tense relates the time of the situation referred to to some other time, usually to the moment of speaking, while aspect marks the duration or type of temporal activity denoted by the verb. Proto-Nostratic had two aspects: (a) perfective (past) and (b) imperfective (non-past). Proto-Nostratic also had, at the very least, the following moods: (a) indicative; (b) imperative; (c) conditional; (d) hortatory-precative; (e) inchoative; and (f) prohibitive. There was also a causative construction.

The overall structure of verbs was as follows:

Root + formative vowel (+ derivational suffix)
(+ mood marker) (+ person marker) (+ number marker)

A stem could consist of the unextended root or the root extended by a single derivational suffix (preceded, as indicated above, by a formative vowel). The position of the number marker seems to have been flexible – it could also be placed before the person marker. Gender was not marked. There were no prefixes in Proto-Nostratic. We may note here that B. Krishnamurti [2003: 279, 312] posits the following structure for verbs in Proto-Dravidian:

Stem + tense-mood + (gender-)number-person marker

Stative verbs were indifferent to number and, therefore, had no plural forms. They also had a special set of person markers different from those of active verbs:

Active person markers		Stative person markers
Singular	Plural	
1p. <i>*mi</i>	<i>*ma</i> (inclusive) (+ plural marker)	<i>*k^ha</i>
<i>*na</i>	<i>*na</i> (exclusive) (+ plural marker)	<i>*Ha</i>
2p. <i>*t^hi</i>	<i>*t^hi</i> (+ plural marker)	<i>*t^hi</i>
<i>*si</i>		
<i>*ni</i>		
3p. <i>*ša-/*šə-</i>	<i>*ša-/*šə-</i> (+ plural marker)	<i>*Ø</i>
<i>*na-, *ni-</i>	<i>*na-, *ni-</i> (+ plural marker)	

Morphologically, verbs could be either finite or non-finite. Finite forms could be marked for aspect, mood, person, and number, but not for gender or tense. Non-finite forms exhibited nominal inflection. In unmarked word order, the verb occupied the end position of a clause.

8.1. Non-finite Verb Forms (Derivational Suffixes)

The following non-finite verb forms are widespread enough in the Nostratic daughter languages to guarantee their common origin, and, consequently, they are listed separately here. However, at the Proto-Nostratic level, they were indistinguishable from the nominalizing suffixes listed above.

Participle: **-na*

Participle: **-t^ha*

Gerundive-participle: **-la*

8.2. Finite Verb Forms: Mood Markers

Imperative: **-k^ha*, **-k^hi*, **-k^hu* (~ **-k^h-*)

Conditional: **-ba* (~ **-b-*)

Hortatory-precativ: **-li* (~ **-l-*)

Inchoative: **-na* (~ **-n-*)

Note: the bare stem could also serve as imperative.

8.3. Finite Verb Forms: Others

Causative: **-sV* (~ **-s-*)

9.0. Prohibitive/Negative Particles and Indeclinables

The following negative/prohibitive particles and indeclinables can be reconstructed for Proto-Nostratic:

Negative particles: **na*, **ni*, **nu*

Prohibitive particle: **ma(?)*

Negative particle: **ʔal-* (~ **ʔal-*)

Negative particle: **li* (~ **le*) (?)

Negative particle: **ʔe*

Post-positional intensifying and conjoining particle: **k^{wh}a-* (~ **k^{wh}ə-*)

Particle: **k^{wh}ay-* ‘when, as, though, also’

Particle: **harʷ-* ‘or; with, and; then, therefore’

Particle: **ʔin-* (~ **ʔen-*), **(-)ni* ‘in, into, towards, besides, moreover’

Sentence particle: **wa* (~ **wə*) ‘and, also, but; like, as’

Coordinating conjunction: **ʔaw-*, **ʔwa-* (~ **ʔwə-*) ‘or’

Note: The CVC-root structure patterning of some of these forms points to their ultimate nominal or verbal origin. For example, the negative particle **ʔal-* (~ **ʔal-*) must ultimately have been a negative verb stem meaning ‘to be not so-and-so’, as in its Dravidian derivatives, while **ʔin-* (~ **ʔen-*), **(-)ni* was originally a nominal stem meaning ‘place, location’.

10.0. Nostratic Kinship Terminology

Now that we have discussed the evidence for setting up a Nostratic macrofamily and have summarized the salient phonologi-

cal, morphological, and syntactical characteristics of the Nostratic parent language, we can turn our attention to the question as to whether sufficient progress has been made in Nostratic studies to reconstruct the kinship terminology and kinship system of the speakers of that parent language. This paper is a response to two recent studies that have attempted to do just that. The first study was by Aharon Dolgopolsky and appeared as part of his book [Dolgopolsky 1998: 84–95], and the second study was a 2005 article by A. Dybo and S.V. Kullanda entitled «Ностратическая терминология родства и свойства» [Nostratic Terminology of Kinship and Affinity], which appeared in *Алгебра Родства (Algebra Rodstva [Kinship Algebra])* [Дыбо, Кулланда 2005: 5–31].

As is well known, kinship systems can be classified into several distinct types – six possible systems are typically distinguished among anthropologists, each of which can occur in a number of subtypes. These systems tell us how the social community views not only parents and siblings (kinship) but also those related by marriage or custom (affinity). It should be noted that kinship systems can and do change over time.

We may begin by looking at Dolgopolsky's views. In Section 8 of his 1998 book, Dolgopolsky reconstructs twelve kinship terms for Proto-Nostratic (the remarks accompanying each etymology are an updated version of what appeared in my 1999 review of Dolgopolsky's book [Bomhard 1999]):

1. **kălu/ũ* 'a woman of the other exogamous moiety': this is a strong etymology, though the semantics found in the individual Nostratic daughter languages are too divergent to support the meaning assigned by Dolgopolsky for the putative Proto-Nostratic term. We should note that the initial **ġ-* in the Proto-Indo-European form given by Dolgopolsky as a cognate is irregular – I would expect **k̑-* instead. This may mean that the Indo-European form is a false cognate. In [Bomhard, Kerns 1994: 438–439, no. 283], I attempted to show that Proto-Indo-European **ġ(e)lōu-* 'husband's sister' is to be derived from the same root found in Greek γάλα 'milk', Latin *lac* 'milk', and Hittite *galattar, galaktar* 'soothing substance, balm, nutriment', *gala(n)k-* 'to soothe, to satiate, to satisfy', all ultimately from an unattested **(ġel-)/*(ġl-)/(ġ(e)l-* 'to suckle, to nourish'. I assumed the same semantic development as in Greek πατήρ 'father's or mother's

sister, aunt' and Sanskrit *dhénā* 'female', both of which are derived from Proto-Indo-European **dhē(i)-* 'to suck, to suckle'. I then compared the Indo-European forms with the following Semitic forms: Amharic *ḳälläbä* 'to feed, to provide support, to nourish', *ḳälläb* 'food, supplies, rations, stipend'; Tigrinya *ḳälläbä* 'to feed'; Argobba *ḳälläba* 'to feed'; Gurage *ḳälläbä* 'to support by providing food, to feed'. This view must now be abandoned. What we find is that the Proto-Indo-European term has an exact match in Proto-Altaic, which is reconstructed as **kele* (~ *-i, -o*) 'daughter-in-law, bride' [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 659]. Thus, two distinct terms must be reconstructed here: (1) Proto-Nostratic **khal-* 'female relative', which has derivatives in Afrasian, Dravidian, Kartvelian, and Uralic, and (2) Proto-Nostratic (only in Eurasiatic) **k'el-* 'female in-law; husband's sister', which has derivatives in Indo-European and Altaic (see below for details).

2. ***kuda** 'a man of the other moiety' (> 'male relative-in-law'): this is a possible etymology, though the sound correspondences are a bit irregular – Proto-Uralic **δ* is not equal to IPA [ð]. Rather, it appears to have been some sort of lateral, most likely a fricative lateral [ɬ] or a lateralized affricate [tɬ] – my own research indicates that Proto-Nostratic **tʰh-* became **ś-* (Dolgopolsky writes **ś-*) initially in Proto-Uralic but **-δ-* (= [tɬ]) medially. Finally, I would remove the Kartvelian forms given by Dolgopolsky from this etymology.

3. ***śe3A** 'a relative of the other moiety' ('father/son-in-law, mother's brother, and sim.'): this is a possible etymology, though the Afrasian forms are too divergent phonologically to be given serious consideration. My interpretation of the sound laws involved here is a little different than Dolgopolsky's interpretation – consequently, I would reconstruct Proto-Nostratic **siž-* (~ **sež-*) 'father/son-in-law, mother's brother, etc.'.

4. ***[h/χV]wän/nV** 'relative (of a younger/the same generation)': this is a possible etymology, though the Egyptian forms given by Dolgopolsky do not appear to belong here either semantically or phonologically. In my book [Bomhard 1996: 217, no. 621], I set up a slightly different etymology on the basis of some of the same forms cited by Dolgopolsky: Proto-Nostratic **wan-* (~ **wən-*) 'first, first-

born, eldest': (A) Afrasian: Proto-Highland East Cushitic **wanaa* 'first' > Burji *wanáy* 'first-born', *wanawwa* 'eldest sister', *wanay*, *wonáy* 'eldest brother'; Kambata *wana(a) beetu* 'first-born' (*beetu* = 'child'), *wanabii* 'first'; (B) Uralic: Proto-Finno-Permian **wanša* 'old' > Finnish *vanha* 'old', *vanhemmat* 'parents'; Estonian *vana* 'old'; Votyak / Udmurt *vuž* 'old'; Zyrian / Komi *važ* 'old' (cf. [Rédei 1986–1988: 813]: **wanša*); (?) Proto-Finno-Ugrian **wŕn3* 'old' > Zyrian / Komi *vener* 'old'; Hungarian *vén* 'old' (cf. [Rédei 1986–1988: 589–590]: **wŕn3*); and (C) Dravidian: Kolami *vanna* 'brother's wife'; Naikri *vanna* 'older brother's wife'; (?) Konḍa *oni* 'older brother's wife, maternal uncle's daughter (older than person concerned)'; (?) Pengo *oni* 'older brother's wife' (cf. [Burrow, Eme-neau 1984: 474, no. 5251]).

5. **n/Cu/üśV* or **n/Cu/üsyV* 'woman (general term)', 'woman of the other moiety': [Orël, Stolbova 1995: 406, no. 1887] reconstruct Proto-Afrasian **nüś-* 'woman', but the very next entry [Ibid: 407, no. 1888] is **nüś-* 'man'. The meaning 'woman' appears to be secondary, which throws doubt on the validity of this etymology. The Kartvelian form is indeed a loan from Indo-European, and Indo-European loans are also found in Northwest Caucasian (cf. Bžedux *nəsa* '[father's] brother's wife, daughter-in-law').

6. **Hić/cχV* or **-ć/ç-*, **-γ/g/h-* 'father, head of a family': though the semantics are acceptable, the phonology is not plausible. Therefore, this etymology must be rejected.

7. **?ediNV* 'pater familias' (or 'owner'): this is a possible etymology. I would reconstruct Proto-Nostratic **?id-nV-* (~ **?ed-nV-*) 'father, head of family' (or 'owner').

8. **?ema* 'mother': this is a good etymology. I would reconstruct Proto-Nostratic **?ema* 'older female relative; mother; (older) woman' (see below for details). Another term must be reconstructed here as well: Proto-Nostratic **?am(m)a* (~ **?əm(m)a*) 'mother' (nursery word) (see below for details).

9. **?[ä]yV* (or **h[ä]yV*) 'mother' (originally a nursery word): this is a good etymology. Note also Proto-Inuit **ayak* 'maternal aunt'. I would reconstruct Proto-Nostratic **?ay(y)a* 'mother, female relative' (see below for details).

10. ?? *ʔaba ~ *ʔapa ‘daddy, father’ (a nursery word): this is a good etymology. Note also Proto-Eskimo *ap(p)a ‘grandfather’. I would reconstruct Proto-Nostratic *ʔab(b)a ‘daddy, father’ (see below for details).

11. *ʔoqul/ʔV ‘child, one’s child; to beget, to bear a child’: this etymology is not convincing. Note that [Orël, Stolbova 1995: 247, no. 1110] reconstruct Proto-Afrasian *ʔigal- ‘cow, calf’. In [Bomhard, Kerns 1994: 518, no. 365], I compared the Afrasian forms with the following Indo-European forms: Avestan *azī* ‘with young (of cows or mares)’; Sanskrit *ahī* ‘cow’; Middle Irish *ag* ‘ox, cow’, *ál* (< *aglo-) ‘litter, brood’; perhaps also Armenian *ezn* (with *e*-vocalism) ‘ox’ – all from Proto-Indo-European *ǵ₂eǵh- ‘with young (of animals)’ (cf. [Pokorny 1959: 7]: *aǵh- ‘pregnant animal’; [Walde 1927–1932, I: 38; Mann 1984–1987: 233]: *eǵhis ‘ox, cow’; [Mallory, Adams 1997: 135]: *h₁eǵh- ‘cow’).

12. *ʔarV ‘member of the clan’: this is a good etymology, though this does not appear to be specifically a kinship term – the meaning is more general in scope. I would reconstruct Proto-Nostratic *ʔar-‘(n.) associated or related person or thing; associate, companion, friend; kinsman; (adj.) associated, related’ (see below for details).

Nearly half of the kinship etymologies proposed by Dolgopolsky are not convincing or must be rejected. Among the convincing etymologies, are those for ‘a woman of the other exogamous moiety’, ‘a relative of the other moiety’, ‘relative through marriage, in-law (male or female)’, ‘father, head of family’, ‘daddy, father’, ‘mother’, and ‘member of the clan’. Moreover, the meanings assigned by Dolgopolsky and the conclusions drawn by him about the kinship system existing among the speakers of the Nostratic parent language go beyond what the evidence warrants. Consequently, the kinship terms reconstructed by Dolgopolsky tell us relatively little about the family structure of the speakers of Proto-Nostratic.

Next, we will look at the study by Anna Dybo and S.V. Kullanda. After a short introduction, Dybo–Kullanda examine a large number of putative Nostratic kinship terms, taken mainly from the works of Vladislav Illič-Svityč and Aharon Dolgopolsky. Their study ends with a three-page table in which they summarize their findings. As with the study by Dolgopolsky, I will list and comment briefly upon

each Proto-Nostratic kinship term reconstructed by Dybo–Kullanda (since it would needlessly add to the length of this paper, I will avoid citing supporting material [this is given in my forthcoming book]; instead, I will mostly just cite reconstructed proto-forms and then list the principal etymological dictionaries for each branch of Nostratic; the reader is invited to consult these works for additional information):

1. ***(a)pa** ‘oldest male relative’: So many unrelated forms are mixed together here that this etymology must be rejected outright. The following forms are to be reconstructed at the Proto-Nostratic level:

A. Proto-Nostratic **baba* ‘father’ (nursery word): Proto-Afrasian **baba* ‘father’ (cf. [Orël, Stolbova 1995: 42, no. 165]: **bab-* ‘father’); Proto-Kartvelian **baba* ‘father’ (cf. [Климов 1964: 47]: **baba*; [Schmidt 1962: 94]); Proto-Indo-European (?) **baba-* (Palaic [nom. sg.] *pa-a-pa-aš* ‘father’) (the phonetics are uncertain here). Note also: Sumerian *ba-ba-a* ‘old man’.

B. Proto-Nostratic **p'ap'a-* ‘older male relative, grandfather’: Proto-Kartvelian **p'ap'-* ‘grandfather’ (cf. [Fähnrich, Sardshweladse 1995: 271]: **pāp-*; [Климов 1964: 152]: **pāpal-*; [Klimov 1998: 147–148]: **pāpa-* ‘grandfather’); (?) Proto-Indo-European (f.) **p'āp'aA* > **p'āp'ā* ‘old woman’ (cf. [Mann 1984–1987: 49]: **bābā* ‘old woman’) (the phonetics are uncertain here as well) – the expected masculine form, **p'āp'os* ‘old man, father’, may be represented in Palaic (nom. sg.) *pa-a-pa-aš* ‘father’, cited above. The cuneiform syllabary makes it difficult to determine the exact phonetics of the Palaic form.

C. Proto-Nostratic **ʔab(b)a* ~ **ʔap^h(p^h)a* (perhaps also **ʔap'(p')a*) ‘daddy, father; forefather’ (nursery words): Proto-Afrasian **ʔab-* ‘father, forefather, ancestor’ ([Orël, Stolbova 1995: 1, no. 2]: **ʔab-* ‘father’); Proto-Dravidian **app-a-* ‘father’ (cf. [Krishnamurti 2003: 10]: **app-a-* ‘father’; [Burrow, Emeneau 1984: 1516, no. 156]); Proto-Indo-European **ʔabh-* ‘father, forefather, man’ (only found in Germanic: Gothic *aba* ‘man, husband’; Old Icelandic *aʃi* ‘grandfather, man’; Old English personal names *Aba*, *Abba*, *Afa*; Old High German personal name *Abo*) and Proto-Indo-European **ʔap^hp^ha* ‘father’ (cf. [Pokorny 1959: 52]: **appa* ‘father’ [nursery

word]; [Walde 1927–1932, I: 47]: **apa*); Uralic: Proto-Finno-Ugrian **appe* ‘father-in-law’ (cf. [Collinder 1955: 72; 1977: 89; Rédei 1986–1988: 14]: **appe*); Proto-Altaic **aba* ~ **ap^ha* ‘father’ (cf. [Poppe 1960: 56; Street 1974: 7]: **aba-ka* ‘paternal uncle’; [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 310] reconstruct Proto-Altaic **áp’a* ‘father’. However, such a reconstruction cannot account for the *-b* found in the Mongolian cognates (cf. [Poppe 1955: 74]) they cite, which point, instead, to Proto-Altaic **aba* ‘father’. Thus, two separate forms must be reconstructed at the Proto-Altaic level: **aba* ~ **ap^ha* ‘father’); Proto-Eskimo **ap(p)a* ‘grandfather’ (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 36]); Etruscan *apa* ‘father, husband’, *apana* ‘related to the father, paternal’. Note also: Sumerian *a-ba*, *ab*, *ab-ba* ‘father’.

The remaining forms cited by Dybo–Kullanda do not appear to have Nostratic cognates. If Proto-Altaic **ép^hV* ‘grandfather’ (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 515]: **ép’V*) is to be compared with any of the above forms, the initial **e-* for expected **a-* must be explained. On the other hand, the etymology of the Proto-Indo-European form traditionally reconstructed as **pāter-* ‘father’ (cf. [Pokorny 1959: 829]: **pātē(r)*; [Walde 1927–1932, II: 4]: **pātér-*; [Mann 1984–1987: 932]: **pātēr-*, **pātr-*; [Watkins 2000: 67]: **pāter-*; [Mallory, Adams 1997: 194–195]: **ph₂tēr*; [Gamkrelidze, Ivanov 1995, I: 671]: **ph₂H^{ter}-*) is disputed. Some take it to be a derivative of **pā-* (< **pe₂-*) ~ **pə-* ‘to protect’, while others reject this view. At the present time, it is best to consider **pāter-* to be strictly a Proto-Indo-European creation and not to seek an etymological explanation within the context of Nostratic.

2. **ata* ‘the very oldest male relative on the male side’: This is a better etymology, though the alleged Uralic cognate cited by Dybo–Kullanda does not belong here, nor do the Proto-Indo-European forms **tēt-*, **tāt-*, while Dravidian **āt-* ‘mother’ (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 33, no. 35]: Tamil *āttai*, *āttāl*, *āttā* ‘mother’; Malayalam *āttōl*, *āttōl* ‘Nambutiri’s wife’) is clearly secondary and should not even be reconstructed for Proto-Dravidian. Moreover, the meaning they assign to the Proto-Nostratic form seems to be going a bit beyond what the evidence implies. Again, let us take a closer look at the evidence from the Nostratic daughter languages that I have gathered:

Proto-Nostratic **ʔatʰʰa* ‘older male relative, father’ (nursery word): Proto-Afrasian **ʔat(ta)-* (Egyptian *ʔt* ‘father’; Coptic *yōt* [ⲉⲓⲱⲧ] ‘father’); Proto-Dravidian **atta* ‘father’ (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 15, no. 142]); Middle and Royal Achaemenid Elamite *atta* ‘father’; Proto-Indo-European **ʔatʰʰa* ‘father, daddy’ (cf. [Pokorny 1959: 71]: **ātos*, **atta* ‘daddy’; [Walde 1927–1932, I: 44]: **atta*; [Mann 1984–1987: 39]: **atā* [**attā*, *-os*, *-īos*] ‘daddy’; [Watkins 1985: 4]: **atto-*, [Watkins 2000: 6]: **atto-* ‘father’ [nursery word]; [Mallory, Adams 1997: 195]: **at-* [or *v*haet-* ~ **h₁at-*] ‘father’); Etruscan *ateri* ‘parents, ancestors’ (derivative, based upon an unattested **at-* ‘father’). Proto-Altaic **ēthē* ‘elder male relative’ (cf. [Poppe 1960: 51, 56, 103; Street 1974: 12]: **etiké(y)* ‘some older male relative’; [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 523–524]: **ēt’è* ‘elder relative’) has an unexplained initial **ē-* for expected **ā-*.

3. **acwV* ‘older male relative’, specifically, ‘uncle’: This etymology cannot stand as written. First, the Proto-Indo-European form cited by Dybo–Kullanda does not belong here. Next, there were no phonemically voiced stops or affricates in Proto-Dravidian, which means that a reconstruction **aʒʒ-* would be out of the question. Finally, two forms are indeed to be reconstructed at the Proto-Uralic level: **ävä* ‘father’ (cf. [Rédei 1986–1988: 22]: **äcä*; [Collinder 1977: 24]) and **iṽä* ‘father’ (cf. [Rédei 1986–1988: 78]: **icä*; [Collinder 1977: 37]). The first form is cognate with Proto-Altaic **äč(V)* ‘older relative, ancestor’ (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 271–272]: **äč(V)*), but the second Proto-Uralic form must be removed – Proto-Uralic **i-* does not correspond to Proto-Altaic **ä-*. This etymology should be rewritten as follows:

Proto-Nostratic **ʔatʰʰa* ‘older relative (male or female)’ (nursery word): Proto-Dravidian **accV-* ‘father, mother; old man, old woman; grandfather, grandmother; father’s father, father’s mother’ (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 6, no. 50]); Proto-Uralic **ävä* ‘father’; Proto-Altaic **äčV* ‘older relative, ancestor’; Proto-Eskimo **accay* ‘paternal aunt’ (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 4]).

4. **ena* ‘older female relative, possibly on the male side’, perhaps ‘grandmother’: The phonetics do not match in the forms cited from the daughter languages (Proto-Altaic **e-* does not correspond to

Proto-Uralic **a-*, which means that the Altaic and Uralic forms cited by Dybo–Kullanda cannot possibly be related). Consequently, this etymology cannot stand as written. The following etymology may be substituted here:

Proto-Nostratic **ʔan(η)a* ‘woman, female, female relative’ (nursery word): Afrasian (Proto-Southern Cushitic **ʔan-* ‘father’s sister’); Proto-Dravidian **aṇṇV* ‘a woman’ (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 14, no. 132]); Proto-Indo-European **ʔan(n)o-s*, **ʔan(n)i-s*, **ʔan(n)a* ‘mother’ (cf. [Pokorny 1959: 3637]: [nursery word] **an-*; [Walde 1927–1932, I: 55–56]: the Indo-European forms are phonologically ambiguous and either belong here or with Proto-Nostratic **ʔanʷa* ‘mother, aunt’ [see below]).

5. **ʔVñV* ? ‘mom, mommy’: So many unrelated forms are mixed together here that this etymology must be rejected. However, all of the forms cited from the daughter languages actually can be traced back to Proto-Nostratic as part of other etymologies:

A. Proto-Nostratic **ʔanʷa* ‘mother, aunt’ (nursery word): Dravidian (Tamil *aṇṇai* ‘mother’, *aṇṇai*, *tannai* ‘mother, elder sister’, *emm-aṇai* ‘our mother’, *tamm-aṇai* ‘mother’ (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 7, no. 58]); Proto-Indo-European **ʔan(n)o-s*, **ʔan(n)i-s*, **ʔan(n)a* ‘mother’ (cf. [Pokorny 1959: 36–37]: [nursery word] **an-*; [Walde 1927–1932, I: 55–56]: the Indo-European forms are phonologically ambiguous and either belong here or with Proto-Nostratic **ʔan(η)a* ‘woman, female, female relative’ [see above]); Proto-Uralic **anʷa* ‘mother, aunt’ (cf. [Rédei 1986–1988: 10–11]: **aña*; [Collinder 1977: 25]); Proto-Eskimo **a(a)na* ‘mother, grandmother’ (expressive gemination of the initial vowel) (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 25]) and Proto-Eskimo **ana(a)na* (probably a reduplication of **a(a)na*) ‘older female relative’ (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 26]).

B. Proto-Nostratic **ʔenʷa* ‘mother, elder sister’ (nursery word): Uralic: Proto-Finno-Permian **enä* ‘mother’ (cf. [Rédei 1986–1988: 624–625]: **enä*); Proto-Altaic **ěṇʷa* ‘mother, elder sister’ (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 510]: **ěña* ‘mother, elder sister’). Note that Uralic (Proto-Finno-Permian here) **e-* corresponds to Proto-

Altaic **e-* in this example. This is what we would expect. Note also: Sumerian *en* ‘lady, mistress’.

C. Proto-Nostratic **ʔay(y)a* ‘mother, female relative’ (nursery word): Proto-Afrasian **ʔay(y)-* ‘mother’ (Proto-East Cushitic **ʔaayy-* ‘mother’); Proto-Dravidian **āy* ‘mother’ (cf. [Krishnamurti 2003: 10]: **āy* ‘mother’; [Burrow, Emeneau 1984: 34, no. 364]); Proto-Indo-European **ʔay-tʰ-* ‘mother’ (found only in Germanic: Gothic *aiþei* ‘mother’; Old Icelandic *eiða* ‘mother’; Middle High German *eide* ‘mother’); Eskimo: Proto-Inuit **ayak* ‘maternal aunt’ (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 59]).

6. ***emV** ‘mother’ = ‘woman’: Once again, multiple unrelated forms are included here. First, Proto-Indo-European **mā-ter-* ‘mother’ must be completely removed from consideration. To account for the remaining forms, two separate stems must be reconstructed for Proto-Nostratic instead of the single stem posited by Dybo–Kullanda:

A. Proto-Nostratic **ʔam(m)a* (~ **ʔəm(m)a*) ‘mother’ (nursery word): Proto-Afrasian **ʔam(m)a* ‘mother’ (cf. [Orël, Stolbova 1995: 10, no. 34]: **ʔam-* ‘woman’); Proto-Dravidian **amma* ‘mother’ (cf. [Krishnamurti 2003: 10]: **amm-a* ‘mother’; [Burrow, Emeneau 1984: 18, no. 183]); Proto-Indo-European **ʔam(m)a* ‘mother’ (cf. [Pokorny 1959: 36]: **am(m)a*, **amī* ‘mommy’; [Walde 1927–1932, I: 53]: **am(m)a*); (?) Proto-Eskimo **ama(C)ur* ‘great grandparent’ (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 22]; also: Western Canadian Inuit [Netsilik, Copper] *amaama* ‘mother’). Note also: Sumerian *ama* ‘mother’.

B. Proto-Nostratic (Eurasian only) **ʔema* ‘older female relative; mother; (older) woman’: Proto-Uralic **emä* ‘mother’ (cf. [Collinder 1955: 10; 1977: 31–32; Rédei 1986–1988: 74]: **emä*); Proto-Altaic **ēme* ‘woman, female’ (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 504]: **ēme* ‘woman, female’); (?) Eskimo: Proto-Yupik **əma* ‘grand-mother’ (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 109]).

7. ***säwǵV** ‘sister’ (?): though the semantics are partially acceptable (but not for the Proto-Kartvelian form), the phonology is not. Therefore, this etymology must be rejected.

8. ***berA** ‘brother’: This etymology appears to be a case of trying to force the data to fit a preconceived notion. Proto-Altaic **bĕré* is best interpreted simply as ‘daughter-in-law’ (‘невестка’), just as given in [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 340]. There is little justification from within Altaic itself for a reinterpretation of the meaning of the proto-form as ‘brother’s wife’ or ‘wife of the elder brother’ (‘жена брата’ / ‘жена старшего брата’), though these meanings are found in certain Mongolian derivatives (such as Written Mongolian *bergen* ‘wife of an elder brother’). According to [Benveniste 1973: 172–173], the Proto-Indo-European term traditionally reconstructed as **bhrāter-* was not applied to a consanguineous brother but, rather, to those who were bound by a mystical relationship and considered themselves descendants of the same father: “... **bhrāter* denoted a fraternity which was not necessarily consanguineous.” In view of Benveniste’s findings, it would be wise to consider Proto-Indo-European **bhrāter-* as a specific Indo-European development and not look for cognates in other Nostratic branches. This etymology must be rejected.

9. ***ʔakV** most likely ‘older brother’: Reconstructing a voiceless velar ejective in the Nostratic proto-form is purely ad hoc – the data from the daughter languages point, rather, to a voiceless aspirated velar stop here, just as in the Proto-Altaic derivative. Again, Proto-Uralic **e-* does not correspond either to Proto-Altaic **ă-* or to Proto-Dravidian **a-*. This etymology must be rewritten as follows:

A. Proto-Nostratic **ʔak^hka* ‘older female relative’ (nursery word): Proto-Afrasian **ʔakk-* ‘grandmother’ (Proto-East Cushitic **#aakk-* ‘mother’s mother, grandmother’); Proto-Dravidian **akka-* ‘elder sister’ (cf. [Krishnamurti 2003: 10]: **akka-* ‘elder sister’; [Burrow, Emeneau 1984: 4, no. 23]); Proto-Indo-European (f.) (**ʔak^hk^heA* [**ʔak^hk^haA*] >) **ʔak^hk^hā* ‘female relative, mother’ (cf. [Pokorny 1959: 23]: **akkā* ‘mother’; [Walde 1927–1932, I: 34]: **akkā*); Uralic: Finnish *akka* ‘old woman’; Proto-Eskimo **a(a)kar* ‘older female relative’ (with expressive gemination of initial vowel) (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 10]). If Proto-Altaic **ĕk^ha* ‘elder sister’ (cf. [Poppe 1960: 55, 103, 128; Street 1974: 12]: **eke* ‘some older female relative’; [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 499–

500]: **ēk'ā* (~ -o) 'elder sister') is related to these forms, one must account for the **ē*- instead of the expected **ā*-.

B. Proto-Nostratic **ʔak^hk^ha* 'older male relative' (nursery word): Proto-Afrasian **ʔak*- 'older male relative' (Proto-Highland East Cushitic **akako* 'grandfather, grandmother'; Southern Cushitic: Proto-Rift **ako* 'old man'); Dravidian (Parji *akka* 'mother's father'; Gondi *akkō* 'mother's father [said by granddaughter]', *akko* 'great grandfather', *akko* 'daughter's son or daughter, grandson's wife', *ukko* (that is, *akko*) 'maternal grandfather'; Pengo *ako* 'maternal grandfather'; Kui *ake* 'grandfather, ancestor', *akenja* 'grandfather'; Kuwi *akku* 'grandfather' (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 4, no. 24]); Proto-Altaic **āk^ha* 'older male relative' (cf. [Poppe 1960: 55, 94, 124, 146; Street 1974: 7]: **aka* 'some older male relative'; [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 281–282]: **āk'a* 'elder brother').

These forms can be combined by positing Proto-Nostratic **ʔak^hk^ha* 'older relative (male or female)' (nursery word).

10. ***eŋV** (?) 'brother (?)', sister (?)': This is not a valid etymology. Proto-Altaic **i*- does not correspond to Proto-Dravidian **a*-. A better proposal would be:

Proto-Nostratic **ʔina* (and/or **ʔiŋa*) 'younger relative (male or female)' (nursery word): Proto-Afrasian **ʔin(a)* or **ʔiŋ(a)* 'younger relative (male or female)' (Proto-East Cushitic **ʔinam*-/ **ʔinm*- (m.) 'son, boy', (f.) 'daughter, girl'); Proto-Altaic **īna* 'younger relative (male or female)' (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 587–588]: **īna* 'younger sibling'); (?) Eskimo (Proto-Inuit **inrutaq* 'grand-child') (cf. [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: 134]).

11. ***aCV** 'younger brother/sister': This is also not a valid etymology. Proto-Altaic **ā*- does not correspond to Proto-Uralic **e*-.

12. ***jugV** 'son; boy, lad': This is a difficult etymology to judge. The reconstruction of the Altaic form as **iuga* is itself somewhat controversial. As noted by [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 91]: "The phonetic nature of PA diphthongs is still debatable. We prefer to treat them as diphthongs because they are preserved as such in a number of cases in PT, PTM and Korean, but an interpretation of diphthongs as front vowels could also be possible: **i̯a* = **ä*; **i̯o* = **ö*; **i̯u* = **ü*. Further research is needed to choose one of these two alternative so-

lutions.” Likewise, the phonology of the Proto-Uralic form is uncertain; Rédei [1986–1988: 109] reconstructs **(j)š̌k3* ~ **(j)š̌γ3* ‘son, youth’ (*š̌* is a cover symbol for an unspecified front vowel). Also, the data are rather spotty in Uralic. On the other hand, the semantics are flawless. At the present time, we can only say that this is a possible etymology and withhold further judgment.

13. **mVkv* ‘male; boy, lad’: Proto-Altaic **ũ-* does not correspond to Proto-Dravidian **a-*. Furthermore, a Proto-Dravidian reconstruction **may-l-* is simply out of the question – Krishnamurti [2003: 10, 163, 218] reconstructs Proto-Dravidian **mak-antū* ‘son, male’, **mak-al* ‘daughter’. Consequently, this etymology cannot stand as written – it should be replaced by the following:

Proto-Nostratic **mag-* ‘(adj.) young; (n.) young person, child’: Proto-Dravidian **mak-antū* ‘son, male’, **mak-al* ‘daughter’ (cf. [Krishnamurti 2003: 10, 163, 218; Burrow, Emeneau 1984: 407–408, no. 4616]); Proto-Indo-European **magh-* ‘young’, **maghu-* ‘young person, child’ (cf. [Pokorny 1959: 696]: **maghos*, *-ā* ‘young’, **maghu-* ‘boy, child’; [Walde 1927–1932, II: 228]: **maghu-*; [Mallory, Adams 1997: 656]: **maghus* ‘young man’).

14. **AwV* ‘(mainly) an older relative’: The Kartvelian form should be removed, as should the Altaic. The rest of the etymology can remain but should be rewritten as follows:

Proto-Nostratic **haw-* ‘a relative on the mother’s side’: Proto-Dravidian **aww-a* ‘mother, grandmother’ (cf. [Krishnamurti 2003: 10]: **aww-a* ‘mother, grandmother’; [Burrow, Emeneau 1984: 25–26, no. 273]); Proto-Indo-European **h₂ewh₂ho-s* [**h₂hawh₂ho-s*] ‘maternal grandfather; maternal uncle’ (cf. [Mallory, Adams 1997: 237–238]: *h₂ewh₂os* ‘grandfather; mother’s father’; [Pokorny 1959: 89]: **auo-s* ‘maternal grandfather’; [Walde 1927–1932, I: 2021]: **auo-s*; [Mann 1984–1987: 48]: **auos*, *-ā*, *-ios*, *-iə* ‘kinsman’; [Watkins 2000: 6]: **awo-* ‘an adult male relative other than one’s father’; [Gamkrelidze, Ivanov 1995, I: 668]: **HauHo-* ‘grandfather, father’s father’).

15. **gUšV-* ‘relative by marriage; male relative on the mother’s side’: Proto-Altaic **gu-* does not correspond to Proto-Kartvelian **kw-*. Consequently, the Kartvelian form must be removed. This leaves just Altaic and Uralic. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 575] 30

posit Proto-Altaic **gusa* (~ -o-, -č-) ‘elder male relative’, while Rédei [1986–1988: 189] posits Proto-Uralic **koska* ‘an older relative; grandmother, aunt, older sister’. These may ultimately be related, though only at the Eurasiatic level. Thus, we may tentatively posit Proto-Eurasiatic **gus-* ~ **gos-* ‘elder relative (male or female)’. The Uralic derivative would then contain a suffix **-ka*.

16. ***tajV** ‘relative by marriage on the husband’s side’: The Uralic form does not belong here. I would rewrite this etymology as follows:

Proto-Eurasiatic **t’ay-* ‘(elder) male in-law, (elder) male relative’: Proto-Indo-European **t’ay-wer-/t’ay-wr̥-* ‘brother-in-law on husband’s side’ (cf. [Pokorny 1959: 179]: **dāiūr-* ‘husband’s brother, brother-in-law’; [Walde 1927–1932, I: 767]: **daiūr-*; [Gamkrelidze, Ivanov 1995, I: 662]: **t’aiwēr-* ‘husband’s brother’; [Watkins 2000: 14]: **daiwer-* ‘husband’s brother’; [Mallory, Adams 1997: 84]: **daihaūr-* ‘husband’s brother’); Proto-Altaic **tāyV* ‘elder male in-law, elder male relative’ (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 1350]: **tājV* ‘elder in-law, elder relative’).

17. ***šeCV** ‘relative by marriage / cousin on the husband’s side’: The phonology is not plausible. Therefore, this etymology must be rejected.

18. ***nanTV** ‘sister-in-law’: Though this etymology is on the right track, the suggested Evenki cognate and first Dravidian form (**nānd-*) must be removed, and it must then be rewritten as follows:

Proto-Nostratic **nat’-* ‘woman, female relative’: Afrasian (Proto-Southern Cushitic **nat’a* ‘woman’); Dravidian (Tamil *nāttanār*, *nātti*, *nāttūṇ* ‘husband’s sister’; Malayalam *nāttūn* ‘husband’s sister, brother’s wife’; Kota *na-tu-ny* ‘sister-in-law, female cross-cousin’; Kannada *nādani*, *nādini*, *nāduni* ‘husband’s sister, brother’s wife’; Konda *nānra* ‘wife’s younger sister’; Kuṛux *nāsgo* ‘elder brother’s wife’ [cf. [Burrow, Emeneau 1984: 322, no. 3644]]; Proto-Uralic **natz* ‘sister-in-law, younger brother of the husband or the wife’ (cf. [Collinder 1977: 56; Rédei 1986–1988: 299–300]: *natz*).

19. ***ñeqV** ‘brother’s wife’: The Kartvelian and Indo-European forms do not match the Altaic and Uralic forms phonologically and must, therefore, be removed. The Altaic and Uralic forms may ultimately be related, though, even here, the phonology is a bit too lax.

20. ***mVjNV** ‘relation, relative, kin’: The phonology is not plausible. Hence, this etymology must be rejected.

21. ***kālU** ‘sister-in-law’: As noted above, two distinct proto-forms must be reconstructed here:

A. Proto-Nostratic ***k^hal-** ‘female in-law’: Proto-Afrasian ***kal-** ‘female in-law’ (cf. [Orël, Stolbova 1995: 310, no. 1419]: ***kal-** ‘female in-law’); Dravidian (Kuşux *xallī* ‘father’s younger brother’s wife’; Malto *qali* ‘mother’s sister’, *qalapo* ‘sister’s son’, *qalapi* ‘sister’s daughter’ [cf. [Burrow, Emeneau 1984: 123, no. 1318]]; Kartvelian (Old Georgian *kal-i* ‘maiden’ [Modern Georgian *kal-i* ‘woman, daughter’]); Proto-Uralic ***kälz** (***kälz-w3**) ‘sister-in-law’ (cf. [Collier 1977: 43; Rédei 1986–1988: 135–136]: ***kälz** [***kälz-w3**]).

B. Proto-Nostratic (only in Eurasiatic) ***k^hel-** ‘female in-law; husband’s sister’: Proto-Indo-European ***k^h(a)lowV-**, ***k^h(a)lōC-** ‘husband’s sister’ (cf. [Pokorny 1959: 367–368]: ***ĝ^h(e)lōy-** ‘husband’s sister’; [Walde 1927–1932, I: 631]: ***ĝ^h(e)lōy-**; [Mann 1984–1987: 396]: ***ĝ^halōy-**, ***ĝ^hälāy-** ‘sister-in-law on husband’s side’; [Gamkrelidze, Ivanov 1995, I: 662]: ***ĝ^hal(ou)-** ‘husband’s sister’; [Mallory, Adams 1997: 521–522]: ***ĝ^hh₃-uos-** ‘husband’s sister’; [Benveniste 1973: 203]); Proto-Altaic ***kele** (~ **-i**, **-o**) ‘daughter-in-law, bride’ (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 659]: ***kele** [**-i**, **-o**] ‘daughter-in-law, bride’).

22. ***kUdV** ‘relative by marriage’: As noted above under ***kuda** ‘a man of the other moiety’ (> ‘male relative-in-law’), this is a possible etymology.

23. ***?VwkV** ‘wife (?)’: This is a possible etymology, though only at the Eurasiatic level. There is no justification for positing a glottalized velar stop in the proto-form.

24. ***nVHV** ‘nephew’: The phonology is not plausible. Thus, this etymology must be rejected. Also, the Proto-Indo-European form is wrongly segmented – it is better understood if it is segmented thus: ***nep-ōt-** (cf. [Mallory, Adams 1997: 239–240]: ‘Efforts to etymologize ***ne-pot-** as ‘powerless’ [**< *ne-** ‘not’ + ***potis** ‘independent, dominating’, i.e., young unmarried male of extended family] are pointless as the correct segmentation revealed by the feminine forms is ***nep-ot-** in which **-ot-** is the same nominal suffix found in Germanic ***mēnōþ-** ‘month’ [from ‘moon’] or Hit[tite] *sīw-att-* ‘day’

[from 'daytime, sky']"). The Proto-Indo-European form may have a possible Nostratic etymology, as follows:

Proto-Nostratic **nʷaph-* (~ **nʷəph-*) 'offspring, descendant, young one': Proto-Indo-European **nepʰ-(ō)tʰ-* 'descendant, offspring, grandson' (cf. [Pokorny 1959: 764]: **nepōt-* 'grandson, nephew', [f.] **neptī-* 'granddaughter, niece'; **neptios* 'descendant'; [Walde 1927–1932, II: 329–330]: **nepōt-*, [f.] **neptī-*; [Mann 1984–1987: 835–836]: **nepis*, *nepō(n)* 'nephew, grandson', 836 **nepōts* [**nepāt*] 'nephew, grandson', 836 **nepteris* [**neptris*] 'niece, granddaughter', 838 **neptis* 'niece, granddaughter'; [Watkins 2000: 58]: **nepōt-* 'grandson, nephew' [f. **neptī-*]); Proto-Uralic **nʷepl̥s* 'reindeer calf' (cf. [Rédei 1986–1988: 316]: **ñepl̥s*); (?) Proto-Altaic **nʷabl̥yʉ(-ʒV)* (< **nʷaph-l̥yʉ-* ?) 'young (of plants, animals), child' (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 1002]: **ñabl̥yʉ(-ʒu)* 'young, child'). Latin loan-word in Etruscan *neft̥s*, *nefs̥*, *nefi̥s* 'nephew, grandson'.

The semantics here are not as tight here as I would like, nor is the phonology. If this is indeed a valid etymology, it appears that each branch has changed the meaning in slightly different directions. This is clearly what has occurred in Uralic, where the meaning has been narrowed to indicate the young of a single animal (**nʷepl̥s* 'reindeer calf'). We must also assume that the vowel of the first syllable has been altered in Proto-Uralic and that the vowel found in the first syllable of the Proto-Altaic form represents the original state of affairs. To complicate matters further, the Proto-Altaic form contains a **-b-* instead of the expected **-pʰ-* (Starostin, Dybo and Mudrak would write **-pʰ-*).

25. **wolje* 'an indirect relative': The phonology is not plausible. Thus, this etymology must be rejected.

26. **tUŋE* 'relative, friend': This is a possible etymology. I would reconstruct Proto-Nostratic **tʷuŋ-* '(n.) associated or related person; associate, companion, friend; kinsman, relative; (adj.) associated, related'. The Proto-Dravidian cognate should be reconstructed as **tʷuŋ-ay* (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 289, no. 3308], for details) instead of **tUŋ-ai*.

27. **swEjn-* 'younger relative': The phonology is not plausible. Thus, this etymology must be rejected.

28. **kemV* 'husband/wife': The phonology is not plausible. Thus, this etymology must be rejected.

29. ***podV** ‘master, father-in-law’: The Proto-Dravidian form is to be reconstructed as **pot-* (cf. [Burrow, Emeneau 1984: 398–399, no. 4508], for details) and most probably meant ‘a relative by marriage, father-in-law’. Proto-Indo-European **p^hot^h-i-s* meant ‘lord, master, husband’ (cf. [Pokorny 1959: 842]: **poti-s* ‘lord, master, husband’; [Walde 1927–1932, II: 77–78]: **poti-s*; [Gamkrelidze, Ivanov 1995, I: 661]: **p^hot^h-* ‘master, sovereign, husband’; [Mallory, Adams 1997: 371]: **pótis* ‘husband’; [Watkins 2000: 69]: **poti-* ‘powerful; lord’). This is a possible etymology. However, there is no evidence for positing either an initial bilabial glottalized stop or a voiced dental stop at the end of the root – the Nostratic proto-form should be rewritten as **p^hot^h-* and may originally have meant something like ‘head of the family or household’, which was later specialized as ‘husband’ in Indo-European and as ‘father-in-law’ in Dravidian.

30. ***?edV** ‘master’: As noted above under ***?ediNV** ‘pater familias’ (or ‘owner’), this is a possible etymology.

31. ***kačV** (~ **-č-**) ‘youth, young one’: The initial velar ejective in the Proto-Kartvelian form (cf. [Климов 1964: 106; Klimov 1998: 86–87]: **kač₁-* ‘man, male, husband’; [Fähnrich, Sardshweladse 1995: 186]: **kač₁-*) indicates that a velar ejective is also to be reconstructed for Proto-Nostratic. Rédei [1986–1988: 110] posits Proto-Uralic **kača* ‘young, unmarried man’. Though this is a possible etymology, Proto-Kartvelian **-č₁-* does not normally correspond to Proto-Uralic **-č-* (see the table of correspondences in the Appendix at the end of this paper for details).

32. ***mVSV** ‘male’: The phonology is not plausible. Thus, this etymology must be rejected.

33. ***HVpV** ‘family, friend (?)’: Neither the phonology nor the semantics match. Therefore, this etymology must be rejected.

34. ***?arV** ‘member of the clan’: The Dravidian form included by Dybo–Kullanda should be removed. Two separate stems are confused here. The first was noted above under ***?arV** ‘member of the clan’, while the second was Proto-Nostratic ***?ar-** (~ ***?ər-**) ‘male, man, husband’. Let us look at each of these in a little more depth:

A. Proto-Nostratic **ʔar-* (~ **ʔər-*) ‘male, man, husband’: Proto-Afrasian **ʔar-* ‘husband’ (cf. [Orël, Stolbova 1995: 14, no. 49]: **ʔar-* ‘husband’); Proto-Indo-European **ʔer-s-/ʔr-s-* ‘male, man’ (cf. [Pokorny 1959: 336]: **ers-*, **rs-*; **rsen* ‘manly, virile’; [Walde 1927–1932, I: 149–150; Mann 1984–1987: 36]; **arsjēn* [**arsjan*, **rsjēn*, **rsjān*] ‘male, manly’; [Benveniste 1973: 1922; Mallory, Adams 1997: 363]: **rsēn* ‘male [as opposed to female]’; (?) Uralic: Proto-Ugric **ar3* (**arwa*) ‘relative on the mother’s side; mother’s younger brother’ (cf. [Rédei 1986–1988: 832–833]: **ar3* [**arwa*]); Proto-Altaic **āri* (~ **ēra*) ‘male, man, husband’ (cf. [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 312]: **āri* [~ **ēra*] ‘man’).

B. Proto-Nostratic **ʔar-* (~ **ʔər-*) ‘(n.) associated or related person or thing; associate, companion, friend; kinsman; (adj.) associated, related’: Proto-Afrasian **ʔar-* ‘(n.) associated or related person or thing; associate, companion, friend; kinsman; (adj.) associated, related’ (Ugaritic *āry* ‘kinsman’; Egyptian *iry*, *iri* ‘one who belongs to someone or something, one who is in charge, keeper; friend, associate, companion’; Coptic [Bohairic] *ēr* [HP] ‘friend’; Proto-Southern Cushitic **ʔar-* ‘kind, associated or related thing’); Proto-Indo-European **ʔer-/ʔor-/ʔr-* ‘associated, related’ (cf. [Puhvel 1984, 1/2: 116–121]: **áro-*; [Mallory, Adams 1997: 213]: **h₄erós* ~ **h₄erjos* ‘member of one’s own [ethnic] group, peer, freeman’).

11.0. Concluding Remarks

At the present stage of research, it is premature to attempt a kinship classification for Nostratic based upon the etymologies that have been proposed thus far. Not only are the data incomplete, many of the reconstructed forms are not exclusively Nostratic – similar forms are widespread among the languages of the world, and many of these are of the nature of nursery terms. While such terms should be reconstructed for the parent language when there is sufficient evidence from the daughter languages to warrant their reconstruction, the universal nature of these terms means that they cannot be used to establish genetic relationship. Moreover, the semantics are sometimes uncertain even at the level of the individual Nostratic daughter languages, and there are occasionally conflicts

among the branches that make it difficult to ascertain the original meaning at the Proto-Nostratic level. Clearly, more work is required.

Appendix: Nostratic Sound Correspondences

Proto-Nostratic	Proto-IE	Proto-Kartvelian	Proto-Afrasian	Proto-Uralic	Proto-Dravidian	Proto-Altaic	Proto-Eskimo
1	2	3	4	5	6	7	8
b-	b ^h -	b-	b-	p-	p-	b-	p-
-b-	-b ^h -	-b-	-b-	-w-	-pp-/ -vv-	-b-	-v-
p ^h -	p ^h -	p-	p-, f-	p-	p-	p ^h -	p-
-p ^h -	-p ^h -	-p-	-p-, -f-	-p-	-pp-/ -v-	-p ^h -	-p(p)-
p'-	(p'-)	p'-	p'-			p-	
-p'-	(-p'-)	-p'-	-p'-			-p-	

d-	d ^h -	d-	d-	t-	t-	d-	t-
-d-	-d ^h -	-d-	-d-	-t-	-t(t)-	-d-	-ð-
t ^h -	t ^h -	t-	t-	t-	t-	t ^h -	t-
-t ^h -	-t ^h -	-t-	-t-	-t(t)-	-tt-	-t ^h -	-t(t)-
t'-	t'-	t'-	t'-	t-	t-	t-	t-
-t'-	-t'-	-t'-	-t'-	-t-	-t(t)-	-t-	-t-

dy-	d ^h -	žg-	dy-	ty-	c-	ž-	c-
-dy-	-d ^h -	-žg-	-dy-	-ty-	-c(c)-/ -y-	-ž-/ -d-	-c-
t ^y h-	t ^h -	čk-	t ^y -	t ^y -	c-	č ^h -	c-
-t ^y h-	-t ^h -	-čk-	-t ^y -	-t ^y -	-c(c)-/ -y-	-č ^h -	-c(c)-
t'y-	t'-	č'k'-	t'y-	t ^y -	c-	č-	c-
-t'y-	-t'-	-č'k'-	-t'y-	-t ^y t ^y -	-c(c)-/ -y-	-č-	-c-
s ^y -	s-	šk-	s ^y -	s ^y -	c-	s-	
-s ^y -	-s-	-šk-	-s ^y -	-s ^y -	-c(c)-/ -y-	-s-	

ž-	d ^h -	ž-	ž-	č-	c-	ž-	c-
-ž-	-d ^h -	-ž-	-ž-	-č-	-c(c)-	-ž-/ -d-	-c-
c ^h -	t ^h -	c-	c-	č-	c-	č ^h -	c-
-c ^h -	-t ^h -	-c-	-c-	-č-	-c(c)-	-č ^h -	-c(c)-
c'-	t'-	c'-	c'-	č-	c-	č-	c-
-c'-	-t'-	-c'-	-c'-	-č-	-c(c)-	-č-	-c-
s-	s-	s-	s-	s-	c-	s-	

1	2	3	4	5	6	7	8
-s-	-s-	-s-	-s-	-s-	-c(c)-	-s-	
z-	s-	z-	z-	s-		z-	
-z-	-s-	-z-	-z-	-s-			

ž-	d ^h -	ž-	ž-	č-	c-	ž-	c-
-ž-	-d ^h -	-ž-	-ž-	-č-	-c(c)-	-ž-/d-	-c-
č ^h -	t ^h -	č-	c-	č-	c-	č ^h -	c-
-č ^h -	-t ^h -	-č-	-c-	-č-	-c(c)-	-č ^h -	-c(c)-
č'-	t'-	č'-	c'-	č-	c-	č-	c-
-č'-	-t'-	-č'-	-c'-	-č-	-c(c)-	-č-	-c-
š-	s-	š-	s-	s-	c-	s-	
-š-	-s-	-š-	-s-	-s-	-c(c)-	-s-	

g-	g ^h -	g-	g-	k-	k-	g-	k- q-
-g-	-g ^h -	-g-	-g-	-x-	-k-	-g-	-γ-
k ^h -	k ^h -	k-	k-	k-	k-	k ^h -	k- q-
-k ^h -	-k ^h -	-k-	-k-	-k(k)-	-k(k)-	-k ^h -	-k(k)- -q(q)-
k'-	k'-	k'-	k'-	k-	k-	k-	k- q-
-k'-	-k'-	-k'-	-k'-	-k-	-k(k)-	-k-	-k- -q-

g ^w -	g ^{wh} -	g ^w /u-	g ^w -	k-	k-	g-	k- q-
-g ^w -	-g ^{wh} -	-g ^w /u-	-g ^w -	-x-	-k-	-g-	-γ-
k ^{wh} -	k ^{wh} -	k ^w /u-	k ^w -	k-	k-	k ^h -	k- q-
-k ^{wh} -	-k ^{wh} -	-k ^w /u-	-k ^w -	-k(k)-	-k(k)-	-k ^h -	-k(k)- -q(q)-
k' ^w -	k' ^w -	k' ^w /u-	k' ^w -	k-	k-	k-	k- q-
-k' ^w -	-k' ^w -	-k' ^w /u-	-k' ^w -	-k-	-k(k)-	-k-	-k- -q-

g-	g ^h -	g-	g- (?)	k-	k-	g-	k- q-
-g-	-g ^h -	-g-	-g- (?)	-x-	-k-	-g-	-γ-
q ^h -	k ^h -	q-	q- (?)	k-	k-	k ^h -	k- q-
-q ^h -	-k ^h -	-q-	-q- (?)	-k(k)-	-k(k)-	-k ^h -	-k(k)- -q(q)-
q'-	k'-	q'-	q'- (?)	k-	k-	k-	k- q-
-q'-	-k'-	-q'-	-q'- (?)	-k-	-k(k)-	-k-	-k- -q-
q' ^w -	k' ^w -	q' ^w /u-	q' ^w - (?)	k-	k-	k-	k- q-
-q' ^w -	-k' ^w -	-q' ^w /u-	-q' ^w - (?)	-k-	-k(k)-	-k-	-k- -q-

1	2	3	4	5	6	7	8
t ^h	k ^h	x-	t ^h	s ^y	c-	š-	t-
-t ^h	-k ^h	-x-	-t ^h	-δ-	-k-		-t-
t [']	k [']		t [']	δ ^y	t-		
-t [']	-k [']		-t [']	-δ ^y	-t(t)-		

ɣ-	ɣ̥-	Ø-	ɣ-	Ø-	Ø-	Ø-	Ø-
-ɣ-	-ɣ̥-	-Ø-	-ɣ-	-Ø-	-Ø-	-Ø-	-Ø-
h-	h̥-	x-	h-	Ø-	Ø-	Ø-	Ø-
-h-	-h̥-	-x-	-h-	-Ø-	-Ø-	-Ø-	-Ø-
ʔ-	ʔ-	Ø-	ʔ-	Ø-	Ø-	Ø-	Ø-
-ʔ-	-ʔ-	-Ø-	-ʔ-	-Ø-	-Ø-	-Ø-	-Ø-
h-	h-	Ø-	h-	Ø-	Ø-	Ø-	Ø-
-h-	-h-	-Ø-	-h-	-Ø-	-Ø-	-Ø-	-Ø-

y-	y-	y-/Ø-	y-	y-	y-/Ø-		y-
-y-	-y-		-y-	-y-	-y-	-y-	-y-
w-	w-	w-	w-	w-	v-/Ø-		v-
-w-	-w-	-w-	-w-	-w-	-v-		-v-

m-	m-	m-	m-	m-	m-	m-	m-
-m-	-m-	-m-	-m-	-m-	-m-	-m-	-m-
n-	n-	n-	n-	n-	n-	n-	n-
-n-	-n-	-n-	-n-	-n-	-n-/ɳ-	-n-	-n-
n ^y	n-		n-	n ^y	ɳ-	n ^y	
-n ^y	-n-		-n-	-n ^y	-ɳ-	-n ^y	
ŋ-	n-		-n-	-ŋ-	-ɳ-	-ŋ-	-ŋ-

l-	l-	l-	l-	l-	l-	l-	
-l-	-l-	-l-	-l-	-l-	-l-	-l-	-l-
ly-	-l-	-l-	-l-	ly-	l-	ly-	
r-	-r-	-r-	-r-	r-			
-r-	-r-	-r-	-r-	-r-	-r-/ɽ-	-r-	-R-
r ^y	-r-	-r-	-r-	-r ^y	-ɽ-	-r ^y	

1	2	3	4	5	6	7	8
i	i e	i	i	i	i	i	i
э	ea э	ei	iu	e	e	e	э
u	uo	u	u	u	u	u	u
e	e	e	e	e	e	e	i
a	ao э	a	a	a ä	a	a	a
o	o	o	o	o	o	o	u
iy	īy ey ī ē ī	iy i	iy	iy i	iy ī		iy
эy	ey ay īy ī	ey i	iy uy	ey	ey ē		эy
uy	īy ī ī	uy i	uy	uy	uy ū		uy
ey	ey īy ē ī	ey i	ey	ey e	ey ē		iy
ay	ay oy īy ī	ay i	ay	ay äy	ay ā		ay
oy	oy īy ī	oy i	oy	oy	oy ō		uy
iw	ū ūw ū	iw u	iw	iw	iv ī		iv
эw	ew aw ūw ū	ew u	iw uw	ew	ev ē		эv
uw	ū ō ūw ow ū	uw u	uw	uw u	uv ū		uv
ew	ew ūw ū	ew u	ew	ew	ev ē		iv
aw	ow ūw ū	aw u	aw	aw äw	av ā		av
ow	ō ow ūw ū	ow u	ow	ow o	ov ō		uv

Note: The Proto-Altaic vowels are according to Starostin–Dybo–Mudrak’s reconstruction. The developments of the sequences *iy, *эy, *uy, *ey, *ay, *oy, *iw, *эw, *uw, *ew, *aw, *ow in Proto-Altaic are unclear.

Дыбо, Куланда 2005 – Дыбо А.В., Куланда С.В. Ностратическая терминология родства и свойства // АР-9.

Дьяконов 1988 – Дьяконов И.М. Афразийские языки. М.

Иллич-Свитыч 1965 – Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительно-му словарю ностратических языков // Этимология. М.

Иллич-Свитыч 1971 – Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1–3. М.

Климов 1964 – Климов Г.В. Этимологический словарь картвельских языков. М.

Benveniste 1973 – Benveniste E. Indo-European Language and Society. Coral Gables, FL: University of Miami Press.

Bomhard 1984 – Bomhard A.R. Toward Proto-Nostratic: A New Approach to the Comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic (Current Issues in Linguistic Theory, vol. 27.) Amsterdam: J. Benjamins.

Bomhard 1996 – *Bomhard A.R.* Indo-European and the Nostratic Hypothesis. Charleston, SC: SIGNUM Desktop Publishing.

Bomhard 1999 – *Bomhard A.R.* [Review]: Dolgopolsky A. The Nostratic Macrofamily and Linguistic Palaeontology // C. Renfrew and D. Nettle (eds.). Nostratic: Examining a Linguistic Macrofamily. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research.

Bomhard (forthcoming) – *Bomhard A.R.* Reconstructing Proto-Nostratic: Comparative Phonology, Morphology, and Vocabulary.

Bomhard, Kerns 1994 – *Bomhard A.R., Kerns J.C.* The Nostratic Macrofamily: A Study in Distant Linguistic Relationship. Berlin, New York, NY, and Amsterdam: Mouton de Gruyter.

Burrow, Emeneau 1984 – *Burrow Th., Emeneau M.B.* Dravidian Etymological Dictionary. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press.

Collinder 1955 – *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala: Almqvist and Wiksells.

Collinder 1977 – *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala: Almqvist and Wiksells. [2nd revised edition.]

Dolgopolsky 1998 – *Dolgopolsky A.* The Nostratic Hypothesis and Linguistic Paleontology. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research.

Ehret 1995 – *Ehret Ch.* Reconstructing Proto-Afroasiatic (Proto-Afrasian): Vowels, Tone, Consonants, and Vocabulary. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.

Fähnrich, Sardshweladse 1995 – *Fähnrich H., Sardshweladse S.* Etymologisches Wörterbuch der Kartwel-Sprachen. Leiden: E.J. Brill.

Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994 – *Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L.* Comparative Eskimo Dictionary. Fairbanks, AK: Alaska Native Language Center.

Gamkrelidze, Ivanov 1995 – *Gamkrelidze Th.V., Ivanov Vjačeslav V.* Indo-European and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Typological Analysis of a Protolanguage and a Proto-Culture. 2 vols. Berlin, New York, NY, and Amsterdam: Mouton de Gruyter.

Greenberg 1990 – *Greenberg J.H.* The Prehistory of the Indo-European Vowel System in Comparative and Typological Perspective // V. Shevoroshkin (ed.). Proto-Languages and Proto-Cultures. Bochum: Brockmeyer.

Greenberg 2000–2002 – *Greenberg J.H.* Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family. 2 vols. Stanford, CA: Stanford University Press.

Kerns 1985 – *Kerns J.C.* Indo-European Prehistory. Cambridge: Heffer and Sons.

Klimov 1998 – *Klimov G.* Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages. Berlin, New York, NY and Amsterdam: Mouton de Gruyter.

Krishnamurti 2003 – *Krishnamurti B.* The Dravidian Languages. Cambridge: Cambridge University Press.

Mallory, Adams 1997 – *Mallory J.P., Adams D.Q.* (eds.) Encyclopedia of Indo-European Culture. London and Chicago, IL: Fitzroy Dearborn Publishers.

Mann 1984–1987 – *Mann S.E.* An Indo-European Comparative Dictionary. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Orël, Stolbova 1995 – *Orël V.E., Stolbova O.V.* Hamito-Semitic Etymological Dictionary: Materials for a Reconstruction. Leiden: E.J. Brill.

Pokorny 1959–1969 – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 vols. Bern: Francke Verlag.

Poppe 1955 – *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Reprinted 1987. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Poppe 1960 – *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altäischen Sprachen. Teil I: Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Puhvel 1984 – *Puhvel J.* Hittite Etymological Dictionary. Berlin, New York, NY and Amsterdam: Mouton de Gruyter.

Rédei 1986–1988 – *Rédei K.* (ed.). Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Ruhlen 1994 – *Ruhlen M.* The Origin of Language: Tracing the Evolution of the Mother Tongue. New York, NY: John Wiley & Sons.

Schmidt 1962 – *Schmidt K.H.* Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden: Kommissionsverlag Franz Steiner GMBH.

Sinor 1988 – *Sinor D.* The Problem of the Ural-Altaic Relationship // D. Sinor (ed.). The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences. Leiden: E.J. Brill.

Starostin, Dybo, Mudrak 2003 – *Starostin S.A., Dybo A., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. 3 vols. Leiden: E.J. Brill.

Street 1974 – *Street J.* On the Lexicon of Proto-Altaic: A Partial Index of Reconstructions. Madison, WI: The Author.

Walde 1927–1932 – *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen / Revised and edited by J. Pokorny. 3 vols. [Reprinted 1973]. Berlin: Walter de Gruyter.

Watkins 1985 – *Watkins C.* (ed.). The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston, MA: Houghton Mifflin Company.

Watkins 2000 – *Watkins C.* (ed.). The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston, MA: Houghton Mifflin Company. [Second edition].

Zaborski 1990 – *Zaborski A.* Preliminary Remarks on Case Morphemes in Omotic // R.J. Hayward (ed.). Omotic Language Studies. London: University of London, School of Oriental and African Studies.

G. V. Dziebel

RECONSTRUCTING “OUR” KINSHIP TERMINOLOGY

(Comments on the Indo-European material
in A. V. Dybo and S. V. Kullanda's
The Nostratic Terminology of Kinship and Affinity)

In their thoroughly flawed article, Dybo and Kullanda (DK in the following) [Дыбо, Кулланда 2005] chose not to follow the methodology of the reconstruction of proto-kin terminologies that I expounded on at great length on the pages of *Algebra rodstva* (see [Дзиебель 2000a, b; 2001]). Three principles comprise the cornerstone of a robust historical analysis of kin terms: 1) kin terms should be reconstructed as systems and not as individual items; 2) a *regular* pattern of formal and semantic *change* has to be elucidated; and 3) the etymology of a kin term involves evolution from a different kin term rather than from a word with a non-kinship, non-sociological meaning. Insofar as DK ignored these postulates, their claims, I believe, contain little linguistic or anthropological value. DK's strategy of silencing the work of others does not apply only to me. DK's fellow Nostraticists such as Allan R. Bomhard, Vyacheslav Vs. Ivanov and Sergei A. Starostin received no mention in the article, although they have suggested some interesting Nostratic kin term etymologies (see [Bomhard 1999: 65–69; Bomhard, Kerns 1994]; various publications by Ivanov specifically engaging Hit *nega* ‘sister,’ e.g. [Иванов 1990; Starostin 1999a: 153–154]).¹ Alternative proposals of long-range affiliations of Indo-European (IE) languages and the kin term comparisons they involve (e.g., [Čašule 2003]) are likewise left out of the discussion. In addition, not too long ago, Kullanda's interpretation of IE kinship etyma was met without sympathy from either anthropologists or linguists (see [Kullanda 2002]). Instead of reworking his original ideas (a normal reaction to colleagues' criticism), Kullanda de-

¹ Other relevant studies include ([Sankaran 1940a, b; Vacek, Lubsangdorji 1994]). General points of comparison between IE (as represented by Benveniste) and Finno-Ugric kinship systems can be found in [Steinitz 1972; Sauvageot 1959].

cided to raise them to a new, now “Nostratic,” level. Hence, a good portion of DK’s article is the recycling of Kullanda’s old Indo-European (sometimes just Indo-Iranian) interests that have no bearing on any Nostratic issue. Kullanda continues to offer his rather platitudinous historical fantasies to the reader, now under the cover of the Moscow school of linguistics.

I made known to the authors an article by the late Per Hage ([Hage 2003]) on Nostratic kinship terminology. In this work, Hage fleshed out the range of questions a student of Nostratic kinship systems is expected to address. The central one is the determination of the relationship of Nostratic nomenclatures to prescriptive kinship systems. Hage thought that he detected the characteristic signals of prescriptive marital alliance in the Nostratic lexical material. While the PIE kin terminology was reconstructed by Friedrich ([Friedrich 1966]) as belonging to the Omaha type, which correlates strongly with patrilineal descent, his theory was challenged by Hettrich ([Hettrich 1985]) on serious grounds that the semantic shift from grandparent to mother’s brother and, correspondingly, from grandchild to nephew/niece occurred independently in several IE dialects. If the asymmetrical features of IE kin terminologies cannot be projected on the proto-level, their symmetrical traits such as the merging of alternate generations (intergenerational self-reciprocity) seem to have survived as archaisms suggestive of symmetric prescriptive alliance. Three etymons involving grandparent-grandchild equations belong on the PIE level: **HeuHo-* (e.g., Hitt *huhhas* ‘grandfather,’ OIr *(h)aue* ‘grandson’), **Han-* (e.g., Avest *nyāka* ‘grandfather’/ *nyāke* ‘grandmother,’ Slav **vŭnŭkŭ* / **vŭnĕkŭ* ‘grandson’), and **suH-/sweH-* (e.g., Alb *gġysh* ‘grandfather,’ Skrt *sūṣā* ‘progenitor,’ IE **suH-* ‘son, offspring,’ with a semantic shift one generation up).

Alternate generation equivalences are especially strong in Germanic kin terminologies, in which the equation of parents’ siblings with siblings’ children has continued into modern rural dialects [Naroll 1958; Helmig 1983]. This phenomenon gave rise to Pfeffer’s theory of proto-Germanic kinship as belonging to the “Kariera” type [Pfeffer 1985; 1987]. This is consistent with Maitland’s refutation of the theories of proto-Anglo-Saxon patriarchy [Maitland 1895] (the matriarchy interpretation of the IE past was dismissed even earlier by Delbrück [1889]) and his demonstration that the earliest known historical sources unambiguously indicate that proto-Germanic kinship

was cognatic (bilateral) in type (see [Fox 1967; Murray 1983; White 1996; MacFarlane 2002]). Marc Bloch [1961] took up this finding to argue that individualism, feudalism and contract-based social institutions could develop in Western Europe only due to the weakness of kinship ties and the absence of clans.

Pfeffer's theory cannot presently be supported by linguistic facts (see [Parkin 1993]). Similarly, Gamkrelidze & Ivanov's [Гамкрелидзе, Иванов 1984] contention that PIE society featured a "Kariera" kinship system is too far-fetched to be convincing, although it is surprisingly consistent with their attempt to reconfigure PIE phonology from the Indic to the Germanic model. One needs to test the idea derived from the joint reading of Hage, Friedrich, Maitland and Bloch that "Nostratic" peoples went through a period of cognatic kinship that in Pre-Indo-European times and places was replaced by agnatic kinship and then shifted back to cognatic kinship in most of Europe. Alternatively if the archaic traces still visible in modern German dialects have remained unchanged since very ancient times, then one of the world-historical implications of this finding would be an idea utterly embarrassing to the evolutionist, namely that European cultural superiority emerged from the depths of a backward kinship structure. However, before these big questions can be answered, a proper etymological resolution of IE terms of kinship and affinity should determine whether PIE kinship system was generationally symmetric and whether it merged affinal and consanguineal categories. The same requirement holds even truer for Nostratic. As the following discussion shows, the existing "Nostratic" pool of kinship etymons is a spurious hodgepodge. The IE kinship etymons widely used in Nostratic reconstructions are insecure in all respects.

Introduction

In their article, DK ignored the anthropological perspective altogether, citing Hage in passing and leaving Friedrich, Hettrich, Pfeffer, Parkin, and Gamkrelidze & Ivanov without a mention [Дыбо, Кулланда 2005: 6]. Instead they chose to present their idiosyncratic version of what an interpretation of a kinship terminology is. In an ironic twist, DK's claim that "the historical and socio-anthropological interpretation of Nostratic realities lags far behind their linguistic reconstruction" [Дыбо, Кулланда 2005: 6] is the direct reversal of

truth: anthropology has accumulated enough data on the kinship systems of the speakers of more than two thousand languages, but their linguistic interpretation, on Indo-European or Nostratic levels, still awaits generations of scholars. Without reiterating the points of our earlier debate regarding proto-kinship systems, I will immediately delve into the concrete etymologies and logical connections that DK have offered.¹ I will conclude with general observations on the Nostratic theory, on the methodology of incorporating kinship studies into long-range research and on types of sibling terminology found in language families considered “Nostratic.”

According to DK, some 30 terms of kinship and affinity are reconstructible for Nostratic. The sheer number of etyma may signal the great success of comparative linguistics, for 30 items can readily make up a kin terminology in such kinship-based societies as Australian aborigines or Amazonian Indians. Yet, reality is rather disappointing.

First, a good dozen of the “Nostratic” terms of kinship and affinity are baby words. Another baby word, Kartvel **baba* glossed ‘father’ (in reality it is ‘father’ only in Megrelian; in Svan, Laz and Georgian it is ‘grandfather’) is hidden among the reflexes of Nostr **AwV*. About it, Klimov writes: “Similar stems recur in languages of very different families: comp. IE **baba* (IEW, 91).” It is also part of a wider group of kin terms that includes *buba* PB and *bebe* PM [Coceлия 1979]. They are not mentioned in DK’s article. In order to demonstrate the Nostratic origin of these baby words, it is *not* enough to make a list of purported internal cognates. Since these baby words are found in abundance around the globe (see, recently, [Bancel, l’Etang 2002; 2004a, b; Ruhlen 2000]), DK have to demonstrate that they are *not* present in language families outside of Nostratic. Without sifting through *apa*, *ata*, *ana*, *aka*-words in Sino-Tibetan, Austroasiatic, Niger-Congo and Algonquin, claims that this kind of lexemes constitute a solid Nostratic “fund” are ungrounded.

¹ Etymologies suggested in [Дзібель 2001] served more as an illustration of general methodological principles, rather than as actual reconstructions. Most of them constituted work in progress and do not reflect my current opinion. The reader is advised to refer to [Дзібель 2001] for methodological guidelines, criticism of comparative method and lexical material, which remain unchanged. But some of the etymological clues and solutions from [Дзібель 2001] are confirmed here and in [Dzibel 2007].

In addition, there are different types of baby kin terms and different forms of reduplication. They must also be properly compared.

Second, IE offers only ten kinship terms. Being the “hub” of the whole Nostratic superphylum due to its size and attested temporal depth, IE evidence is crucial for the validity of the whole Nostratic hypothesis, at least as far as kinship terminology is concerned. I warned the authors that IE kin terminology has never been reconstructed and that the current semantic profiles do not satisfy the typological requirements existing in anthropology (see [Дзібель 2001]). The reason for the gaping holes in our understanding of PIE kinship is not the absence of a kin terminological system among early Indo-Europeans and not the patriarchal bias in IE social organization leading to the eclipse of certain categorical positions (see [Goody 1959], with anthropological critique), but the incompleteness of our knowledge of IE historical phonology and morphology. The fact that IE languages have a long written history has created an instant sense of temporal depth in the minds of scholars that, in the case of language families with no written history, is not a benefit but the desired outcome of comparative work. But one should not forget that the existence of ancient attestations simply pushes reconstruction one notch down in history and does not relieve scholars from necessity to go beyond this already-quite-deep historical level, while still remaining within the temporal bounds of the IE family.

The present state of IE etymology (especially evident in the domain of kinship) is a list of common forms and local isoglosses to which comparative method still waits to be applied. The reconstruction of PIE kin terminology is haunted by the penchant of IE linguists to derive kin terms from descriptive verbs and nouns such as ‘to milk,’ ‘to love,’ etc. Although this pernicious habit was criticized on a number of occasions (see [Wheeler 1890; Moreau 1978; Friedrich 1980; Дзібель 20006]), and at least one of the co-authors seems to be aware of these mistakes (see [Дыбо 1996: 17], against the derivation of IE **pātér* from the root **pa-* ‘to protect’), DK nevertheless continue to entertain these ideas (e.g. **uk-sōr* for ‘wife,’ see below) in their Nostratic etymologies. As we will see, none of the PIE etyma suggested by DK are correct. In fact all of them are blatantly wrong.

DK naively think that Manaster Ramer gave them *carte blanche* for reconstructing deeper evolutionary nodes without having to re-

construct first-order subgroupings first [Дыбо, Куланда 2005: 7]. Whatever the value of Manaster Ramer's statement for historical linguistics, it has no bearing on DK's reconstruction of Nostratic kinship terminology for the following simple reasons: first, *none* of the languages families claiming membership in the Nostratic community have a reconstructed kin terminology; second, the only cautious attempts to reach this level of reconstruction, namely in Dravidian [Tyler 1990], Uralic [Steinitz 1972; Gulya 1983] and Kartvelian [Cocelia 1979], are not utilized by DK; and third, DK do not work with complete sets of kin terms for any of their languages. Therefore, their effort looks more like reconstructing proto-IE kin terminology on the basis of random words picked from modern Russian, Ghag Albanian, Koine Greek, and Canadian Gaelic.

Etymological Commentary

1. DK do not offer any outline of Nostratic phonology and sound correspondences, leaving the reader to wonder how IE **strū-* 'old man, father's brother' can be compared to such "baby words" as *aca* and *ica* [Дыбо, Куланда 2005: 26]. In an awkward attempt to make these etyma look somewhat similar, DK reconstruct IE **stw-r*, a form that has never appeared in any dictionary, book or article on IE linguistics. Metathesis **tru-* > **tur-* did in fact occur in Avest *tūryá* 'father's brother,' but the Avestan term is from **ptūryá-* and has no traces of an initial *s-*. What DK declare to be an "Indo-European" etymon is a Balto-Slavic isogloss **strūyos* 'grandfather, father's brother.' Its origin within IE remains obscure, but the morphology is clearly that of Lat *patruus*, Skrt *pitṛvyā* 'father's brother' from **pātēr* 'father.' It is intriguing to observe that the same morphology is found in OEng *suhterga* 'brother's son' (< **sukterwyan*; comp. *mōdrige* 'mother's sister' < **mōdrwyan*), which is further related to such rare reflexes of the IE root **suH-* as Arm *ustr* 'son' and Alb *gjysh* 'grandfather.' The suggestion I made in [Дзибель 20006] that Balto-Slav **strūyos* 'grandfather; father's brother' is closely related to OEng *suhterga* remains valid. There seems to be no impediment for reconstructing PSlav **s(u)stryjǐ*, with the reduction of *u* between two identical sibilants. The difference in vowel length between Slav **synŭ* 'son' and **s(u)stryjǐ* 'father's brother' is explained through the hypothesis of the identity of a PIE "laryngeal" to a palatalized velar in

satem languages (see below). This phonetic interpretation adds another intergenerational self-reciprocal term to the IE kinship vocabulary.

2. Kullanda [Дыбо, Кулланда 2005: 10] believes that IE **pətér* had a classificatory and not a narrow genealogical meaning. It is unclear whether he wants to say that, because Lat *pater* referred to the head of the family, IE **pətér* was not a kinship term at all, but just a word meaning 'master,' 'leader,' or 'head' (why, then, not compare it with IE **pati-* 'master; husband' especially in view of the perfect semantic match succinctly expressed by Machek [1948: 100]: "*Gospodь était donc un pater familias*"?); or that the denotata of **pətér* included other kin types besides 'father.' Assuming he means the former, it is rather strange that he considers the word **pətér* to be derived from a baby word.¹ How can a word with the suggested complex semantics be at the same time a *Lallwort*? If Kullanda means the latter, he appears not to understand that he has to specify what denotata he has in mind. The secondary extension of kin terms into a wider social sphere are well-known; comp., e.g. Abkhaz *ábraa*, lit. 'fathers,' which in Bzyb means 'wife's parents' and in Abazin 'foster parents and the whole group to which they belong' [Бражба 1964: 228]. Lat *patres* 'senators' are interesting not in the pseudo-sociological sense of "classificatory" kinship, but in the strictly linguistic context of so-called *Elliptischer Dual* [Brugmann 1886] common in IE (comp. Lith *tevai* 'parents,' lit. 'fathers') and especially in Uralic languages (see [Микола 1999]). If, in the case of *tevai*, the category 'father' is unmarked with respect to gender, in the case of *patres*, it is unmarked with respect to age and social status.² In addition, Kullanda avoids addressing the issue raised by Beekes [2002]; namely, to what extent Latin (and Greek) realities (not supported by any vestiges in other languages) can be extrapolated into Proto-Indo-European. Does the fact that the Greeks used the same word *παῖς* to refer to children and slaves mean that Proto-Indo-Europeans practiced domestic slavery?

Dybo disagrees with Kullanda and claims that **pətér* was a term of reference, while **atta* term of address. The non-genealogical meanings in Greek and Latin are secondary extensions [Дыбо, Кул-

¹ Similarly in [Starostin 1999b: 154]: "certainly a *Lallwort*, but archaic."

² On markedness in kin terminologies and its strict correlates in classic phonological theory (see [Scheffler 1987]).

ланда 2005: 11]. Despite the fact that, as I pointed out [Дзибель 2000б], this idea lacks empirical support, Dybo continues to insist on it without bothering to adduce any evidence. There is not a single IE language in which reflexes of **pətér* and **atta* are distributed along the lines of referential vs. vocative usage. Goth *fadar* is recorded as an address form for God. In fact we do not even know what the Nominative of *fadar* looked like [Stiles 1988: 136, n. 3]. The word *atta* is used both referentially and vocatively. Palaic *papami* ‘my father’ is also used vocatively [Carruba 1972: 20]. The very opposition between referential and vocative kin terms is not productive in IE languages, for Russian *otec*, *papa* and *batja* can be used equally as referential and as vocative terms. English *dad* and *mom* are increasingly used as referential terms. Kinship terms can enter into many different pragmatic oppositions (see [Дзибель 2001]), but the dichotomy “referential – vocative” is not an IE feature. Instead, living IE languages attach importance to the politeness factor (see, e.g., [Helmbrecht 2003: 188] on Eng *father*), but its importance for PIE is impossible to ascertain.

The major difference between **pətér* and **atta* is that **pətér* spawned a whole set of interconnected terms for older paternal relatives: Skrt *pitṛvyà*, Avest *tūiryá*, OHG *fatario*, OEng *faedera*, OFris *fedria*, *federia*, *fidiria* ‘father’s brother,’ OEng *faðu*, OFris *fethe*, Avest *tūiryā*, Baluchi *trī* ‘father’s sister’ etc. Gk *pappos* ‘grandfather’ (comp. Palaic *papaz* ‘father’) has to be included with the IE term for father further corroborating the *wide range of genealogically specific* meanings associated with **pətér*. Hence, whenever **pətér* or **pa-* are attested, the root has a “classificatory” (in Kroeber’s [1909] sense) distribution.¹ On the contrary, terms derived from IE **atta* are always individual (comp. Slav **otīci* vs. **stryji* ‘father’s brother,’ Lith *tėvas* ‘father’ but *dėdė* ‘father’s brother’). Alternatively, their distribution is wider than that of the reflexes of **pətér*: they are found in the languages that have **pətér*, while the reflexes of **pətér* are entirely missing from Anatolian, Albanian and Balto-Slavic. The question of the classificatory vs. individual meanings of

¹ Tocharian offers two unusual forms: A *āp*, B *āppo* ‘ancestor, father,’ with a diminutive *appakke*, and B *ammakki* ‘little mother’ [Van Windekens 1976: 166]. Unless borrowed from another language (comp. Nivkh *apak* ‘father-in-law,’ *amək* ‘mother’) (see [Van Windekens 1960, 1962]), they may preserve an archaic state of the IE parental terms. Notably, their affix is the same as in Slav **otīci* ‘father.’

**pátér* is irrelevant for the PIE condition because in those languages in which the reflexes of **pátér* are attested the root already has a classificatory meaning, but there are important branches of IE from which these reflexes are missing. The problem, therefore, involves determining which of the two roots is earlier in its attested kinship positions, and what is the origin of the other root is. It is quite possible that **pátér* is a newcomer into the category of father. Its earlier meaning might have been 'paternal grandfather' (comp.: [Beekes 1995: 38]) or 'father's older brother.'

Over time, several hypotheses regarding the relationship between **pátér* and **atta* have been proposed, but DK quote none of them. Instead, they publish their sublime musings on the subject, with no hint of logical or empirical sophistication [Дыбо, Кулланда 2005: 10–11].

3. On [Дыбо, Кулланда 2005: 11], the Old Church Slavic term for 'father' is misspelled. The correct version is *отѣць* and not *отѣсь*. On [Дыбо, Кулланда 2005: 29], Kartvelian **sízē* is glossed 'son-in-law,' while its actual reflexes mean 'daughter's son; sister's son' [Tuite 2000: 585]; Uralic *éecä* is glossed 'uncle,' while in living Finno-Ugric languages the corresponding forms often mean more specifically 'mother's brother,' 'father's younger brother; man's older brother's child' in Saami and 'mother's younger brother' in Mari (see [Wichmann 1911: 252; Paasonen 1917: 120–121; Collinder 1955: 56; Mägiste 1960–1961; Goodenough 1960]) from which the generalized meaning 'uncle' is derived. Needless to say, had the etymon been glossed 'father's older brother; man's younger brother's child,' DK would not have casually compared it to Kartvelian **sízē* 'son-in-law.' By artificially amending the meanings of kinship terms towards greater fuzziness, DK create an illusion that the semantics of their etyma are close to each other. The reconstruction of a meaning such as 'relative, mainly older' is as meaningless anthropologically as reconstruction such as **CVVC* would be meaningless linguistically.

4. The IE term for husband's father is reconstructed as **swesk'ur-*. The source of this reconstruction is not given, for the simple reason that it is a product of DK's imagination. The etymon in question is always reconstructed as **swek'ur-*, which would fit neither the Uralic nor the Kartvelian form. The form **weskur-* is sometimes reconstructed for proto-Albanian [La Piana 1949: 22–23; Huld 1979: 131]

to account for *-h-* instead of the expected *-th-* in *vjehërr(e)*. Therefore, the medial *-s-* therein is explained as metathesized **swekur-*. Other explanations of the Albanian form are possible, too: a simple assimilation argument **swekur-* > **swesur-* [Orel 1998: 510], or a kind of intrusive (mobile) *s* resulting again from the influence of the front *s-* and yielding **sweskuro-* [Pisani 1959: 103]. There is not enough evidence to see *h* as an Albanian reflex of IE **s* (only *kohë* can potentially be related to Slav **casu* ‘time, hour’) (see [Kortlandt 1980]).

Proto-Albanian **weskur* is considered the result of morphological reshuffling of original **swek'uro-* [Beekes 1995: 264] simply because other IE forms are more consistent with it. The IE term is believed to have undergone stochastic (assimilation/dissimilation) processes affecting sibilants and velars in different IE dialects. Roughly a dozen of interpretations of the specifics of these assimilations and dissimilations exist, but there is no evidence whatsoever that would establish the reality or the antiquity of **sweskur-*. For the outcomes of *sk* in Balto-Slavic see [Scheftelowitz 1929], and in Indo-Iranian see [Lubotsky 2001]. Their many examples amply demonstrate that neither OLith *šešuras*, nor Slav **svekŭrŭ*, nor Skrt *švašura* can contain the group *sk-*. Neither author adduces *vjehërr(ë)* to illustrate the Albanian development *sk* > *h*.

The nest **swek'uro-* illustrates the complexity of IE branching order: Indo-Aryan agrees with Lithuanian; Greek agrees with Latin, Celtic and Germanic; while Slavic, Armenian and Albanian pose idiosyncratic phonetic difficulties that further obscure the precise form of the etymon. Instead of a neat evolution from PIE to later proto-languages, **swek'uro-* shows that nearly all IE languages branch off very close to the PIE node and reflect something different about its structure. It is therefore necessary to identify the most abstract phonological solution to the recurrent problems with this nest. The eclipse of palatalization sporadically encountered in the satem zone and exemplified by Slav **svekŭrŭ* ~ Skrt *švašura* (see [Shevelov 1964: 143–145]) is identical to the aspiration problem in Skrt *duhitā* vs. Gk *θυγάτηρ* ‘daughter.’ Kuryłowicz [1927a, b] proposed a solution to the *duhitā* ~ *θυγάτηρ* mismatch by positing IE **gH* instead of IE **gh*. This interpretation, albeit not without its problems, is now almost universally accepted. I would reconstruct the IE term for ‘husband’s father (parent)’ as **swekHuro-* (or even **sweHuro-*)

and not **swekuro-*. This will solve the problem with the Albanian form altogether, for Alb *h* can represent the survival of an ancient laryngeal [Hamp 1965; Beekes 1995].

The Armenian form derives from **kesur* < **vesur* < **svesur*. The form *kesur* is actually attested [Lagarde 1877: 77]. The key to the etymology of the Armenian form is the typical Armenian development **w* > *k* (Arm *jukn* 'fish' but Lith *žuvis*) and **w* > *g* (Arm *taygr* 'husband's brother' but Lith *dieveris*). Pedersen [1905: 197] and Hamp [1973–1974] came very close to the truth when the former reconstructed **s-k'esur*, with an *s*-mobile, and the latter **sg^wesur* > **sk^wesur* > **skesur*. The initial *s-* can also be interpreted as a devoiced *z* (i.e. **z-kesur*), the latter being a poorly understood prefix to a fair number of Armenian words (e.g., *zok'anc* 'wife's mother,' *zavak* 'child, offspring, son,' *zarm* 'posterity' beside *arm*, *armat* 'root' [Hübschmann 1906]). While some of them may well be borrowings, others are clearly of native Armenian origin [Асмангулян 1983: 60, n. 173].

The assimilation of **kesur* to **skesur* (if *s-* is not an *s*-mobile) is similar to the transposition of a sibilant quality in Lith *šešuras* < **sešuras* and Skrt *švaśura* < **svaśura*. The strange, but well-attested development IE **sw-* > Arm *k'* (e.g. **swepno-* 'sleep' > **k'un*) is explainable in a likewise manner, so that Arm *k'eri* 'mother's brother' presupposes **kehri* < **vehri* < **veHriyos*, with aspiration throwback. The loss of *s* before *v* in the initial *sw*-groups is therefore shared between Albanian and Armenian. This refutes Kortlandt's [1980: 248–249] claim that Armenian and Albanian share no common features in this cognate set, and supports Pedersen's [1900] original idea of a special relationship between Armenian and Albanian. In Armenian, the loss of *s* before *v* is consistent with the loss of *s* before *u* in the anlaut (*ustr* 'son' < **suH-*). Alternatively *s* in the place of an ancient laryngeal is found in such Armenian words as *ustr* (< **suH-*), *dustr* (< **dugH-*) and *skesur* (< **sweH-*). This correspondence seems to be restricted to medial positions.

This analysis makes it quite likely that otherwise-isolated *k'eri* is cognate with other IE terms for 'mother's brother' such as Slav **ujĩ* < **uiyos* < **uHiyos* < PIE **H₂euH₂o-* 'grandfather, grandchild.' The specificity of the Armenian form is its *r*-suffix, otherwise unattested among the IE terms for 'mother's brother.' But this problem quickly dissipates as soon as one recalls that all IE terms for 'mother's brother' have different affixes (Lat *avunculus*, Lith *avýnas*, Slav **ujĩ*,

OHG *ōheim*, etc) [Hettrich 1985]. The morphology of Arm *k'eri* is remarkably similar to Welsh *wyr* 'grandson' (< **āwi-ro-*), which confirms its belonging to this nest. The groups *ve-* (PArm **vehri*) and *eu-* (PIE **H₂euH₂o-*) are the metathesized allomorphs of each other.

5. IE **aw-* 'grandfather, mother's brother' is placed beside Dravid **av-ai* 'mother, woman' and Alt **ujo* 'relative.' Hitt *huhhas*, Luw *huha*, Lyc *xuga*, Car *quq-* (in personal names) are conveniently swept under the rug, for they would have forced DK to explain the fate of IE "laryngeals" in Altaic and Dravidian [Дыбо, Кулланда 2005: 28]. Some Nostraticists claim that laryngeals are not verifiable through either internal (within IE) or external comparison [Kaiser 1990: 89]. This is a valid observation (coincidentally, IE aspirated stops have no Nostratic parallels either), but even such famous anti-laryngealists as Szemerényi did not deny their existence in cases when they are attested in Anatolian. According to Bomhard [1992: 77], only Afroasiatic has laryngeals, and presently this family is not considered to be part of Nostratic by the majority of long-rangers. It is worth remembering that there is a group of secure cognates (e.g., Hitt *hastai* ~ Slav **kostī* 'bone') that suggests that Hittite "laryngeals" are derived from velar or uvular stops (see [Schmitt-Brandt 1973: 105–107; Greenberg 2000: 59]). Consequently, their potential Nostratic parallels should have some form of stop in them. This puts the Dravidian and Altaic forms to rest, especially since the relevance of their semantics to the notion of grandfather is far from obvious. As a side remark, *huhha-* is evidently a reduplicative Lallwort like *atta* [Hendriksen 1941: 29; Zucha 1988: 29]), and hence the reconstruction of **hauho-* is a little artificial, although there are other cases in which Anatolian **u* stands for tautosyllabic IE **eu*/**ou*/**au* [Hajnal 1995: 59]. Finally *a-* in words like Lat *avus* comes from **e*, which was "colored" by the preceding laryngeal, and hence cannot be related to *a-* in the Dravidian form.

6. IE **nepōt-* 'grandson' is segmented wrongly as **ne-pōt* (it used to be translated as 'impotent') [Дыбо, Кулланда 2005: 30], while in fact it is **nep-ōt*, with *-ōt* as in Engl *month* [Huld 1997] or as in Lat *caput* [Fowler 1896: 3–4] or as in Latv *znuots* 'son-in-law' and Gk γνῶτος 'the born one.' Its meaning is given by DK as 'nephew, grandson' in order to bring it closer to Alt **njoge* 'son-in-law, nephew.' In fact the original meaning of IE **nepōt* is 'grandson' ex-

tended to 'sister's son, nephew, cousin' in several dialects at a relatively late moment. In Latin, it happened only in the 4th century A.D. [Beekes 1976]. Russian *vnuk* (Slav **vŭnŭkŭ* / **vŭnĕkŭ* < **anuko-* / **anenko-*) could furnish a form without a *-p-* and thus save DK the trouble of separating the necessary *ne-* from the useless *-pōt-*. However, neither DK nor the majority of Indo-Europeanists even consider *vnuk* as part of this cognate set. (Bader [1988] is a rewarding exception.) Meanwhile, the perfect anlaut agreement with Gk *'aveψιός* 'cousin,' an obvious derivative of IE **nepōt-*, whose "prothetic" vowel is not a narrowly Greek development, leaves little doubt that Slavic preserves a reflex of this IE root in its original semantic position 'grandchild.' The fact that the initial *w-* is a Slavic "prothesis" was recently underscored by Schuster-Šewc [1993], who, nevertheless, overlooked the exact match with Gk *'aveψιός*. As a side remark, the Slavic evidence rules out the possibility that *a-* in *aveψιός* is from IE **sm-*, hence the absence of rough breathing in the Greek form is natural. In Greek, a form with a prothetic vowel coexists with a form without one, namely Homer *véποδες* 'descendant.'

The Slavic term for 'grandchild' closely resembles Avest *nyāka* 'grandfather' / *nyāke* 'grandmother' (Pashto *anā*, Waziri *niō*, Khalil, Naqibullah, Bangash *nyā*, Rav *nā* 'grandmother' [Morgenstierne 1927: 10]) and OPers. *n(i)yāka* 'grandfather,' which come from **aniko-* [Huld 1997: 238–239]. The suffixal *-k-* in *vnuk* and in *nyāka* corresponds to *-t-* in **nepōt-* in the same way as *-k-* in Lat *avunculus* 'mother's brother' returns as *-t-* in Celt **awentro-*. The Slavic term for grandchild is further cognate with OHG *ano* 'grandfather' and represents PIE **Han-* 'grandparent, grandchild.' The very same root lurks behind **nepōt-*. The discrepancy in the vowel comes from Polish, the only Slavic language that preserves old nasalized vowels but also the language in which *ę* and *q* can be secondary (see [Vaillant 1958; Sławski 1947]). The present consensus [Nitsch 1924; Stankiewicz 1962; Szemerényi 1977: 52] accepts Polish *wnĕk* as the original Slavic etymon that underwent transformation into *wnuk*, *onuk*, *unuk* in other Slavic dialects. But there is no direct evidence that this is true. The reconstructed form **anen-* is anomalous. MHG *enenkel*, *enenchili* 'grandson,' lit. "little grandfather" is a late formation that cannot be directly compared to **anenko-*. The Welsh form *nei* 'nephew' that presupposes a sequence *nei* < **neü* < **neūs* < **nepōs* may indicate an alternative pathway for the development of *u*

in Slav **vŭnŭkŭ*. However no additional examples of such a change can be adduced. The puzzling absence of *-p-* in Slavic **vŭnŭkŭ* / **vŭnĕkŭ* ‘grandchild’ (alongside **netijŭ-* ‘sister’s son, cousin,’ and **nestera* ‘sister’s daughter, cousin,’ in which *p* was lost before *t*) means that Slavic probably preserved a hypocoristic form of the root. An “official” form would have been **vŭnŭtŭ* / **vŭnĕtŭ* < **anepto-*.

The morphology of **nestera* (< **net-tera* < **nept-tera* or **ned-tera* in view of Gk *νέποδες* and the exact match between Slav **sedmŭ* and Gk *ἐβδομος* ‘seventh’) is identical with Lat *matertera* ‘mother’s sister,’ ORuss *дѣщерѣнь* ‘brother’s daughter’ (< **dukterterya*) and OEng *suhterga* (< **sukteryo*) ‘brother’s son.’ The meaning ‘cousin’ is attested in Slavic (OPol *nieć* ‘male cousin,’ *nieściora* ‘female cousin’) as well as in Greek, which again uniquely connects these two languages. The etymon’s meaning was probably self-reciprocal, for the meanings of its reflexes are distributed between +2 and –2 generations. Notably, in Kalasha (Nuristani), the self-reciprocity of this term seems to have been preserved intact, for *nawa* is ‘grandson’ and *gonawa* is ‘grandfather’ [Jones 1974: 128]. This nest has its problems (e.g. the *Hen-/Hn-* alternation, the presence or absence of a nasalized vowel in proto-Slavic, the loss of *p* in Slavic), but one thing is certain: it has nothing to do with Alt **njoge*.

7. Lat *uxōr* ‘wife’ is represented by DK as **uk-(sor)* [Дыбо, Куланда 2005: 30]. Again, it is passed as an “Indo-European” word, although in this form it is recorded only in Italic. The truth is that *uxōr* is none other than the IE term for daughter **dhugHtēr*, i.e. PLat **d(w)uxōr* < **dukttōr* < **dugh(H)tōr*. Plain voiced *d* is highly unstable in Latin: *dw* becomes *b* or *w*, *dy* becomes *y* (comp. *dui* > *bi*, *Dius*, *Diovis* but *Iovis*, *suāvis* < **swādu-*, *peior* < **pediōs*) [Beekes 1992: 179]. The group *-x-* was suggestively analyzed as **-kt-* already by Ascoli [1864]. It is significant that Latin preserved the initial plain *d* also observed in Sanskrit *duhitā*. Oscan *futŕ* (attested oblique forms *fu(u)trei* and *fu(u)treis* are glossed as, respectively, ‘Genetrici,’ ‘Genetricis’! [Thurneysen 1898: 184; Vetter 1953: 405]) shows that Proto-Italic knew two forms **dhugtōr*¹ (like Greek *θυγάτηρ*) and **dughtōr* (like Skrt *duhitā*). This eliminates the spurious connection of *uxōr* with Alt **o[k]ʲe* and Uralic **ewkke3*. The shift ‘daughter’ >

¹ For Oscan, the reconstruction of an aspirated velar is impossible, for it would have resulted in *fuktrei* or **fuhkrei* [Buck 1901: 129; Stuart-Smith 2004: 81, 84].

'wife' is typologically common (comp. Georgian *asul-* 'daughter,' Megrel *osur-* 'woman, wife' [Климов 1964: 46]).

8. IE **ǵələū-* (DK's variant [Дыбо, Кулланда 2005: 29]) or **ǵlHoū-* 'husband's sister' is a poster-child of Nostraticists. Its alleged Nostratic roots have been claimed since the very inception of the theory (see [Иллич-Свитыч 1971: 21, 295–296; Дыбо В. 1978: 402; Shevoroshkin 1987: 247, n. 21; Kaiser, Shevoroshkin 1988: 313; Kaiser 1989: 143; Manaster Ramer 1993: 224; Bomhard, Kerns 1994: 883; Bomhard 1999: 65; Dolgopolsky 1998: 85–86]). The initial *ǵ* (*ǵ̥*) of the IE word is not regular [Bomhard 1999: 65], but DK conveniently bypass this difficulty. It becomes apparent why their article has no outline of Nostratic phonology.

Worse than that is the fact that the origin of **ǵələū-* may well be Indo-European. In view of the morphological concordance between Skrt *giri*, Arm *tal* (Gen. *tali*) and Gk (Hesych.) *γαλῖς · γαλαός*, the PIE word looked like **ǵəlis* [Eichner-Kühn 1976] enlarged with affix **ū* or **owo-*, which is a common kinship affix (comp. *patruus*, Gk *πάτριως*; in Slavic **zŭly* and **stryjī* 'father's brother' or OCS *strъjъ*, with "napriazhennyi" ъ [Трубачев 1959; Мартынов 1960]). In light of the attested meanings in Sanskrit, Phrygian and Latin, the meaning of **ǵəlis* should be reconstructed as 'husband's sister; woman's brother's wife.' The ending *-lis* of **ǵəlis* is unmistakably a diminutive. Hence, we can see that the IE term for husband's sister is a hypocoristic word. The group **ǵə-* is also found in IE **dhugə-tēr*. The combination consonant + schwa (or *H₂*) is a rare one in IE, thus a mere coincidence is excluded. IE **ǵəlis* 'husband's sister' is a reduced form of **dhugə-lis*, and is cognate with the IE term for daughter. The relationship between **dhugə-tēr* and **dhugə-lis* is the same as between *broterelis* and *brólis* 'brother' in Lithuanian. The loss of the first syllable (from a syncopated **dhǵə-lis*, comp. Toch *ckācer*, *tkācar* and Arm Gen. *dster*) is paralleled by the famous case of IE **dheghōm* 'earth' > Slav **(d)zeme-*, Lat **(d)hūmus*, etc. The complete loss of *d(h)-* in the word for daughter is exemplified by Polish *corka*. The semantic connection between daughter and husband's sister/woman's brother's wife (Lat *uxōr* 'wife' < **duxōr*, with its explicitly affinal meaning, fits here too) is corroborated by Iranian languages, where, in Ossetian *xo-dyǵd* is 'husband's sister' and in Baluchi *duskīč* is 'sister-in-law; wife's sister, husband's sister' (< **duxθrī-čī*) beside *duṭag* 'daughter' [Morgenstierne 1932: 43–44;

Ferraro 1988: 52]. The Baluchi word is borrowed into Brahui where *duxĩč*, *dusk'ĩč* means 'husband's sister' [Bailey 1956: 93; Elfenbein 1963: 33]. The problem with the medial cluster in **dhughātēr* or **dhugHēr* continues to loom large, but it is preserved in the group of IE words for husband's sister/woman's brother's wife, for Phryg *ge-laros* (instead of expected *kelaros*) points to **ghel-* and not **ġel-*.

Notably, in one branch of IE, namely Baltic, the term for 'husband's sister' is cognate with the IE term for mother. Comp. Latv *māsa* 'older sister,' Pruss *moazo* 'mother's sister' (comp. OHG *muoma* 'mother's sister'), Lith *mósza* 'husband's sister' [Delbrück 1889: 465, 497]. Reflexes of IE **ġHlis* are unknown in Baltic and Germanic. Since mother is an exact reciprocal of daughter, Baltic provides another bit of evidence – albeit vicarious – that the IE terms for husband's sister and for daughter are related.

The Nostratic etymon **kālU* is a spurious one, and one has to uphold Joki's [1973: 267–268], Gamkrelidze's & Ivanov [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, II: 941–942], Campbell's [1998: 130] and Katz's [2003: 179] conviction that the Uralic words are borrowings from IE. A reflex of IE **ġalāu-* was also borrowed into West Georgian dialects, where *zālua-* is 'uncle's wife' [Климов 1994: 201–202] in the same way as Permian **ken-* 'sister-in-law' is a borrowing from Chuvash *ken* from Proto-Turkic **kelin* [Campbell 1998: 130], Hanty *sheli* 'wife's sister's husband' from Selkup *shāl* 'wife's sister's husband' [Steinitz 1980: 267], and Yaghnobi *kelin* 'son's wife' again from Turkic [Андреев 1970: 122], but DK apparently are unaware of these facts. Manaster Ramer [1993] addressed the issue of borrowing vs. common inheritance in the case of putative Nostratic **kālU*. Interestingly, he opted for common inheritance on purely a priori grounds: if there is no evidence to the contrary, two forms *must* be considered descended from a common ancestor. Long-rangers typically confuse scientific research with court litigation. There is no way an etymon will become a valid historical entity solely by agreement between scholars. Whether by borrowing or inheritance, it has to be proven; otherwise, the two forms in question may be related not to each other but one of them to a previously unacknowledged third form. This is one of the pitfalls of comparative method whose dangers increase dramatically as one leaves the boundaries of accepted (first-order) language families.

9. DK bring up IE **svein* ‘chap, younger relative’ (misprinted as **sveAn*) [Дыбо, Куланда 2005: 30]. It is another odd entry, for it comes solely from Germanic, where OHG *swein* ‘Diener, Hirt,’ ONorse *sveinn* ‘Knabe, Bursche, Hirt, Diener’ and OEng *swæn* ‘Schweinehirt’ having a poetic extension ‘Mann, Krieger’ [Pokorny 1959: 882–884; Fränkel 1965: 947–948]. Since when has it become an “Indo-European” root with a kinship meaning? These words are normally treated as cognates of another set of lexical items specifically of kinship provenance: Russ *svoiák* ‘wife’s sister’s husband,’ *svoiáčenica*, dial. *svoiáčina*, *svóika* ‘wife’s sister,’ OPol *swak*, *szwak* ‘Schwager, brother-in-law,’ Pol *swak* ‘wife’s sister’s husband,’ dial. *swoiak* ‘kinsman, fellow villager,’ Sorb *swak* ‘Schwager,’ *swakowa* ‘Schwägerin,’ Cz *svak* ‘child’s spouse’s father,’ Slovak *svák*, *sváko* ‘aunt’s husband,’ *svakro* ‘wife’s sister’s husband,’ Sloven *svák* ‘Schwager,’ *svákinja* ‘Schwägerin,’ Bulg *svoiák*, *sváko* ‘sister’s husband’; Lith *sváinis*, Latv *svainis* ‘wife’s sister’s husband,’ *svainens* ‘wife’s brother’s son, wife’s sister’s son,’ *swainene* ‘wife’s brother’s daughter, wife’s sister’s daughter,’ Lith *svaĩnius* ‘wife’s siblings,’ Arm *k’eni* ‘wife’s sister’ [Delbrück 1889: 531–532; Трубачев 1959: 140–141]. It is also known that these kin terms are derived from the IE root **swe-* ‘one’s own’ (Russ *svoj*). In Lithuanian, too, *sváinis* is a substantive derived from the adjective **sváinas* ‘one’s own’ in the same way as *júodis* ‘animal of black color’ is derived from *júodas* ‘black’ and *márgis* ‘spotted bull’ from *márgas* ‘spotted’ [Byra 1911: 250]. Szemerényi [1977]; see also [Carruba 1998] made an ingenious suggestion that IE **swe-* ‘one’s own’ is identical with IE **sū-* ‘to beget’ recorded only in Indo-Aryan and Celtic: Skrt *sútē* (*sāuti*), *sūyatē*, *savati* ‘gives birth, begets,’ *sūh* ‘parent, Erzeuger,’ *sūtū* ‘pregnancy,’ *sutá-* ‘son,’ *sūtí* ‘birth, posterity,’ Avest *hav-* (*hunāmi*) ‘give birth, bear children,’ OIr *suth* (**sutu-s*) ‘birth, fruit’ [Pokorny 1959: 913–914]. All other IE languages have derivatives of this verbal root, to wit, **sūnus* (Skrt *sūnus*, *sūtá*, Avest *hūnu*, Goth *sunus*, OEng *sunu*, Lith *sūnūs*, Slav *synŭ*) and **suyús* (Gk *υῖός υἱός*, Toch A *se*, B *soy*, Nom.-Acc. Pl. *sāsuwa*), both meaning ‘the born one’ originally. The identity of the roots ‘one’s own’ and ‘to beget’ excludes the possibility of a simplistic interpretation of the Balto-Slavo-Armenian terms for wife’s relatives as meaning ‘one’s own people,’ as the very pronominal base **swe-* has its origin in the semantics of kinship and procreation. IE ‘one’s own’ is originally ‘per-

taining to a group of people related through birth' (comp. *genuine* < IE **genos* 'clan').

Although Indo-Europeanists have long been aware of the connection between the widely spread terms for son and the Balto-Slavo-Armenian isogloss meaning 'wife's siblings,' it has never been highlighted that Gk *υἱός υἱός* and Toch A *se*, B *soy* (< **suyús*), which are morphologically isolated among the IE terms for son, show the same exact affixation as Russ *svoj*, *svoiák*, *svoiáčénica*, *svoiáčína*, *svóika*. This morphological match leaves no doubt that in PIE 'wife's sibling' was equated with 'son' (IE **swōyos*, **swōnos*, with a zero-grade variants **sūnus* and **suyús*; or **swoHnos*, **swoyos*, **suHnus*, **suyus* in a laryngeal notation). This equation constitutes an exact structural parallel to IE **dhugHtēr*, **dhugHlis* 'husband's sister' = 'daughter.'

10. DK assign a Nostratic status to IE **ienātēr* (or **yenH₂tēr*) 'husband's brother's wife' [Дыбо, Кулланда 2005: 29]. In fact Skrt *yātar*, Prakrit *jāuya-*, Waigali, Kati *yārī*, Prasun *irī* 'husband's brother's wife,' Bashkarik *yēl* 'husband's elder brother's wife,' Kalasha *žadri*, Afghan *yōr*, Pers *yārī*, Ishafani *yād* [Iran < **yāθr-*], Arm *nēr* (Gen. *niri*), Gk Pl. *ἐννότερες* or *ἐννότερες*, Sing. *ἐννότηρ* (an archaic form that remarkably survived in an inscription from Asia Minor), Voc. *ἐννότερ*, Lat *ianitricēs*, Lith *jentė*, Latv (v)*iētere*, (v)*iētqla*, Slav **yetry* cannot be divorced from the IE terms for 'woman, wife' (Hit *kuinna*, Luw *wana-*, *wanatti-*, *unatti-*, Lyd *kāna* 'woman,' Gk *γυνή*, Skrt *gnā* 'divine woman,' *jāni-* 'woman, wife,' Avest *gnā* 'wife of a god,' *gənā*, *jnā* 'woman, wife,' OIr *ben* (Gen. *mnā*) 'woman, wife,' Goth *qinō* 'wife,' OHG *quena* 'wife,' OEEng *cwene* 'woman, female serf, prostitute,' *cwēn* 'woman, wife, consort,' ONorse *kvaen* 'wife,' Arm *kin*, Tokh A *sām*, B *sana*, OPruss *genna* 'wife,' Slav **žena* 'wife') reconstructed as **g^wenā-* or **g^wenH₂-*. The presence of a schwa (= second laryngeal) and two grades (comp. **g^wnā-* and **yn̥tēr* vs. **g^wenā-* and **yen̥tēr* in both sets demonstrates conclusively that in this instance we are dealing with the same etymon. IE **ienā-tēr* is enlarged with a *tēr*-affix, which is a morphological consequence of the semantic connection between 'wife' and 'husband's brother's wife.' The loss of *g-* is puzzling of course and adds to the numerous phonetic problems known to IE etymologists. (Comp., e.g., Goth *tuggo*, Slav **język* and other IE words for tongue, in which *d-* eclipses with no apparent motivation). Notably the shift *g* > *y* took place in post-classical Greek (see

[Bonfante 1960: 196-197]), so the modern Greek word for wife/woman (*yinéka*) looks exactly like the reconstructed IE term for 'husband's brother's wife.' It can be concluded that IE had a term **ǵ^wenā* or **ǵ^wenā* 'wife' of which **yenatēr* is a derivative. There is a putative Nostratic root represented by Alt **küni* 'one of many wives' [Kaiser 1990: 88-89], but, for some reason, it did not make it onto DK's list. The reconstruction of the palatolabiovelar in PIE explains the loss of the labial component in such forms as Slav **žena* as well as in Indo-Aryan and Tocharian forms. The divide between the so-called satem (plus Tocharian with its strong trend towards palatalization) and centum languages runs precisely along the lines of palatalization-labialization. IE languages inherited bits and pieces of these archaic phonemes with complex articulations and sometimes acquired excessive labial(ized) or palatal(ized) inventories.

In addition, Tocharian offers another form which is believed to be a peculiar development of IE **ǵ^wenH-*, namely A *kuli*, Pl. *klewāñ*, B *klyiye*, *klīye*, Pl. *klaina* 'woman.' As suggested by K. Schmidt [1980: 409-410] and supported by Kortlandt [1988], Hilmarsson [1996: 157-159] and Huld [1997], this term is a result of distant dissimilation of *n - n* into *l - n*. Schmidt reconstructed a zero-grade base **ǵ^wnai-*, which, in Tocharian, was further enlarged with a nasal suffix (**k^wnain-*) and dissimilated into **k^wlain-* (comp. Nom. Pl. A *śnú* and B *śnona* 'wives'). In the light of this etymology, it seems possible to interpret Lith *laigonas* 'wife's brother' as part of IE **ǵ^wenH₂-* 'wife,' too. The general shape of this word is similar to Gk Gen. *γυναικός*, Arm Nom. Pl. *kanay-k*. The Lithuanian form shows the same nasal affix **-ōn-*, which is identical to the one found in such semantically close kin terms as Gk *εἰλιονες* and Russ *šurin* suggesting derivation from the base *laig-*. The chain of changes can be represented as follows: **ǵ^wnaigonos* > **gnaigonos* > **glaigonos* > **laigonas*. The dissimilation of *n - n* into *l - n* and IE **gn-* ~ Lith *l-* is paralleled by Lith *glinda* 'nit,' Lat *lēns* 'louse, nit' beside Slav **gnida* (< **gnend-*), *līdzas* beside Slav **gnēzdo* (< **gnenzdo-*), Lat *nīdus*, Goth *nist* 'nest.'

11. IE **swesōr* 'sister' cannot be separated from Slav **šiur-* (Rus *šurin*), Skrt *syālā* 'wife's brother' [Дыбо, Куланда 2005: 12] as evidenced by such terms for sister as Arm *k'oyr*, OIr *siur*, Welsh *chwaer* and Toch *šar*, *šer* as well as their known cognates with different meanings, to wit, Gk (Hesych.) *ἑορ* ἑοργάτηρ, ἀνεψιός,

ἑορες προσήκοντες, συγγενεῖς, dial. ὄρες ‘κηδεμόνες’, ἐνρέσφι· γυναιξίν = ἑορεσφι and OSwed *swiri* ‘mother’s sister’s son,’ OSax *swiri* ‘mother’s sister’s son,’ OE (*ge*)*swiria* ‘sister’s son, nephew, cousin,’ OFris *swire* ‘cousinship.’ The palatalization in *šurin* is identical to that found in the Tocharian forms derived from **sʷr̥ésērə* [Ringe 1996: 145]. Slav **-u-* is a normal reflex of IE **-ō-*. The original meaning of *šurin*, is, therefore, ‘sisterly.’ The affinal origin of the term for ‘sister’ points to some form of prescriptive cross-cousin marriage practiced by Indo-Europeans. The fuzzy meanings of the Greek glosses seem to be consistent with the meaning ‘wife’s brother, cousin, affine’ and may not represent amnesia to the meaning of obsolete forms, as it is usually assumed. The etymon should be reconstructed as **sʷyéHōr-* (in oblique cases **sʷyeHrō-* with assimilation to **swesōr/*syēsōr*). The etymon with a laryngeal is perfectly compatible with all other IE forms that show “the loss of *-s-*.” In the case of Tocharian, a laryngeal is even better, for the loss of *-s-* in *šar* and *šer* does present a “somewhat serious difficulty” [Van Windekens 1965: 140]. In view of the greater diversity of meanings in IE and their regularity, a borrowing from IE into North Caucasian (comp. Chechen *sēsag* ‘wife,’ Lak *sus* ‘bride,’ Lezgin *sʷas* ‘bride, daughter-in-law,’ etc. [Nikolayev & Starostin 1994: 969]) is more likely than from IE into North Caucasian. This is the reversal of DK’s (*pace* Starostin) (p. 15) hypothesis of the North Caucasian origins of the IE **swesōr*.

12. DK compare IE **daiwēr* ‘husband’s brother’ with Alt **taju* ‘mother’s brother’ [Дыбо, Кулланда 2005: 28]. Burykin & Popov [Бурыкин, Попов 2005: 51] note the originality of this proposal, but DK’s method provides no means to adjudicate between this proposal and Kullanda’s other idea that the IE term is a borrowing from North Caucasian [Kullanda 2002: 108]. Leaving semantics aside, it should be emphasized that the IE nest is a phonologically troubled one. Comp. Gk *δαῖνρ*, Skrt *devár*, Tajik *hewar*, *ewar*, *yūwar*, Kurd *t’î*, *tî*, Talysh *hiy*, Yagnob *séwir*, *sīwir*, Ishkashim *sew*, Sanglechi *tēw*, *tēu*, Munji *yūi*, *yīy*, *yīy*, Osset *tēw*, Pashto *lēvar*, Parachi *hīwar*, *hēwar* [Расторгуева, Эдельман 2003: 310–311], Arm *taygr*, Lith *dieveris*, Fem. *dīeverė*, *dieverė*, Latv *diēveris*, *dievelis*, Slav **děverŭ*, Lat *lēvir*, OHG *zeihhur*, OEng *tācur*, *tācor*, OFris *tāker* (< PGerm **taikr(o)-* [Seebold 1982: 174–175]). Germanic gutturals are anomalous, and may point to **taiwwro-* if they pertain to the so-called *Verschärfung*.

The anlaut in highly unstable, leading Meillet [1929: 90] to invoke the vagaries of female speech as an explanation. I suggest that the form represents metathesized **dawiēr* (Gk δᾱήρ is from δᾱFήρ < **δᾱFήρ* like παῖς is from **παFίς* and not from **παFός**, δαίω is from δαFίω and not from δαFω*; comp. also Gk καινός ‘new,’ Lat *recēns* ‘fresh, young, new’ but Skrt *kanyā* ‘girl, daughter’ (< **kenyo-*), Gk *πειρα* ‘Ende, Grenze, Ziel’ < **περFαρ* in view of Skrt *pārvan* ‘Knoten, Gelenk, Abschnitt,’ *εἶδαρ* < **ἑδFαρ* ‘Speise,’ *θείνω* < **θενίω* in view of Lith *geniū* ‘Äste abhauen, abästeln’ < IE **g^whenyo-*, βαίνω < **βάνίω* in view of Lat *veniō* < **g^wenyo-* [Frisk 1960, I: 208–209, 444, 657–658, II: 490–491].¹ A cluster involving two semivowels (y and w) is likely to become opaque to a language user. In Lithuanian and Slavic, the diphthong *ai* underwent further metathesis into *ie*, yielding *dieveris* and such forms as SerbCroat *djever* and Belarus *dzever*. The IE term for husband’s brother is **dawiēr* and not **daiwēr*. In the laryngeal notation, the etymon looks like **dewH₂ier*. Its further connections are either with IE **awo-* ‘grandfather, grandchild’ (comp. Welsh *wyr* ‘grandchild,’ Bret *douaren, douaran, doaran* ‘descendant, grandchild’ < **d-āwi-ro* [Schrijver 1995: 300–301]) enlarged with a *d*-mobile as in Gk δάκρυ, Goth. *tagr*, OHG *zahar* ~ OLat *dacruma*, Lat *lacrima* ~ Hitt *ishahru-* (with *s*-mobile?), but Skrt *ásru*, Avest *asrū*, Lith *ašarà*, Toch A *ākär*, Toch B *akrūna* (Pl.) ‘tear’; or with IE **dhug(h)H(ə)tēr* ‘daughter.’

Naturally, *-u-* in *dhug(h)H(ə)tēr* is a zero-grade of *-ew-*. The puzzling medial **-k-* reconstructed for the Germanic forms for husband’s brother points to nothing else but IE **g*. Alternatively, in the IE nest ‘daughter,’ the loss of the medial *-g-* recurs in Anatolian, Prakrit, some Iranian dialects, Celtic, and Oscan. The Iranian terms for husband’s brother presuppose **dh* and not **d* [Эдельман 1986: 24, 167–168; Эдельман 2000; Расторгуева, Эдельман 2003: 310–311], with Proto-Iranian **θaiwar-* < **d(h)aiwar-* < **daiwar-*), while Old Indic and Latin point to **d-* and not **dh-* in their reflexes of the IE term for daughter (comp. also Pashto *lēvar* ‘husband’s brother’ and *lūr* ‘daughter’). Dardic and Nuristani terms for daughter (Khowar *jūr*, *žur*, Bashgali *jū*, *juk*, Waigali *jū*, Gawar-Bati *zū*, Kashmiri *chu* [Grierson 1969: 67]) manifest the palatalization of the initial *d-*, which Morgenstierne [1926: 71] failed to explain. Grierson [1969: 67–68] reconstructed

¹ Beekes [1988: 98] also suggest a possibility of metathesis (**daHiw* > **daiHw-*).

**diur* (comp. Balto-Slav **diever-* ‘husband’s brother’), but mentioned a “common” insertion of *i* before *u* in these languages. The possibility of IE **dhuġatēr* and **daiwēr* (or **dhewġHtēr* and **deHiwēr*) being cognates is still difficult phonologically, unless it is possible to demonstrate a connection of the “floating” aspiration components in **dugh(H(ə))tēr* vs. **dhug(H(ə))tēr* with equally unstable palatalization components in **daiwēr* vs. **dyewer* (< **d’ew’er?*), and both of them with hypothetical ancient laryngeals. In this case, the common etymon for IE terms for daughter and husband’s brother would look like **dH₂ewgH₂- / *dH₂ugH₂-*. The identity of the onset of Arm *tal* ‘husband’s sister’ and *taygr* ‘husband’s brother’ may not be coincidental. (See [Windfuhr 2002] for a critique of the idea of contamination between *tal* and *taygr*.) Similarly, Slav **děva* ‘unmarried girl’ (comp. Sorb *džowka*, *žowka*, *džěwka* ‘daughter’ and Tajik *duxtari* ‘girlhood, virginity’), which could not come from **dhēi-* ‘to milk, to breastfeed’ for semantic reasons, is strikingly close to **dēverī*. Considering that IE terms for son are related to the terms for wife’s siblings (see above), it is rather intriguing that the IE terms for husband’s siblings may be related to the term for daughter. In any case, Alt **taju* is introduced into the equation rather prematurely.

13. DK refer to IE **s-wel-* ‘svojak’ [Дыбо, Кулланд 2005: 30]. This entry receives a triple (!) question mark. How is it different from a double question mark that accompanies their reconstruction of the meaning ‘sister’s husband’ for IE **ne-pōt*? I think that there is no difference, for both entries are equally spurious. DK imply that the IE form manifests the so-called *s*-mobile, but the truth is that this is one of those IE *s*-initial forms in which *s* is *not* movable. Reconstructed on the basis of ONorse *svilar* and Gk *εἰλιονες* (also ‘*αἰλιοι*, ‘*αιέλιοι*, ‘*αἴλιοι*, ‘*αιλιονες*, with a copula), the etymon has always appeared as **swelyo-* [Meister 1892; Pokorny 1959: 1046]. One could also adduce Alb *vellā* ‘brother,’ but Albanian regularly loses *s*- in any *swe-* morpheme, comp. *vajzë*, *vetë*, *vjehërr*, etc. [Hamp 1986: 109]. The general shape and the highly specific meaning of this isogloss suggest its belonging with Russ *svojak*, Lith *sváinis*, etc. (see above), although affix *-*l-yo-* has no parallel in this nest. The word does look somewhat similar to Ural **welje* ‘brother, friend,’ Alt **bole* ‘affine,’ but DK make it look more similar than it is in actuality. Why not simply put Alb *vellā* next to Ural **welje*? Since IE **swelyo-* cannot be divorced from other kin terms carrying the *swe-* morpheme, and these are many, it is unlikely that it singularly represents Nostratic legacy in IE kin terminol-

ogy. To be true, DK do bring up another *swe*-kin term (with another triple question mark!) into the picture, namely **swek'uro-* (see above), but in this case its putative Uralic cognate is **ćečä*. Again, an outline of Nostratic sound correspondences would come in handy in this instance.

14. DK separate what they call IE **g'ame* 'to take to wife' from IE terms for 'son-in-law' [Дыбо, Кулланда 2005: 15]. The latter they attribute to borrowing from North Caucasian. Appropriately to DK's style, Beekes's [2002] objections to this separation are ignored. A cursory look at the actual forms (Gk *γαμβρός* [Hesych. 'ο 'ανηρ τῆς θυγατρὸς], Lat *gener*, OLat *genta*, Alb *dhëndër*, Slav **zeti*, Lith *žentas*, Latv *znuots*, Skrt *jāmātar*, Avest *zāmātar*) instantly raises a question: how can **g'ame* be separated from *γαμβρός*, *jāmātar* and *zāmātar*, and these latter forms, in turn, from Alb *dhëndër*, and the last form from Lat *gener*, etc? The IE nest is difficult, and one has to keep his eyes open to different possibilities, but one cannot assign some of the reflexes of a single root to borrowing and others to ancient legacy. At times, solutions offered by long-rangers blur the boundary between genetic kinship and substrate influence, so that Nostratic serves as a kind of substrate language for IE. One has to bring attention to another form that potentially belongs with the IE terms for 'son-in-law' and the verbal root 'to marry.' It is Arm *aner* (dial. *haner*) 'wife's father.' This was noticed by Bugge [1892], who hypothesized the loss of palatal *ǵ* in the Armenian anlaut from the original **ǵaneros*. We know that at least in Greek *γαμβρός* was used not only for son-in-law but also for wife's father [Delbrück 1889: 523; Frisk 1960, I: 287]. The category *γαμβρός* was thought strictly in relation to its direct male reciprocal, wife's father. This seems to be a common feature of IE terms for these classes of affines. OFris *swiāring* 'father-in-law' (IE **swekuros*) also means 'son-in-law' [Kluge 2002: 830], Gk *πενθερός* 'wife's father' was also used for 'son-in-law' and 'sister's husband' [Schrader 1904-1905: 16-17], while OHG *eidam* 'son-in-law' can be applied to 'wife's father' [Delbrück 1889: 529]. Arm *aner* 'wife's father' (translated by Hübschmann as 'wife's father, daughter's husband' (!) [Delbrück 1889: 518]) is unmistakably similar to Lat *gener* and Gk *γαμβρός*. The loss of the initial velar is, of course, a problem, but problems have to be solved and not explained away or ignored. One such solution is to reconstruct PIE **ǵ(H)en(t)er*, with a laryngeal possibly responsible for *a* in Greek and *ž* in Lith *žentas* next to *z* (IE **ǵ*) in Slav **zeti* and Latv *znuots*. (Comp. Slav **swekŭrŭ* ~ Skrt *śvaśura* < **swekH-/*sweH-* and Skrt *duhitā* vs.

Gk *θυγάτηρ* 'daughter' < **dhugH-/dhuH-* [see above].) In this nest a laryngeal is also reconstructable medially, i.e. **genHter* [Beekes 1995], with **gomHter*), which raises the possibility of some sort of assimilation/dissimilation or metathesis.

The alleged connection of *aner* with IE **Han-* 'ancestor' is unsatisfactory in view of the fact that, as an ascending-generation male term, **Han-* is attested only in Old High German (*ano* 'grandfather'). It is unlikely that a word that is supposedly an Armenian innovation came from a source that is attested in a single language from a different subgroup of IE. The only way to keep the connection of *aner* with **Han-* is to derive **Han-* from **ǵ(H)en-*. In this case, Luw *hamsa* 'grandson' can be directly compared to Gk *γαμβρός* and Indo-Aryan **gamatar*, and Hitt *hassa-hanzassa* 'sons and grandsons' to Lat *gener*. This would require abandoning the current understanding of "laryngeals" as lacking material reflexes in IE languages outside of Anatolian, but there seems to be a good reason to do so.

It is notable that PIE palatalovelar and labiovelar consonants, as stops, are lost in "satem" and "centum" languages, respectively, leaving residual traces in the form of spirants that are nothing else but now-phonologized palatal (e.g. IE **g,* **k*' > Slav *z,* *s*) and labial (e.g. IE **k*^w, **g*^w > Gk *p,* *b*) components of the ancient phonemes with complex (double and triple) articulation. In Greek, there is a strong agreement in the choice of a labiovelar reflex depending on the quality of the following vowel, so that *k*^w > *t* before front vowels, but *k*^w > *p* before back vowels. This is exactly how "laryngeals" behave: as separate phonemes, they are lost in all IE dialects outside of Anatolian, and possibly Armenian and Albanian as well. However, in languages like Greek and Latin they influence the quality of neighboring vowels (*e* < **H₁e*, *a* < **H₂e*, *o* < **H₃e*, etc.), and in Sanskrit they influence preceding stops (*th* < **tH*, *gh* < **gH* in some cases, etc.). If one assumes three PIE laryngeals, they were probably a palatal (*H₁*, *e*-coloring), a velar (*H₂*, *a*-coloring) and a labialized (*H₃*, *o*-coloring) fricatives existing alongside voiceless (*p,* *t,* *k*) stops, and voiced (*b,* *d,* *g*) stops. Palatovelar, labiovelar and aspirated stops emerged later as a result of positional (proximate and distant) interaction between PIE "laryngeals" and plain voiced and voiceless stops.¹ This scenario is especially plausible if the laryngeals were

¹ On the connection between laryngeals and IE palatalized consonants see [Hammerich 1948].

vowels and not fricatives [Reynolds, West, Coleman 2000]. Or, if two fricative rows (x^y , x , x^w ; γ^y , γ , γ^w) underwent hardening into stops or weakening into *h*/zero in various dialects. Another fricative *s*, which often exhibited a “mobile” quality and shifts to *h* in Iranian and Greek, could also be part of a tripartite series $s^y \sim s \sim s^w$, as hypothesized in [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. The relative position of these ancient phonemes in a word (initial or medial), assimilation/dissimilation, and metathesis have contributed to the complexity of their reflexes. Three examples involving well-known IE cognate sets illustrate this point:

**paHs-* ‘protect, herd’: Hitt *pahs-*, Lat *pāscō* next to **pekos* ‘cattle’: Skrt *pasu*, Lith *pekus*. The compound etymon is **pekH₁-* or **peH₁-*.

**peHur-* ‘fire’: Hitt *pahhur*, Gk *pur*, Lat *purus* next to **pek^wo-* ‘bake’: Slav *peko*. The compound etymon is **pekH₃-* or **peH₃-*.

deH₂u-*/dweH₂-* ‘burn, roast, kindle’: Skrt *dūyate* ‘to burn, to be burnt,’ *dāvā-* ‘conflagration, fire,’ A *twās-*, B *tu-*, *twās-* ‘kindle, ignite, light’ next to **dhū-mo* ‘smoke’: Hitt *tuhhi*, Skrt *dhūma*, Lat *fumus*, G *thūmós*, Toch A *twe*, B *tweye*, OPr *dumis*, Russ *dym*. The compound etymon is **deH₂u-* > **dH₂eH₂u* > **dheH₂u* > **dhū-* (after the loss of laryngeals).

**bhreHter* ‘brother’ next to *mer-* ‘affine.’ The compound etymon is **mereH₂-* > **mreH₂-* > **mbreH₂-* > **breH₂-* > **bhra-* (see below).

15. The alleged Nostratic root **pVwjV-* ‘child, son’ (PAltaic **póju*, Ural **pojka*, IE **pau-*, etc.) [Дыбо, Кулланда 2005: 18–19], not being strictly speaking a *Lallwort*, has a distribution far beyond Nostratic languages [Ruhlen 1994: 186], and it takes additional work to demonstrate that it is not a convergence or a borrowing.

16. Entries such as IE **pot-* ‘master, husband,’ Dravid *pod* ‘wife’s father’ < Nostr **podV-* ‘master, wife’s father’ [Дыбо, Кулланда 2005: 30] are difficult to comment on in view of their marginal position among Nostratic kin terms. The etymon is generated by simple amalgamation of IE and Dravidian meanings and shows a strange *-V-* that is not present in either IE or Dravidian root. The semantic connection is as opaque as, say, ‘rain’ and ‘puddle.’

17. Nostr **berV* ‘brother’(?) is reconstructed on the basis of Alt **bèré* ‘brother’s wife’¹ and IE **bhrāter* ‘brother’ [Дыбо, Кулланда

¹ In [Starostin, Dybo, Mudrak 2003, I: 339] the Altaic protoform is glossed as ‘daughter-in-law.’

2005: 27]. The actual Altaic content of the second etymon is the following: PTung **bener* ‘younger relative-in-law’ (Evk *bener*, Evn *benər*, Nan *bener*, etc.), PMong **beri* ‘daughter-in-law, bride, older brother’s wife’ (MMong *beri*, *berigen*, Bur *beri*, *berigen*, Kalm *berə*, *berḡ*) [Starostin, Dybo, Mudrak 2003, I: 339]. Nostr **berV* ‘brother’ is accompanied by a note that Alt **bèré* is built on an unattested term for brother. It is just as simple to claim that this unattested form is a borrowing from IE **bher-* ‘to carry a child’ (Goth *baurn* ‘son, boy,’ etc.) because my brother’s wife brings a new child into my family. In cases like this, a long-ranger usually replies that all of these roots are related. (IE **bhrātēr* and IE **bher-* were indeed put together by Baudouin de Courtenay [Бодуэн де Куртене 1903], who, however, used another meaning of **bher-* ‘to take’ to justify the connection.) If so, the significance of the putative connection between **bèré* ‘brother’s wife’ and IE **bhrātēr* ‘brother’ for the evolution of Nostratic kinship systems fades away. With DK’s methodology anything can be hypothesized, explained and explained away.

Paradoxically, Nostratic theory may encounter a new adversary, or a new partner, namely long-range comparison not between different first-order language families but between different first-order etymological nests of the same family. It will come as a surprise to DK that IE **bhrātēr*/**bhreHtēr* is cognate with Kullanda’s most favorite IE root **mer-*. Kullanda [2002: 94–95; Дыбо, Кулланда 2005] dutifully recapitulates the variety of meanings associated with **mer-*: 1. “(pubescent) youth” (Skt *márya* ‘(warlike) youth, lover,’ Gk *μείραξ* ‘lad, girl’); 2. “troublemaker, brigand” (Avest *mairiō* ‘rascal, knave’); 3. “fiancé, husband” (MidPers *mērak* ‘fiancé,’ Lat *marītus* ‘husband, lover, suitor’); 4. “one bred to the profession of arms” (OPers *marika*, a competent freeman or warrior, the addressee of a king’s inscription); 5. “slave” (Pashto *maráyá* ‘slave, bondsman’). Yet, he underplays the significance of specifically affinal meanings of this root. He does not mention Lith *martì* ‘bride, young woman, daughter-in-law, female affine,’ *mergà* ‘girl, young woman, girlfriend,’ Germ **brūdi-* ‘bride’ (< IE **mrūti-*) [Kluge 2002: 147], Crim-Goth *marzus* ‘nuptiae,’ Alb *shemër* ‘co-wife, concubine, female rival’ (< OAlb *shemërë* < **sm-mer-yā* ‘co-wife’ or **sub-marīta* [Orel 1998: 411]), Cymr *merch*, Bret *merc’h*, Corn *myrgh* ‘daughter, wife’ and, most regrettably, Latv *mārša* ‘brother’s wife’ (< **martiya*) [Pokorny 1959: 738–739; Seebold 1991]. Kullanda chooses the most

marginal semantic development, namely Indo-Aryan 'natural born fighter' and presents it as PIE. It is clear, however, that the affinal/sexual meanings are original. They are attested in all branches, including Indo-Aryan. Latv *mārša* 'brother's wife' is transparently built on the brother category (comp. Lat *frātria* 'brother's wife'). A phonetically natural change *m* > *b* before a liquid is attested in this nest in Germanic, and is otherwise common in Greek, Latin, and Celtic. The vexing problem, of course, is aspiration in IE **bhrātēr*/**bhreHtēr*. This, however, can be explained as a secondary laryngeal throwback, i.e. PIE **mer-* > **mreH-* > **mbreH-* > **breH-* > **bHreH-* > **bhreH-*, and finally **bhrā-ter* after the loss of laryngeals. This is a plausible scenario, especially since laryngeal theory explains voiceless aspirates in Old Indic as resulting from the PIE clusters consonant + laryngeal. In several well-known cases such as Skrt *aham* vs. Gk *εγώ*, Skrt *mahant-* vs. Gk *μέγας*, Skrt *duhitā* vs. Gk *θυγάτηρ*, Skrt *hanu-* vs. Gk *γένυς* the difficult correspondence Skrt *h* ~ Gk *g* is also explained as PIE **gH* and not **gh* (see above). Aspiration throwbacks are well-attested in Greek: **arhmo* (Mycen <*a-mo*> and not <*a₂-mo*> as one would expect had it been *harmo*) > *háрма* 'wheel,' **euho* > *héuo* 'sing,' etc. [Garrett 2006: 141]. Finally, Gary Miller [1977] argued for the possibility of aspiration throwback processes in proto-IE. The potential phonological problem with my interpretation is that it requires moving two processes currently considered local developments (*mr* > *br* and voiced consonant+laryngeal > voiced aspirate) all the way down to the PIE level.

Meanwhile, morphologically, **bhrātēr*/**bhreHtēr* is identical to *marītus* and **brūdi*, and constitutes a derivational form meaning 'belonging to *mer-*.' There is one IE case in which the word 'brother' developed martial semantics. Comp. Skrt *bhrātrvyā* 'father's brother's son; nephew, cousin' but also 'rival, adversary, enemy.' The root **mer-/mreH-* is another evidence in favor of the systematic affinal-consanguineal equations in PIE. Its real meaning was probably 'cross-cousin, affine, potential spouse' and it was gender-neutral and self-reciprocal.

Alt **bèré* 'older brother's wife, bride' manifests perfect semantic fit with IE **mer-/mreH-* and some intriguing morphological parallels (comp. Mong *berigen* and Lith *mergà*), but its phonological relevance to it can be hypothesized only if the Altaic forms underwent a

similar change $m > b$. Alt $*m >$ Turkic b is regular, but there is no indication that Alt $*b\grave{e}r\acute{e}$ developed from $*m\grave{e}r\acute{e}$ unless one adduces Tung $*myare-$ ‘to marry’ (Evk *mirē-*, Evn *mierōn*, Ul *miren*, Ork *mīren*, Negid *mijēn*, Nan dial. *marin-*) [Starostin, Dybo, Mudrak 2003, II: 923] that DK consider cognate with IE $*mer-$ [Дыбо, Кул-ланда 2005: 15–17]. At least morphologically these two Altaic roots are identical. A. Dybo, however, is blind to the import of her own Altaic material. At the very least, she should have commented on the origin of the glide in Tung $*myare-$. Kullanda’s attribution of the meaning ‘member of the age-class of young warriors’ to the Nostratic level is too far-fetched. Various Uralic, Dravidian and Afroasiatic *mar*-words meaning ‘son,’ ‘man’ and ‘buck’ cited by DK is currently a messy collection, with no necessary relevance to the promising IE-Altaic isogloss. The kinship category ‘son’ has nothing to do with the affinal world, while ‘man’ and ‘buck’ lack the specificity of kinship semantics inherent in Alt $*b\grave{e}r\acute{e}$ and IE $*mer-/mreH-$.

Nostratic Studies, Indo-European Studies, and Kinship Studies

This is not the place to discuss the general validity of the Nostratic theory. It is far from being universally accepted, and DK know very well the avalanche of criticism long-range comparison has received in the past two decades. It is worth pointing out, however, that, for some, long-range linguistics has become a religion and a way of life. These zealous “Nostraticists” and the like tend to take their theories as a proven fact, and thus there are articles like DK’s in which there is *no* phonological synopsis and *all* etymological entries are inadequate. The adverse effect of such a belief and, more so, of its enthusiastic advertisement is that scholars working in adjacent disciplines begin to take for granted what, inside the discipline, is subject to severe controversy. Recently a group of American linguists was compelled to publish an article in a genetics journal discouraging gullible geneticists from using Greenberg’s classification of Native American languages [Goddard et al. 1975]. It would be very appropriate for long-rangers to undertake a serious revision of their proposals instead of mechanically amassing more and more living and ancient languages under fewer and fewer classificational labels. Reconstructions such as Indo-European $*apa$ – Nostratic $*apa$

– Hamito-Semito-Sino-Nostratic **apa* – World **apa* ‘older relative’ are ludicrous and unscientific. Scholars should not waste their time on them; they will never become convincing.

As far as kin terms are concerned, IE has no clear “Nostratic” or “proto-World” vocabulary. This is a stronger verdict than even Bomhard’s [1999: 69] who wrote concerning Aharon Dolgopolsky’s work: “Etymologies 109 through 119 discuss kinship terminology. Nearly half of these are not convincing or must be rejected... Unfortunately, these [i.e. remaining. – G.D.] kinship terms tell us relatively little about the family structure of the speakers of proto-Nostratic.” All of the IE kin terms seem to be of IE origin. Kin terminological systems reflect and shape social conditions. Hence, they are subject to diverse evolutionary processes, and it is very unlikely that a word reconstructed for PIE can simply be projected into a more distant past. It is phonomorphological and semantic *changes* in kin terminological systems that have to be described and accounted for, and not the alleged persistence of individual lexical items. Comparative method is about systematic *differences* in form and meaning and not about the similar form and the similar meaning for 20,000 years.

I am very far from denying that Indo-European is related to some other language families. (Even the harshest critics of Nostraticist or Greenbergian methods do not deny the possibility of long-distance connections [Campbell 1986].) In fact, kinship studies have the longest history of global comparative research, and my work [Дзібель 2001; Dziel 2007] is a continuation of this tradition. Unfortunately, long-range comparativists have taken no advantage of kinship studies. I remember M. Ruhlen’s two charactersitic remarks in my conversations with him: “I have always been intimidated by kinship studies” and “We deal with words and not with principles by which relatives are classified.” But it takes a great deal of interdisciplinarity and methodological sophistication to establish at least one uncontroversial case of long-distance relationship. Long-rangers’ publications in general, and DK’s article in specific, do not have either. Greenberg’s [1963: 1] dictum that only linguistic facts should determine linguistic classification is flawed because sometimes, as in the case of kin terms, language and culture can hardly be differentiated (comp. also [Silverstein 2004]). It served its purpose at a time when physical features such as hair were routinely used to group languages, but at this stage of scientific research informed interdiscipli-

narity is undoubtedly more efficient than currently rampant linguistic (or archaeological, or population genetic, for that matter) purism.

Long-range comparison has very strong potential, and should IE kin terms be properly reconstructed they will find their matches in other language families (if their respective kinship vocabularies are also properly reconstructed). For the moment, however, it seems rather odd that despite a hundred of years of IE historical linguistics, several decades of Nostratic research and the seemingly impeccable methodology of comparative linguistics according to which “all phonemes of language B are derivative of the phonemes of language A, these rules operate on a bulk of language B’s basic vocabulary, and the share of preserved lexical items increases if one samples more stable parts of vocabulary” [Старостин 1999: 61], kin terminological entries on both Indo-European and Nostratic levels are in complete disarray.

The problem, in my opinion, is methodological. For a historical linguist (especially for a long-ranger), proving genetic kinship between languages is a self-satisfying goal. To attain this goal, he chooses the easiest part of a language that he proudly proclaims to be that language’s “basic vocabulary” [Starostin 1999b] and then he bombards his colleagues with hundreds of “uncontroversial” examples in which forms and meanings seem to be mutually consistent. By a sleight of hand, he dismisses what he calls “cultural” vocabulary (see [Старостин 1999: 60] as capable of serving his lofty goal. Eventually, he may give some thought to cultural vocabulary, but it is most likely going to be agricultural and metallurgical terminology [Starostin 2004].

Nominally, this approach, however well-established and widespread, is the exact opposite of scientific methodology, i.e. a methodology that seeks to discover the parameters of existing reality as opposed to truncating and twisting this reality to meet the subjective goals of its student. One should *start* with “cultural” vocabularies. The whole lexicon of a language is “cultural,” and it has never been demonstrated that words for “sun,” “earth,” “foot,” and “louse” are neutral to cultural elaboration. Nobody has ever demonstrated that “basic” vocabulary is neutral to sound symbolic processes, and in fact, statistical evidence to the contrary has been presented (see [Ciccotosto 1991]). But for kin terms, the assumption of the conservation of form and meaning for millenia is especially problematic, for we

do not know what constitutes “the same” in kin terms in the first place: words like *tata* scattered around the globe and used to “prove” the genetic unity of all human languages already two centuries ago or words like *doč* ‘daughter’ and *zolovka* ‘husband’s sister’ that derive from the same IE root **dhuǵH-* but have remained unacknowledged as close cognates up until now. Kin terms constitute the “basic” part of “cultural” vocabulary, for they pertain to the very reproduction of a human group. Kin terminological systems function as “microfamilies” within human languages and derive their integrity from objective social process. Unlike the linguist’s families and phyla, they are anchored in the mind of the speaker, and the logical and linguistic specificity of kin terms as relational nouns are well-attested. The goal is not to prove what matters only to a linguist, but to elicit the actual structures of social relations in which the speakers of a proto-language were enmeshed, and to extract phonetic laws and classification groupings from such an elicitation. Kinship, as seen through language, is not a metaphor for a certain percentage of cognate items but information about non-linguistic reality obtainable *only* through the *use and study* of language. Among related languages, there is this informational gain; among unrelated languages, there is none.

Interestingly enough, among historical linguists, research into the homeland of a proto-linguistic community commands greater interest than the reconstruction of a system of social relations binding this ancient community together. It is as if linguists were Australian aborigines or American Indians who consider kinship a matter of land rather than society. Alternatively, students of human kinship systems are free from obsession to prove that Indo-Europeans are related to Inuits; it may surface as a by-product of their research. The unity of humankind, be it genetic or linguistic, was something Lewis H. Morgan took for granted when he entitled his work *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*. The driving impetus of kinship research is to unearth the essential structures of social semeiosis, their evolution, and their relation to biological reproduction of human groups and their dispersal in time and space. It remains to be desired that linguists develop an equal penchant for that “shadow” of language that is usually left to anthropologists¹. The closest ap-

¹ In a recent description of Dan (Mande) kin terminology, linguist Valentin Vydrin [Выдрин 2005] identifies the importance of relative age distinctions. But since Vydrin lacks any familiarity with literature on kinship studies, he does not realize that he

proximation to the kinship studies' approach to human semiotic diversity is Johanna Nichols's [1992] pioneering work on "population linguistics," in which an interrelated set of grammatical structures is mapped onto geographical areas.¹ The notion of "genetic kinship" of human languages is disposed of altogether, for after several thousand years the conventional formalistic approach to human languages loses its power.

Sibling Terminologies of "Nostratic" Languages: A Brief Look

Among long-rangers, there is a firm belief that pronominal systems, due to their conservative nature and inherent resistance to borrowing, are diagnostic of macrofamilies (see, e.g. [Старостин 2004: 435; Ruhlen 2005]. The use of pronominal systems by long-rangers is predicated on the absolute identity in the meanings of pronouns. They screen languages for "first-person pronouns," "second-person pronouns," and "third person pronouns." (More complex pronominal systems found in Southeast Asia, Australia, Oceania and the Americas that sometimes mirror kinship-based categorical positions are predictably avoided in long-range comparisons.) Sometimes they find that a whole group of distant languages has a first-person pronoun beginning with an *m*- and a second-person pronoun beginning with an *n*-. They announce that these languages are related. This argument is circular. How do we know that two languages are related? They have similar pronouns? How do we know that pronouns are conservative? They are found in a similar form in many languages. Even if these pronominal forms are related, where do we go from here? We have a mass of languages with a *m/n*-pattern, a mass of

describes so-called Sliding Generation terminology. Dan is one of the very few African languages that possesses this type of kinship classification (see [Дзибель 2001; Dziel 2007]) usually thought to be restricted to Uralo-Altaic languages. The oddity of Vydrin's ignorance can be excelled only by an anthropologist who discovers a click language in South America, tries very hard to give it a meaningful phonological description and is blissfully unaware of the existence of click languages in South Africa. Luckily such an anthropologist does not exist.

¹ Nichols actively uses Klimov's evolutionary interpretations of the extant types of grammatical structures. Without knowing of Nichols's work, I attempted to establish formal analogies between types of kin terminologies and "language order" types in [Дзибель 1997]. This line of thought was later abandoned for the reason of the complexity of comparisons involved, but recaptured in [Dziel 2007] after a thorough study of Nichols's sample and published works.

languages with an *n/t*-pattern, a mass of languages with an *m/k*-pattern, and this is a blind-alley, for there can be no phonetic law that gives priority to, say, the *m/k*-pattern over the other two as the proto-human pronominal system. Alternatively, the oft-cited resistance of pronominal systems to borrowing is contradicted by many examples from Southeast Asia and the Pacific (see [Thomason, Everett 2001]). The belief in the timeless and atomistic nature of pronouns is also undermined by a wide array of examples in which first and second person pronouns are clearly derived from nouns of social relations [Lehmann 1995: 39–42]. Hence, the world-wide parallels in the phonetic shape of these pronouns is probably a result of convergence.

Sibling classifications, as bounded sets, show some resemblance to pronominal paradigms. Notably, in one studied case, namely the Algic language stock in North America, Yurok shares with Algonquian both a pronominal system and a highly peculiar double sibling set (see [Goddard 1975; Goddard 1986]). Since Algic lies at the threshold of persuasively provable genetic relatedness, it is highly symptomatic that it is pronouns and kin terms that furnish decisive evidence. Notably enough, the individual sibling terms are not shared between Yurok and Algonquian – only logical categories are. Every sibling terminology occupies a particular slot in the global diversity of attested and theoretically possible sibling classifications (see [Nerlove, Romney 1967; Kronenfeld 1974; Дзибель 2001; Dziel 2007]). Types of sibling nomenclature can be arranged into a developmental sequence from a maximum of 8 distinctions to a minimum of one term. The use of sibling terminologies as a probing device into ancient population history is more elegant and efficient than the comparisons of words belonging to pronominal paradigms. There is no fixed system of semantic reference, but rather a range of logical possibilities onto which concrete lexical items are mapped. We can reconstruct a proto-human combination simply on the basis of logic, then test it against empirically attested changes, and plot all the languages onto the evolutionary matrix.

If one takes a single kin terminological parameter such as patterns of sibling nomenclature and takes a cursory look at its distribution among language families subsumed under the labels “Nostratic” and “Eurasian” [Greenberg 2000] an interesting picture emerges. Dravidian, Uralic and Altaic families as well as Japanese are indeed very similar to each other in possessing the Relative Age type (or its im-

mediate derivatives). But Kartvelian falls completely out of this group by showing (in Svan) the exact opposite of this pattern, namely the Relative Sex type: *muxûbe* mB, *žemil* wB, *dačûr* mZ, *udil* wZ. Kartvelian sibling terminology is so rare worldwide (in my sample of some 2500 languages) and completely absent in Eurasia that its affiliations can be very significant for historical reconstruction. It turns out that it is identical to Basque (Biscayan *anaya* mB, *arrabea* mZ, *neba* wB, *aiztia* wZ; Labourdin, Navarese, Guipuzcoan, Souletin *anay* B, *arreba* mZ, *ahizpa* wZ [Araujo 1969]) and Burushaski (*acho* mB = wZ, *ulus* wB, *yas* mZ) sibling patterns. As far as I know, only Hugo Schuhardt [1913: 323–324] noted the startling resemblance of the Svan sibling nomenclature to that of Basque, while Tiffou [1999: 32–33] is the only scholar who compared Burushaski and Basque. Unless proto-Kartvelian borrowed its entire sibling set from North Caucasian (it is possible because a similar structure is potentially imaginable for pre-proto-North Caucasian [Hewitt 1981], but unlikely because it is simply not attested in any North Caucasian language), this fact constitutes an important piece of evidence in favor of the Kartvelian connection with Basque and Burushaski and against its belonging with other “Nostratic” languages.

The Kartvelian-Basque interface, built on the basis of some grammatical and etymological matches (see, e.g. [Lafon 1933; 1951–1952]), has fallen out of favor with mainstream linguists [Апутьюнов 1994: 93]. In addition, mtDNA genetics did not detect any connection between the Basques and the Georgians [Comas et al. 2000]. However, a vast geographical distance separating the Basques from the Georgians and the millenia of gene exchange between them and their more numerous neighbors could well have obfuscated their molecular kinship. This was suggested by the students of nuclear genetic markers [Bertorelle et al. 1995]. The Basques are highly specific linguistically, but indistinguishable from Indo-Europeans genetically, suggesting that languages are capable of preserving traces of ancient affinities and divergencies better than molecular systems. Sibling terminologies may, therefore, add kindling to the old Ibero-Caucasian fire.

Alternatively, it might be argued that the sibling pattern in question is an “adaptive” property of isolated languages (in Africa, Sandawe, the only carrier of the same structure, is also an isolate; in the

Americas, Yuchi and Quechua are isolate and Keresan is a small family). However this argument will not eliminate the opposition of Kartvelian to Nostratic languages, for a relative-sex pattern cannot be simply derived from a relative-age pattern. They are different in principle. Relative-sex sibling terms are attested in other branches of "Nostratic": for instance, in Ryukyuan, there are two evidently archaic terms absent in Japanese (e.g., Yaeyama *busha* oB, *boma* oZ, *ututu* ySib, but also *bigiri* wB, *bunari* mZ [Ouwenhand 1985: 109–110]); in Mordvinian, *yalaks* is used by a sister for her brother, but only vocatively¹; in Ulchi and Orok there seems to exist a full set of relative-sex terms of which only *pundazü* mZ, *näuzektä* wZ, *nädilni* wB (Orok *pundaduni* mZ, *taajini* wZ, *naadaktani* wB) have been reported [Золотарев 1939: 73; Ikegami 1969]; several Dravidian languages in my sample show joined relative-age/relative-sex lexemes (e.g., Duruwa *dada* oB, *bai* oZ, *toled* myB, *calal* myZ, *toda* wyB, *calid* wyZ [Thusu 1965: 82–91]). But these usages are either poorly documented or marginal in their respective families. They could represent various archaisms shedding a light on the complexity of proto-Nostratic sibling classification and securing a common Kartvelian-Nostratic node, but more information is needed to make full sense of these facts.

The isolated position of Kartvelian, as seen through their sibling terminology, corresponds closely to existing Nostratic subgroupings: Kartvelian and Indo-European constitute the Western subgroup, while Uralic, Altaic and Dravidian the Eastern subgroup of Nostratic languages. Or, Kartvelian is an outgroup for Indo-European, Uralic, Altaic and Dravidian [Bomhard 1998: 27]. But the Kartvelian-Basque-Burushaski connection puts the whole theory into question. Alternatively, Sino-Tibetan, Ket and Na-Dene do not have the Kartvelian-Basque-Burushaski pattern either, hence the membership of Basque and Burushaski with another controversial grouping called "Dene-Caucasian" is also problematic. The sibling profiles of Eskimo-Aleut languages do not show similarities to any of the "Nostratic" languages. They are firmly part of Amerindian variation which is generally similar to sibling terminologies found in the Pacific. The same can be said about the Korean and Ainu sibling sets: they are

¹ The puzzling discrepancy in meaning between *patya* 'older sister' in Erzya and *patya* 'older brother' in Moksha (see [Николаев 2004: 378–379]) may also derive from an ancient, more systematic, relative-sex based usage.

very similar to Amerindian and very unlike Nostratic. It is worth highlighting, however, that sibling terminologies are subject to unilineal change (see [Hage, Harary 1996; Дзібель 2001; Dziebel 2007]), so that the *evolution* of Nostratic sibling sets from Korean, Ainu or Eskimo is perfectly conceivable. But with Eskimo and Korean kin terminologies entering the picture, we find ourselves in a whole new Circumpacific world. The present consensus as to the non-belonging of Afroasiatic with “Nostratic” languages [Appleyard 1999] is supported by sibling terminological evidence. It also suggests the possibility of an ancient connection between Afroasiatic, North Caucasian and Ket.

The IE sibling pattern can easily be derived from either the Dravido-Uralo-Altaic-Japanese structure or from the Kartvelian structure. Saami reduced a relative age nomenclature to a brother-sister structure, while Georgian, Megrelian and Zan developed a brother-sister set by ousting relative sex distinctions. Whether proto-Indo-Europeans divided their siblings by relative age or by relative sex, is unclear. The pair **swesôr* ~ **bhrâtçr*, with original affinal meanings, apparently replaced a four term set after the collapse of a certain type of prescriptive marriage system in proto-Indo-European.¹

Conclusion

Obviously, my aim is not to reject the Nostratic and Dene-Caucasian hypotheses on the sole ground of sibling terminology (there are languages with double sibling terminology, so that relative age and relative sex distinctions can function in different registers of the language), but Nostratic theory will make sense to a student of comparative kinship systems only if its lexical “findings” are placed on a solid synchronic and diachronic typological basis. Without such a basis, all linguistic contributions to the prehistory of human kinship systems are doomed to remain of the quality of medieval ruminations

¹ Among typological archaisms that IE apparently shares with Eastern “Nostratic” languages are cross-generational (vertical) kinship dyads. Comp. Oroqen *əntilži* ‘mother and child,’ *antilži* ‘father and son’ [Grenoble, Whaley 2003: 112, n. 13] and such Germanic forms as OE *apumswēoran*, *suhtergefæderan*, OHG *gisunfader*, *sunufatarungo*, ONorse *feðgar* ‘father and son,’ *moeðgur* ‘mother and daughter,’ *feðgin* ‘parents,’ *moeðgin* ‘mother and son,’ *systkin* ‘sister and brother,’ *fridgen* ‘lovers.’ Otherwise, these formations are common in Australian and North American Indian languages.

about the “Tower of Babel”. One has to echo the words of Brent Vine [1991: 31] that “in many ways, the Nostratic theory is indeed an elegant and well-articulated structure. But with respect to the treatment of Indo-European data, it remains as yet a house of cards.” Another quote of relevance belongs to Kevin Tuite [2006: 30]: “It seems at first glance paradoxical that the hypothesized sound correspondences linking the far-flung members of these mega-families are characteristically much more straightforward than those detected in Indo-European.” The reasons behind this paradox were intensely explored in [Дзибель 2000а,б; 2001], and now it is worth reiterating three principal thrusts of my argument: a rigorous phonetic reconstruction depends on the semantic composition of an etymological nest; phonetic laws are all about regular *differences* in form and meaning and not about their perceived *similarities*; the reconstruction of a proto-language can be considered complete only when all words in principal lexicosemantic fields such as kin terms, numerals, zoonyms, and somatonyms receive exhaustive etymological interpretations and the nature of the phonological system of a proto-language is uncontroversial. Greenberg’s defense of long-range comparison involving axioms such as “classification precedes reconstruction” [Croft 2001: 823] (that he attributed to the early Indo-Europeanists such as Franz Bopp) is the distortion of the principle of the priority of semantics in the composition of a cognate set. This principle has been underappreciated within a known language family, and it is meaningless outside of it. Chasing after a myriad of similar words across the entire Eurasian land mass should give way to the multilateral comparison of organically interconnected lexicosemantic fields within and across the first-order language families.

Finally, should Nostraticists persist in building their houses of cards and towers of Babel, they will themselves become objects of anthropological interest. As Australian R.M.W. Dixon [1997] and British Roger Blench [1999] pointed out, the emergence of the Nostratic school and the proliferation of Nostratic linguists in the former Soviet Union can be understood in the context of the isolation of Soviet intellectuals from the rest of the academic world. Ambitious young men and women, with competence in ancient and modern languages and a deep yearning for freedom, just did not have anywhere else to proceed from their conventional piecemeal research but into the world of gigantomaniac linguistics. Nostratic linguistics

can be seen as a reincarnation of Marrian linguistics (comp. [Kaye 1999: 329]. On the one hand, Nostraticists consciously segregate themselves from Marrism parading methodological rigor and scientific precision. On the other hand, many long-rangers differ little from it showing the same mix of nonsense, arrogance, and hot-headed enthusiasm. In Africa (Blench's area), Asia, America and the Pacific (Dixon's area), there are hundreds of living languages that are going extinct without receiving a decent linguistic description, and it is rather odd to watch professional linguists engage in piling up more and more hypothetical proto-languages in an attempt to reach for the long-forgotten Adamic tongue.

Western observers may well be right regarding the pernicious influence of a totalitarian ideology on the state of the social sciences in Eastern Europe. Cases like Marrism, Lysenkoism or "Deutsche Physik" prove that a political ideology can dominate over impartial research. The development of IE linguistics was fueled by European nationalism; and Holger Pedersen, the author of the term "Nostratic" (from Latin *noster* 'our'), believed in Nordic superiority. Nostratic reconstructions are conceived of as a continuation of Indo-European reconstructions. There may exist a streak in European historical linguistics that submits objective reality to a dogmatic straightjacket. If the languages under comparison are indeed closely related, this streak is not very visible. But once more remote relationships are tackled, this streak surfaces, making the majority of scholars recoil from "Nostratic" results. Perhaps Nikolai Marr was a Japhetic, while Nostraticists are Hyperborean scholars, with corresponding differences in ideas and discourse, but with the same ignorance of objective reality.

Being a Russian scholar, it is even more puzzling to see long-range linguists refrain from any engagement with related disciplines. Neither historical materialism nor closed borders can prevent a Soviet linguist to read and learn from a Soviet ethnologist. It appears that over time, intellectual escapism has degenerated into sheer sectarianism, and political dissidence into parochial clanishness. DK do not read anybody, do not cite anybody, do not explain anything, and they do not doubt their own judgment to the point of allowing mild tinkering with the data. Their knowledge of IE linguistic material, of comparative ethnology and IE written history, and of kinship typology is very superficial. But what they do have is an unwaivering re-

solve to speak for the history of hundreds of languages as if it were their private, almost familial, story. And they naively expect other scholars to simply take their word on it.

Андреев 1970 – *Андреев М.С.* Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928 гг.). Душанбе.

Арутюнов 1994 – *Арутюнов С.А.* Языки народов Кавказа // Народы Кавказа: Антропология, лингвистика, хозяйство. М.

Асмангулян 1983 – *Асмангулян А.А.* История армянских терминов родства (опыт историко-этимологического исследования). Ереван.

Бгажба 1964 – *Бгажба Х.С.* Бзыбский диалект абхазского языка (Исследования и материалы). Тбилиси.

Бодуэн де Куртенэ 1903 – *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Лингвистические заметки и афоризмы // Журнал народного просвещения. № 5 (2, май).

Буга 1911 – *Буга К.К.* Балтийские (аистийские) этимологии // Русский филологический вестник. Т. 66. № 3–4.

Бурыкин, Попов 2005 – *Бурыкин А.А., Попов В.А.* О некоторых итогах обсуждения реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // АР-9.

Выдрин 2005 – *Выдрин В.Ф.* Терминология родства и свойства в дан-гуэа // Ad Nominem. Памяти Н.М. Гиренко. СПб.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси.

Дзибель 1997 – *Дзибель Г.В.* Поколение, возраст и пол в системах терминов родства / Канд. дис. (рукопись).

Дзибель 2000а – *Дзибель Г.В.* К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства // АР-5.

Дзибель 2000б – *Дзибель Г.В.* Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях // АР-5.

Дзибель 2001 – *Дзибель Г.В.* Феномен родства: пролегомены к иденетической теории. СПб. (АР-6)

Дыбо 1996 – *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: соматические термины (плечевой пояс). М.

Дыбо 1978 – *Дыбо В.А.* Ностратическая гипотеза (итоги и проблемы) // Изв. АН СССР, сер. лит-ры и языка. Т. 37, № 5.

Дыбо, Кулланда 2005 – *Дыбо А.В., Кулланда С.В.* Ностратическая терминология родства и свойства // АР-9.

Золотарев 1939 – *Золотарев А.М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.

Иванов 1990 – *Иванов Вяч. Вс.* Об отдаленном родстве в пределах семьи: анатолийский и индоевропейский, юкагирский и уральский // Урало-индогерманика: балто-славянские языки и проблема урало-

индоевропейских связей. Материалы III балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. Ч. 2. М.

Иллич-Свитыч 1971 – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М.

Климов 1964 – *Климов Г.А.* Этимологический словарь картвельских языков. М.

Климов 1994 – *Климов Г.А.* Древнейшие индоевропейизмы картвельских языков. М.

Мартынов 1960 – *Мартынов В.В.* [Рец.]: Трубочев О.Н. История славянских терминов родства // ВЯ. № 5.

Микола 1999 – *Микола Т.* Эллиптическое двойственное число в нганасанских терминах родства // *Europa et Sibiria: Beiträge zu Sprache und Kultur der Kleinerenfinnougrischen, Samojedischen und Paläosibirischen Völker. Gedenkband für W. Veenker, herausgegeben von C. Hasselblatt und P. Jääsalmi-Krüger.* Wiesbaden: Harrassowitz.

Николаев 2004 – *Николаев С.Д.* Система родства // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск.

Расторгуева, Эдельман 2003 – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М.

Соселия 1979 – *Соселия Э.* Анализ систем терминов родства (по материалам картвельских языков). Тбилиси.

Старостин 1999 – *Старостин С.А.* О доказательстве языкового родства // Типология и теория языка: От описания к объяснению. М.

Старостин 2004 – *Старостин С.А.* Современное положение дел в макрокомпаративистике // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. М.

Трубочев 1959 – *Трубочев О.Н.* История славянских терминов родства и древнейших терминов общественного строя. М.

Эдельман 1986 – *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.

Эдельман 2000 – *Эдельман Д.И.* К этимологии слов с историко-фонетическими «перебоями» в анлауте // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М.

Appleyard 1999 – *Appleyard D.* Afroasiatic and the Nostratic Hypothesis // *Nostratic: Examining a Linguistic Macrofamily* / ed. by C. Renfrew and D. Nettle. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

Araujo 1969 – *Araujo F.P.* Three Models of Basque Kinship Terminology / M.A. thesis. University of California, Davis.

Ascoli 1864 – *Ascoli G.I.* Uxor (vaça, vacca) // *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung.* № 13.

Bader 1988 – *Bader F.* Noms de parenté anatoliens et formations à laryngale // *Die Laryngalthorie und die Rekonstruktion des Indogermanischen*

Laut- und Formensystems / herausgegeben von A. Bammesberger. Heidelberg: Carl Winter.

Bailey 1956 – *Bailey H.W.* Armeno-Indoiranica. 3. *dšoy* 'Ruling Lady' // Transactions of the Philological Society.

Bancel, l'Etang 2002 – *Bancel P.J., l'Etang A.M. de.* Tracing the Ancestral Kinship System: The Global Etymon KAKA // MT. № 7.

Bancel, l'Etang 2004a – *Bancel P.J., l'Etang A.M. de.* The Global Distribution of (P)APA and T(ATA) and Their Original Meaning // MT. № 9.

Bancel, l'Etang 2004b – *Bancel P.J., l'Etang A.M. de.* Kin Tongue: A Study of Kin Nursery Terms in Relation to Language Acquisition, with a Historical and Evolutionary Perspective // MT. № 9.

Beekes 1976 – *Beekes R.S.P.* Uncle and Nephew // Journal of Indo-European Studies. Vol. 4, № 1.

Beekes 1988 – *Beekes R.S.P.* Laryngeal Developments: A Survey // Die Laryngalthorie und die Rekonstruktion des Indogermanischen Laut- und Formensystems, herausgegeben von A. Bammesberger. Heidelberg: Carl Winter.

Beekes 1992 – *Beekes R.S.P.* Widow // Historische Sprachforschung. № 105.

Beekes 1995 – *Beekes R.S.P.* Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.

Beekes 2002 – *Beekes R.S.P.* Comment on Kullanda // CA. Vol. 43, № 1.

Bertorelle et al. 1995 – *Bertorelle G., Bertranpetit J., Calafell F., Naididze I., Barbujani G.* Do Basque and Caucasian-Speaking Populations Share Non-Indo-European Ancestors? // European Journal of Human Genetics. № 3.

Blench 1999 – *Blench R.* Language Phyla of the Indo-Pacific Region: Recent Research and Classification // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. № 18.

Bloch 1961 – *Bloch M.* Feudal Society. University of Chicago Press.

Bomhard 1992 – *Bomhard A.* The Nostratic Macrofamily (with Special Reference to Indo-European) // Word. Vol. 43, № 1.

Bomhard 1998 – *Bomhard A.* Nostratic, Eurasiatic, and Indo-European // Nostratic: Sifting the Evidence // ed. by J.C. Salmons and B.D. Joseph. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.

Bomhard 1999 – *Bomhard A.* [Review]: Dolgopolsky A. The Nostratic Macrofamily and Linguistic Paleontology // Nostratic: Examining a Linguistic Macrofamily / ed. by C. Renfrew and D. Nettle. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

Bomhard, Kerns 1994 – *Bomhard A., Kerns J.C.* The Nostratic Macrofamily: A Study in Distant Genetic Relationship. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.

Bonfante 1960 – *Bonfante G.* Le rapports linguistiques entre la Grèce et l'Italie // Hommages à Léon Herrmann. Bruxelles-Berchem: Latomus.

Brugmann 1886 – *Brugmann K.* Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg: Trübner.

Buck 1901 – *Buck C.D.* A Grammar of Oscan and Umbrian. Boston: Ginn.

Bugge 1892 – *Bugge S.* Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache. Schwund des idg. palatalen *ǵ* im armen. Anlaut // IF. № 1.

Campbell 1986 – *Campbell L.* Comment on Greenberg, Turner and Zegura // CA. Vol. 27, № 5.

Campbell 1998 – *Campbell L.* Nostratic: A Personal Assessment // Nostratic: Sifting the Evidence / ed. by J.C. Salmons and B.D. Joseph. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.

Carruba 1972 – *Carruba O.* Beiträge zum Palaischen. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten.

Carruba 1998 – *Carruba O.* Il lessico indoeuropeo della famiglia // Ars Linguistica. Studi offerti da colleghi e amici a P.Ramat in occasione del suo 60° compleanno / a cura di Giuliano Bernini, Pierluigi L.Cuzzolin e Piera Molinelli. Roma: Bulzoni.

Čašule 2003 – *Čašule I.* Evidence for the Indo-European Laryngeals in Burushaski and Its Genetic Affiliation with Indo-European // Journal of Indo-European Studies. Vol. 31, № 1-2.

Ciccotosto 1991 – *Ciccotosto N.* Sound Symbolism in Natural Languages // Ph.D. dissertation. University of Florida.

Collinder 1955 – *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary: An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Comas et al. 2000 – *Comas D., Calafell F., Bendukidze N., Fananas L., Bertranpetit J.* Georgian and Kurd mtDNA Sequence Analysis Shows a Lack of Correlation Between Languages and Female Genetic Lineages // American Journal of Physical Anthropology. № 112.

Croft 2001 – *Croft W.* Obituary: Joseph Harold Greenberg // Language. Vol. 77, № 4.

Delbrück 1889 – *Delbrück B.* Die Indogermanischen Verwandtschaftsnamen. Ein Beitrag zur Vergleichende Altertumskunde / Abhandlungen der Philologisch-Historischen Classe der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. T. 11, № 5. Leipzig: S. Hirzel.

Dixon 1997 – *Dixon R.M.W.* The Rise and Fall of Languages. Cambridge: Cambridge University Press.

Dolgopolsky 1998 – *Dolgopolsky A.* The Nostratic Macrofamily and Linguistic Palaeontology. Cambridge: MacDonald Institute for Archaeological Research.

Dziebel 2007 – *Dziebel G.V.* The Global Diversity of Kinship Terminological Patterns: Implications for the “Peopling of the Americas” and the “Out-of-Africa” Model of Human Dispersals. (forthcoming)

Eichner-Kühn 1976 – *Eichner-Kühn I.* Vier altindische Wörter. 3. Ai. *yātr*; 4. Ai. *giri-*, griech. *Γαλίς* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Bd. 34.

Elfenbein 1963 – *Elfenbein J.* A Vocabulary of Marw Baluchi. Naples: Istituto Universitario Orientale di Napoli.

Ferraro 1988 – *Ferraro F.* Baluchi Kinship Terminology // Newsletter of Baluchistan Studies. № 5.

Fowler 1896 – *Fowler F.H.* The Negatives of the Indo-European Languages. Chicago: University of Chicago Press.

Fox 1967 – *Fox R.* Kinship and Marriage: An Anthropological Perspective. Harmondsworth: Penguin Books.

Fränkel 1965 – *Fränkel E.* Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter.

Friedrich 1966 – *Friedrich P.* Proto-Indo-European Kinship // *Ethnology*. Vol. 5, № 1.

Friedrich 1980 – *Friedrich P.* Review of Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages, by Oswald Szemerényi // *Language*. Vol. 56, № 1.

Frisk 1960 – *Frisk H.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter.

Garrett 2006 – *Garrett A.* Convergence in the Formation of Indo-European Subgroups: Phylogeny and Chronology // *Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages* / ed. by P. Forster and C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

Goddard 1975 – *Goddard I.* Algonquian, Wiyot, and Yurok: Proving a Distant Genetic Relationship // *Linguistics and Anthropology: In Honor of C.F. Voegelin* / ed. by M.D. Kinkade, K. Hale, O. Werner. Lisse: Peter de Ridder Press.

Goddard 1986 – *Goddard I.* Sapir's Comparative Method // *New Perspectives in Language, Culture, and Personality. Proceedings of the Edward Sapir Centenary Conference (Ottawa, 1–3 October 1984)* / ed. by W. Cowan, M.K. Foster and K. Koerner. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.

Goddard et al. 1975 – *Goddard I. et al.* Problematic Use of Greenberg's Linguistic Classification of the Americas in Studies of Native American Genetic Variation // *American Journal of Human Genetics*. Vol. 75, № 3.

Goodenough 1960 – *Goodenough W.H.* Componential Analysis of Kōnkāmā Lapp Kinship Terminology // *Explorations in Cultural Anthro-*

pology: Essays in Honor of G.P. Murdock / ed. by W.H. Goodenough. New York: McGraw-Hill.

Goody 1959 – *Goody J.* Indo-European Society // Past and Present. № 16.

Greenberg 1963 – *Greenberg J.H.* The Languages of Africa. Bloomington: Indiana University Research Center in Anthropology.

Greenberg 2000 – *Greenberg J.H.* Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasiatic Language Family. Stanford: Stanford University Press.

Grenoble, Whaley 2003 – *Grenoble L.A., Whaley L.J.* The Case for Dialect Continua in Tungusic. Plural Morphology // Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics: Papers in Honor of H.I. Aronson / ed. by D.A. Holisky and K. Tuite. Amsterdam: John Benjamins.

Grierson 1969 (1906) – *Grierson G.A.* The Piśāca Languages of North-Western India. Delhi: Munshiram Manoharlal.

Gulya 1983 – *Gulya J.* Survival-Erscheinungen in den Verwandtschaftstermini der Uralischen Völker // Ural-Altäische Jahrbücher. № 3.

Hage 2003 – *Hage P.* On the Reconstruction of the Proto-Nostratic Kinship System // Zeitschrift für Ethnologie. T. 128, № 2.

Hage, Harary 1996 – *Hage P., Harary F.* Island Networks: Communication, Kinship, and Classification Structures in Oceania. Cambridge: Cambridge University Press.

Hajnal 1995 – *Hajnal I.* Der Lykische Vokalismus. Methode und Erkenntnisse der Vergleichenden Anatolischen Sprachwissenschaft, angewandt auf das Vokalsystem einer Kleincorpusprache. Leykam: Gras.

Hammerich 1948 – *Hammerich L.L.* Laryngeal Before Sonant. København: I Kommission hos Ejnar Munksgaard. (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filologiske Meddelelser. T. 31, № 3.)

Hamp 1965 – *Hamp E.P.* Evidence in Albanian // Evidence for Laryngeals / ed. by W. Winter. Austin: University of Texas Press.

Hamp 1973-1974 – *Hamp E.P.* On *ku in Armenian. 1. *šun, skund, skesur* // Revue des Études Arméniennes. № 10.

Hamp 1986 – *Hamp E.P.* Alb. *vajzë, motrë* // Studi Albanologici, Balcanici, Bizantini e Orientali in Onore di Giuseppe Valentini / ed. by P.C. Mes-sori Roncaglia and G.B. Pellegrini. Firenze: Olschki.

Helmbrecht 2003 – *Helmbrecht J.* Politeness Distinctions in Second Person Pronoun // Deictic Conceptualisation of Space, Time and Person / ed. by F. Lenz. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.

Helmig 1983 – *Helmig Th.* German Kin Classification // Anthropology. Vol. 7, № 1.

Hendriksen 1941 – *Hendriksen H.* Untersuchungen über die Bedeutung des Hethitischen für die Laryngaltheorie. København: I Kommission hos E. Munksgaard.

Hettrich 1985 – *Hettrich H.* Indo-European Kinship Terminology in Linguistics and Anthropology // Anthropological Linguistics. Vol. 27, № 4.

Hewitt 1981 – *Hewitt B.G.* The Kinship-Lexicon of Georgian, Mingrelian and Abkhaz // *Bedi Kartlisa*. № 39.

Hilmarsson 1996 – *Hilmarsson J.* Materials for a Tocharian Historical and Etymological Dictionary // ed. by A. Lubotsky and Guðrún Þórhallsdóttir. Reykjavík: Malvisindastofnun Háskóla Íslands.

Hübschmann 1906 – *Hübschmann H.* Armeniaca. III // IF. № 19.

Huld, Martin 1979. – *Huld M.E.* Albanian *vjerr* and IE In-Law Terms // IF. № 84.

Huld 1997 – *Huld M.E.* (with *D.Q. Adams* and *J.P. Mallory*). “Aunt,” “Brother,” “Brother-in-Law,” “Cousin,” “Daughter,” “Daughter-in-Law,” “Father,” “Father-in-Law,” “Granddaughter,” “Grandfather,” “Grandmother,” “Grandson,” “Nephew,” “Niece,” “Kinship,” “Mother,” “Mother-in-Law,” “Sister,” “Sister-in-Law,” “Son,” “Son-in-Law,” “Uncle,” “Wife” // *Encyclopedia of Indo-European Culture* / ed. by J.P. Mallory and D.Q. Adams. London and Chicago: Fitzroy Dearborn.

Ikegami Jirō 1969 – *Ikegami Jirō*. Orok Kinship Terms // Proceedings of the 8th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1968, Tokyo and Kyoto. Vol. 2. Ethnology. Tokyo: Science Council of Japan.

Joki 1973 – *Joki A.J.* Uralier und Indogermanen: Die Älteren Berührungen zwischen den Uralischen und Indogermanischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Jones 1974 – *Jones S.* Men of Influence in Nuristan: A Study of Social Control and Dispute Settlement in Waigal Valley, Afganistan. London, New York: Seminar Press.

Kaiser 1989 – *Kaiser M.* V.M. Illič-Svityč's Early Reconstructions of Nostratic // *Reconstructing Languages and Cultures* / ed. by V. Shevoroshkin. Bochum: Brockmeyer.

Kaiser 1990 – *Kaiser M.* Lexical Archaisms in Slavic: From Nostratic to Common Slavic. Bochum: Norbert Brockmeyer.

Kaiser, Shevoroshkin 1988 – *Kaiser N., Shevoroshkin V.* Nostratic // *Annual Review of Anthropology*. № 13.

Katz 2003 – *Katz H.* Studien zu den Älteren Indoiranischen Lehnwörtern in den Uralischen Sprachen. Heidelberg: Carl Winter.

Kaye 1999 – *Kaye A.S.* The Current State of Nostratic Linguistics // *Nostratic: Examining a Linguistic Macrofamily* / ed. by C. Renfrew and D. Nettle. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

Kluge 2002 – *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache, bearbeitet von Elmar Seebold. 24. Aufl. Berlin und New York: W. de Gruyter.

Kortlandt 1980 – *Kortlandt F.* Albanian and Armenian // *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*. № 94.

Kortlandt, Frederik 1988. – *Kortlandt F.* The Tocharian Word for 'Woman' // *Tocharian and Indo-European Studies*. № 2.

Kroeber 1909 – *Kroeber A.L.* Classificatory Systems of Relationship // *JRAI*. Vol. 39.

Kronenfeld 1974 – *Kronenfeld D.B.* Sibling Typology: Beyond Nerlove and Romney // *American Ethnologist*. Vol. 1, № 3.

Kullanda 2002 – *Kullanda S.* Indo-European "Kinship Terms" Revisited // *CA*. Vol. 43, № 1.

Kuryłowicz 1927a. – *Kuryłowicz J.* *a* indo-européen et *h* Hittite // *Symbolae Grammaticae In Honorem Ioannis Rozwadowski*. Vol. 1. Krakow: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Kuryłowicz 1927b – *Kuryłowicz J.* Les effets du *a* en indo-iranien // *Prace Filologiczne*. T. 11.

Lafon 1933 – *Lafon R.* Basque et les langues kartveles // *Revue Internationale des Études Basques*. № 24.

Lafon 1951/1952 – *Lafon R.* Concordances morphologiques entre le Basque et les langues Caucasiques // *Word*. Vol. 7, 8.

Lagarde 1877 – *Lagarde P. de.* Armenische Studien. Göttingen: Dieterich.

La Piana 1949 – *La Piana M.* Studi Linguistici Albanesi. Palermo: Pezzino.

Lehmann 1995 – *Lehmann Ch.* Thoughts on Grammaticalization. Munchen and Newcastle: LINCOM EUROPA.

Lubotsky 2001 – *Lubotsky A.* Reflexes of Proto-Indo-European **sk* in Indo-Iranian // *Incontri Linguistici*. № 24.

MacFárlane 2002 – *MacFarlane A.* The Making of the Modern World: Visions from the West and East. New York: Palgrave.

Machek 1948 – *Machek V.* Étymologies slaves. 1. Terminologie de l'ancienne organisation sociale slave (**panъ*, **voldyka*) // *Recueil Linguistique de Bratislava*. № 1.

Mägiste 1960-1961 – *Mägiste J.* Ostseefinnische und wolgafinnische etymologische Betrachtungen. XXVII. Tscher. *tšütšühö* usw. 'die Frau des Onkels, Tante usw.' und die fi.-ugr. Feminina // *Commentationes Balticae*. № 8-9.

Maitland 1895 – *Maitland F.W.* History of English Law before the Time of Edward I. Cambridge: Cambridge University Press.

Manaster Ramer 1993 – *Manaster Ramer A.* Review Article: On Illič-Svityč's Nostratic Theory // *Studies in Language*. Vol. 17, № 1.

Meillet 1929 – *Meillet A.* Compte-Rendu: G. Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. 1. Parachi and Ormuri. Oslo, 1929 // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. T. 30, № 2.

Meister 1892 – *Meister R.* ἀέλιοι, ἄλιοι, ἀέλιοι, ἐλίονες // *Beiträge zur Kunde der Indogermansiochen Sprachen*. Bd. 18.

Miller 1977 – *Miller G.D.* Bartholomae's Law and an Indo-European Root Structure Constraint // *Studies in Descriptive and Historical Linguistics: Festschrift for Winfred P. Lehmann* / ed. by P.J. Hopper, with the collaboration of H.G. Penensick and J. Bunnag. Amsterdam: Benjamin.

Moreau 1978 – *Moreau Ph.* La terminologie latine et indo-européenne de la parenté et le système de parenté et d'alliance à Rome: Questions de méthode // *Revue des Études Latines*. T. 56.

Morgenstierne 1926 – *Morgenstierne G.* Report on a Linguistic Mission to Afghanistan. Oslo: H. Aschenhoug.

Morgenstierne 1927 – *Morgenstierne G.* An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo: I Kommissjon Hos Jacob Dybwad.

Morgenstierne 1932 – *Morgenstierne G.* Notes on Balochi Etymology // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. № 5.

Murray 1983 – *Murray A.C.* Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and the Early Middle Ages. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1983.

Naroll 1958 – *Naroll R.* German Kinship Terms // *AA*. Vol. 60, № 4.

Nerlove, Romney 1967 – *Nerlove S., Romney A.K.* Sibling Terminology and Cross-Sex Behavior // *AA*. Vol. 69, № 2.

Nichols 1992 – *Nichols J.* Linguistic Diversity in Space and Time. Chicago: University of Chicago Press.

Nikolayev, Starostin 1994 – *Nikolayev S.L., Starostin S.A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. M.

Nitsch 1924 – *Nitsch K.* Zberanie słownictwa łudowego // *Język Polski*. № 9.

Orel 1998 – *Orel V.E.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden, etc.: Brill.

Ouwehand 1985 – *Ouwehand C.* Hateruma: Socio-Religious Aspects of a South-Ryukyuan Island Culture. Leiden: E. J. Brill.

Paasonen 1917 – *Paasonen H.* Beiträge zur Finnisch-Samojedischen Lautgeschichte. Budapest: Franklin-Vereins.

Parkin 1993 – *Parkin R.* On the Definition of Prescription: The Problem of Germanic Kinship Terminologies // *Social Anthropology*. № 1.

Pedersen 1900 – *Pedersen H.* Albanesisch und Armenisch // *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*. Bd. 36.

Pedersen 1905 – *Pedersen H.* Zur armenischen Sprachgeschichte // *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*. Bd. 38.

Pfeffer 1985 – *Pfeffer G.* Symmetrische Präskription in germanischen Verwandtschaftsterminologien // *Sociologus*. Bd. 85. № 1.

Pfeffer 1987 – *Pfeffer G.* The Vocabulary of Anglo-Saxon Kinship // *L'Homme*. T. 27, № 3.

Pisani 1959 – *Pisani V.* L'albanais et les autres langues indo-européennes // *Saggi di Linguistica Storica. Scritti Scelti di Vittore Pisani*. Torino: Rosenberg & Sellier.

Pokorny 1959 – *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. T. 1-2. Bern and München: Francke Verlag.

Reynolds, West, Coleman 2000 – *Reynolds E., West P., Coleman J.* Proto-Indo-European 'Laryngeals' Were Vocalic // *Diachronica*. Vol. 17, № 2.

Ringe 1996 – *Ringe D.A.* On the Chronology of Sound Changes in Tocharian. New Haven: American Oriental Society.

Ruhlen 1994 – *Ruhlen M.* Linguistic Evidence for the Peopling of the Americas // *Method and Theory for Investigating the Peopling of the Americas* / ed. by R. Bonnicksen and D.G. Steele. Corvallis: Center for the Study of the First Americans.

Ruhlen 2000 – *Ruhlen M.* Why Kaka and Aya? In *Functional Approaches to Language, Culture and Cognition: Papers in Honor of S.M. Lamb* / ed. by D.G. Lockwood, P.H. Fries and J.E. Copeland. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.

Ruhlen 2005 – *Ruhlen M.* Taxonomy, Typology and Historical Linguistics // *Language Acquisition, Change and Emergence: Essays in Evolutionary Linguistics* / ed. by J.W. Minett and William S-Y. Wang. Hong Kong: City University of Hong Kong Press.

Sankaran 1940a – *Sankaran C.R.* The Dravidian (Tamil) *atta-* and *annai* in Hittite // *Bulletin of the Deccan College Research Institute*. № 1, pt. 2-4.

Sankaran 1940b – *Sankaran C.R.* Linguistic Notes // *Bulletin of the Deccan College Research Institute*. № 1, pt. 2-4.

Sauvageot 1959 – *Sauvageot A.* [Review]: Steinitz W. A finnugor ro-konsági elnevezések rendszere // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. T. 54, № 2.

Scheffler 1987 – *Scheffler H.W.* Markedness in Systems of Kin Classification // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 43, № 3.

Scheftelowitz 1929 – *Scheftelowitz J.* Die verbalen und nominalen *sk* und *sk*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen // *Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung*. T. 56.

Schmidt 1980 – *Schmidt K.T.* Zu Stand und Aufgaben der etymologischen Forschung auf dem Gebiete des Tocharischen // *Lautgeschichte und Etymologie. Akten der VI Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*, Wien, 2429 September 1978, herausgegeben von M. Mayrhofer, M. Peters und O. E. Pfeiffer. Wiesbaden: Ludwig Reichert.

Schmitt-Brandt 1973 – *Schmitt-Brandt R.* Die Entwicklung des Indogermanischen Vokalsystems. Heidelberg: Gross.

Schrader 1904-1905 – *Schrader O.* Über Beziehungen für die Heiratsverwandschaft bei den Indogermanischen Völkern // *IF*. № 17.

Schrijver 1995 – *Schrijver P.* *Studies in British Celtic Historical Phonology*. Amsterdam and Atlanta: Rodopi.

Schuchardt 1913 – *Schuchardt H.* Baskisch-Hamitische Wortvergleichen // *Revue Internationale des Études Basques*. T. 7, № 3.

Schuster-Šewc 1993 – *Schuster-Šewc H.* Zur Etymologie von poln. wnuk / wnek "Enkel" und das Problem des prothetischen (v)n- in den slawischen Sprachen // *Munera Linguistica: L. Kuraszkiewicz Dedicata* / ed. by M. Basaja and Z. Zagórski. Wrocław: Zakł. Narodowy im. Ossolińskich.

Seebold 1982 – *Seebold E.* Der Übergang von idg. -w- zu germ. -k- und -g- // *IF.* № 87.

Seebold 1991 – *Seebold E.* Was haben die Germanen unter einer Braut verstanden? // *Perspectives on Indo-European Language, Culture and Religion: Studies in Honor of E.C. Polomé. Vol. 2.* McLean, VI: Institute for the Study of Man.

Shevelov 1964 – *Shevelov G.Y.* A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg: Carl Winter.

Shevoroshkin 1987 – *Shevoroshkin V.* Indo-European Homeland and Migrations // *Folia Linguistica Historica.* T. 7, № 2.

Silverstein 2004 – *Silverstein M.* Languages/Cultures Are Dead! Long Live the Linguistic-Cultural! // *Unwrapping the Sacred Bundle: Reflections on the Disciplining of Anthropology* / ed. by D.A. Segal and S.J. Yanagisako. Durham and London: Duke University Press.

Ślawski 1947 – *Ślawski Fr.* Oboczność φ : u w językach słowiańskich // *Slavia Occidentalis.* № 18.

Stankiewicz 1962 – *Stankiewicz E.* The Etymology of Common Slavic *vъnukъ/*vъnukъ // *Slavic and East European Journal.* № 6.

Starostin 1999a – *Starostin S.A.* The Problem of Genetic Relationship and Classification of Caucasian Languages: Basic Vocabulary // *Studies in Caucasian Linguistics: Selected Papers of the Eighth Caucasian Colloquium* / ed. by H. van den Berg. Leiden: Research School of Asian, African and Amerindian Studies, Universiteit Leiden.

Starostin 1999b – *Starostin S.A.* Subgrouping of Nostratic: Comments on A. Dolgopolsky's "The Nostratic Macrofamily and Linguistic Paleontology" // *Nostratic: Examining a Linguistic Macrofamily* / ed. by C. Renfrew and D. Nettle. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

Starostin 2004 – *Starostin S.A.* The Cultural Vocabulary in the Common North Caucasian Lexical Stock // *Russian Oriental Studies: Current Research on Past and Present Asian and African Societies* / ed. by V. Naumkin. Leiden and Boston: Brill.

Starostin, Dybo, Mudrak 2003 – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1–3. Leiden: Brill.

Steinitz 1972 – *Steinitz W.* Das System der finnisch-ugrischen Verwandtschaftstermini // *Ethnographische-Archäologische Zeitschrift.* № 15.

Steinitz 1980 – *Steinitz W.* Etymologische Beiträge. III. Selkupische Lehnwörter im Ostjakischen // *Ostjakologische Arbeiten von W. Steinitz. Bd. 4. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie, herausgegeben*

von E. Lang, G. Sauer und R. Steinitz. The Hague, Paris and New York: Mouton.

Stiles 1988 – *Stiles P.V.* Gothic Nominative Singular brōþar 'Brother' and the Reflexes of the Indo-European Long Vowels in the Final Syllables of Germanic Polysyllables // Transactions of the Philological Society. Vol. 86, № 2.

Stuart-Smith 2004 – *Stuart-Smith J.* Phonetics and Philology: Sound Change in Italic. Oxford: Oxford University Press.

Szemerényi 1977 – *Szemerényi O.* Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages, with special references to Indian, Iranian, Greek and Latin. Teheran and Liège. (Acta Iranica. № 16.)

Thomason, Everett 2001 – *Thomason S.G., Everett D.L.* Pronoun Borrowing // Proceedings of the Berkeley Linguistic Society. № 27.

Thurneysen 1898 – *Thurneysen R.* [Review]: *Planta R.* Grammatik der Oskisch-Umbrischen Dialekte. Bd. II. Formenlehre, Syntax, Sammlung der Inschriften und Glossen // IF (Anzeiger). № 9.

Thusu 1965 – *Thusu K.N.* The Dhurwa of Bastar. Calcutta: Anthropological Survey of India.

Tiffou 1999 – *Tiffou É.* Parlons Bourouchaski. Paris: L'Harmattan.

Tuite 2000 – *Tuite K.* [Review]: Klimov G.A. Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages // Anthropological Linguistics. Vol. 42, № 4.

Tuite 2006 – *Tuite K.* Of Phonemes, Fossils and Webs of Meaning: The Interpretation of Language Variation and Change // Language, Culture and Society: Key Topics in Linguistic Anthropology / ed. by Ch. Jourdan and K. Tuite. Cambridge: Cambridge University Press.

Tyler 1990 – *Tyler S.A.* Alternating Generation Kinship Terminology in Proto-Dravidian // Die Vielfalt der Kultur: Ethnologische Aspekte von Verwandtschaft, Kunst und Weltauffassung. Ernst Wilhelm Müller zum 65 Geburtstag / hrsg. von K.-H. Kohl, H. Muszinski und I. Strecker. Berlin: Dietrich Reimer.

Vacek, Lubsangdorji 1994 – *Vacek J., Lubsangdorji L.* Dravidian – Mongolian – Chuvash Kinship Terms // Archiv Orientalni. № 62.

Vaillant 1958 – *Vaillant A.* Grammaire Comparée des Langues Slaves. T. II. Morphologie. Lyon: IAC.

Van Windekens 1960 – *Van Windekens A.J.* Contacts linguistiques aïnou-tokhariens. Pt. 2. Termes se rapportant à l'homme et à la famille; b) Aïñ. amak- et tokh. B ammakki // Anthropos. № 55.

Van Windekens 1962 – *Van Windekens A.J.* Recherches sur le vocabulaire tokharien. Pt. 5. Mots cãlins communs au tokharien, au gilyak et à l'aïnou // Orbis. № 11, pt.1.

Van Windekens 1965 – *Van Windekens A.J.* Deux mots tokhariens d'origine non-indo-européenne. Pt. 2. A řar, B řer 'soeur' // Orbis. № 14, pt.1.

Van Windekens 1976 – *Van Windekens A.J.* Le Tokharien Confronté avec les Autres Langues Indo-Européennes. Vol. 1. La Phonétique et le Vocabulaire. Louvain: Centre International de Dialectologie Générale.

Vetter 1953 – *Vetter E.* Handbuch der Italischen Dialekte. Bd. 1. Texte mit Erklärung, Glossen, Wörterverzeichnis. Heidelberg: Carl Winter.

Vine 1991 – *Vine B.* Indo-European and Nostratic // IF. № 96.

Wheeler 1890 – *Wheeler B.I.* [Review]: Delbrück B. Die Indogermanischen Verwandtschaftsnamen // Classical Review. Vol. 4, № 4.

White 1996 – *White S.* Maitland on Family and Kinship // The History of English Law: Centenary Essays on “Pollock and Maitland” / ed. by J. Hudson. Oxford and New York: Oxford University Press.

Wichmann 1911 – *Wichmann Y.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden Affrikaten // Finnisch – Ugrische Forschungen. № 11.

Windfuhr 2002 – *Windfuhr G.L.* The IE Terms for Siblings of Spouse: Etymology and Chiastic Logic // The Linguist's Linguist: A Collection of Papers in Honour of A. Manaster Ramer / ed. by F. Cavoto. Vol. 2. München: LINCOM EUROPA.

Zucha 1988 – *Zucha I.* The Nominal Stem Types in Hittite / Ph.D. dissertation. University of Oxford.

А.В. Дыбо, С.В. Кулланда

IN LOCO COGNATIS¹

Любое осмысление имеющихся исторических, социоантропологических и лингвистических данных несет на себе отпечаток личности автора и уже поэтому не может быть полностью объективным. Мы, однако, надеемся, что в нашем случае неизбежную предвзятость в определенной мере сглаживает различие авторских позиций. Так, поскольку А.В. Дыбо не разделяет точку зрения С.В. Кулланды о том, что половозрастная стратификация исторически предшествовала классификационному родству и индивидуальному генеалогическому счету родства², по крайней мере одного из соавторов вряд ли можно обвинить в нежелании искать в ностратическом обществе институты родства и свойства (что оппоненты время от времени ставят в вину второму). И все же, хотя мы старались рассмотреть и включить в таблицу даже самые сомнительные реконструкции, сопровождая их множеством вопросительных знаков, вызвавших недоумение (отчасти справедливое) оппонентов, нам, как и другим специалистам, не удалось обнаружить в праностратическом обществе таких терминов родства, как «сын», «дочь», «брат», «сестра» и т.п. В результате мы пришли к заключению, что кровное родство играло в праностратическом обществе меньшую роль, чем иные типы социальных связей.

К сожалению, этот принципиальный вывод ускользнул от внимания А. Бомхарда и Г.В. Дзибеля. Первый, судя по всему, просто не дал себе труда разобраться в сложном тексте на мало-знакомом языке, почему и сосредоточился исключительно на анализе таблицы, упустив из виду основную идею статьи.

Г.В. Дзибелем же, надо думать, руководила обида на тех, кто в своих откликах на его опусы [Дзибель 2000а; 2000б], изобиловавшие «народными» этимологиями и прямыми ошибками, пытался его убедить не ставить себя в неловкое положение. Такая

¹ Вместо родственников (Ред.).

² Именно расхождением наших взглядов объясняется осторожность формулировок, за которую нас упрекали участники дискуссии [Бурыкин, Попов 2005: 52].

позиция объяснима – «people ask you for criticism, but they only want praise» (W. Somerset Maugham)¹, но едва ли продуктивна. Объективному анализу она уж точно не способствует. Так, Г.В. Дзибель заявляет, что этимологии, предложенные в [Дзибель 2001], не отражают его сегодняшних взглядов, но «читателю предлагается обращаться к [Дзибель 2001] за методологическими принципами» [Наст. изд.: 45, прим. 1]. В переводе на общедоступный язык сие означает: «Этимологии, которыми я подкреплял свои идеи, не стоят выеденного яйца², но не вздумайте усомниться в построенных на них выводах – они остаются истиной в последней инстанции». Изолированная в рамках картвельской языковой семьи особенность сванской СТР ни с того ни с сего объявляется (обще)картвельской и тем самым становится «важным свидетельством ... против его [картвельского] принадлежности к ностратическим» [Наст. изд.: 76]. Наши слова «историческое и социоантропологическое осмысление ностратических реалий явно отстает от их лингвистической реконструкции» [Дыбо, Кулланда 2005: 6] Г.В. Дзибель «опровергает» утверждением, что «антропология накопила достаточно данных по системам родства носителей более двух тысяч языков» [Наст. изд.: 45], как будто накопление данных по системам родства и есть осмысление ностратических реалий. На самом деле описание и интерпретация реально засвидетельствованных систем родства осмыслением праязыковых реалий сами по себе не являются, как не являются праязыковыми реконструкциями словари реально засвидетельствованных языков. И те, и другие лишь дают материал для воссоздания фонетики и семантики праязыковых этимонов.

Не выдерживает критики и утверждение, будто для доказательства существования в ностратическом праязыке лепетных слов не-

¹ «Все призывают критиковать себя, но ожидают в ответ только похвал» (У.С. Моэм) (Ред.).

² Оговорка о том, что «некоторые этимологические наметки и решения из [Дзибель 2001] подтверждаются здесь и в [Dziebel 2007]» [Наст. изд.: 45, прим. 1] несостоятельна, поскольку обращение Г.В. Дзиебеля с лингвистическим материалом по-прежнему оставляет желать лучшего (ср. ниже). Справедливости ради отметим, что он благоразумно учел наши замечания (отказался, скажем, от своих «реконструкций» индоевропейских слов для обозначения, условно говоря, «брата» и «сестры», приняв для последнего форму, которую в [Дзибель 2000б: 153] именовал «мнимой», и т.п.).

обходимо доказать их отсутствие в языках иных семей (!!) [Наст. изд.: 45]. По этой прихотливой логике выходит, что если некий феномен (скажем, ирокезская/бифуркативная СТР) распространен среди носителей языков различных семей по всему миру, мы не вправе реконструировать его для праязыка отдельной семьи, даже если на это указывают все имеющиеся данные.

Степень лингвистической компетентности Г.В. Дзибеля наглядно демонстрирует его призыв «объяснить судьбу индоевропейских “ларингалов” в алтайском и дравидийском» [Наст. изд.: 53]. С тем же успехом он мог бы интересоваться судьбой собственных генов в организмах своих братьев и сестер, буде таковые имелись. Подобно тому, как человек наследует гены от родителей, а не от сиблингов, алтайский и дравидийский могли унаследовать ларингалы от ностратического, но никак не от индоевропейского. Ностратические (или даже доностратические, поскольку их рефлексy есть в афразийском) ларингальные сохранились в индоевропейском, но пали в алтайском и дравидийском, где их следы можно видеть в компенсаторном удлинении соседних гласных. Если бы Г.В. Дзибель в самом деле прочитал упомянутый им в библиографии первый том словаря В.М. Иллича-Свитыча, он бы узнал об этом либо из фонетических таблиц, либо из соответствующих словарных статей.

Для объяснения древнеиндийской формы *duhitā* нет никакой необходимости восстанавливать ИЕ **dug^htēr* вместо **d^hug^htēr* [Наст. изд.: 56]. Появление непридыхательного в анлауте объясняется вполне регулярной в древнеиндийском диссимиляцией **d^h-* – **-g^{wh}-* > *d-* – *-h-* (ср. *dāhati* «ожет» от корня **d^heg^{wh}-*, *duhé* «доит» от корня **d^haug^h-* и т.п.). Соответственно отпадают и все далеко идущие выводы об этимологии латинского *ixor* [Наст. изд.: 55–56] Остается только повторить уже высказывавшееся [Кулланда 2001: 8] замечание: фонетическая реконструкция праформы должна основываться на реальных не единичных (т.е. засвидетельствованных как минимум дважды) соответствиях. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев Г.В. Дзибель, постулируя то или иное фонетическое развитие, даже не пытается привести его параллельные примеры (что за неимением таких неудивительно).

Подхваченные Г.В. Дзибелем попытки некоторых западных лингвистов объявить ностратикy тяжелым наследием тоталитарного режима объясняются прежде всего «инстинктивной за-

падной настороженностью по отношению к идеям из стран бывшего советского блока» [Bengtson 1998: 35]. Как отмечает Дж. Бенгтсон, «националистическое предубеждение должно было бы до некоторой степени смягчиться с падением коммунизма, но такого рода установки отмирают медленно» [Там же]. Они и впрямь, как видно на примере Г.В. Дзибеля, не только продолжают существовать, но и обретают новых сторонников, стремящихся казаться, что называется, святее Папы Римского. Подобный подход не объясняет, правда, что подвигло к ностратическим штудиям западных ученых, скажем, Хольгера Педерсена или Альбера Кюни¹. Кстати, Г.В. Дзибель лукавит, утверждая, будто честолюбивым молодым лингвистам с тягой к свободе в Советском Союзе только и оставалось, что ударяться в «лингвистическую гигантоманию» [Наст. изд.: 78–79], как он именует изучение отдаленного языкового родства. Все зачинатели ностратических исследований были признанными специалистами в не менее «эзотерических» областях науки (вроде исторической акцентологии, которой занимались, например, В.М. Иллич-Свитыч и В.А. Дыбо), так что вполне могли бы самоутверждаться и без ностратики.

Разбирать народные этимологии Г.В. Дзибеля, попутно исправляя ошибки в иностранных словах, особенно греческих и литовских, у нас нет ни времени, ни желания. Отметим для примера лишь один случай, наглядно демонстрирующий степень знакомства Г.В. Дзибеля с греческим материалом. Звательный падеж *eínater*, с кратким гласным последнего слога, он, явно по аналогии с именительным *enátēr*, приводит в недопустимой форме **eínatēr* [Наст. изд.: 59], с ударением на первом слоге и долгим гласным в последнем, что по законам древнегреческого языка невозможно: если гласный последнего слога долог, ударение не может падать дальше второго слога от конца. Переписывая формы из словаря Шантрена, Г.В. Дзибель обратил вни-

¹ Г.В. Дзибель в связи с этим замечает, что «развитие индоевропейской лингвистики подпитывалось европейским национализмом, а Хольгер Педерсен, автор термина «ностратический» (от латинского *noster* «наш»), верил в превосходство нордической расы» [Наст. изд.: 79]. Вряд ли утверждению «превосходства нордической расы» могли способствовать идеи Педерсена о том, что языки ее представителей родственны языкам семитов, тюрков и прочих ненцев.

мание на изменение ударения в вокативе, но не понял, что оно вызвано краткостью последнего слога, и решил, что краткий эпсилон вместо долгой эты – просто опечатка, которую нужно исправить.

Наконец, самое главное состоит в том, что даже если бы все замечания Бомхарда и Дзибеля были справедливы (что не соответствует действительности¹), они все равно не отменяли бы нашего наблюдения об отсутствии в ностратическом обозначений ближайших кровных родственников.

Именно это наблюдение и сделанный на его основании вывод о сравнительной роли кровнородственных и некровнородственных социальных связей в ностратическом обществе привлекли внимание участников дискуссии, которым вчитаться в текст не мешали ни языковые трудности, ни эмоциональный настрой. А.А. Бурыкин и В.А. Попов, а также П.О. Рыкин привели дополнительные доводы в пользу преобладания в ранних обществах половозрастной стратификации [Бурыкин, Попов 2005; Рыкин 2005]. Мы же, со своей стороны, предполагаем продолжить исследование ностратической социальной терминологии с учетом высказанных в дискуссии замечаний, за которые выражаем оппонентам искреннюю признательность.

Some colleagues from abroad made their comments to our Russian-language paper in English. Given that the overall majority of English speakers are not familiar with Russian, we decided to write our reply in both Russian and English.

Any interpretation of the available historical, social-anthropological and linguistic data cannot help being influenced by personal predilections of the author(s). We hope, however, that in the case of our treatment of the Nostratic kinship and affinal terms the inevitable bias is somewhat neutralized by the difference of the authors' opinions. Thus, since A. Dybo does not share S. Kullanda's view that

¹ Так, уточнения, внесенные в последнее время в реконструкцию фонологической системы праязыков некоторых семей, входящих в ностратическую (см., например, [Старостин 2000; Дыбо 2000; Dybo 2004; Starostin 2000; Старостин 2005]), влекут за собой пересмотр ряда традиционных соответствий, чего А. Бомхард в своих замечаниях не учитывает. О лингвистических же изысканиях Г.В. Дзибеля мы высказывались неоднократно и не видим необходимости повторяться.

age-sex stratification historically predated the classificatory and individual kinship,¹ one can hardly impute at least to one of us the reluctance to look for kinship patterns in Nostratic society. Yet in spite of our eagerness to examine and include into the Table even the most doubtful reconstructions, duly chastised by the reviewers, neither we nor any other scholars succeeded in identifying the Nostratic denominations of such kinship categories as, for instance, “brother,” “sister,” son,” or “daughter.” It seems to imply that blood kinship was less important for the bearers of the Proto-Nostratic culture than other social ties.

This fundamental conclusion was overlooked by Bomhard and Dzielbel. The former was seemingly unable to get through a complicated Russian text and therefore focused on the Table. As a result, he failed to get the paper's message.

Dzielbel, as a native Russian speaker, has no such excuse. He, however, has been misguided by his personal vitriol directed at the present authors who, while reviewing his papers [Дзибель 2000a, 2000b] abounding in pretentious folk etymologies, did their best to stop him from putting himself in an embarrassing position. Such an attitude is understandable – “people ask you for criticism, but they only want praise” (W. Somerset Maugham), yet hardly commendable or, for that matter, conducive to an adequate analysis. Thus, Dzielbel claims that etymologies suggested in [Дзибель 2001] do not reflect his current opinion yet the reader “is advised to refer to [Дзибель 2001] for methodological guidelines...” [This Issue: 45, footnote 1]. Translated into plain English it means: “All the etymologies I used to substantiate my ideas with are not worth the paper they are written on,² but don't you dare to cast doubt on the conclusions built upon them. Those are still gospel truth.” A specific trait of the Svan kinship terminology isolated within the Kartvelian language family out of the blue becomes (Common) Kartvelian and “an important piece

¹ Too cautious conclusions criticized by some reviewers [Бурыкин, Попов 2005: 52] are the result of the said disagreement.

² Dzielbel's claim that “some of the etymological clues and solutions from [Дзибель 2001] are confirmed here and in [Dzielbel 2007]” [This Issue: 45, footnote 1] cannot be taken seriously since his etymological technique has by no means improved (see below). To give Dzielbel his due, he was wise enough to accept our criticism (thus, he tacitly abandoned his “etymologies” of Indo-European terms whose reflexes mean “brother” and “sister” adopting for the latter the form that he used to call “fictitious” [Дзибель 2000b: 153], etc.).

of evidence in favor of the Kartvelian connection with Basque and Burushaski and against its belonging with other “Nostratic” languages” [This Issue: 76]. Dziebel refutes our claim that “the historical and socio-anthropological interpretation of Nostratic realia lags far behind their linguistic reconstruction” [Дыбо, Куланда 2005: 6] stating that “anthropology has accumulated enough data on the kinship systems of the speakers of more than two thousand languages” [This Issue: 45], as if it is the accumulation of the data on kinship systems that constitutes the interpretation of protolanguage realia. Now, the description and interpretation of the attested kinship systems do not by themselves provide the interpretation of protolanguage realia, just as the dictionaries of the attested languages do not provide protolanguage reconstructions. They only furnish the necessary materials for the reconstruction of phonetics and semantics of protolanguage etyma.

Yet another false assumption is that “in order to demonstrate the Nostratic origin” of the so-called baby words, it is necessary “to demonstrate that they are *not* present in language families outside of Nostratic” (?) [This Issue: 45]. According to this perverse logic, if a certain phenomenon (say, the Iroquoian/bifurcate kinship system) is widespread all over the world, one is not supposed to reconstruct it for the bearers of a certain protolanguage, even if all the available data point in that direction.

Dziebel challenges us “to explain the fate of IE “laryngeals” in Altaic and Dravidian” [This Issue: 53]. He might as well inquire about the fate of his genes in his brothers and sisters, if any. Just as children can only receive their genes from their parents and not from their siblings, Altaic and Dravidian could only have inherited laryngeals from Nostratic, not from Indo-European. Incidentally, Nostratic (or even Proto-Nostratic, since their reflexes are attested in Afroasiatic languages) laryngeals survived in Indo-European but were lost in Altaic and Dravidian. Their only trace in these (proto)languages is the compensatory lengthening of either the preceding or the following vowel. Had Dziebel actually read the first volume of Illič-Svityč's work he mentions in the bibliography to his paper, he would have learnt it from either phonetic tables or the relevant entries, or both.

To explain the Old Indian form *duhitār* one does not have to reconstruct Indo-European **dug^htēr* instead of **d^hug^htēr* as Dziebel does

[This Issue: 55]. The emergence of the non-aspirated stop in the initial position is due to a regular Old Indian dissimilation $*d^h - - *g^{(w)h} - > d - -h-$ (cf. *dáhati* “(he/she) burns” from the root $*d^h eg^{wh}-$, *duhé* “(he/she) milks” from the root $*d^h aug^h-$, etc.) So much for Dziebel’s far-fetched “etymology” of Latin *uxor* [This Issue: 55–56]. One cannot help repeating a comment already published [Куланда 2001: 8]: a phonetic reconstruction of a protoform must be based on non-unique (i.e. attested at least twice) phonetic correspondences. However, Dziebel in the overall majority of cases simply postulates a long chain of phonetic changes without citing any parallels, which is hardly surprising as those do not exist.

Attempts of some western linguists to stigmatize Nostratics as a by-product of the totalitarian regime, eagerly caught by Dziebel, are due to “an instinctive western wariness of ideas from the countries of the former Soviet Bloc” [Bengtson 1998: 35]. John Bengtson rightly pointed out that the “nationalistic bias... should be alleviated somewhat by the fall of communism, but such attitudes die slowly” [Ibid.]. As Dziebel’s example shows, these attitudes not only survive yet acquire new adepts trying to be *plus royalistes que le roi* and more catholic than the pope, that is, more Westerners than the Westerners themselves. This approach, however, fails to explain what induced western scholars, such as Holger Pedersen or Albert Cuny, to take up Nostratic studies.¹ Moreover, it is not true that in the Soviet Union “ambitious young men and women, with competence in ancient and modern languages and a deep yearning for freedom, just did not have anywhere else to proceed from their conventional piecemeal research but into the world of gigantomaniac linguistics” [This Issue: 78–79], as Dziebel contemptuously calls the study of distant linguistic kinship. All the Russian pioneers of Nostratics were highly renowned specialists in no less “esoteric” fields (such as historical accentology studied by V.M. Illič-Svityč and V.A. Dybo) perfectly able to assert themselves without taking refuge in a new discipline.

¹ Dziebel claims in this respect that “the development of IE linguistics was fueled by European nationalism; and Holger Pedersen, the author of the term “Nostratic” (from Latin *noster* ‘our’), believed in Nordic superiority” [This Issue: 79]. So Pedersen was asserting “Nordic superiority” by positing that Nordic languages were related to those of the Semites, Turks and, say, Nentsy? We find that rather hard to swallow.

We have neither time nor wish to look into Dziebel's folk (or, to use his favourite expressions, "ludicrous," "unscientific," "inadequate" – you name it) etymologies trying to correct mistakes in foreign words, first of all Greek and Lithuanian. However, a striking example of Dziebel's dealing with the Greek materials is worth noting. He cites the vocative *éinater*, with a short vowel in the ultimate syllable and the stress on the first, under an impossible form **éinâtēr* [This Issue: 59], with a long vowel in the ultima and the stress on the first syllable, seemingly by analogy with the nominative *enátēr*. Meanwhile the accent in Greek must fall within the last two syllables if the ultima is long. While copying Greek forms from Chantraine's dictionary, Dziebel noticed the change of accent in the vocative but did not understand that it involved the shortening of the last syllable and took the use of a short epsilon instead of a long eta for a misprint that he set out to correct.

Although every single point raised by both Bomhard and Dziebel can be disputed, we decided not to go into details. Even if all their claims were valid, which is not the case,¹ they still would not have produced any Nostratic term denoting the nearest kin, so our main point still holds.

Fortunately, the reviewers not handicapped by either linguistic or emotional problems were able to see the implications of the lack of the next-of-kin denominations in Nostratic. Burykin and Popov on the one hand and Rykin on the other have produced additional evidence of the prevalence of age-sex stratification in early societies [Бурькин, Попов 2005; Рыкин 2005]. As to us, we are going to continue the study of Nostratic social terminology taking into account the welcome comments.

Бурькин, Попов 2005 – Бурькин А.А., Попов В.А. О некоторых итогах обсуждения реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // АР-9.

¹ Bomhard does not take into account that recent advances in the Altaic and Dravidian historical phonology (cf., for instance, [Дыбо 2000; Dybo 2004; Срапостин 2000; Starostin 2000; Старостин 2005]) involve the revision of a number of traditional phonetic correspondences between Nostratic languages. As to Dziebel, we have repeatedly criticized his treatment of the linguistic data and see no point in reiterating our arguments here.

Дзибель 2000а – *Дзибель Г.В.* К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства // АР- 5.

Дзибель 2000б – *Дзибель Г.В.* Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях // АР-5.

Дзибель 2001 – *Дзибель Г.В.* Феномен родства. Прологомены к иденетической теории // АР-6.

Дыбо 2000 – *Дыбо А.В.* Ностратические этимологии с начальными носовыми // ПИДРЯ.

Дыбо, Кулланда 2005 – *Дыбо А.В., Кулланда С.В.* Ностратическая терминология родства и свойства // АР-9.

Кулланда 2001 – *Кулланда С.В.* SUPRA GRAMMATICAM (иденетика и вопросы языкознания) // АР-7.

Рыкин 2005 – *Рыкин П.О.* Семантический анализ слова *aqa* в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства) // АР-9.

Старостин 2000 – *Старостин С.А.* Об одном новом типе соответствий шумных смычных в ностратических языках // ПИДРЯ.

Старостин 2005 – *Старостин Г.С.* Внешние соответствия начальных звонких смычных в дравидийских языках // *Orientalia et Classica. Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies. Issue VI. Aspects of comparative linguistics 1.* Moscow.

Bengtson 1998 – *Bengtson J.* Caucasian and Sino-Tibetan: A Hypothesis of S.A. Starostin // *General Linguistics. Vol. 36, № 1/2.*

Dybo 2004 – *Dybo A.* Some Peculiarities of Altaic Reflexes of Nostratic Sibilants // *Nostratic Centennial Conference. The Pécs Papers.*

Starostin 2000 – *Starostin G.S.* Dravidian roots with initial **j-* and possible Indo-European cognates // ПИДРЯ.

А.А. Бурыкин, В.А. Попов

О МЕТОДАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**(В связи с обсуждением реконструкции
ностратических терминов родства и свойства)**

Дискуссия по поводу ностратических реконструкций терминов родства или ИЕ номенклатуры родства в перспективе внешнего сравнения, развернувшаяся на страницах альманаха «Алгебра родства», интересна даже не конкретикой материала, а многоаспектностью. Ведь помимо вопросов, затрагивающих историю конкретных лексических единиц в отдельных ИЕ языках, в ней затрагиваются ИЕ праформы, а вместе с ними и фонетические соответствия и их архетипы, групповые реконструкции отдельных ветвей ностратической макросемьи (картвельская, уральская, алтайская, дравидийская, у А.Р. Бомхарда и афразийская) во всей сложности их проблематики, а также методика этимологических исследований и, что особенно важно, социально-исторические и культурно-исторические проблемы лингвистической реконструкции.

Свое новое качество продолжающаяся дискуссия обрела в статье Г.В. Дзибеля, обзорающей проблемные вопросы ностратической реконструкции ТР, предложенной А.В. Дыбо и С.В. Кулландой, причем Г.В. Дзибель совершенно прав в том, что ТР должны реконструироваться как система, и он не отрицает этого подхода у своих оппонентов: не будем уточнять, «кто начал первым», нам важнее позиции противостоящих сторон.

Отметив, что, согласно А.В. Дыбо и С.В. Кулланде, для ностратического состояния реконструируется около 30 ТР, Г.В. Дзибель замечает: «Во-первых, добрая дюжина “ностратических” терминов родства и свойства – это слова детского языка» [Наст. изд.: 45]. Между тем, как нам представляется, там, где возникают пресловутые слова «детского языка», кончается сравнительно-историческое языкознание и начинается коктейль из детской речи, психологии речи, психолингвистики и чего-то еще на

уровне устаревшего учебника по языкознанию или, что еще хуже, из книги писателя Л.В. Успенского «Слово о словах», хотя с точки зрения истории науки все обстоит наоборот – компаративистика как наука возникла именно тогда, когда представления о лепетной лексике (Lallwörter) как архаической форме человеческой речи были подвергнуты сомнению. Поэтому и достижения в области реконструкции ИЕ ТР появились тогда, когда индоевропеисты забыли про «детский язык», а подлинная беда ностратического языкознания состоит в том, что об этом напомнили, потому что на ностратическом уровне начинают наблюдаться смысловые рассогласования сходно звучащих слов. Можно верить или не верить в ТР как слова «детского языка», но эти слова обычно «отыскиваются» в вокативных, а не в референтивных подсистемах СТР. (ср.: [Бурыкин 1998; Попов 1998]). Правда, в каких-то ситуациях может иметь место перераспределение вокативов и референтивов, что наблюдается в СТР бантуязычных народов (см. материалы, систематизированные О.А. Ивановой [Наст. изд.]).

Говоря о работе А.В. Дыбо и С.В. Кулланды, Г.В. Дзибель отмечает: «Их усилия похожи на реконструирование прото-ИЕ терминологии родства на основе наугад выбранных слов из русского, албанского, греческого и гэльского языков» [Наст. изд.: 47]. За этим упреком скрывается сложная методологическая проблема. Во-первых, у каждого исследователя имеются свои представления о том, на каком материале делать групповую реконструкцию. Во-вторых, ностратическая реконструкция как реконструкция второго порядка не обязательно должна полностью поглощать групповые лексические реконструкции с поддержкой большинства языков данной группы, поскольку наряду с общеИЕ ТР в ИЕ СТР по отдельным группам языков могли и должны были сохраняться отдельные архаизмы, «высветить» которые может только внешнее сравнение.

По поводу замечания Г.В. Дзибеля о ностратическом корне *pVwǵV- ‘дитя, сын’, который распространен и в неностратических языках, и поэтому «требуется дополнительная работа для опровержения этого как конвергентности или заимствования» [Наст. изд.: 67], хотелось бы сказать, что совершенно не обязательно – нет смысла уподобляться в этом Г. Дерферу – требовать, чтобы ностратические ТР *не имели* соответствий за преде-

лами ностратической семьи, это-де понижает степень доказательности ностратики и степень доказанности существования ностратической макросемьи. Ведь ностратическая макросемья языков тоже кому-то родственна, только в этой области нужна иная точность исследования и степень достоверности результатов тоже будет существенно меньшей (Признавая родство ИЕ языков с отдаленными, напомним рассуждение, о котором забыли все: «Индоевропейский праязык не мог ни свалиться с неба, ни существовать в обособившемся виде чуть ли не с ледникового периода» [Вопросы методики: 11].)

Г.В. Дзибель упрекает А.В. Дыбо и С.В. Кулланду в возведении на ностратический уровень ИЕ ТР, извлеченных из отдельных языков. Увы, тут повторяется старая ошибка компаративистов-скептиков, согласно мнению которых, для реконструкции второго уровня (т.е. в нашем случае для надстраивания ностратического над ИЕ) нужен якобы только апробированный «общеиндоевропейский» материал. Но общеиндоевропейский, равно как и общеуральский, общеалтайский (о котором ниже), общедравидийский – это по определению «не совсем ностратический» материал; это в лучшем случае ностратический материал с ограниченной ареальной локализацией, так сказать, «диалектный ностратический». Собственно ностратические лексемы в одних группах языков сохраняются на уровне праязыков, в других – на уровне праязыковых архаизмов, которые древнее праязыкового уровня, а в каких-то третьих группах языков исчезнут вовсе и будут заменены словами с другими основами или заимствованиями. Такое осмысление материала позволяет устраниваться от искусственных трудностей, которые не то что возникали, а искусственно ставились, когда контралтаисты (те, кто отрицает родство алтайских языков, не имея собственной позиции относительно родственных связей отдельных групп алтайской семьи) предполагали, что общеалтайские лексемы должны быть обязательно общетюркскими, общемонгольскими и общетунгусо-маньчжурскими.

Г.В. Дзибель в своей новой статье выступает с критикой приемов этимологизации ИЕ ТР путем отождествления их основ с основами глаголов 'дойти', 'любить' и т.п. или даже протестует против применения этих приемов. Однако нельзя исключать и системных замен ностратических ТР соответствующими дери-

ватами, как нельзя исключать того, что, например, эскимосская или хаусанская системы названий числительных с прозрачными этимологиями просто заменены относительно недавно.

Г.В. Дзибель замечает, что у А.В. Дыбо и С.В. Кулланды «уральский *śeśä* трактуется как “дядя”» [Дыбо, Кулланда 2005: 29], однако его уточнение, что это ‘младший брат матери’ [Наст. изд.: 50] ничего не меняет в лингвистическом раскладе. Да, действительно, ‘младший брат матери’ – это та особая позиция, с исчезновением которой, как правило, появляется терминологическое объединение сиблингов родителей («дядя» / «тетя» в русской СТР). Но то, что русское «тетя» – это не только сестра отца или матери, но и жена брата отца или матери, отнюдь не лежит на поверхности в русском языковом сознании и не слишком выразительно эксплицируется в русских словарях¹.

Рассуждения Г.В. Дзибеля о том, что «так же, как коми-пермяцкое **ken-* ‘сестра супруга’ заимствовано из чувашского *ken* из прототюркского **kelin* ... хантыйское *sheli* ‘муж сестры жены’ – из селькупского *shäl* ‘муж сестры жены’ ..., а агнобское *kelin* ‘жена сына’ – снова из тюркского, но Дыбо и Кулланда явно не знают об этих фактах» [Наст. изд.: 57], служат некоторым упреком авторам. Но у участников дискуссии есть основания поблагодарить оппонента за следующее добавление: «Предполагаемый ностратический корень представлен алтайским **küni* ‘одна из многих жен’» [Наст. изд.: 60].

Ремарка Г.В. Дзибеля в гнезде 16 [Наст. изд.: 66–67], несмотря на ироничность критика и объективное признание того, что эти слова действительно можно считать имеющими маргинальную позицию в ТР, все же интересна. Что же касается гнезда 17 [Наст. изд.: 67–69], то тут и в самом деле нет ясности в отождествлении тунгусо-маньчжурских и монгольских форм, и соответственно надежность алтайской реконструкции не безупречна.

Надо согласиться с Г.В. Дзибелем и в том, что «фактически, изучение систем родства имеют давнюю историю глобальных сравнительных исследований, которые продолжаются. К сожа-

¹ В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова те значения слов ‘дядя’ и ‘тетка’, которые мы имеем в виду, даны как оттенки, но поскольку оба эти слова являются именами родства, т.е. имеют значения, выходящие за пределы ТР и обозначающие лиц определенного пола и относительного возраста, такие толкования обесмысливаются.

лению, компаративисты, занимающиеся отдаленными сравнениями, не используют в должной мере результаты *kinship studies*» [Наст. изд.: 71]. Да, эти лексические единицы привлекали к себе много внимания. Но именно в них как в зеркале отражены самые разные, разновременные и разноидеологические взгляды на понимание того, что такое сравнительно-историческое языкознание и что такое история языка. Поэтому в этой области лексики (равно как и в названиях небесных светил, частей тела, растений и животных), проявляются такие разные трактовки компаративистики: и как сравнение похожих слов или слов из отдаленно расположенных языков, и как инструмент для познания языкового и социального прошлого, и как способ установления стадий развития языка и общества, имеющих непреложный характер и единую последовательность развития, и как метод реконструирования примитивного, кинетического языка. Почему ТР должны быть информативными для какого-то одного аспекта реконструкции? Они не покрывают сетки соответствий, не являются достаточными для формирования представлений о лексическом фонде и о социальной организации.

Вполне можно согласиться со следующим заключением Г.В. Дзибеля: «Отдаленные сравнения имеют очень мощный потенциал, и, если ИЕ ТР будут правильно (*properly*) реконструированы, то они найдут свои аналоги в других лингвистических семьях (если их соответствующие номенклатуры родства также будут правильно реконструированы)» [Наст. изд.: 71]. Проблема только в том, что под *properly* каждый понимает свое.

Что же касается его заявления о том, что, «поскольку ТР составляют ‘базовую’ часть ‘культурного’ словаря, они имеют прямое отношение к самому воспроизводству человеческих групп» [Наст. изд.: 72], то ценность таких выводов относительно ТР будет неизбежно разной с учетом этнической, этносоциальной, или чисто социальной специфики. Так, в одном пособии для школ по культуре народов Крайнего Севера утверждалось, что отец — глава семьи и его слово — закон. Но как быть, если почти 50 % семей коренных народов Севера являются неполными — так где же там глава и кто там закон? И какая лингвистическая реконструкция ТР позволит отследить этот факт? По этносоциологическим исследованиям известно, что этническая смешанность семей приводит не к изменению СТР в том или ином

языке, на котором говорят брачные партнеры, но к упрощению социальных отношений между номинантами СТР и сведению их смысла до нуля. Системы родства в смешанных браках не переплетаются.

Когда Г.В. Дзибель утверждает, что «картвельская терминология для сиблингов очень редко встречается (в моем банке данных по примерно 2500 языкам) и полностью отсутствует в Евразии, поэтому ее связи могут быть весьма значимыми для исторических реконструкций. В частности, это позволяет отрицать идентичность с баскской» [Наст. изд.: 75], то возникает вполне закономерный вопрос: а если это «совпадающие уклонения», предусматриваемые структурой как единственное девиантное направление?

Вывод Г.В. Дзибеля о том, что «обозначения сиблингов в эскоалеутских языках не демонстрирует сходства с какими-либо “ностратическими” языками» [Наст. изд.: 77] вызывает вопрос: а почему они должны ее показывать? Родство или неродство заключается не в сходстве и не в системных отличиях, а в обосновываемости генезиса различий на лингвистическом и, желательно, на этнокультурном уровне.

Наконец, Г.В. Дзибель, можно сказать, в лучших традициях постсоветских лингвистов старших поколений заключает свою статью характерным пассажем о наследии тоталитарного режима, который вынуждал ударяться в эскапизм, научное сектантство и в мир лингвистической гигантомании, и что ностратика представляет собой феномен реинкарнации марризма [Наст. изд.: 79]. Не знаем, как в связи с этим лучше выразиться: «это не совсем так» или «это совсем не так», ибо в основе ностратического языкознания не лежит новое учение о языке Н.Я. Марра. В.М. Иллич-Свитыч создал его по существу заново, основываясь на изучении имевшейся в то время литературы по внешним связям отдельных групп ностратических языков и соответствующего лингвистического материала (см., кстати, об этом у А.Р. Бомхарда [Наст. изд.: 6–7]). Другое дело, что наследие марризма, проявляющееся в следовании каким-то примитивным аксиомам, в основном в сравнительно-историческом языкознании и в социолингвистике, преодолевается с трудом (ср., например, [Серебренников 1983; Алпатов 1999]).

Изоляция ностратического языкознания в СССР была обусловлена, прежде всего, отсутствием сравнительно-исторического языкознания вне индоевропеистики, ведь сравнительно-историческое изучение афразийских языков, как и появление сравнительной грамматики дравидийских языков М.С. Андропова, было стимулировано ностратикой, а зарубежная алтаистика Г. Рамстедта и Н. Поппе, на которой лежал груз идеологии и политики, не смогла поднять до своего уровня тюркологию и монголистику, наилучшим же образом разработанное тунгусо-маньчжуроведение (благодаря трудам В.И. Цинциус) долгое время было двигателем, «мотором» алтаистики, однако тунгусоведам явно не хватало знания иного материала и специальной компаративистической подготовки.

Тем не менее, Г.В. Дзибель прав в том, что методология ностратики очень долго балансировала на грани элементарного анализа, т.е. подведения того или иного нового материала под существующие корни словаря Иллич-Свитыча), а в методике до сих пор преобладают семантические реконструкции успешно применявшиеся и в традиционной этимологии, равно как и в «элементарном анализе» по Марру или по 203-элементному корнеслову Н.Д. Андреева [Андреев 1986]. Прав также А.Р. Бомхард, оценивая современное состояние ностратики: «Долгопольский собрал материал, содержащий свыше 2000 общих ностратических корней, однако к настоящему времени опубликована только малая его часть» [Наст. изд.: 6]). Этот упрек справедлив, потому что множество обещаний в отношении усовершенствования ностратической реконструкции и увеличения доказательного материала остается невыполненным фактически с 1970-х годов. И хотя А.Р. Бомхард оговаривается, что существуют различия в интерпретации между Иллич-Свитычем и Долгопольским, с одной стороны, и Бомхардом – с другой» [Наст. изд.: 6], это нормально для развития компаративистики, только так и может осуществляться прогресс в науке.

Согласимся также с А.Р. Бомхардом, сказавшим в начале, а не в заключении своей статьи: «Остается много спорных вопросов, которые должны быть исследованы и много деталей для разработки, но будущее выглядит чрезвычайно захватывающим и многообещающим» [Наст. изд.: 7].

Что же касается «*in loco cognatis*», то материал статьи [Дыбо, Кулланда 2005], действительно, позволяет сделать вывод о том, что «кровное родство играло в праностратическом обществе меньшую роль, чем иные типы социальных связей» [Наст. изд.: 93], а также предположить, что эти иные типы были половозрастными, более того, судя по всему, возрастная классификация доминировала над терминологией кровного родства.

[The discussion of Nostratic kinship terms or IE kinship nomenclature from a perspective of external comparison on the pages of the «Kinship Algebra» almanac has become interesting not only due to the data provided but also owing to its aspect variety. Besides the issues bringing up the history of certain lexical units in different IE languages, it deals with IE protoforms, phonetic correspondences and archetypes, and reconstructions of certain branches of the Nostratic macrofamily (Kartvelian, Uralic, Altaic, Dravidian and, according to A.R. Bomhard, Afroasiatic) in all their complexity, as well as with the method of etymological researches and, which is especially important, socio-historical and cultural-historical problems of linguistic reconstruction.

The ongoing discussion acquired new features in the article by G.V. Dziebel on the controversial issues of Nostratic kinship terms' reconstruction, suggested by A.V. Dybo and S.V. Kullanda. G.V. Dziebel rightly points out that kinship terms should be reconstructed as a system, yet there is no denying that his opponents use systematic approach: what really matters is that we elucidate the positions of the opposing sides.

Having noted that according to A.V. Dybo and S.V. Kullanda about thirty Nostratic kinship terms can be reconstructed, G.V. Dziebel claims that «a good dozen of “Nostratic” kinship and affinity terms are baby words» [This Issue: 45]. Meanwhile, as we see it, it's when the the notorious 'baby-talk' notion emerges that historical-comparative linguistics gives way to a “cocktail” of baby-talk, psychology of speech, psycholinguistics and anything else at the level of an outdated course on linguistics, or, worse still, the well-known to Russian children popular book by L.V. Uspensky «Word about Words». Historically, however, it was the other way round: comparative linguistic as a discipline started exactly at the point where it had cast doubt on the hypothesis of Lallwörter as an archaic state of hu-

man language. Therefore real achievements in the reconstruction of IE kinship terms were made when specialists in IE studies stopped relying upon “baby-talk”, and it is in ignoring this fact that the real danger for Nostratic studies lies, since at the Nostratic level we begin to come across semantic errors in the case of similarly sounding words. No matter whether we believe that kinship terms come from baby tongue or not, these words are normally “revealed” in vocative – and not referentive – subsystems of kinship terms system (cf. [Бурькин 1998; Попов 1998]). In certain situations, though, we can see a kind of redistribution of vocatives and referentives which, for instance, can be traced in kinship terms systems of Bantu-speaking peoples (see the data systematization by O.A. Ivanova [This Issue]).

Speaking about the work by A.V. Dybo and S.V. Kullanda G.V. Dziebel remarks that «their efforts looks more like reconstructing proto-IE kin terminology on the basis of random words picked from modern Russian, Gheg Albanian, Koine Greek, and Canadian Gaelic» [This Issue: 47]. A complex methodological problem is implied by this reproach. First, every researcher has his/her own idea as to what material he/she should involve in reconstruction. Second, Nostratic reconstruction as the reconstruction of the second order does not necessarily have to rely solely on the reconstructions involving the majority of languagegroups within a given family, since certain archaisms can be highlighted by means of external comparison only.

As to G.V. Dziebel’s remark that «the alleged Nostratic root **pVwɨjV-* ‘child, son’ (PAltaic **póju*, Ural **pojka*, IE **pau-*, etc.)..., not being strictly speaking a *Lallwort*, has a distribution far beyond Nostratic languages ... and it takes additional work to demonstrate that it is not a convergence or a borrowing» [This Issue: 66], it should be said that there is absolutely no need to follow G. Doerfer who insisted that Nostratic reconstructions could be trusted only if there were no homophonous etyma in unrelated (macro)families. Anyway, the Nostratic macrofamily simply must be ultimately cognate to other (macro)families. Let us remember a well-forgotten dictum: «“The IE-language could never fall from the sky, nor could it exist isolatedly since the times of the Ice Age» [Вопросы методики: 11].

G.V. Dziebel reproaches Dybo and Kullanda for raising IE kinship terms from a small number of languages to the Nostratic level.

Unfortunately, here comes again the old mistake of skeptically-disposed comparativists, according to which only the Pan-Indo-European data are suitable for the second-level reconstructions. However, Nostratic lexemes survive in some language groups at the level of the parent language, yet may completely disappear in some other groups, where they are replaced either with innovations or with loanwords. The realization of this fact enables one to escape artificial complications akin to those imposed on Nostratics by the opponents of the Altaic theory claiming that Pan-Altaic lexemes must necessarily be Pan-Turkic, Pan-Mongolian and Pan-Tungus-Manchurian.

G.V. Dziebel has been criticizing the way of etymologisation of IE kinship terms by tracing them back to the verbs 'to love', 'to milk,' etc. However, we cannot rule out system substitutions of Nostratic kinship terms with appropriate derivations in Indo-European, just as we cannot rule out the hypothesis that the Hausa or Eskimo systems of numerals with transparent etymologies might be recent innovations.

G.V. Dziebel remarks that in A.V. Dybo and S.V. Kullanda's paper «Uralic *čecä* is glossed "uncle"» [Дыбо, Кулланда 2005: 29]. However, his specification that the word must have denoted "mother's younger brother" [This Issue: 50] does not change anything with regard to the linguistic analysis. True, "mother's younger brother" holds a special position whose disappearance, as a rule, leads to the terminological unification of parents' siblings (like "дядя" *uncle* / "тетя" *aunt* in Russian kinship term system). Yet the fact that the Russian word "тетя" refers not only to father's or mother's sister but also to the wife of mother's or father's brother, is by no means on the surface of Russian language perception, and neither do dictionaries show this distinctly.¹

G.V. Dziebel's speculations like «in the same way as Permian **ken*- 'sister-in-law' is a borrowing from Chuvash *ken* from Proto-Turkic **kelin* ... Hanty *sheli* 'wife's sister's husband' from Selkup

¹ In the «Dictionary of Russian language» edited by D.N. Ushakov the relevant usages of 'дядя' and 'тетка' are given as supplementary ones. However, since both words are kinship nouns, i.e. they have meanings that go beyond the limits of kinship terminology and refer to persons of certain sex and age, such interpretations become meaningless.

shäl 'wife' sister's husband' ... and Yaghnobi *kelin* 'son's wife' again from Turkic ..., but DK apparently are unaware of these facts» [This Issue: 57]. could be looked upon as a certain reproach to the authors. However, the participants of the discussion should thank their opponent for the following addition: «There is a putative Nostratic root represented by Alt **küni* 'one of many wives' ..., but, for some reason, it did not make it onto DK's list» [This Issue: 60].

G.V. Dziebel's remark concerning cluster 16 [This Issue: 66–67]. seems, however, worth attention in spite of its ironical criticism and the objective admission of these words' somehow marginal position among kinship terms. As for cluster 17 [This Issue: 67–69]., in fact there is no certainty in identifying word forms from Tungus-Manchurian and Mongolian, which casts doubt on the Altaic reconstruction.

We should agree with G.V. Dziebel that «kinship studies have the longest history of global comparative research», which is continued in [Дзиебель 2001; 2007]. «Unfortunately long-range comparativists have taken no advantage of kinship studies» [This Issue: 71]. In fact, these lexical units have attracted much attention. They, however, reflect different (both chronologically and ideologically) views on historical-comparative linguistics and language history. That is why the study of this vocabulary (as well as the names of celestial bodies, body parts, plants and animals) involves such dissimilar interpretations of comparative linguistics as a means of the investigation of the remote language kinship, as a tool for an insight into the linguistic and social past of the humanity, as a device enabling one to define the allegedly absolute stages of language and social development, – of immutable character and unchangeable order, – or as the method of reconstructing primitive *cynetic* language. So why should kinship terms be especially informative? They do not encompass the whole network of phonetic correspondences and are insufficient to develop an idea of the wordstock of the relevant (proto)language and social organization of the relevant society.

We quite agree with the following conclusion by G.V. Dziebel: «Long-range comparisons has a very strong potential, and should IE kin terms be *properly* reconstructed, they will find their matches in other language families (if their respective kinship vocabularies are also *properly* reconstructed)»: [This Issue: 71]. The only problem is that everyone has one's own idea of 'properliness.'

As for his claim that «kin terms constitute the "basic" part of "cultural" vocabulary, for they pertain to the very reproduction of a human group» [This Issue: 72], the value of such claims about kinship terms inevitably varies owing to ethnic, ethnosocial or purely social specificities. Thus, according to a schoolbook on the culture of aboriginal peoples of the Russian North, the father is the head of the family, and his word is the law. Yet nearly half families of the aboriginal population in the Russian North are not full – so who is their head and their law? And what linguistic reconstruction of kinship terms could help us to trace that fact? From researches in ethnosociology we know that ethnic mixture leads not to the change of kinship terms' system, but to a simplification of social relations between the nominants of kinship terms system and to a total reduction of their meaning. Kinship systems do not interfere in mixed marriages.

When Dziebel claims that «Kartvelian sibling terminology is so rare worldwide (in my sample of some 2500 languages) and completely absent in Eurasia that its affiliations can be very significant for historical reconstruction. It turns out that it is identical with Basque» [This Issue: 75]. Thus, a question occurs: what if these all are, so to say, "coinciding deviations", by the structure as the only deviation possible.

G.V. Dziebel's conclusion «the sibling profiles of Eskimo-Aleut languages do not show similarities to any of the "Nostratic" languages» [This Issue: 77] provokes a question: why should they show them? Affinity or its absence lies not in similarity or in system differences, but in provableness of the genesis of the differences at linguistic and, preferably, sociocultural level.

Finally, G.V. Dziebel, in the best traditions of elder generation linguists, finishes his article criticizing the heritage of the totalitarian regime that made scholars plunge into escapism, academic heresy and linguistic gigantomania, and stigmatizes Nostratic studies are a kind of reincarnation of Marrism [This Issue: 79]. One is tempted to say something like "it is not quite right" or "it is quite wrong", since 'the new theory of language' advocated by N.Y. Marr has nothing to do with Nostratic studies. In fact, V.M. Illitch-Svitytch created the latter anew on the basis of available researches on external affinities of certain language groups and families (cf. A.R. Bomhard [This Issue: 6–7]). On the other hand, the heritage of Marrism, mainly in

historical-comparative language studies and in socioinguistics, is difficult to overcome (cf. [Серебрянников 1983; Алпатов 1999]).

The isolation of Soviet Nostratic studies was conditioned, first of all, by the absence of historical-comparative linguistics apart from IE studies – after all, historical-comparative study of Afroasiatic languages, as well as the compilation of the comparative Dravidian grammar by M.S. Andronov was stimulated by Nostratics, while Altaic studies abroad, such as the works of G. Ramstedt and N. Poppe, were much influenced by ideology and politics and could not win over the majority of Turkic and Mongolian scholars. Tungus-Manchurian studies, owing to the work of V.I. Tsintsius, had been the driving force behind Soviet Altaic studies for a long time, but specialists in this field lacked the knowledge of adjacent disciplines and comparativistic experience.

Nevertheless, G.V. Dziebel is right in thinking that the methodology of Nostratic studies has been long on the edge of elemental analysis, i.e. applying this or that new material to already existing roots given in the dictionary of Illich-Svitych. As to the prevailing semantic reconstructions, they are akin to those used in the traditional etymology, as well as in Marr's "elemental analysis" or N.D. Andreev's list of 203 elements [Андреев 1986]. A.R. Bomhard also proved to be right in his estimation of the present condition of Nostratic studies: «Dolgopolsky currently has gathered material to support well over 2,000 common Nostratic roots, but only a small sampling of this material has been published to date» [This Issue: 6]. The reproach is true because a lot of ambitions concerning the perfection of Nostratic reconstruction and the increase of the relevant data have not been fulfilled since 1970s. A.R. Bomhard makes a reservation that «there are differences in interpretation between Illich-Svitych and Dolgopolsky on the one hand, and Bomhard on the other» [This Issue: 6], but differences of opinions are the only stimulus of scholarly studies.

Let us also agree with A.R. Bomhard who told at the beginning, – and not at the end, – of his article: «On the contrary, there remain many issues to be investigated and many details to be worked out, but the future looks extremely exciting and extremely promising» [This Issue: 7].

As for «in loco cognatis», the material provided in the article [Дыбо, Кулланда 2005] really allows us to conclude that «blood

kinship was less important for the bearers of the Proto-Nostratic culture than other social ties» [This Issue: 98], as well as to suppose that those other types were age-sex-specific, and, what is more, age-sex classification seemingly dominated the terminology of blood relationship.]

Алпатов 1999 – *Алпатов В.М.* Н.Я. Марр и марризм. М.

Андреев 1986 – *Андреев Н.Д.* Раннеиндоевропейский праязык. М.

Бурыкин 1998 – *Бурыкин А.А.* Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования) // АР-2.

Бурыкин, Попов 2005 – *Бурыкин А.А., Попов В.А.* О некоторых итогах обсуждения реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // АР-9.

Вопросы методики 1955 – Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М.

Дыбо, Кулланда 2005 – *Дыбо А.В., Кулланда С.В.* Ностратическая терминология родства и свойства // АР-9.

Попов 1998 – *Попов В.А.* Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического // АР-2.

Серебренников 1983 – *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

О.Ю. Артемова

ГАРМОНИЯ РОДСТВА

Проблемы родства всегда слыли сложнейшей областью этнологии. Их изучение до сих пор все еще узко специализировано, в известном смысле «эзотерично». Однако если разобраться, овладение ими не представляет собой сверхтрудной задачи. Главным образом оно осложняется нарочитой специализированностью и схоластической формализацией терминологического аппарата, а также разнбоем в толковании центральных понятий. Унификация и прояснение терминологии, подчиненные стремлению к ее максимальной точности и целесообразности, могли бы сделать проблемы родства доступными любому этнологу и существенно облегчить понимание реальной организации родственных структур, т.е. лишить сферу изучения родства ее «эзотеричности». В конечном счете, как нам хотелось бы показать, сфера родства – человеческих отношений и человеческих идей, интеллектуальных моделей этих отношений, – проста, логична, красива и разумна, т.е. гармонична.

В последующем изложении выделяются две исследовательские перспективы при изучении родства: объективная (*социоцентрическая*) и субъективная (*эгоцентрическая*).

В первой центральное место традиционно занимает понятие «СЧЕТ РОДСТВА», во второй – понятия «СИСТЕМЫ РОДСТВА», «СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА», или «НОМЕНКЛАТУРЫ РОДСТВА».

Неоднозначность и неясность термина «счет родства» и споры вокруг названного термина уже обсуждались нами в одной из прежних публикаций [Артемова 1999]. Во избежание путани-

цы мы в дальнейшем не будем пользоваться этим термином (за исключением тех случаев, когда этого потребует полемический контекст), а будем говорить о *десценте*, имея в виду проследивание родственных связей от предков к потомкам по *линиям* родства. Если в обществе отдается предпочтение одной из линий родства – женской или мужской, т.е. одна из *линий* считается более важной и именно по этой линии исключительно или преимущественно наследуются какие-то права, мы будем говорить об *унилинейном десценте* – *матрилинейном* или *патрилинейном*. Наличие в обществе унилинейного десцента не означает, однако, того, что остальные родственные связи не учитываются. Скажем, если общество *матрилинейно*, это не значит, что мужские линии игнорируются. Это значит только, что какие-то важные социальные ценности передаются от предков к потомкам по женским линиям.

Если в обществе имеются формализованные кровнородственные группы, членство в которых основано на унилинейном десценте, мы будем говорить об *унилинейных десцентных группах*.

В некоторых обществах в силу разных причин оказывается невозможным или невыгодным формирование десцентных групп на основе унилинейного десцента. Тогда действует *амбилинейный* принцип: чтобы быть включенным в группу, человеку достаточно происходить от одного из ее членов либо по женской, либо по мужской линии. Решение о конкретном *выборе* принимается индивидуально в зависимости от стечения обстоятельств. В таких случаях говорят об *амбилинейных десцентных группах*.

Нередко в обществе сосуществуют матрилинейные и патрилинейные десцентные группы, тогда говорят о *двойном десценте*.

В литературе можно также встретить термины *билинейный десцент* и *билатеральный десцент*. Первый термин представляется просто недоразумением, за ним не стоит никакого позитивного содержания. Со вторым термином связывают особого рода группировку родственников – *билатеральный киндред*, или *билатеральную родню* [Кожановская 1993; 1998а; 1998б]. Эта группировка, в отличие от матрилинейных, патрилинейных и амбилинейных десцентных групп, имеет не предковый (т.е. *социоцентрический*), а *эгоцентрический* принцип формирования.

Если, скажем, членами патрилинейной десцентной группы являются все индивиды, ведущие общее происхождение от одного предка по мужской ЛИНИИ, то членами билатеральной родни являются родственники конкретного ныне живущего индивида (некоего эго) и со СТОРОНЫ отца, и со СТОРОНЫ матери. Причем, поскольку теоретически количество таких родственников у каждого индивида может быть бесконечно большим, постольку на практике размеры билатеральной родни ограничиваются определенным числом учитываемых поколений и определенным числом учитываемых боковых линий. Состав билатеральной родни любого индивида, являющегося ее центром, «всегда уникален и совпадает только у сиблингов до вступления в брак» [Кожановская 1993: 165] (см. также [Кожановская 1998a]). Формализованная, т.е. имеющая характер нормативно определенного социального института, билатеральная родня – явление сравнительно редкое.

Поскольку при формировании такой группы *десцент*, т.е. прослеживание родственных связей от предков к потомкам по ЛИНИЯМ родства, по существу, нерелевантен, постольку неправильным представляется и термин «билатеральный десцент». Десцент здесь вообще ни при чем, важна только *билатеральность*. И важно помнить, что *билатеральную родню* – как аморфную и текучую, но весьма значимую эгоцентрическую кровнородственную группировку – можно выделить у кого угодно: у австралийцев наряду с патрилинейными десцентными группами, у тробрианцев наряду с матрилиейными десцентными группами и у нас – у москвичей начала XXI столетия – при отсутствии структурированных социоцентрических кровнородственных объединений. Она в таких случаях просто неинституализирована, неформализована, т.е. не имеет названия и четких правил причисления к ней.

«Билатеральная родня» – это категория, занимающая как бы промежуточное положение между социоцентрической и эгоцентрической перспективами. Традиционно термин «*латеральность*» принадлежит к сфере *эгоцентрических* родственных структур и указывает на учет родства не по ЛИНИЯМ, а по СТОРОНАМ. Линия родства – явление объективное. Ее может при наличии соответствующей информации кто угодно про-

следить для кого угодно. Важно только знать, кто от кого родился.

Стороны родства реальны только для конкретного индивида (эго) в его субъективной перспективе. Субъективно в любом обществе родство фиксируется *когнатно*, или *билатерально*. У каждого человека имеются родственники как со стороны матери, так и со стороны отца, и он их определенным образом обозначает. Эти обозначения соответствуют реальным отношениям только в его индивидуальной, субъективной, перспективе. Общество лишь предоставляет в его распоряжение некую систему символов, с помощью которых он родственников группирует и именует. Долгое время в отечественной литературе эти системы символов, предназначенные для эгоцентрического употребления, чаще всего именовались *системами родства*. Затем был внедрен – как более точный – термин «*системы терминов родства*». Параллельно всегда с тем же значением использовались термины «*терминологии родства*» и «*номенклатуры родства*». В этой работе предпочтен последний термин.

Широко используемый термин «*классифицирующие номенклатуры родства*» будет рассмотрен ниже в контексте конкретного релевантного материала.

Социоцентрическая перспектива

В отечественной этнологической литературе социоцентрические родственные группировки долгое время было принято связывать преимущественно или даже почти исключительно с понятием «род». В другом месте нам уже доводилось более или менее обстоятельно высказывать свои соображения против употребления этого понятия в широком кросскультурном контексте [Артемова 2000; 2004: 85–109]. Здесь попытаемся лишь кратко суммировать их.

В советский период, как мы знаем, представление о родовой организации целиком и полностью ассоциировалось с представлением о первобытной формации, которая даже часто так и именовалась «родовой строй». Выделялись универсальные структурные признаки рода: *унилинейный десцент* (*филиация, счет родства*), *представление об общем предке, экзогамия*. Однако

постепенно копились факты и теоретические аргументы против представления об универсальности такого института для так называемых первобытных обществ, в частности, указывалось, что многие этнографические аналоги первобытных обществ вовсе не знали ничего похожего на род в его устоявшемся определении. Постепенно обозначилась также тенденция считать род явлением, характерным для сравнительно поздних этапов социальной эволюции и непременно связанным с генеалогическим принципом прослеживания родства. Далее, наличие так называемых родоподобных институтов во многих обществах с государственной формой управления поставило под вопрос и представление о роде как о сугубо первобытном институте. Со временем обнаружились также большие затруднения при попытках связать структурное определение рода с конкретными унитарными кровнородственными группами изучаемых традиционных обществ, особенно в тех случаях, когда в одном и том же обществе сосуществует несколько видов родственных объединений, формально подходящих под это определение. Более того, было привлечено внимание к тому, что порой, формально, под определение рода подходят объединения, которые заведомо нельзя считать родами, например, фратрии, или половины, австралийских аборигенов, обладающие унитарным счетом родства, экзогамией и верой в общего предка. Все это, а также ряд других обстоятельств, которые здесь невозможно перечислить, повело к предложениям весьма широкого диапазона — от полного отказа от понятия «род» или предельно суженного его понимания с помощью внесения таких уточнений в определения рода, при которых объединения, обозначаемые этим термином, никак не могут претендовать на универсальное распространение, до предельно широких толкований, при которых определения рода почти лишаются какой-либо содержательности.

Автору этих строк представляется наиболее целесообразным придать статус **ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ УНИВЕРСАЛИИ** не конкретной форме родственного института (род), а **РОДСТВУ** как ведущему (наряду с половозрастными градациями) и повсеместному — в бесписьменных культурах и, очевидно, на ранних стадиях социальной эволюции — **СТРУКТУРООБРАЗУЮЩЕМУ ПРИНЦИПУ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ** (он, впрочем, может сохранять ведущую роль вплоть до образования индустри-

альных комплексов). Формы реализации этого принципа – конкретные родственные институты – столь разнообразны даже в культурах с близкими экономическими системами (в зависимости от демографических, экологических и иных ситуаций), что не могут быть собраны «под одной крышей» и нуждаются в весьма дробной классификации, а также в многочисленных дополнительных названиях. Выработавшиеся к сегодняшнему дню международные классификация и терминология: «клан», «линидж», «сиб», «рэмидж», «септ», «билатеральный киндред» – явно уже не соответствуют многообразию фактических данных. Вряд ли удобно одним и тем же термином «клан» обозначать как малочисленные десцентные группы охотников и собирателей с «мелкими генеалогиями» и «мифическим» предком, так и огромные объединения земледельцев, состоящие из множества генеалогически структурированных линиджей. Вряд ли правильно именовать билатеральной родней (или киндредом) как формализованную, имеющую свое название группировку, состав которой определенно ограничен нормами, так и неформализованную группу, неограниченную и аморфную по своему составу, тем более что группировки первого типа характерны лишь для некоторых обществ, а группировки второго типа можно выделить практически в любом обществе. Нет пока подходящих международных терминов для обозначения амбилинейных родственных групп, имевшихся у некоторых охотников и собирателей – у бушменов !кунг или австралийских питъянтъяра, например, и т.д. Доводы в пользу необходимости усовершенствования и уточнения классификации родственных структур можно было бы приводить еще долго. Внутри более дробной классификации, основанной на детальном структурном и функциональном анализе, по-видимому, возможно было бы и выделение отдельных наборов, характерных для охотников и собирателей, земледельцев или кочевых скотоводов.

В рамках предлагаемой парадигмы понятия «род» и «родовая организация» просто становятся ненужными, и точно так же теряют свою значимость долгие годы дискутировавшиеся в советской этнологии вопросы о том, есть ли генетическая преемственность между родом и патронимией, между гипотетически реконструируемым «первоначальным родом» и родственными институтами, изученными этнографически, или – каково исто-

рическое соотношение так называемых материнскородовых и отцовскородовых структур. Родственные институты не переходят друг в друга, не превращаются один в другой, не порождают друг друга: они всегда ГЕНЕРИРУЮТСЯ заново по универсальному принципу, реализующегося в разнообразных формах, обусловленных конкретными жизненными обстоятельствами.

Однако при всем разнообразии форм социоцентрических родственных институтов и группирований очевидно, что унилинейный десцент служил и служит структурной основой огромного (возможно, подавляющего) их числа в самые различные времена, в самых разных культурах и в самых разных частях света. Унилинейные десцентные группы могут быть экзогамными и неэкзогамными, сегментирующимися и несегментирующимися, генеалогически структурированными или неструктурированными (все кровнородственные связи либо тщательно прослеживаются от прародителя ко всем членам группы, либо – нет), восходящими к реальному предку или возводимыми к мифическому прародителю, их члены могут локализоваться на одной территории или жить дисперсно, т.е. быть разбросанными на огромных пространствах, они могут иметь особые названия или не иметь их, могут различаться по многим другим признакам, но всех их объединяет одно главное свойство: они пополняются либо только потомками мужчин, либо только потомками женщин.

Еще в первой половине прошлого столетия Рэдклифф-Браун [Radcliffe-Brown 1913; 1918; 1935; и др.] дал, как представляется, в подлинном смысле ключ к пониманию причин столь широкого распространения этого феномена. Унилинейный десцент – это великолепный, подаренный самой природой инструмент для выстраивания и упорядочения преемства прав – в первую очередь в условиях бесписьменных культур, где родство является ведущей организационной парадигмой. Людям нужно передавать по наследству права на некое достояние, используемое *коллективно*, – дискретное имущество, дискретный участок земли, конкретные формы культа, магии, специальные навыки, знания и т.п. Количество родственников у каждого столь велико, что разделить достояние между всеми невозможно. Нужен ограничительный принцип, хотя бы для передачи *первостепенных прав* на то или иное *коллективно* используемое достояние. Принцип

передачи прав в соответствии с унилинейным десцентом – самый строгий, *логичный* и самый удобный. Поэтому он в бесписьменных обществах и наиболее распространен, хотя и не универсален, так как различные особые обстоятельства делают его иногда неприемлемым. Самый простой пример (но отнюдь не единственный) таких обстоятельств – некоторый, требующий более гибких и дифференцированных подходов, дефицит чего-то, на что права передаются по наследству. Так, у аборигенов Австралии в огромном большинстве их общностей наличествовал патрилинейный десцент, определявший *первостепенные* права индивидов на коллективно используемые дискретные поименованные участки земли. Унилинейный же десцент (патрили или матри-) определял – по преимуществу – права на тотемические центры и культы конкретных тотемических предков. Однако в самых неблагоприятных для жизни человека районах, где остро ощущалась напряженность с водой или пищей, *первостепенные* права на землю наследовались амбилинейно, так как амбилинейный принцип более гибок, пластичен. А в тех сообществах охотников и собирателей, где отсутствовало коллективно используемое дискретное достояние, прежде всего, конечно, поименованные конкретные участки земли (скажем, люди жили в безбрежных тропических джунглях или арктических тундрах) и где не было особых, используемых коллективно (но с жесткими ограничениями), культовых или каких-то иных нематериальных ценностей – у палийан Южной Индии, у кубу Суматры, у некоторых групп эскимосов – не находят исследователи и десцентных групп.

В огромном множестве земледельческих и скотоводческих обществ при отсутствии государственности или ее слабом развитии землепользование в первую очередь регулировалось унилинейным десцентом, а при нехватке земли (как на многих полинезийских архипелагах) вступал в действие принцип амбилинейности (повторяем, это далеко не единственное обстоятельство, обуславливающее амбилинейность). Отсутствие же фиксируемых этнографами десцентных группирований, среди прочего, можно соотнести с таким изобилием пригодной для хозяйственного использования земли, при котором не возникает необходимости делить ее на дискретные единицы. Люди и без этого не сталкиваются. Так, по-

видимому, было на бескрайних просторах внутренней части Чукотки до начала русской колонизации.

Двойной же десцент в этой парадигме есть следствие или, скорее выражение, того, что права на одно достояние наследуются по одной линии, а права на другое достояние – по другой линии или, порой, амбилинейно.

Один из ярких примеров двойного десцента подробно рассмотрен В.А. Поповым в его книге об ашантийцах [1990]. У них имелись генеалогически структурированные матрилинейные сегментировавшиеся десцентные группы двух уровней: яфуну и абусау. В.А. Попов называет их подродом и родом, а автор основных источников М. Фортез – линиджами первого и второго порядка [Fortes 1950; 1970]. Они, прежде всего, регулировали землепользование, хотя этим их функции не исчерпывались. Кроме того, имелись патрилинейные десцентные группы, не сегментировавшиеся, неэкзогамные и неструктурированные генеалогически. Их коллективным наследуемым из поколения в поколение достоянием были определенные культы, они также были призваны крепить связи между мужчиной, его братьями, братьями его отца и его детьми, преимущественно сыновьями [Fortes 1950: 267]. Таким образом, каждый человек одновременно принадлежал, по крайней мере, к трем десцентным группам, но не исключено, что и к большему их числу.

Во множестве австралийских сообществ патрилинейный десцент регулировал передачу по наследству прав на коллективно используемые участки земли, а матрилинейный или амбилинейный – на некоторые виды религиозной деятельности, священные мифы, песни, художественные символы и т.п. (см., например, [Howitt 1904; Berndt, Berndt 1977; Peterson, Long 1986]). По существу, для некоторых сообществ аборигенов Австралии вполне правомерно было бы говорить не о двойном, а о тройном десценте. Кроме того, в одном и том же районе могло сосуществовать несколько патрилинейных десцентных групп с разными достояниями (скажем, патрилинейные группы, в пределах которых передавались первостепенные права на земельные участки, и патрилинейные же тотемические группы, в пределах которых наследовались первостепенные права на религиозные святылища и все с ними связанное), а помимо этого еще и некие матрилинии, в пределах которых тоже наследовались определенные

права на некое коллективное достояние, а также и какой-то амбилинейный способ передачи прав (и то, и другое тоже чаще всего было сопряжено с культовой сферой). Таким образом, каждый человек принадлежал сразу к нескольким десцентным группам или неформализованным группировкам, которые многие австраловеды именуют патри- и матрилиниями, нисходящими билатеральными киндредами и др. (подробнее см. [Артемова 2004: 92–94]).

В современных городских культурах, скажем, в нашей российской, для подавляющего большинства населения полностью отсутствуют коллективные достояния, права на которые наследуются из поколения в поколение и пользование которыми требует жестких ограничительных принципов. Нет и десцентных групп, не принято даже проследивать генеалогии дальше бабок и дедов. Исключения представляют, однако, те, кто может унаследовать права на монарший престол, на привилегии, или даже просто на ценности сугубо престижного свойства, связанные с принадлежностью к царствующей фамилии, а также с близким (а порой и не очень) кровным родством с нею. В этой среде, безусловно, существуют формализованные или неформализованные десцентные группы, чаще всего патрилинейные или амбилинейные (последние, например, при дефиците мужского потомства). Порой в современных постиндустриальных обществах создаются условия для воспроизводства или возрождения десцентных групп (обычно неформализованных), подобных или стремящихся уподобиться тем, что, казалось бы, давно ушли в прошлое. Так, в последние десятилетия в России активно воспроизводятся дворянские роды. Публично доказать свое родство с видными дворянскими фамилиями некоторым (пожалуй, даже многим) представляется заманчивым с точки зрения общественной репутации, а иногда и ради конкретных материальных выгод. А ввиду дефицита информации и утраты реальных родственных связей на смену былой патрилинейности явилась амбилинейность, пластичная почти до бесформенности.

Можно назвать и другие среды, в которых в условиях современного постиндустриального города очевидна тенденция к воспроизводству кровнородственных или квазикровнородственных десцентных групп: иммигрантские и криминальные. Возникающие там структуры и соответствующие им наследственные дос-

тояния почти не изучались профессиональными социальными антропологами, по крайней мере, в нашей стране. Это перспективное поле для исследований специалистов по родству.

Разумеется, в области изучения проблем родства (в его социоцентрической перспективе), как и в большинстве других сфер социальной антропологии, гораздо больше нерешенных вопросов, чем уже найденных ответов. Почему в конкретное время в конкретном месте возникают именно такие, а не другие десцентные группы; почему одни и те же структурные черты воспроизводятся в самых разных обстоятельствах и в самые разные эпохи, как осуществляются процессы диффузии этих структур от культуры к культуре, каковы механизмы их регенерации в каких-то специфических условиях – в условиях географической изоляции, в иммиграции? И все же, поиск ответов на эти и многие другие вопросы может быть существенно облегчен осознанием того, что у самых разнообразных и самых сложных десцентных групп имеются весьма простые и единообразные структурно-функциональные основания: связь индивида с матерью или отцом и получаемые им благодаря этому права на некое коллективное достояние.

Эгоцентрическая перспектива

При обращении к проблемам изучения номенклатур родства самое, на наш взгляд, главное, и самое трудное – до конца осознать (как говорят психологи, *интериоризировать*, т.е. загнать вовнутрь себя, сделать своим абсолютно), что любая номенклатура родства, терминология родства – это лишь система взаимоувязанных знаков, интеллектуальный конструкт наподобие нотной грамоты. Скажем, номенклатура родства австралийцев вик-мункан (п-ов Кейп-Йорк, Северный Квинсленд) – это лишь система словесных обозначений родственников, которую использует каждый индивид вик-мункан, взаимодействуя с другими людьми и организуя в уме свое социальное пространство в целом. В номенклатуре родства вик-мункан лишь отражены все *потенциальные родственные связи индивида, все возможные типы родственных связей, полный набор родственных категорий* (ср. [Гиренко 1999: 9–10]). Но номенклатура родства вик-мункан не отражает ни реальной картины родственных отношений у всех вик-мункан, ни структуры или характера

отношений какого-либо, отдельно взятого вик-мункан с его окружением. Изучив нотную грамоту, можно лишь понять, какие звуки способны передать эти знаки и в каких сочетаниях, но нельзя узнать, какие пьесы с ее помощью записываются и исполняются.

В то же время, подобно тому, как конкретная нотная грамота призвана оптимальным образом, наиболее рационально кодировать музыку, специфичную для той культуры, в которой эта нотная грамота бытует, номенклатуры родства оптимально приспособлены к тому, чтобы индивид мог рационально конструировать свои отношения с людьми, квалифицируемыми его культурой в качестве его родственников.

Как правило, не только обыватели, но и многие профессиональные этнологи, даже имея дело с так называемыми линейными (английскими, или эскимосскими) номенклатурами родства, т.е. с номенклатурами, подобными той, что бытует в их культуре, чувствуют себя свободно лишь в обращении с простейшими категориями кровного родства типа «отец», «мать», «сын» или «дочь», но начинают путаться с двоюродными или троюродными братьями, теряются со свойственниками (сватами, сваяками или деверьями), а уж если речь заходит о так называемых классифицирующих, или классификационных, номенклатурах, то немедленно сдаются, с ужасом отмахиваются.

Между тем рациональные основы во всех этих случаях, включая классифицирующие номенклатуры, давно выявлены в специальных исследованиях и не так уж сложны для постижения.

Существует множество определений, даже правильное будет сказать множество подходов к определениям классифицирующих номенклатур родства. Мы не возьмемся предлагать свою. Сделаем лишь упор на то, что важнейшей (хотя и не единственной) отличительной чертой этих номенклатур является применение одних и тех же родственных обозначений (условно, пока, скажем, «мать», «отец», «сестра», «брат») и соответствующих поведенческих моделей как к действительным родителям и сиблингам эго, так и к тем, кто таковыми не являются. Например, в тураноганованских (ирокезских, бифуркативно-сливающих), а также в гавайских (генерационных) номенклатурах одно и то же слово употребляется как для обозначения женщины, породившей эго, так и для обозначения целого ряда других женщин, состоящих в родстве иных степеней с эго или даже вовсе не являющихся ему

кровными родственницами, то же и с терминами для породителя, сиблингов и других категорий родственников.

Такого типа номенклатуры характерны преимущественно для культур, не имеющих письменности или, по крайней мере, не имевших ее до сравнительно недавнего времени. К их числу относятся, в частности, наиболее близкие автору этих строк по профессиональным интересам культуры коренных австралийцев. Именно анализ номенклатур родства австралийских аборигенов привел в свое время А.Р. Рэдклифф-Брауна к ряду открытий, которые, на наш взгляд, чрезвычайно облегчили понимание структурных основ и функционального смысла классифицирующих номенклатур в целом – как широко распространенного по всему миру феномена. Отметим, что изучение номенклатур родства – это чуть ли не единственная сфера этнологии коренных австралийцев, в которой последующие исследователи не опровергали структуралистские концептуальные решения Рэдклифф-Брауна, но преимущественно на них и опирались, подчеркивая лишь недостаток внимания к терминам свойства и к семантическим аспектам родственных терминологий в трудах мэтра-основоположника [Elkin 1964; Kuper 1977; Scheffler 1978, 2001; Keen 1988: 82–86; Brabander 1994].

Как известно, центральное положение Рэдклифф-Брауна сводится к тому, что в основе всех классифицирующих номенклатур лежит «генеалогический базис», т.е. отношения, создающиеся в нуклеарной семье [Radcliffe-Brown 1930–1931; 1941; 1952].

Несколько упрощая, его идеи можно изложить следующим образом. Для бесписьменных культур родство является единственной парадигмой, в которой мыслятся человеческие отношения. Все, с кем это взаимодействует – родственники. Ведь социальное пространство у представителя такой культуры, как правило, невелико. Человеку в течение его жизни доводится взаимодействовать с людьми, число которых колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч. Большинство из них действительно его кровные родственники, пусть и весьма дальние.

Однако основной набор терминов, вырабатывающийся в пределах нуклеарной семьи, охватывает лишь отношения близкого родства и свойства: это термины, обозначающие родителей, детей, сиблингов, сиблингов родителей и их детей, супругов, их

родителей и сиблингов. Но такого набора явно недостаточно для обозначения всех, с кем эго приходится взаимодействовать. Теоретически имеются два пути для того, чтобы получить обозначения для всех. Первый – создавать особые, отражающие реальные родственные связи эго, термины для каждого родственника и свойственника за пределами круга самых близких. Этот путь очень сложный, требующий громоздких номенклатур и дающий огромную нагрузку памяти. Некоторые бесписьменные культуры пошли этим путем, в результате чего появились терминологии арабского (бифуркативно-коллатерального) типа. Там чуть ли не для всякого отношения есть свой термин, а общее количество терминов исчисляется сотнями. Историческая устойчивость подобных номенклатур, как представляется, была бы все же невозможна без письменности. Большинство же бесписьменных культур демонстрирует иной путь: все родственные (а также, в конечном счете, и не родственные) связи эго как бы подводятся под ограниченный круг выработанных на базе отношений нуклеарной семьи и близкого родства–свойства терминов: множество лиц *классифицируется* по немногим категориям, обозначаемым небольшим числом терминов. Просто, логично и удобно. К тому же можно *расширять* круг родственников настолько, насколько потребуется. А чтобы отличать *подлинных* родственников от тех, кто в соответствующую категорию как бы условно включены (*классифицированы*), применяются особые словесные приемы, примеры которых приведем ниже.

Принципы, кладущиеся в основу классификации, также предельно просты. Самый простой из них – классификация родственников только по полу и по поколениям: в поколении эго все родственники зовутся так же, как и родные братья и сестры, в поколении родителей эго – так же, как мать и отец, в поколении детей эго – так же, как сын и дочь. В этом случае мы получаем так называемую генерационную (гавайскую, малайскую) номенклатуру родства.

Несколько сложнее обстоит дело, когда люди разграничивают родственников со *стороны* отца и со *стороны* матери. В этом случае вступает в дело принцип «единства, или эквивалентности, сиблингов»: отождествляются и объединяются в одну категорию сиблинги, а отношения эго со всеми, кто являются сиблингами *между собой*, обозначаются как отношения эго с

одним из них и соответствующим образом квалифицируются. Скажем, если у моей матери три сестры, то все они будут моими матерями. То же и с братьями отца. Последовательное применение этого принципа из поколения в поколение также (как и при генерационной номенклатуре) приводит к тому, что у каждого индивида на каждом отдельном отрезке времени имеется множество «матерей», «отцов», «братьев», «дедов», «сыновей» и т.п. А термины для дедов и бабок в классифицирующих системах часто имеют еще и так называемый взаимный характер: как я их называю, так и они меня.

Терминологические различия между родственниками со стороны матери и родственниками со стороны отца – так называемая бифуркация (номенклатура как бы раскалывается надвое) – в самом простом случае проявляются лишь в поколении родителей эго. Брат отца в таком случае отождествляется с отцом, а брат матери – нет. Сестра матери отождествляется с матерью, а сестра отца – нет. Вместе с тем принцип «единства сиблингов» сказывается в том, что отношения с братом матери (настоящим или классификационным) во многом уподобляются отношениям с матерью, а отношения с сестрой отца – отношениям с отцом. Часто это находит отражение и в буквальном смысле соответствующего термина – «женский отец» или «мужская мать» [Radcliffe-Brown 1941]. Такие системы, как известно, получили наименование бифуркативно-сливающихся («сливаются» – обозначаются одним термином – боковые и прямые родственники: отец эго и брат отца, сиблинги эго и ортокузены и т.д.), или ирокезских, раньше они же часто именовались турано-ганованскими. Иногда самый простой вариант ирокезских систем выделяется в подвид дравидийских: в поколении эго, по существу, бифуркации нет – ортокузены с обеих сторон зовутся так же, как и сиблинги, кросскузены с обеих сторон именуются иначе, чем ортокузены, но одним и тем же термином. Иногда в дравидийских номенклатурах видят самую раннюю или одну из самых ранних (в стадильном смысле) форму номенклатур родства [Аллен 1995; Кожановская 1995; Крюков 1995].

В более сложных вариантах бифуркативно-сливающихся номенклатур наблюдается терминологическая дифференциация кросскузенов: дети сестры отца именуются иначе, чем дети брата матери, что, естественно, отражается в терминологии для других поколе-

ний. Нередко терминологии усложняются еще и разграничением сиблингов старшего и младшего возраста.

Чаще всего причину бифуркации связывают с наличием унилинейных родственных группировок, или, по крайней мере, с такой ситуацией, когда непосредственные породители эго принадлежат к каким-то разным социальным группированиям. Но, по-видимому, это не единственная причина, во всяком случае, для систем дравидийского подтипа.

Дальнейшее усложнение бифуркативно-сливающих номенклатур связано с внедрением еще одного классифицирующего принципа, который Рэдклифф-Браун назвал принципом «единства линиджа», т.е. единства унилинейной десцентной группы. На наш взгляд, легче всего представить такое усложнение в корреляции с демографическим ростом общества – носителя номенклатуры, хотя это далеко не единственный вариант. Грубо говоря, при определенных условиях – с развитием, скажем, земледелия или интенсификацией присваивающего хозяйства – народу становится так много, что приходится классифицировать «еще сильнее». В этом случае в одной или нескольких десцентных группах, куда входят не самые близкие родственники, эго именуется всех лиц одного пола одним и тем же термином *независимо от поколения* – тем термином, которым он именуется наиболее значимого родственника среди членов данной десцентной группы. Остальных он не дифференцирует, а просто терминологически отождествляет с этим наиболее значимым родственником или *классифицирует* в одну категорию. Например, всех женщин в патрилинейной десцентной группе матери матери называет термином, обозначающим бабушку со стороны матери. Это дает так называемый *генерационный снос* и номенклатуры типа омаха или кроу, которые ставили в полный тупик Моргана и его последователей и заставляли реконструировать невообразимые формы брака: ведь при патрилинейной филиации десцентных групп человек сплошь и рядом берет себе жену из группы матери матери, т.е. женится на женщине, которую называет бабушкой (подробнее см. [Максимов 1908: 51–53]).

Изложенное выше, конечно, дает очень схематичную картину; в реальности встречаются номенклатуры родства, весьма причудливо сочетающие названные структурные принципы, да еще и осложненные всевозможными локальными специфика-

циями. Тем не менее, именно изучение конкретного материала с учетом изложенных принципов является надежным путем к пониманию самых головоломных классифицирующих номенклатур. И ключевым является принцип, который называют принципом *расширения*, или *распространения*, первичных, или базовых, категорий – «отец», «мать», «брат», «сестра» – а также специфичных для разных номенклатур категорий, обозначающих детей, родителей родителей, сиблингов родителей и их детей. Как писал один из ведущих американских специалистов по проблемам родства Х. Шеффлер в 1978 г., теория Рэдклифф-Брауна «до сих пор самая доступная для понимания и реалистичная, самая глубоко проникающая в существо дела и поэтому должна быть решающей отправной точкой при наших попытках пойти далее в изучении этого предмета... она не может быть опровергнута (если, конечно, иметь в виду честную и вразумительную аргументацию) в том, как она позиционирует правила расширения терминов» [Scheffler 1978: 1]. Не переменял он своих убеждений и к началу нашего столетия [Scheffler 2001], хотя очень много сделал для критики «семантических» и «социологических» «дефектов» конкретных построений Рэдклифф-Брауна.

Разумеется, теория расширения базовых терминов имела и имеет до сих пор немало противников. Первоначально это были последователи Л.Г. Моргана, которые видели в классифицирующих номенклатурах некое пережиточное явление – остаток ушедших в незапамятное прошлое форм группового брака. По существу, этот подход – прежде всего, сама гипотеза группового брака – был раскритикован задолго до Рэдклифф-Брауна. В зарубежной этнологии убедительная критика его восходит к К. Старке, в отечественной – к А.Н. Максимову. Позднее сформировался другой подход, приверженцы которого в категориях классифицирующих номенклатур видят не категории родства, а категории социальных позиций. Одни и те же термины, применяемые эго к целым группам людей, обозначают не родственное отношение к обозначаемым этими терминами людям, а его отношение к ним как к социальной группе. Это своего рода «соционимы»¹. Поэтому, считают приверженцы названного подхо-

¹ Термин «соционимы» почерпнут из работы одного из отечественных сторонников излагаемой точки зрения [Попов 1990].

да, неправильно делают этнографы, когда, записав номенклатуру родства на конкретном – африканском, индийском или австралийском – языке, они потом термины этого языка переводят на свой язык, пользуясь терминами номенклатуры, принятой в их культурах. Например, если у вик-мункан человек называет словом «kaath» женщину, его породившую, а также многих других кроме нее, то неверно переводить слово «kaath» как «мать». Индивид вик-мункан не вкладывает в это слово того содержания, которое вкладывают русские индивиды в слово «мать». «Kaath» для вик-мункан, по мысли ученых этого направления, – просто одна из женщин, принадлежащая к определенной группе женщин первого восходящего поколения. Сторонники такого подхода создали множество кодов, направленных на то, чтобы при записях, публикациях и других операциях с номенклатурами родства избежать привнесения терминов современных европейских номенклатур в якобы совершенно чуждые современным европейским понятиям ментальные модели африканцев, индейцев или австралийцев.

Этот подход, который Г. Шеффлер назвал подходом «социальных категорий», по существу тоже восходит к эволюционистам рубежа XIXXX вв. – Б. Спенсеру и Ф. Гиллену, Л. Файсону, А. Хаунту и др. [Scheffler 1978: 11]. У нас он получил развитие в работах Н.М. Гиренко, В.М. Мисюгина, В.А. Попова, Ю.И. Семенова и ряда других исследователей. Он уже анализировался в прежних публикациях автора этих строк [Артемова 1999; 2004]. Здесь попытаемся лишь конспективно сконцентрировать возражения, отчасти выдвигавшиеся раньше.

«Социальные категории» вместо терминов родства приписываются либо каким-то прошлым стадиям развития, не зафиксированным этнографией, либо современным или недавно существовавшим обществам, изучавшихся этнографически. В первом случае реконструируется некая стадия социальной жизни, когда родство между индивидами не осознавалось, а если и осознавалось, то не имело сколько-нибудь серьезной значимости. Получается, что классифицирующие номенклатуры – это опять-таки пережиток. Однако мало того, что существование такой гипотетической стадии невозможно доказать, очевидно еще и то, что классифицирующие номенклатуры, изученные этнографически, – живые явления, флуктуирующие, гибкие, перестраиваю-

щиеся, чутко реагирующие на изменения в обществе, несущие важную функциональную нагрузку. И это даже чисто теоретически говорит против (высказывавшейся в русле той же критикуемой нами парадигмы) идеи как бы «сужения» «социальных категорий» и превращения их в собственно термины родства в процессе эволюции культур. Якобы первоначально, скажем, вик-мунканское «kaath» означало просто женщину определенной социальной категории, а потом стало означать «мать» как породительницу, потому что она –породительница – принадлежала к этой категории. В этой парадигме современные вик-мункан уже осознают, что *kaath* – это породительница, не осознавали или не придавали этому значения только их далекие предки. Но при таком гипотетическом эволюционном процессе потребность в других *kaath* – помимо породительницы – должна была бы отпасть параллельно с осознанием ее значимости и уникальности, соответственно и термин должен был бы перестать быть групповым. Однако мы этого не находим – до сих пор каждому вик-мункан нужна и *kaath*-породительница и множество других. Все они занимают свои ниши в его социальном пространстве.

Во втором случае предполагается, очевидно, что и сегодняшние носители классифицирующих номенклатур пользуются терминами не как родственными, а как «социальными категориями», или так было сравнительно недавно, пока европейская колонизация не расстроила их традиционную жизнь. Это еще в большей мере не выдерживает критики.

Во-первых, такой подход внутренне противоречив, нелогичен. Ведь для носителей номенклатур в этой парадигме родства вообще не существует. В этой парадигме мы имеем дело не с категориями, отражающими связи по рождениям, а с некими групповыми соционимами, выражающими соотношение поколений. И тогда номенклатуры родства – это номенклатуры не родства, а чего-то иного. А, следовательно, нужно отказаться и от устоявшихся в этнологии методов анализа номенклатур родства, потому что в них – какие бы ни вводились коды с целью уйти от привычных исследователю категорий родства – цепочки рождений и браков всегда играют ключевую роль. Однако никто еще пока не рождался «групповым способом». И с «групповым браком» этнологи тоже давно уже разобрались. Одним словом,

на этом пути, если идти по нему не сворачивая, неразбериха неизбежна.

Во-вторых же – и это гораздо важнее – рассматриваемый вариант концепции «социальных категорий» находится в полном разладе с фактами. Не только всякий, кто общался с представителями традиционных австралийских, африканских или индейских культур, обладающих номенклатурами интересующего нас типа, но и всякий, кто много читал о повседневной жизни этих людей, знает, что ближайших своих родственников и свойственников они воспринимают так же, как и мы, и что это самые главные персонажи на протяжении всей жизни человека. И в термины, адресуясь к этим людям или говоря о них, человек вкладывает то же примерно содержание, что и любой европеец в термины родства, обозначающие его близких кровных родственников.

Этнология не знает таких культур, в которых кровнородственные связи не «выделялись» бы из комплекса социальных связей в целом или не «имели социальной значимости». Более того, культуры, в которых люди «мать родную не узнают» или, по крайней мере, не считают ее важнее других «матерей», просто невозможны по определению. Во всех человеческих обществах непосредственные породители, порожденные и те, кто порожден одними породителями, спаяны самыми тесными отношениями (разве что для отдельных культур это будет не совсем верно в отношении породителей мужского пола). Одно из самых ярких подтверждений тому (а одновременно и один из важнейших аргументов в пользу теории расширения базовых терминов) – тот факт, что в языках народов, имеющих классифицирующие номенклатуры родства, обнаруживаются те или иные лингвистические приемы, с помощью которых подчеркивается подлинность или близость родства, а также обозначаются степени родственной близости (см., например, [Keen 1988: 85; Sutton 1982]). Так, у вик-мункан человек, желающий подчеркнуть подлинность родства, добавляет к соответствующему термину слово *ngath* («мой»), или *ngatharam*, *ngath-ngathar* («мой собственный, действительно мой»): *kaath ngath* (*ngatharam*, *ngath-ngathar*) – «моя собственная мать»; *piip ngath* (*ngatharam*, *ngath-ngathar*) – «мой собственный отец» и т.п. [McConnel 1934:

350–351]¹. Или он говорит: *kaath-kunch*, *piip-kunch* – «моя настоящая мать, мой настоящий отец» [Dictionary 1986]. И в том, и в другом мне довелось убедиться самой в 2005 г. В некоторых сообществах аборигенов, наоборот, особый термин добавляется к тому или иному обозначению родственной категории, когда человек обращается (или говорит о нем²) к классификационному, а не к генеалогическому родственнику. В таких случаях он говорил что-то вроде «мой далекий брат (сын, дед и т.п.)» [Berndt 1970: 86].. Н.М. Гиренко приводил в своей книге примеры того, как представители ряда бантуязычных народов конкретизировали средствами языка свою индивидуальную связь с родителями [Гиренко 1991: 167–175], несколько ранее В.А. Попов анализировал нечто подобное в аканских языках [1982: 99–101, 105].

Даже относительно несложный лингвистический анализ, направленный на выяснение буквального значения терминов в классифицирующих номенклатурах, может показать, что это именно термины родства и свойства, так или иначе указывающие на связи по рождениям и бракам. Можно сослаться, в частности, на подборку лингвистических данных, сделанную Д.А. Ольдерогге. Он указывал, что глагольная основа *zala* («рождать»), встречается почти во всех группах языков банту. «Она входит в состав многих терминов классифицирующих номенклатур, например, коса *ubuwozala* 'отец мужа', *uninazala* 'мать мужа'; ила и тонга *tatazyala* 'тесть'... ганда *sezala* и *nyazala* 'мать мужа/жены'» [Ольдерогге 1983: 66]. Выразительным представляется и то, что у баконго термин, которым обозначаются родная мать (т.е. родившая человека женщина), ее сестры и вообще родственники с ее стороны – *ngudi* – буквально значит «сердце», «середина», «ядро» [Там же: 60]. Можно вспомнить и то, что в древнегреческом языке «брат (*ἀδελφός*)» и «сестра (*ἀδελφεά*)» были производны от корня «матка (*δελφύς*)».

¹ У нее те же термины, правда, даны в другой – устаревшей – транслитерации. В настоящей статье все слова из языка вик-мункан приводятся в транслитерации вик-мункан-английского словаря 1986 г., который до сих пор считается образцовым [Dictionary 1986].

² Во многих австралийских языках не было лексического различия между вокативными и референтивными терминами. В частности, не было его у вик-мункан. Поэтому, да и для простоты изложения, мы здесь это свойство номенклатур родства не упоминаем.

Одно из самых замечательных свойств классифицирующих номенклатур, тоже свидетельствующее в пользу теории расширения базовых терминов, заключается в том, что они дают индивиду обширные возможности и гибкие средства для расширения социального пространства по мере необходимости или желаний, а также и для внедрения в прежде чуждое ему социальное пространство. В литературе об охотниках и собирателях с классифицирующими номенклатурами родства имеется бесчисленное число тому примеров. Неродственники, т.е. люди, за которыми не закреплён тот или иной термин родства или свойства, практически не существуют для людей такой культуры. Неродственника просто игнорируют. Поэтому, скажем, если аборигену с юга Австралии, макассару с Сулавеси или европейцу понадобится наладить отношения с людьми какой-то локальной группы Арнемленда, то, прежде всего, эти люди «установят» тем или иным способом (их изобретательности можно только позавидовать), кому и кем он «приходится», после чего пришелец обретёт целый набор родственных наименований и целый сонм новых «родственников». В этом мне привелось убедиться самой.

Современные вик-мункан, как и изученные в первой половине прошлого столетия У. Макконнел, распространяют родство на всех, с кем приходится контактировать более или менее длительно. Когда я оказалась среди них осенью 2005 г., у меня не получалось никого взаимодействия с ними, пока археолог Роджер Криб (англо-австралиец) не представил меня некоторым лицам как свою сестру. Тогда я стала кому сестрой, кому матерью, кому дочерью, и отношения начали развиваться. Никто, конечно, не мыслил ни этого археолога, ни меня кровными родственниками, но категоризировали меня в зависимости от индивидуальных кровнородственных связей. Так, Д. признала во мне старшую сестру – по аналогии с Роджером, признанным братом, и по возрасту (я старше, как мы установили). Д. стала для меня *wiil*, а я для нее – *uap* (старшая и младшая сестры). С., дочь Д., стала называть меня *kaath*, как и родную мать, а поскольку я старше ее родной матери, постольку она к слову *kaath* добавляла слово *pi'an* – получалось «большая мама». Узнав, что в Москве у меня есть дочь, она объявила, что хочет познакомиться со старшей сестрой *uap*. Незнакомые люди, с которыми я встреча-

лась на улицах поселка Аурукун, перебирали имена его жителей, пока не находили человека, с которым у меня уже установлено родство. Тогда они объявляли, кто они для меня, и уже больше не называли по имени, а только, скажем, *wiil* или – чаще – искаженным английским *cisa*. Мои *kaath*, *yap* и *wiil* отнюдь не относились ко мне так, как они относились к своим кровным *kaath*, *yap* или *wiil*: не давали мне еду, не приглашали в дома, на целые дни или даже недели забывали о моем существовании и т.п., но они хотя бы признали во мне личность, для которой можно найти место в их кругу, и сделались приветливы, дружелюбны, разговорчивы. Это оказалось возможным только благодаря индивидуальным «вписываниям» меня в классифицирующую номенклатуру родства. При этом вик-мункан рассматривали свои термины в качестве полных аналогов английским – *kaath* = «mother», *piip* = «father» и т.д. Матери и отцы в их понимании бывают собственными, близкими и далекими. Я далекая русская *tami* = *kaath pi'an* прелестной девушки С. Это совсем не то, что ее *kaath ngath*, (*ngatharam*, *ngath-ngathar*; *kaath-kunch*) – Д., но, завидев меня, юная С. радостно махала рукой; когда я собралась уезжать, она уговаривала меня остаться; провожая до самолета, просила вернуться на будущий год... А теперь мы обе, не сомневаюсь, иногда вспоминаем друг о друге с теплотой, невозможной между неродственниками.

В обществе типа нашего родственники – они и есть родственники, близкие и дальние. А в обществах с классифицирующими номенклатурами родства имеются реальные отношения по рождениям и бракам, осознаваемые вполне адекватно, и имеются отношения, уподобляемые первым с помощью классифицирующих терминов. Это уподобление – великолепный инструмент социального взаимодействия, социального сближения, нормативного определения взаимных ожиданий, эмоционального вовлечения в сферу трудно определимых, порой неуловимых психологических трансакций, и он же – функционально густо нагруженный, а также интеллектуально красивый троп.

Функциональная метафора родства

Роджер Криб очень красочно рассказывал мне, сопровождая свои слова схематичными рисунками, как аборигены по всему

Кейп-Йорку вписываются в родственные круги друг друга. Внутри поселка Аурукун с его населением в тысячу с небольшим человек все аборигены друг другу кровные родственники. Они хорошо осознают это. Они пользуются малым количеством родственных категорий, но дифференцируют друг друга по степени близости. Почти то же можно сказать и об их взаимодействии с представителями двух-трех соседних поселений. Однако, оказавшись на противоположном побережье полуострова или на одном из близлежащих островов и обретя там братьев, сестер, родителей и дедов среди ранее незнакомых людей, они, очевидно, понимают и ощущают, что воспользовались некоей словесной фигурой и произвели некий интеллектуально-эмоциональный «перенос содержания». Когда же дело касается англо-австралийцев, а тем более невиданных ранее русских пришельцев, метафоричность употребления терминов родства не оставляет сомнения. Это было отчетливо написано на их лицах и ясно звучало в интонациях их речей.

Но подобная же метафоричность, подобный «перенос содержания» проявляется и во всех их культурных традициях. Тот же механизм действует при *расширении*, *распространении* категорий родства за пределы человеческих отношений – в мир природы и в мир чистых идей.

Абориген вик-мункан из тотемической группы опоссума называет своим *piulwuiut* (отец отца) мифического опоссума – человека эпохи Творения, а опоссум как животный вид для него – брат (*winu*). Первопредком и братом могут быть не только мифический человек-кенгуру, человек-крокодил, человек-западный ветер, а также реальные животные и атмосферные явления, но и предки-гуделки и даже артефакты, изделия рук человеческих [McConnel 1957].

Рэдклифф-Браун писал: «Австралийский тотемизм являет собой космологическую систему, благодаря которой природные феномены инкорпорируются в родственную организацию. Когда я начинал свою работу в Австралии в 1910 г., один абориген сказал мне: 'БУНГУРДИ (кенгуру) мой КАДЬЯ (старший брат)'. Это простое предложение из трех слов дает ключ к пониманию австралийского тотемизма. Говоривший отнюдь не имел в виду, что конкретные особи определенного вида кенгуру приходится ему братьями. Он имел в виду, что находится к этому виду кенгуру, воспринимаемому как единство, в социальном отношении,

аналогичном отношении, которое в системе родства связывает человека с его старшим братом» [Radcliffe-Brown 1952: 169].

А что есть описанный А. Элькином [Elkin 1979] множественный тотемизм? Во многих областях Австралии аборигенов все живые существа, растения, предметы, небесные тела и т.п. распределялись между фратриями (половинами) и секциями или подсекциями. Тотем половины (фратрии), секции, подсекции считался не только тотемом людей, к такому подразделению относившихся, но и тотемом всех тех предметов, животных, растений и пр., которые «включены» в это подразделение. Вместе с тем все эти животные, растения и предметы – это как бы второстепенные тотемы входящих в половину, секцию или подсекцию людей. И все относящиеся к одной фратрии, секции или подсекции (и люди, и животные, и растения, и вещи) – родственники.

Любопытные факты приводит Элькин и о том, как категории родства распространялись аборигенами на земельные угодья: «Унгариньин так говорят: “страна такого-то клана – мой ‘дядя’, страна другого клана – ‘брат матери моей жены’ и т.п.”» [Elkin 1964: 79–80].

В другой публикации автор этой статьи стремилась детально показать, что отношение австралийцев к земле, к конкретным земельным угодьям и расположенным на них ресурсам и религиозным центрам всегда осознается как родство [Артемова 2004: 7484]. По-существу, земельные угодья включены в патрилинейную десцентную группу. Индивиды, входящие в десцентную группу, как бы наследственно прикреплены к той земле, которую называют своей, и земля эта в той же мере принадлежит им, в какой сами они «принадлежат» земле [Radcliffe-Brown 1913: 146; Elkin 1979: 79; Maddock 1972: 72]. К. Маддок так писал об отношении членов австралийских десцентных локальных групп (патрикланов, по его терминологии) к территории: «Если мы скажем, что земля владеет людьми, это будет так же верно, как и то, что люди владеют землей» [Maddock 1972: 72]. Это было как бы *родственное «прикрепление»* людей к земле, подобное родственному прикреплению их друг к другу.

Во многом перекликаются с использованными нами наблюдениями австраловедов сообщения канадского исследователя Д. Андерсона об отношении к земле эвенкийских пасту-

хов Таймыра [Андерсон 1998]. Т. Инголд, один из ведущих британских теоретиков, специализирующийся на изучении культур охотников и собирателей, последовательно развивает идею «принадлежности к земле» как «индивидуального приобщения» — идею, тесно связанную с введенным им же понятием «конкретного присвоения», которое он противопоставляет понятию «собственность» [Ingold 1996: 110; 229 и др.] (см. также: [Ingold 1998; 1999]).

* * *

Родство в бесписьменных обществах — мерило всего и всеобщий классификатор. Оно и средство определить отношение человека ко всему окружающему человеческому и нечеловеческому пространству, и средство организовать это пространство интеллектуально — расклассифицировать его в уме. Но ведь в любой культуре, в том числе современной российской, родство дает человеку категориальный и поведенческий инструмент постигнине универсального свойства и широчайших возможностей. Мы только говорим, что в современном постиндустриальном мире родство потеряло свою значимость. Оно просто перестало быть всеобщей и ведущей социально-организационной парадигмой. Но оно осталось в центре системы жизнеобеспечения (в самом широком смысле) личности, ее самоидентификации, а также прямого и метафорического определения своих эмоциональных связей с субъектами и объектами окружающей действительности.

При всех социальных защитах прогрессивных государственных систем человек слаб без семьи и родни. Сближаясь с неродственниками, он говорит: «вы стали мне, как родные», «ты мне как отец, сестра, брат», «мы все здесь как одна семья, как родня», «мы с тобой теперь глубокие родственники, и нам никуда не деться друг от друга». Он метафорически зовет землю матерью, а свою страну — отчиной, родиной; он *сродняется* с домами, животными-питомцами, вещами, деревьями в саду, с песнями, сказками, анекдотами, кинофильмами и крылатыми фразами. Он посылает едва уловимое тепло, называя незнакомых людей на улицах, в магазинах, в поликлиниках или в транспорте «дочками», «сыновьями», «бабулями». И это обеспечивается все теми же универсальными механизмами *распространения*, кате-

гориального *расширения* родства и функционально нагруженного метафоризирования. Перед нами одна из немногих универсалий человеческого бытия, имеющая как бы *сквозной* характер, пересекающая границы эпох, материков, цивилизаций. А в основе очень простая модель человеческого естества – женщина, ее дети и (часто, но не всегда) мужчина, который признает ее детей своими¹.

Аллен 1995 – Аллен Н.Дж. Начальный этап эволюции терминологии родства // АР-1.

Андерсон 1998 – Андерсон Д. Тундровики. М.

Артемова 1999 – Артемова О.Ю., Лукавство или самообман? (О «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях) // АР-3.

Артемова 2000 – Артемова О.Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контроверзе» // Ранние формы социальной организации. СПб.

Артемова 2004 – Артемова О.Ю. Охотники/собиратели и теория первобытности. М.

Берндт, Берндт 1981 – Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М.

Гиренко 1991 – Гиренко Н.М. Социология племени. Л.

Гиренко 1999 – Гиренко Н.М. Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства // АР-3.

Кожановская 1993 – Кожановская И.Ж.. Что мы знаем о формах социальной организации в Полинезии (Обзор зарубежной и отечественной литературы) // ЭО. № 2.

Кожановская 1995 – Кожановская И.Ж. О тетраидной теории Н.Дж. Аллена: Некоторые предварительные замечания // АР-1.

Кожановская 1998а – Кожановская И.Ж. Билатеральность // НРМ. Раздел «Общие понятия и термины».

¹ Уже когда эта статья была сдана в печать ее автору довелось познакомиться с книгой Р. Фокса «Воспроизводство и преемство», в которой высказываются близкие мысли [Fox 1997]. Он, в частности, пишет о «базовой» составляющей человеческих родственных систем, о некоем неделимом «атоме» (образ позаимствован у К. Леви-Строса) родства, который заложен в самом естестве человеческих отношений и который должен быть в центре любой дискуссии по проблемам семьи, преемства прав, наследования, отцовства и т.п. [Там же: 129–139]. Правда, для него в этом «атоме родства» центральное место занимает не пара «мать – дитя», а пара «брат – сестра», но это тема для отдельного обсуждения.

Кожановская 19986 – *Кожановская И.Ж.* Амбилинейность. Билинейность. Латеральность. Рэмидж. Сиб. Септ // НРМ. Раздел «Общие понятия и термины».

Крюков 1995 – *Крюков М.В.* Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства // АР-1.

Максимов 1908 – *Максимов А.Н.* Групповой брак // ЭО. № 3.

Максимов 1997 – *Максимов А.Н.* Избранные труды. М.

Ольдерогге 1983 – *Ольдерогге Д.А.* Система родства баконго в XVII в. Брушотто да Ветралла и его миссия // Эпигамия. Избранные статьи. М.

Попов 1982 – *Попов В.А.* Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М.

Попов 1990 – *Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М.

Рэдклифф-Браун 2001 – *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. М.

Berndt 1970 – *Berndt C.H.* Digging Sticks and Spears, or Two-sex Model // Woman's Role in Aboriginal Society. Canberra.

Berndt, Berndt 1977 – *Berndt R.M., Berndt C.H.* The World of the First Australians. Sydney.

Brabander 1994 – *Brabander Dallas de.* Descent // D. Horton (ed.). The Encyclopaedia of Aboriginal Australia. Vol. 1. Canberra.

Dictionary 1986 – Dictionary and Source Book of the Wik-Mungkan Language / Compiled by Ch. Kilham, M. Pamulkam, J. Pootchemunka and T. Wolmby. Darwin.

Elkin 1964 – *Elkin A.P.* Australian Aborigines. N.Y.

Elkin 1979 – *Elkin A.P.* Australian Aborigines. Sydney.

Fortes 1950 – *Fortes M.* Kinship and Marriage among the Ashanti // African Systems of Kinship and Marriage. L.

Fortes 1970 – *Fortes M.* Kinship and Social Order. L.

Fox 1997 – *Fox R.* Reproduction and Succession. Studies in Anthropology, Law and Society. New Brunswick and L.

Howitt 1904 – *Howitt A.W.* The Native Tribes of South-East Australia. L.

Ingold 1993 – *Ingold T.* From Trust to Domination: An Alternative History of Human-Animal Relations // A. Manning and J. Serlell (eds.). Animals and Human Society: Changing Perspectives. L.

Ingold 1996 – *Ingold T.* The Appropriation of Nature: Essays on Human Ecology and Social Relations. Manchester.

Ingold 1998 – *Ingold T.* Hunting and Gathering as Ways of Perceiving the Environment // R. Ellen and K. Fukui (eds.). Beyond Nature and Culture. Oxford, Berg.

Ingold 1999 – *Ingold T.* On the Social Relations of the Hunter-Gatherer Band // The Cambridge Encyclopaedia of Hunters and Gatherers / R.B.Lee and R.Daly (eds). Cambridge.

Keen 1988 – *Keen I.* Twenty-five Years of Aboriginal Kinship Studies // Social Anthropology and Australian Aboriginal Studies. A Contemporary Overview. Canberra.

Kuper 1977 – *Kuper A.* (ed.) The Social Anthropology of Radcliffe-Brown. L.

Maddock 1972 – *Maddock K.J.* The Australian Aborigines. A Portrait of their Society. L.

McConnel 1930 – *McConnel U.* The Wik-Munkan Tribe // Oceania. Vol. 1, № 1.

McConnel 1934 – *McConnel U.* The Wik-Munkan and Allied Tribes of Cape York Peninsula // Oceania. Vol. 4. № 3.

McConnel 193940 – *McConnel U.* Social Organization of the Tribes of Cape York Peninsula, North Queensland // Oceania. Vol. 10. № 1, 4.

McConnel 1957 – *McConnel U.* Myths of the Munkan. Melbourne.

Peterson, Long 1986 – *Peterson N., Long J.P.M.* Australian Territorial Organization: A Band Perspective. Sydney.

Radcliffe-Brown 1913 – *Radcliffe-Brown A.R.* Three Tribes of Western Australia // JRAI. Vol. 43.

Radcliffe-Brown 1918 – *Radcliffe-Brown A.R.* Notes on the Social Organization of Australian Tribes // JRAI. Vol. 48.

Radcliffe-Brown 1922 – *Radcliffe-Brown A.R.* The Andaman Islanders. Cambridge.

Radcliffe-Brown 1929 – *Radcliffe-Brown A.R.* Sociological Theory of Totemism // Proceedings of the Fourth Pacific Science Congress. Java.

Radcliffe-Brown 1930–1931 – *Radcliffe-Brown A.R.* The Social Organization of Australian Tribes // Oceania. Vol. 1. № 14.

Radcliffe-Brown 1935 – *Radcliffe-Brown A.R.* Matrilineal and Patrilineal Succession // The Iowa Law Review. Vol. 20. № 2.

Radcliffe-Brown 1941 – *Radcliffe-Brown A.R.* The Study of Kinship Systems // JRAI. Vol. 71, № 1.

Radcliffe-Brown 1947 – *Radcliffe-Brown A.R.* Australian Social Organization // AA. Vol. 49.

Radcliffe-Brown 1952 – *Radcliffe-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. L.

Scheffler 1978 – *Scheffler H.W.* Australian Kin Classification. Cambridge.

Scheffler 2001 – *Scheffler H.W.* Filiation and Affiliation. New Haven.

Sutton 1982 – *Sutton P.* Personal Power, Kin Classification and Speech Etiquette in Aboriginal Australia // Languages of Kinship in Aboriginal Australia. Sydney.

Ю.А. Артемова

**JOKING RELATIONS:
«ШУТОЧНОЕ» ИЛИ «НЕШУТОЧНОЕ»
РОДСТВО?**

Как известно, «joking relations» (англ.), или «parenté à plaisanteries» (фр.) – это форма нормативно предусмотренного, предписанного смехового поведения в контексте кровнородственных отношений и отношений свойства, а также в практике межгруппового взаимодействия, характерная для множества традиционных культур. В русскоязычной этнографической литературе для обозначения этого феномена используются преимущественно два термина: «шуточное родство» – почти буквальный перевод французского аналога, впервые введенный в оборот, если мы не ошибаемся, Д.А. Ольдерогге в его работе «Западный Судан в XVXIX вв.» [1960], и «отношения подшучивания» – термин, в большей мере соответствующий английскому аналогу и предложенный Л.Е. Куббелем для справочного издания «Свод этнографических понятий и терминов» [1988]. В диссертации автора этой статьи, а также в недавней ее публикации предпочтение отдано последнему термину [Артемова 2006; 2006а]. Будем также пользоваться им здесь и попытаемся объяснить почему.

1

В контексте изучения традиционных культур понятие подшучивания определяется как *форма отношений между индивидами и группами, состоящая в подчеркнутой демонстрации близости или, наоборот, неприязни между людьми при помощи шуточных способов коммуникации*, так называемые «joking relations» [Куббель 1988: 146]. В сущности, подразумевается особая компонента диадных отношений, например, подшучивание между сыном сестры и братом матери, подшучивание между дедами и внуками

и т.д., и акцент делается на предписании не обижаться на шутки. (Имеется *устоявшаяся пара партнеров по подшучиванию*. А шутит именно над *B* – иногда взаимно, иногда нет.)

А.Р. Рэдклифф-Браун, как известно, был первым исследователем отношений подшучивания в общетеоретическом плане [Radcliffe-Brown 1940; 1949], он также одним из первых привлек внимание к тому факту, что отношения подшучивания имеют функциональную связь с отношениями избегания (та же мысль, правда, вскользь, высказывалась А.М. Золотаревым несколько годами ранее [Radcliffe-Brown 1940; Золотарев 1933]).

При изучении конкретного этнографического материала во многих случаях легко выделяются диадные родственные и свойственные отношения, для которых характерны либо избегания, либо подшучивания. Это, в известном смысле, оппозиционные пары и оппозиционные отношения. Так, очень часто в одном и том же обществе «избегают» друг друга один из супругов и родители другого супруга, а также его иные старшие родственники. Особенно часто запреты сопровождают отношения разнополых и разновозрастных свойственников. Классические пары: теща и зять, свекор и сноха, старший деверь и невестка, старшая свояченица и зять. Иногда оба супруга избегают старших родственников друг друга. Очень часто определенные элементы избеганий характеризуют отношения детей и родителей (например, у многих народов Кавказа и Закавказья; см. сводку [Косвен 1961: 73–88]), а также сиблингов разных полов (например, во многих этнолингвистических общностях коренных австралийцев [Elkin 1964; Berndt, Berndt 1977]). Иногда временно (изредка и пожизненно) определенные ограничения предписаны супругам [Смирнова, Першиц 1978]; в частности, у народов Кавказа (см. сводку [Косвен 1961: 73–88]), хотя более типичны для супругов отношения подшучивания. Подшучивают обычно внуки и деды, нередко тетки и племянники, дяди и племянники, свойственники одного пола и возраста, сиблинги одного пола (например, у австралийцев [Berndt, Berndt 1977: 40–50]).

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что, помимо реальных, также и потенциальные брачные партнеры очень часто составляют пары подшучивающих. В ряде обществ отношения подшучивания и избегания распространяются и на различ-

ные формы искусственного родства. Так, восприемники и приемные дети, крестные дети и их крестные родители бывают тем или иным способом ограничены в своих отношениях, а побратимы и «посестримки» подшучивают.¹

Интересно отметить, что предписанные избегания зафиксированы на гораздо более обширных пространствах мира традиционных обществ, нежели отношения подшучивания. Избегания чрезвычайно широко отмечены в культурах коренного населения Нового Света и традиционных культурах Старого Света (имеется сводная таблица: [Максимов 1908: 165]; цитируемая работа, хотя и написана в 1908 г., до сих пор, насколько нам известно, остается самым обстоятельным трудом по избеганиям между свойственниками как в отечественной, так и в зарубежной этнологической литературе), а подшучивания – в культурах индейцев, австралийских аборигенов и у огромного количества африканских народов. Так, Г.В. Дзибель пишет о Западной Африке: «Это настоящее ‘царство’ шуточного родства» [2001: 335] Имеется чрезвычайно много сведений об отношениях подшучивания и в других регионах Африки южнее Сахары

Привлекает к себе внимание то обстоятельство, что «зона» отсутствия сведений о подшучиваниях в значительной мере совпадает с теми ареалами, где вели полевые работы или просто этнографические наблюдения русские и советские этнологи (Сибирь, Казахстан, Средняя Азия, Кавказ, области расселения неславянских народов Европейской части России). Очевидно, эти обычаи вплоть до недавнего времени почти не входили в круг привычного исследовательского поиска отечественных авторов. Симптоматично, что и А.Н. Максимов в своем обширном исследовании об избеганиях ни одним словом не обмолвился об отношениях подшучивания, хотя, несомненно, читал зарубежную литературу о народах, у которых подшучивания сочетались с избеганиями, и эти народы включены в его сводную таблицу форм избеганий. Он, стало быть, в силу привычной традиции просто не заметил в читанной им литературе отношений подшу-

¹ Здесь уместно упомянуть о том, что институт побратимства, как подметил И.С. Кон, представляет собой одну из форм ритуализованной дружбы – каковой являются и отношения подшучивания, а ритуализованная дружба, наряду с эмоциональной связью, всегда подразумевает и некие фиксированные нормы взаимодействия [2005: 113–115].

чивания или не придавал им значения, а скорее не придавал значения их связи с избеганиями. По-видимому, по той же причине М.О. Косвен, уделив в своем очерке о семейных отношениях у кавказских народов большое внимание избеганиям, ничего не писал не только о подшучиваниях и вольностях в обращении друг с другом тех, кто свободен от избеганий, но и о стилях их вербальной и невербальной коммуникации в целом. Рассуждая о происхождении кавказского аталычества и ища параллели между Кавказом и Западной Африкой в нормах, регулирующих отношения между братом матери и сыном сестры, Косвен и здесь прошел мимо подшучиваний, хотя африканские материалы буквально пронизаны данными о подшучиваниях между этими родственниками [1961: 73–92, 116–126].

К этому можно добавить и то, что в полевых условиях избегания гораздо легче обнаружить, чем подшучивания. Они ярче по форме: люди закрывают лица друг от друга, в страхе убегают при неожиданных встречах, не обращаются друг к другу прямо, а передают информацию через третьих лиц (часто громко крича), не дают вещи друг другу в руки, а демонстративно бросают к ногам или у входа в жилище и т.п. Подшучивания же – это, в первую очередь, вербальная коммуникация, да к тому же формализованные подшучивания в парных отношениях стороннему наблюдателю нелегко отличить от ординарных шуток, постоянно сопровождающих жизнь людей в любом обществе. Кроме того, для того чтобы понять, что люди в данный момент шутят, необходимо знать язык изучаемого народа. Даже при хорошем знании иностранного языка понимание юмора, восприятие юмористического контекста сильно затруднены. Может быть, поэтому материалы по отношениям подшучивания представлены почти исключительно в зарубежной социальной антропологии. Ведь в отечественной этнографии не было такого устойчивого непреложного правила осваивать язык изучаемого народа, какое со времен Ф. Боаса существовало как обязательное условие полевой этнологической работы у западных социальных антропологов. И уж конечно, подшучивания легче обнаружить, когда их сознательно ищешь.

Так, по свидетельству специалиста по этнологии бурят и выходяца из Бурятии Б.Ц. Гомбоева, в литературе о традиционной культуре бурят многократно описаны отношения избегания и

совсем не описаны отношения подшучивания. Расспросив названного исследователя и одновременно носителя бурятской культуры, автор настоящей статьи, однако, убедилась, что поиск подшучиваний был бы не лишен смысла. Б.Ц. Гомбоев, в частности, вспомнил, что нередко дядя со стороны матери шутит с подрастающим племянником, и шутки эти весьма фривольны, обыгрывают половое созревание подростка. Подчеркнем еще раз, что молодой человек и брат его матери – это классическая пара подшучивающих для многих народов Африки и коренных народов Нового Света. Интересно также, что Н.П. Дыренкова в работах о родственных отношениях у алтайцев, шорцев, телеутов и кумандинцев приводила немало фактов, характеризующих пару «брат матери – сын сестры» поведенческими нормами, чрезвычайно сходными с теми, которыми регулировалось взаимодействие в этой же паре у многих африканских народов. Однако в отличие от авторов, давших африканские примеры, Н.П. Дыренкова не отмечала отношений подшучивания между братом матери и сыном сестры [1926а; 1926б; 1936], хотя другие формы регулируемого поведения у алтайских и африканских пар (брат матери – сын сестры) совпадают до мелочей (далее мы приведем примеры таких параллелей). Это наводит на мысль, что у алтайских народов подшучивания между братом матери и сыном сестры остались незамеченными автором цитированных работ.

Коллега-кабардинка, которую автор этого текста встретила на одной из научных конференций, заверила, что поищет в доступной и хорошо известной ей литературе по кабардинцам информацию о формализованных подшучиваниях, так как что-то подобное припоминает по детским впечатлениям деревенской жизни. Однако последующий поиск в литературе не дал желаемого результата. Избегания же у кабардинцев описаны во множестве (см. сводку [Смирнова 1983]).

2

Все отмеченные в наших источниках случаи отношений подшучивания между индивидами или группами можно условно разделить на два типа: 1) отношения между людьми, *реально* состоящими в родственных связях и практикующими друг с

другом шутливый – фамильярный либо притворно оскорбительный – стиль взаимодействия, как бы служащий маркером нахождения сторон в особых позициях друг к другу; 2) искусственно установленные отношения – особая форма ритуализованной дружбы – между индивидами или группами, которые *уподобляются* родственным отношениям, и при этом символическим указанием на такой статус взаимоотношений служат именно подшучивания (либо, напротив, запрет на них).

Анализируя факты, относящиеся к первому типу, мы отчетливо видим неадекватность выражения «шуточное родство». Ведь обозначаются этим словосочетанием отношения между людьми отнюдь не шуточные, т.е. несерьезные, ненастоящие, «невсамделишные» (именно так звучит слово «шуточные»), а вполне серьезные, настоящие. К тому же родственниками субъекты подобных отношений приходятся друг другу на самом деле, и поддразнивания, высмеивание не являются главной или даже ведущей составляющей их отношений. Они лишь внешний символ некоего внутреннего содержания, которое как раз и должно интересовать исследователя в конечном счете. Правильнее всего было бы говорить *об отношениях с подшучиванием*², но уж очень неудобно этим выражением оперировать.

Наиболее часто партнерами по подшучиванию являлись в традиционных обществах брат матери и сын сестры, кресткузены и родственники чередующихся поколений. В статье ограниченного объема мы можем остановиться лишь на примерах подшучиваний в классической паре «брат матери – сын сестры».

А.Р. Рэдклифф-Браун посвятил специальную работу фигуре брата матери в традиционных обществах, и это исследование до сих пор остается классическим [Radcliffe-Brown 1924], хотя и подвергалось критике неоднократно (см., например, [Evans-Pritchard 1929; Lévi-Strauss 1945; Goody 1959]). Оно основано главным образом на африканских и полинезийских материалах (бантуязычные тонга, готтентоты–нама, тонганцы), но имеет гораздо более широкое теоретическое значение и направлена в первую очередь на опровержение эволюционистского представ-

² В своем переводе статей А.Р. Рэдклифф-Брауна «On Joking Relations» и «Further Notes on Joking Relations» [Рэдклифф-Браун 2001] автор настоящей работы так и сделала.

ления (до сих пор еще широко бытующего в нашей этнологической литературе) о том, что *авункулат* – особо близкие отношения с братом матери – есть пережиток бывшего матриархата или, по крайней мере, былой матрилокальности брачного поселения и матрилинейности счета родства.

Рэдклифф-Браун привлек внимание к следующему обстоятельству: «В таком обществе, как у тонга, сколько-нибудь значительная фамиллярность допускается лишь между лицами одного пола» [Radcliffe-Brown 1924: 28]. А так как сыну следует почитать отца, то «племянник должен чтить сестру отца даже сильнее, чем отца» [Там же] (так как она еще и противоположного пола). Подобным же образом, как рассуждает далее Рэдклифф-Браун, с братом матери сын сестры может общаться свободно и с нежностью, но, в отличие от матери, принадлежащей к противоположному полу, может позволять себе и фамиллярность, так как брат матери – лицо того же пола [Там же: 29]. От него, как выразился Рэдклифф-Браун, «*ждут снисходительности*» [Там же].

В обществах со сложными классификационными (или классифицирующими) номенклатурами родства брат матери и сестра отца, как пишет Рэдклифф-Браун, как бы выступают в роли «мужской матери» и «женского отца», что иногда находит отражение и в языках соответствующих народов [Там же: 27]. Рэдклифф-Браун дал обобщающую характеристику этим отношениям, опираясь на материалы по тонга и готтентотам-нама. «Племянник по женской линии всю жизнь является объектом особой заботы со стороны дяди. Когда племянник болен, брат матери, для того чтобы он выздоровел, приносит жертвы предкам. Племяннику позволено многое по отношению к брату его матери; например, он может прийти в дом дяди и съесть то, что приготовлено впрок. Племянник заявляет свои права на часть собственности брата матери, когда последний умирает, а порой и на одну из его жен. Когда брат матери приносит жертву, сын сестры крадет и съедает часть мяса или выпивает часть пива, предназначенные божествам... Сын сестры может очень вольно вести себя по отношению к брату матери и может взять любое особенно приглянувшееся ему животное из стада домашнего скота брата матери или любую особенно понравившуюся вещь из числа принадлежащих тому. Брат матери, напротив, может взять из

принадлежащего племяннику стада лишь уродливое или составившееся животное и лишь старый и негодный предмет из тех, которыми владеет племянник» [Radcliffe-Brown 1924:24].

Сходные обычаи обнаружены и в противоположных точках Земного шара, например, на Фиджи и на Алтае. Здесь уместно привести свидетельства Н.П. Дыренковой. Так, она пишет, что у алтайцев и телеутов дядя обязан делать подарки своему племяннику, а племянник имеет право требовать у дяди по матери любую вещь, и тот не может отказать. Только в крайнем случае дядя может взмолиться, чтобы племянник согласился заменить требуемую вещь какой-нибудь другой. Приводится алтайская поговорка: «Лучше иметь семь волков, чем одного племянника» [Дыренкова 1926а: 257]. У шорцев племянник специально ездил к материнскому брату за подарками. При этом он привозил с собой вино или водку – это как раз и указывало, что он ждет подарков. Уклониться от дарения было невозможно [Дыренкова 1926б: 263–264]. У тех же алтайцев и телеутов брат матери должен был «извиняться» перед родителями невесты племянника, если последний похищал ее (практиковалось как притворное, так и натуральное умыкание). Брат матери похитителя, взяв с собой вино, ехал мириться, и именно его «чаще всего били рассерженные родители украденной девушки» [Дыренкова 1926а: 258]. О подшучиваниях Н.П. Дыренкова не пишет, но мы знаем, что у множества африканских, индейских и океанийских народов такие и подобные описанным Н.П. Дыренковой обычаи сопровождались интенсивным, нормативно предусмотренным подшучиванием – как симметричным, так и асимметричным. Часто сыну сестры позволялось значительно больше вольностей, чем брату матери. Шутки сплошь и рядом содержали сексуальный подтекст или же откровенные непристойности, обыгрывали мотив инцеста и т.п. Так, по свидетельству А. Барнарда, в излюбленных шутках сына сестры над братом матери у готтентотов нама высказывалась притворная угроза похищения жены брата матери [Barnard 1992: 187].

И. Шапера, анализируя социальную организацию бантуязычных тсвана, обращает внимание на различия в отношениях с материнским и отцовским дядей в их обществе. Эти отличия, по убеждению Шаперы, связаны с патрилокальностью и патрилинейностью тсвана. К старшим родственникам отца человеку

предписано почтительное отношение. Он живет с ними и подчиняется весьма строгой дисциплине. У материнских же родственников он гостит время от времени, и с ними отношения более свободные и более теплые. «Больше, чем от кого-либо другого, – пишет Шапера, – человек ждет в тяжелый период бескорыстной помощи именно от материнского дяди» [Shapera 1953: 40]³. И с ним он постоянно вольно шутит.

Завершая анализ отношений человека с братом его матери, Рэдклифф-Браун заключил, что в таких обществах, как общество тонга, во взаимоотношениях брата матери и сына сестры вырабатываются стереотипы поведения, воспроизводящие отношения матери и ребенка, и те же отношения имеют тенденцию распространяться на всех материнских родственников, т.е. на всю родственную группу матери. Более того, тот же принцип распространяется и на семейные божества матери [Radcliffe-Brown 1924: 37–38] (см. также: [Radcliffe-Brown 1940: 115]).

На этом следует остановиться несколько подробнее. Рэдклифф-Браун, как известно, выводит два важнейших принципа классификации родственников в «примитивных обществах»: принцип «единства сиблингов» и принцип «единства линиджа» [Radcliffe-Brown 1941]; эти его положения все еще не устарели; их апологетику см. в предыдущей публикации настоящего издания [Артемова 2006]. При классификационной системе родства так называемого ирокезского типа человек как бы отождествляет своего ближайшего родственника и его сиблингов, т.е. для меня (условно говоря, мужчины) сиблинги моего отца то же, что и сам отец, а сиблинги моей матери, то же, что и сама мать. При еще более сложной классификационной системе родства типа омаха или кроу (с генерационным скосом) отношения с одним членом некоей кровнородственной группы (чаще всего линиджа) распространяются на всю группу. Если, скажем, моя мать принадлежит к некоему линиджу, то всех женщин в этом линидже я буду воспринимать как матерей, а всех мужчин – как ее

³ Любопытно, что М.О. Косвен рассуждает точно так же, пытаясь объяснить противоположное явление: он с патрилокальностью связывает то обстоятельство, что с дедом по матери у ряда народов Кавказа человек связан менее тесно, чем с дедом по отцу. Не живут вместе, значит и отчуждены [1961: 87–88]. Все получается наоборот. Следовательно, этот объяснительный прием не слишком успешен.

братьев, независимо от поколений. И получится, что родственники трех поколений именуются мною одними и теми же терминами, и к ним я одинаково отношусь, вернее, руководствуюсь одинаковыми нормативами во взаимодействии с ними. Согласно объяснению Рэдклифф-Брауна, *«стереотипы, которые формируются в отношениях с отцом и матерью, генерализуются и распространяются на родичей с одной и другой стороны»* [Radcliffe-Brown 1924: 33].

Применительно к нашему случаю, по принципу эквивалентности сиблингов (частному проявлению классификационной номенклатуры родства), брат матери является по статусу «мужчиной–матерью». А по принципу единства линиджа, и кросскузен, и дед по материнской линии по статусу приравниваются к брату матери, хотя три эти случая – кросскузен, брат матери и дед – касаются родственников трех разных поколений.

Таким образом, два фактора определяют характер отношений (в обществах рассматриваемого типа): (1) принадлежность к материнской либо отцовской группе и (2) пол. Конечно, реальные отношения могут быть столь же разнообразными на деле, что и в европейском обществе, речь идет лишь о той их стороне, которая подчиняется четким предписаниям. Принадлежность к материнской/отцовской группе определяет наличие/отсутствие дистанции и ограничений отношений, половая же принадлежность определяет допустимость или недопустимость всевозможных вольностей в обращении. При максимальной близости – один пол и «статус матери» (отношения, приравненные к отношениям с матерью) – допустимы или даже предписаны фамильярность крайней степени и употребление непристойностей. Таковы отношения мужчины или мальчика с братом его матери, его мужскими потомками и его мужскими предками. И это, в известной мере, сказывается даже при восприятии, как уже отмечалось, духов предков: от духов материнских предков ждут помощи, поддержки и снисходительности, а от отцовских – требовательности и сверхъестественного наказания за различные провинности [Там же: 35–36].

Критики Рэдклифф-Брауна указывали, однако, что его построения «работают» только (или преимущественно) применительно к сугубо патрилинейным обществам. Более сложные и требующие более дифференцированного анализа отношения

наблюдаются между братом матери и сыном сестры в обществах, где матрилинейность сочетается с патрилинейностью (двойной десцент), и где часть наследуемого материального и духовного достояния человек получает от отца, а часть – от брата матери. Там, где основное имущество наследуется от брата матери, отношения между братом матери и сыном сестры часто характеризуются даже известной напряженностью и сдержанностью. В таких обществах брат матери нередко выступает как главный воспитатель сына сестры, а последний – как главный наследник его имущества. И то и другое обуславливает весьма осторожное обращение человека с дядей по матери и исключает отношения подшучивания [Goody 1959: 72–75]). Примеры дают некоторые африканские и меланезийские народы: ашантийцы, дагаба, или дагари (Западная Африка), тробрианцы и др.

Представляется, что приведенное выше – это, скорее, уточнение, нежели критика, ведь Рэдклифф-Брауна интересовал *авункулат* – особая близость между братом матери и сыном сестры – именно в патрилинейных обществах. В условиях патрилинейности авункулат рассматривался эволюционистами как пережиток былой матрилинейности и именно против такого подхода был направлен основной пафос идей Рэдклифф-Брауна – идей, которые сам же критиковавший Рэдклифф-Брауна Гуди назвал прозрениями [Goody 1959: 64].

В сравнительно недавнее время к анализу проблемы «брат матери – сын сестры» обратился видный американский социальный антрополог Р. Фокс. Опираясь не только на данные этнографии, но и на этологические, приматологические и социобиологические изыскания, он утверждает, что особая близость между братом матери и сыном сестры заложена в самом человеческом естестве и обязательно отливается в те или иные культурные нормы. В разных социологических обстоятельствах эти нормы могут быть весьма различными. Рэдклифф-Браун и следовавшие за ним другие функционалисты рассмотрели один из вариантов, причем подход их оказался вполне плодотворным [Fox 1997: 191–232].

3

Примеры отношений второго типа – уподобляемых родственным – куда менее многочисленны в наших источниках

(опять таки исключительно зарубежных). В большинстве своем – это отношения между целыми группами людей. Об этом типе отношений подшучиваний писал С. Хелд [Heald 1990]. Он анализировал, в частности, такие отношения у гису – земледельческого народа Уганды, говорящего на одном из языков банту. Партнерами по подшучиванию являются какие-то две корпоративные группы. Например, два конкретных линиджа. Для таких партнеров по подшучиванию у гису существует даже специальный термин – *букуло* (*bukulo*), а линиджи-партнеры по отношению друг к другу будут называться *umukulo*. Эти отношения передаются по наследству. Они обычно реализуются индивидами как представителями задействованных линиджей. Это могут быть и женщины, но чаще мужчины. Кроме взаимного подшучивания, стороны таких особых отношений осуществляют взаимный обмен дарами, принимающий форму притворного похищения. Они поочередно обмениваются имуществом, делая вид, что крадут его. Начинают с наиболее мелких предметов (горшок, курица), а заканчивают наиболее «весомыми» и ценными (корова). Ценность «похищаемого», – пишет Хелд, – меняется циклически, т.е., дойдя до предметов максимальной ценности, партнеры снова переходят к курам и горшкам. Важная особенность такой «реципрокности» заключается в том, что участники делают вид, будто имущество не отдается добровольно, а похищается. Это как бы негласно санкционированное «похищение».

Подшучивания между *букуло* принимают у гису, по словам Хелда, крайне грубые формы. Партнерам дозволяется оскорблять, обижать, унижать друг друга. Подчеркивается, что это не игра, а именно оскорбление (*abuse*). Взаимные оскорбления у *букуло* варьируют от замечаний о внешности («большая голова», «сморщенное тело» и т.п.) до прямых обвинений в ведовстве, сравнений с животными и грубых непристойностей. И хотя подобные «оскорбления» говорятся при добром отношении, их высказывают со столь серьезным видом, что со стороны можно подумать, что общающиеся действительно конфликтуют.

В связи с этим С. Хелд повествует о забавном эпизоде, произошедшем с ним и его спутником–англичанином. Местный житель, предложивший быть их гидом, стал объектом саркастического оскорбительного замечания со стороны мужчины, мимо дома которого они проходили. Проводник, чуть-чуть помолчав,

ответил тем же. Автор и его спутник решили убежать «от греха подальше», но проводник догнал их и объяснил, что тот человек – его *umukulo*, и между ними – особые отношения подшучивания. Они устанавливаются после того, как эти люди совместно присутствовали на церемонии погребения отца одного из них, либо после их обрезания [Heald 1990: 383].

Дж. Фридман [Freedman 1997] описывает своеобразные отношения между родственными группами, принадлежащих к двум разным кланам, у бантуязычного народа кига (север Руанды и юго-запад Уганды). Стороны подобных отношений предоставляют друг другу девушек для брака и осуществляют ритуалы очищения друг для друга. Они также обмениваются оскорблениями, являются партнерами по подшучиванию. Это, как пишет Фридман, больше всего похоже на искусственные оскорбления (они как бы «бросаются оскорблениями»). Он подчеркивает, что такое взаимодействие *включает оскорбление*, но *не сводится к оскорблению*, так как не может по определению вызвать гнева, в отличие от реального оскорбления. Например, женщина из одного клана может преподнести женщине из другого клана мертвую крысу, при этом подаст ее завернутой в банановые листья (как будто это еда, у нас так неприятные шутики дают пустую конфетную обертку) [Freedman 1997: 82]. Молодой человек может подойти к старику из другой родственной группы и после взаимных объятий и приветствий заявить, указывая на бездомную дворняжку: «Эту корову я тебе подарю, когда ты вырастешь» [Там же]. Это было бы, как отмечает Фридман, страшно обидным оскорблением по отношению к кому-либо кроме *abase* (член другого клана, с которым поддерживаются особые отношения). Но *abase* смеются.

О похожем явлении сообщает также Дж.Б. Кристенсен [Christensen 1963]; работавший в поле среди представителей бантуязычного народа лугуру в Танзании. У лугуру каждый клан состоял в отношениях *утани* (*уатани*, *мтани*)⁴ с одним или несколькими другими соседними кланами. По преданиям лугуру, отношения *утани* возникли в результате военных столкновений, происходивших в эпоху переселения предков кланов в

⁴ *Utani* – название отношений; *watani* – обозначение кланов, состоящих в таких отношениях; *mtani* – обозначение конкретных индивидов, которые подшучивают между собой в качестве членов кланов *watani* [Christensen 1963: 13–15].

места современного обитания. Пришедшие позднее воевали с пришедшими ранее. Победители (неважно, вновь появившиеся или более ранние насельники) позволяли побежденным остаться жить поблизости и вступали с ними в отношения *утани* – взаимного подшучивания и взаимных обязательств, прав и привилегий. Считалось также, что отношения *утани* устанавливались между кланами, которые в течение очень долгого времени обменивались брачными партнерами.

Самое «интенсивное» и фривольное подшучивание зафиксировано между *мтани*, близкими по возрасту, как однополыми, так и разнополыми. Разнополые *мтани* часто имели внебрачные сексуальные отношения. Чаще всего они возникали между неженатыми *мтани*, вдовцами и вдовами или разведенными. Это, однако, не считалось грехом и в том случае, когда мужчина был женат, а женщина не замужем. А вот замужним женщинам не подобало сходиться даже с *мтани*.

Грубые шутки, ругательства и неприличные телодвижения, которые в обычных обстоятельствах были бы сочтены жестоким оскорблением, у *мтани* «превращались в хорошую, чистую забаву». Например, мужчина-*мтани* мог делать вид, что пытается стащить одежду с женщины-*мтани*, а она утверждать, что он импотент и семя его бесплодно. Он мог в ответ предложить ей пойти с ним в укромное местечко, чтобы продемонстрировать как раз обратное. Так мог шутить женатый мужчина с незамужней женщиной в любых обстоятельствах. А с замужней – только в присутствии ее мужа. Единственная женщина, с которой мужчина не мог шутить никогда, даже если она принадлежала к его клану-*уатани*, была теща [Christensen 1963: 13–16].

Лугуру были матрилокальны и матрилинейны. Мужчина в семье жены оставался отчасти чужаком, и отношения с родней жены часто складывались непросто. Женитьба на женщине из *уатани* расценивалась как удача, потому что устойчивые отношения подшучивания облегчали взаимодействие с родственниками жены.

Мтани, принадлежавшие к разным поколениям, тоже шутили, порой весьма фамильярно. Например, старик по имени Мбева («крыса» на языке лугуру) проходит мимо хижины молодого человека из его *уатани*. Парень кричит: «Убейте крысу, убейте крысу!». А старик смеется и замахивается на молодого посохом,

делая вид, что сам собирается прибить шутника. Хорошей забавой считались такие розыгрыши: молодой человек сообщает старику, что некто из его родни умер и ему следует отправиться на похороны; или же останавливает старика по пути на огород, уверяя, что его срочно зовут домой. А огород может быть в двух-трех километрах от дома, и дорога в гору. Так что смешно только шутнику. Обижаться, однако, нельзя [Там же: 13–17].

Кристенсен, подкрепляя свои сведения ссылками на Моро [Moreau 1941] и Списа [Spies 1943], пишет и об отношениях *утани*, которые устанавливались между племенами. Это явление было зафиксировано на обширных пространствах бантуязычной Восточной Африки. *Утани*, по словам информаторов Кристенсена, могли возникать в результате примирения между племенами, долго враждовавшими прежде. Между племенами-*утани* проводились поединки чести, дружеские ристалища, исключавшие кровопролитие. Иногда в отношениях *утани* находились племена – партнеры по торговле. Люди говорили также, что межплеменные *утани* могли устанавливаться после того, как лекарь из одного племени вернул к жизни тяжелобольного из другого племени, после того, как иноплеменником был уплачен обременительный долг соплеменника, после того, как люди одного племени с большими почестями похоронили убитого в бою воина из другого племени и т.п. Кристенсен, правда, в этом сомневается и полагает, что отдельные «самаритянские» поступки могли повести лишь к «дружбе с подшучиваниями» между кланами, а не между племенами [Christensen 1963: 1322–1323]. Шутки между иноплеменниками-*утани* в целом носили более сдержанный характер, чем между членами кланов *утани*, и не принято было заводить любовников или любовниц в чужих племенах.

Об отношениях подшучивания между кланами западноафриканских народов дагаба и ловиили сообщает Дж. Гуди [Goody 1959]. Там особо впечатляющие примеры сопряжены с шутовскими «кражами» отдельных частей туш жертвенных животных. Классификационные (т.е. не кровные) сыновья сестер традиционно «крадут» их у классификационных братьев матери во время ритуалов жертвоприношения духам предков или похоронных и поминальных обрядов.

Подборку данных (почерпнутых из разных зарубежных источников) об отношениях подшучивания, уподобляемых родственным, в Западной Африке сделал Д.А. Ольдерогге [1960]. Мы приведем некоторые из его примеров.

«У фульбе такие отношения между двумя родами назывались *дендирагаль*. Люди, находящиеся в таких отношениях, – *дендирабе* друг для друга. В праздники им предписано было осыпать друг друга насмешками, наносить удары, и пострадавшие не имели права обижаться» [Ольдерогге 1960: 130–131].

«Важно, что при таком взаимодействии стороны *выступали именно как представители группы, а не как индивиды*. Один из родов считался старшим (один род как бы хозяин другого). Такие же отношения были и между фульбе и серер. Плюс к этому, термин *дендирабе* является и термином родства – так назывались кросскузены. Таким образом, рассматриваемые отношения между родами – своего рода «*искусственное родство*». Как бы *роды – кросскузены*» [Там же: 132]

«Кросскузены» являются потенциальными супругами. В целом их отношения несимметричны: дети братьев – ‘господа’, дети сестер оказывают им различные услуги, а те – дарят подарки. Но в плане подшучивания отношения симметричны. Например, юноша и девушка шутят над ее ‘передником стыдливости’ и его набедренной повязкой.

Аналогичный обычай – у народа волоф на западе Судана (современный Сенегал. – Ю.А.). Существовали ‘группировки’, наподобие каст, ‘гаму’. В эти гаму входили несколько родов, одни из которых считались господствующими, а другие – подчиненными. Но эти статусы были не абсолютными, а относительными (по отношению к кому-то – подчиненное положение, а к кому-то у этой же группы – господствующее)...

Те, кто состоит в шуточном родстве, обязаны помогать друг другу, дарить подарки, но плюс к этому – оскорблять друг друга» [Там же: 130].

Представляется, что и во всех приведенных в этом разделе примерах перед нами отнюдь не шуточные отношения. Подшучивания, оскорбления в них – лишь внешний маркер, символ особого внутреннего содержания.

К сожалению, в отечественных источниках нам не встретилось ни одного случая подобных устойчивых отношений груп-

повых искусственно установленных подшучиваний. Единственная отдаленная аналогия, которую мы можем привести, – насмешливые или издевательские прозвища, которые давали в XIX в. и ранее телеуты и алтайцы одних родов (сеоков) телеутам и алтайцам других. Например, один род именовался «штаны без дна», а другой «те, кто едят свою же переваренную пищу» [Адрианов 1883: 936–941]. Но это не диадные партнерские отношения подшучивания, а просто насмешливые характеристики, прозвища-дразнилки, похожие на те, которые бытуют и сегодня у одних народов по отношению к другим или бытовали еще недавно у жителей одних провинций по отношению к жителям других. Так, итальянцев зовут «макаронниками», немцев – «колбасниками». Рязанские крестьяне звали пензенских «толстопятыми», татары удмуртов – «белыми портянками» и т.п. И это, кстати, в отличие от формализованных подшучиваний, обычно считается обидным для тех, кого дразнят.

4

В любом обществе существует набор стандартных социальных ролей. Мы не сможем их перечислить, потому что некоторые являются безусловно универсальными или даже архетипичными, а другие – просто типичны или характерны для человеческих отношений в каждой отдельно взятой культуре. И провести грань между первым и вторым весьма затруднительно. Психологически ориентированные психологи возводят эту инвариантность к объективным, в первую очередь физическим, а не психологическим условиям первых месяцев, даже дней жизни ребенка (см. например, [Erikson 1963; Perls 1969]). Примерами универсальных либо типичных отношений могут служить отношения «мать – дочь», «мать – сын», «муж – жена», «начальник – подчиненный (старший по статусу – младший по статусу)» и т.п. Если роли матери, начальника, сына, мужа, брата, кузена и т.д. «заданы» (заданы не обязательно в том смысле, что заложены в его природу, а закрепились в процессе социализации) человеку, они будут реализовываться даже в таких условиях, когда в его окружении отсутствует реальный, формально соответствующий данной роли субъект. Например, человек – сирота, у него нет биологической матери. Или же он единствен-

ный ребенок в семье, у него нет сиблингов. Все равно в его обществе найдется индивид, отношения с которым будут *подобны* отношениям с матерью или братом. Если в нас потребность в подобных отношениях «заложена», мы найдем вокруг себя наиболее подходящего для таких отношений партнера. Тогда возникнут между, допустим, молодой и пожилой женщиной отношения, по структуре подобные отношениям «мать — дочь», «братские» отношения между двумя мальчиками или мужчинами и т.п.

Даже если у человека имеются подлинные родственники тех или иных категорий, в сложном гетерогенном обществе соответствующие им отношения будут проецироваться и на людей, не состоящих в родстве. Вспомним хотя бы обычай братания путем обмена нательными крестами, кстати, крест может заменить и что-либо другое, например, наручные часы, футболка и проч.

Таким образом, возникает следующий вопрос: можем ли мы, исследуя традиционные общества, всегда четко отличить один феномен от другого — отношения подшучивания в контексте реальных отношений родства или свойства от отношений искусственного родства, выражаемых в подшучиваниях, — и правомерно ли вообще говорить о двух различных феноменах?

Здесь необходимо сказать несколько слов о специфике социальной структуры традиционных обществ, на которую неоднократно указывали исследователи. В традиционных обществах подшучивания, как отмечает целый ряд авторов (А.Р. Рэдклифф-Браун, И. Шапера, Ф. Эгган, С. Хелд, Дж. Фридман и др.), связаны с родственными отношениями. Однако это общества, где *каждый* член каждому другому члену приходится родственником, именуемым тем или иным термином родства. Об этом — о том, что в этих обществах нет, по сути, других отношений, кроме родственных, что их социумы представляют собой как бы расширенную семью и в них нет разделения на «мы» (семья) и «они» (остальные члены сообщества), — писал, в частности, Э. Эванс-Причард [Evans-Pritchard 1965]. И получается, что мы имеем дело, с одной стороны, с важной чертой именно отношений родства, а с другой стороны, с поведением, практикуемым всем сообществом, так как все его члены, так или иначе, родственники, во всяком случае, осмысливают свои отношения как родственные.

Между тем в одних обществах можно обнаружить большее число категорий родственных, статусных отношений, при которых шутки и притворные оскорбления предписываются или дозволяются, а избегания требуются, в других же обществах таких категорий меньше и, соответственно, имеется большее число родственных связей, которые как бы нейтральны по отношению к рассматриваемым явлениям, т.е. не требуют избеганий и не предусматривают подшучиваний. Известны, однако, культуры, в которых все отношения между людьми характеризуются этими оппозиционными нормативами. Все люди в таких обществах родственники и свойственники, и все они либо должны следовать каким-то правилам, ограничивающим отношения, либо могут общаться без каких-либо ограничений, выражением чего служат подшучивания и поддразнивания, причем часто весьма грубые.

Пожалуй, самые яркие примеры таких обществ, в которых все либо подшучивают, либо избегают и нет нейтральных отношений, дают койсанские народы (сводка данных содержится в [Barnard 1992]. Принцип деления на «партнеров по подшучиванию (*joking partners*)» и «партнеров по избеганию (*avoidance partners*)» – основа классификации родственников у койсанских народов (подробнее см. [Артемова 2006а]).

Показательны приведенные Л. Маршалл описания отношений бушменов–!кунг района Най-Най [Marshall 1976]. У этого народа любые отношения характеризуются тем, что подшучивания либо запрещены, либо предписаны, что связано, как говорит исследовательница, с тем, что все население охвачено теми или иными отношениями родства и свойства [Там же: 204]. Подшучивание (или же запрет на него) служит у !кунг, таким образом, одной из основополагающих характеристик целостных отношений. В связи с этим, каждый член сообщества относительно того или иного другого члена является обладателем своего «статуса подшучивания (*joking status*)» (Там же), который необходимо соблюдать. Любопытно, что для !кунг оказалось важным наделять тем или иным «статусом подшучивания» и чужаков, чтобы понять, как правильно строить с ними взаимодействие. Маршалл сообщает, что когда она в числе группы исследователей приехала к !кунг, они сразу же наделили каждого из членов экспедиции именами из своего языка. Соответственно, каждый ис-

следователь обрел себе тезку среди бушменов и, вследствие этого, определенный статус: тезки у !кунг считаются самыми близкими людьми, они подшучивают самым свободным образом и в известном смысле личностно отождествляются, так что тезки разделяют все права и обязанности друг друга, в том числе шутят и избегают в одинаковых комбинациях. Соответственно, после наделения этнологов местными именами все члены этой группы !кунг уже знали, кому и с кем из пришельцев следует шутить или же, напротив, избегать шуток [Там же: 205].

Кровнородственные отношения в традиционных обществах создают модель для организации отношений людей со всеми теми, кто так или иначе на сколько-нибудь длительный период включается в сферу их социальной жизни (подробнее см. [Артемова 2006]). Люди путем переноса структурных элементов кровного родства за его пределы *расширяют* свое социальное пространство, а подшучивания в таких случаях служат эффективным средством символически закрепить, обозначить, как бы узаконить этот перенос, этот акт расширения. С особой очевидностью это выступает тогда, когда отношения, подобные кровному родству, устанавливаются единовременно, путем какого-то ритуализированного взаимного соглашения, т.е. когда, по существу, люди вступают в отношения искусственного родства. Такие отношения всегда выполняют важные социальные функции, облегчают обмен услугами и ценностями, как материальными, так и духовными, легализуют обмен брачными партнерами (особенно если это отношения искусственного родства между целыми группами, выступающих как квазиродственники, кросскузены, например), обеспечивают взаимную поддержку в условиях опасности, вооруженных столкновений и т.п. Как мы пытались показать в более ранних работах [Артемова 2006а; 2006б], отношения подшучивания – чрезвычайно мощный, энергетически заряженный, полифункциональный инструмент социального взаимодействия. Здесь мы проиллюстрировали один из вариантов этой полифункциональности: подшучивания содействуют *расширению* социальных связей и облегчают их поддержание.

Адрианов 1883 – Адрианов А.В. Сеоки и шуточные характеристики инородческих родов // Дополнения к тексту Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». СПб. Вып. IV.

- Артемова 2006 – Артемова О.Ю. Гармония родства // Наст. изд.
- Артемова 2006а – Артемова Ю.А. Смеховое поведение: формы и функции (этнолого-психологический аспект): Дис. ... к.и.н. М.
- Артемова 2006б – Артемова Ю.А. Отношения подшучивания в традиционных обществах (опыт этнолого-психологического анализа) // ЭО. № 4.
- Дзибель 2001 – Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иде-
нетической теории (АР-6). СПб.
- Дыренкова 1926а – Дыренкова Н.П. Род, классификационные сис-
темы родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по
свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л. Вып. 1.
- Дыренкова 1926б – Дыренкова Н.П. Родство и психические запреты
у шорцев // Там же.
- Дыренкова 1936 – Дыренкова Н.П. Отражение борьбы материнского и
отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // СЭ. № 6.
- Золотарев 1933 – Золотарев А.М. Новые данные о групповом браке
// СЭ. № 34.
- Кон 2005 – Кон И.С. Дружба. М.; СПб.
- Косвен 1961 – Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Иссле-
дования и материалы. М.
- Куббель 1988 – Куббель Л.Е. Подшучивание // Свод этнографиче-
ских понятий и терминов. Соционормативная культура. М.
- Максимов 1908 – Максимов А.Н. Ограничения отношений между
одним из супругов и родственниками другого // ЭО. № 1–2.
- Ольдерогге 1960 – Ольдерогге Д.А. Западный Судан в XV–XIX вв.
(ТИЭ. Т. 53).
- Рэдклифф-Браун 2001 – Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в
примитивном обществе. М.
- Смирнова 1983 – Смирнова Я.С. Семья и брак у народов Кавказа. М.
- Смирнова, Першиц 1978 – Смирнова Я.С., Першиц А.И. Избегание:
формационная оценка или «этический нейтралитет»? // СЭ. № 6.
- Barnard 1992 – Barnard A. Hunters and Herders of Southern Africa (A
Comparative Ethnography of the Khoisan Peoples). Cambridge.
- Berndt, Berndt 1977 – Berndt R.M., Berndt C.H. The World of the First
Australians. Sydney.
- Christensen 1963 – Christensen J.B. Utani: Joking, Sexual Licence and
Social Obligations Among the Luguru // AA. Vol. 65.
- Elkin 1964 – Elkin A.P. The Australian Aborigines. N.Y.
- Erikson 1963 – Erikson E.H. Childhood and Society. L., 1963.
- Evans-Pritchard 1929 – Evans-Pritchard E.E. The Study of Kinship in
Primitive Societies // Man. Vol. 48.
- Evans-Pritchard 1965 – Evans-Pritchard E.E. The Position of Women in
Primitive Societies and in Our Own. L.

Fox 1997 – *Fox R.* Reproduction and Succession. Studies in Anthropology, Law and Society. New Brunswick and L.

Freedman 1997 – *Freedman J.* Joking, Affinity and the Exchange of Ritual Services among the Kiga of Northern Rwanda: an Essay on Joking Relation Theory // *Man*. Vol. 12, № 1.

Goody 1959 – *Goody J.* The Mother's Brother and Sister's Son in West Africa // *JRAI*. Vol. 89, part I.

Heald 1990 – *Heald S.* Joking and Avoidance, Hostility and Incest: An Essay on Gisu Moral Categories // *Man*. Vol. 25, № 3.

Lévi-Strauss 1945 – *Lévi-Strauss C.* L'Analyse structurale en linguistique et en anthropologie // *Word*. Vol. 1.

Marshall 1976 – *Marshall L.* The !Kung of Nyae-Nyae. Cambridge.

Moreau 1941 – *Moreau R.E.* The Joking Relationship in Tanganyika // *Tanganyika Notes and Records*. Vol. 12.

Perls 1969 – *Perls F.* Ego, Hunger and Aggression: A Revision of Freud's Theory and Method. N.Y.

Radcliffe-Brown 1924 – *Radcliffe-Brown A.R.* The Mother's Brother in South Africa // *South African Journal of Science*. Vol. 21.

Radcliffe-Brown 1940 – *Radcliffe-Brown A.R.* On Joking Relations // *Africa*. Vol. 13, № 3.

Radcliffe-Brown 1949 – *Radcliffe-Brown A.R.* Further Notes on Joking Relations // *Africa*. Vol. 19.

Schapera 1930 – *Schapera I.* The Khoisan Peoples of South Africa. L.

Spies 1943 – *Spies E.* Observations on Utani Customs Among the Ngoni of Songea District // *Tanganyika Notes and Records*. Vol. 16.

КОНКРЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.О. Рыкин

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

*Работа выполнена при финансовой поддержке
гранта Президента РФ № МК-2005.2005.6*

Отношение системы родства к социальной организации гомологично отношению грамматической системы к языку: так же, как без детального анализа грамматики невозможно адекватное описание языка, изучение структурных принципов системы родства необходимо для полноценной характеристики социальной организации. Между тем, несмотря на давние традиции изучения социальной организации средневековых монголов, их системе родства (СР) и ее отражению в языке в виде терминологии родства (ТР) до сих пор не уделялось должного внимания. В работах Б.Я. Владимирцова, Э.Э. Бэкон, С. Калужиньского затрагиваются отдельные аспекты и фрагменты средневековой монгольской ТР, однако их рассмотрение не носит системного характера и к тому же содержит ряд ошибок и неточностей, обусловленных главным образом неполнотой источниковой базы [см.: Владимирцов 1934; Васон 1958: 47–65; Kałużyński: 1970; Калужиньски 1972]. В монографии Л. Крэйдера дается подробная характеристика СР современных монгольских народов (ордосцев, бурят, калмыков и монголов), но без учета средневековых материалов [Kraeder 1963]. Недавно опубликованная совместная работа Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой «Империя Чингис-хана», несмотря на эксплицитно поставленную задачу «проанализировать экономическую и социальную структуру общества» [Крадин, Скрынникова 2006: 4] и довольно обшир-

общества» [Крадин, Скрынникова 2006: 4] и довольно обширный круг затронутых тем, не содержит ни одного упоминания о СР монголов эпохи Чингисхана, как будто последняя не существовала или не имела никакого значения для целей социального анализа. Конечно, в какой-то степени мы можем рассуждать о языке, не касаясь его грамматической системы (например, в исследованиях по социолингвистике, экспериментальной фонетике или – в меньшей степени – лексической семантике), но если наше описание языка претендует на обобщающий характер и стремится к полноте, мы просто не имеем права игнорировать грамматику. В противном случае такое описание лишается смысла и едва ли может считаться удовлетворительным.

Учитывая сказанное, задача структурного описания системы терминов родства (СТР) в среднемонгольском языке (далее ср.-мон.) сохраняет свою актуальность; более того, ее решение имеет неоспоримую значимость как для социальной истории монголов, так и для исторической лексикологии монгольских языков. Настоящая статья призвана отчасти восполнить существующий пробел на основе анализа всех известных и доступных нам ср.-мон. письменных памятников. Теоретические основы нашего подхода были сформулированы в докладе на IX Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе, где мы изложили свой вариант алгоритмизированной модели семантического описания социальной лексики [Рыкин 2006]. Материал, который предлагается вниманию читателя, был получен в полном соответствии с базовыми принципами этой модели. Они предполагают два этапа описания СР: на первом этапе анализируется ее языковое выражение, т.е. ТР, тогда как второй этап должна составлять социологическая интерпретация языковых данных. Предмет настоящей работы соответствует первому этапу описания, т.е. ограничен рамками сугубо лингвистического анализа.

Оговоримся, что за рамками нашего рассмотрения остались термины супружества (*ere*, *eme(n)*, *gergei*, *qatun* ~ *qadun*, *berigen* ~ *bergen* ~ *beriken*, *abu'a berigen* ~ *abuqa beriken*, *beri*, *de'ü beri*, *güregen* ~ *küregen* ~ *kürigen* ~ *küreken*, *kürigen aqa* ~ *kürigen aqai*, *kürigen deü'ü*, *aqa 3*, *aĵin*), свойства (*qadun* ~ *qadum* ~ *qadam*, *quda* ~ *γuda*, *baĵa*, *törgüt*) и десцента (*uruq*, *yasun*, (*h*)*uĵa'ur* ~ *huĵawur* ~ *hiĵa'ür*, (*h*)*üre*), которые будут исследованы отдельно.

Использованные нами источники делятся на две основные группы: лексикографические [KG¹, MYy, ZYy, IM, AL, RH, HyG, MA, VdI, Yy, Yb, BLk] и нарративные [ТИМ, Ph, HyT]. Особую группу составляют ср.-мон. лексические заимствования в других языках, в частности в новоперсидском, где имеется значительный пласт заимствований из ср.-мон. ТР [МП]. Как правило, источники обеих групп (заимствования в силу их специфического статуса мы не берем) взаимно верифицируют друг друга: термин, засвидетельствованный в словарях, имеет реальные употребления в текстах, и наоборот. Впрочем, есть и исключения. Термин *qaya* встречается в нарративных источниках [ТИМ, § 18], но отсутствует в словарях; напротив, некоторые термины (*yolinmuṣi[q]*, *yeke eṣeḡe*, *eṣḡeyin dei*, *naqaṣi egeṣi* и др.) известны только по словарям и не употребляются в текстах. Однако по причине ограниченности числа ср.-мон. нарративных памятников такая избирательность употреблений ТР едва ли может служить основанием для каких-либо выводов. Мы в равной мере фиксировали как термины, встречающиеся во всех группах источников, так и термины, связанные с какой-либо одной из них. Подчеркнем, что фиксации подвергались не просто лексические единицы, а их сочетания с определенными значениями, т.е. лексико-семантические варианты (ЛСВ). Это было обусловлено полисемией терминов, благодаря которой одна и та же форма могла выражать сразу несколько значений, причем не обязательно относящихся к сфере родства. Так, у целой группы членов СТР наблюдается регулярная полисемия по типу 'термин родства' – 'возрастная группа' и/или 'социальный статус', отмеченная в [Рыкин 2006: 334]. Эти дополнительные (возрастные и статусные) значения здесь не учитываются, а реализующие их ЛСВ исключаются из рассмотрения. Однако даже среди ЛСВ с семантикой родства мы встречаем немало примеров полисемии, когда термин обладает несколькими взаимосвязанными, но различающимися значениями. Такие формы для наглядности помечаются нами числовыми индексами (например, *abaqa 1* 'младший брат отца', *abaqa 2* 'брат отца', и т.п.).

Проанализировав перечисленные выше группы ср.-мон. памятников, мы выделили 48 лексических единиц (точнее, ЛСВ),

¹ Список сокращений см. в конце работы.

образующих СТР¹. По своей морфологической структуре они подразделяются на три категории – *элементарные* (неразложимые на значимые компоненты), *составные* (представляющие собой основу в сочетании с каким-либо детерминативом) и *описательные* (образованные комбинацией нескольких элементарных или составных лексем)². Состав этих категорий следующий:

1) Элементарные термины: *boroqai*, *γolinmič[uq]*, *elinčük*, *ebüge(n)*, *emege(n)*, *ečige*, *eke*, *ebin*, *abaqa 1*, *abaqa 2*, *naqači*, *abaqa 3*, *aqā 1*, *de'ü 1*, *aqā 2*, *egeči 1*, *döyi*, **de'ü 2*, *egeči 2*, **de'ü 3*, *üye*, *qaya*, *ke'üken 1*, *köbe'ün 1*, *kö'ü(n) 1*, *nu'u(n)*, *ke'üken 2*, **köbe'ün 2*, *kö'ü(n) 2*, *öki(n)*, *yin*, *(h)ači*, *je'e 1*, *je'e 2*;

2) Составные термины: *yeke ečege*, *yeke eke*, *aya ečē*, *aqai egeči*, *dewü ečē*, *aya eke*, *naqači egeči*;

3) Описательные термины: *ečē ečē*³, *yeke ečge ekīn*, *yeke ekeyin eke*, *ečgeyin dei*, *ekeyin ökin digü*, **küni kü'ün*, **(h)ači-yin kö'ün*⁴.

¹ В работе [Рыкин 2006] выделялось 37 ср.-мон. терминов родства, но расширение источниковой базы (в частности, привлечение данных KG, MYu, Yy, Yb, BLk) дало возможность увеличить состав членов СТР и уточнить некоторые дефиниции.

² Термины предложены М.В. Крюковым и Н.В. Бикбулатовым [Крюков 1972: 33–34; Бикбулатов 1981: 20–21].

³ Именную группу *ečē ečē* мы относим не к составным, а к описательным терминам на том основании, что ее семантика предполагает в оригинале скорее конструкцию типа **ečēyin ečē* или **ečēyi ečē*, в которой падежный аффикс был опущен по ошибке переписчика.

⁴ По сведениям Рашид ад-Дина, у древних монголов, возможно, имелось еще нескольких терминов родства, обозначавших родственников поколения +5 и выше. Эти сведения приводятся в начале первой части повествования о Чингисхане в связи с установлением его генеалогии. Цитируем в русском переводе О.И. Смирновой: «Дед Чингиз-хана – Бартан-бахадур, а по-монгольски его называют эбугз. Прадед Чингиз-хана – Кабул-хан, а по-монгольски его называют элинчиг. Прапрадед Чингиз-хана – Тумбинз-хаан, а по-монгольски его называют будутуу (?). Пятый предок Чингиз-хана – Байсонкур, а по-монгольски его называют буда-укур. Шестой предок Чингиз-хана – Кайду-хан, а по-монгольски его называют юрки (?). Седьмой предок Чингиз-хана – Дутум-Мэнэн, а по-монгольски его называют дута-кун. Восьмой предок Чингиз-хана – Чинкиз-хан Боданчар, дальше чем до седьмого [колена] специальных терминов нет, всех же [вместе] называют эчигин-эбугзэн» [РСб 1/2: 64]. Встречающиеся здесь названия отдаленных предков Чингисхана, начиная с Тумбинз-хаана, представляют большие сложности для интерпретации. Г. Дерффер дает следующие формы: ? *bōdātū* (вместо будутуу), ? *bōdā kūr* (вместо буда-укур) и *bōraqai* (вместо юрки), справедливо отмечая, что *дута-кун* представляет собой форму мн. ч. *nomen futuri* от глагола *duta* = 'недоставать', 'отсутствовать', т.е. буквально означает 'те, которые [уже] отсутствуют [в генеалогии]', 'те,

С целью дефиниции членов ср.-мон. СТР, помимо использования традиционного для отечественной этнологии родства кода Левина (см.: [Левин 1970]), нами был разработан вариант метаязыка компонентного анализа, позволивший представить план содержания каждого термина в виде набора значений нескольких переменных, или дифференциальных признаков (ДП). Всего было введено семь таких переменных:

бинарные признаки

- *пол альтера* (значения ‘мужской’ [М] и ‘женский’ [Ж]);
- *пол коннектора* (значения ‘мужской’ [кМ] и ‘женский’ [кЖ]);
- *латеральность* (значения ‘патрилateralный’ [р] и ‘матрилateralный’ [m]);
- *линейность* (значения ‘прямой’ [d] и ‘боковой’ [с]);
- градуальный признак;
- *поколение* (значения от ‘+4’ до ‘-3’);
- реляционный признак;
- *относительный возраст альтера* (значение записывается как ‘↑X’, ‘↓X’ или ‘↑X & ↓Y’, где ↑ читается ‘старше чем’, ↓ – ‘младше чем’, а X и Y являются референтами соответствующих членов СТР),

а также связанный признак

- *генеалогическое расстояние (степень)* (значения ‘первой степени’ [1s] и ‘второй степени’ [2s]), который реализуется только при значении ‘с’ признака «линейность».

В приведенной ниже таблице для каждого ЛСВ даются оба типа толкований: и с помощью кода Левина, и на метаязыке семантических компонентов. В первой графе таблицы указаны наиболее частотные, базовые формы терминов, во второй – их фонетические варианты, а также те именные группы, в состав

для кого нет [особого термина] [Doerfer 1963: 47–48, 217–219]. Из этих трех форм только *bōraqai* определенно соответствует ср.-мон. *boroqai* ~ *borqai*, аналогов двум остальным не находится ни в других ср.-мон. памятниках, ни в современных монгольских языках. Их этимология также довольно туманна; возможно, речь идет вообще об одном термине в двух разных фонетических вариантах или с двумя разными аффиксами. Учитывая сказанное, мы воздержались от включения этих форм в СТР и от их толкования на метаязыке компонентного анализа.

которых они входят без изменения своих значений (например, *diyü keün* для *de'ü 1*, *kö'ün šibawün* для *kö'ü(n) 1*). В третьей, четвертой и пятой графах приводятся, соответственно, описательные дефиниции (русские переводы терминов), компонентные дефиниции и дефиниции по коду Левина, шестая содержит список памятников, в которых встречается тот или иной ЛСВ.

Таким образом, нами получено максимально полное и экономное описание ср.-мон. СТР с использованием значений всего лишь семи ДП. Оно всецело удовлетворяет критериям непротиворечивости, исчерпываемости и простоты, которые Л. Ельмслев предъявляет к лингвистическим описаниям (см.: [Ельмслев 1999: 139]). В результате без труда выявляются черты симметричности в структуре СТР: практически все термины (точнее, кластеры синонимичных терминов) образуют эквиполентные оппозиции по какому-либо одному ДП. А именно:

boroqai / *yolinmüci*[q] противопоставляются *elinčük* по признаку «поколение» ('+4' vs. '+3');

ebüge(n) / *yeke ečge* / *ečē ečē* противопоставляются *emege(n)* / *yeke eke* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

yeke ečge ekīn противопоставляется *yeke ekeyin eke* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

ečige противопоставляется *eke* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

ebīn / *aya ečē* противопоставляются *abaqa 1* по признаку «относительный возраст альтера» ('↑ *ečige*' vs. '↓ *ečige*');)

abaqa 2 / *ečgeyin deü* / *aya ečē* противопоставляются *aqai egeči* / *dewü ečē* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

naqači / *aya eke* / *abaqa 3* противопоставляются *naqači egeči* / *ekeyin ökin digü* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

aqā 1 противопоставляется *de'ü 1* по признаку «относительный возраст альтера» ('↑ это & ↓ *ečige eke*' vs. '↓ это & ↑ *ke'üken*');)

**aqā 2* противопоставляется *egeči 2* / **de'ü 3* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

egeči 1 противопоставляется *döyi* / **de'ü 2* по признаку «относительный возраст альтера» ('↑ это' vs. '↓ это');

üye противопоставляется *qaya* по признаку «степень» ('1s' vs. '2s');

Термины родства в среднемонгольском языке

Форма	Варианты	Описательная дефиниция	Компонентная дефиниция	Дефиниция по «коду Левина»	Памятники
1	2	3	4	5	6
<i>boroqai</i>	<i>borqai</i>	прапрадед	М; d; +4	РмРРР	ТИМ, МП, НyG, Yb
<i>γolinmuču[q]</i>		прапрадед	М; d; +4	РмРРР	Yy, BLk
<i>elinčük</i>	<i>elenčik, elinčik, elinmüčü[k]</i>	прадед	М; d; +3	РмРР	ТИМ, МП, НyG, Yy, Yb, BLk
<i>ebüge(n)</i>	<i>öbüge(n)</i>	дед по линии отца	М; d; p; +2	РмРм	ТИМ, МYy, ZYy, МП, НyG, Yy, Yb, BLk
<i>yeke ečege</i>		дед по линии отца	М; d; p; +2	РмРм	AL
<i>ečē ečē</i>	<i>ačā ačā</i>	дед по линии отца	М; d; p; +2	РмРм	ИМ
<i>emege(n)</i>	<i>emügen, ömege eke</i>	бабка по линии отца	Ж; d; p; +2	РжРм	ТИМ, МYy, ZYy, НyG, Yy, Yb, BLk
<i>yeke eke</i>		бабка по линии отца	Ж; d; p; +2	РжРм	МА
<i>yeke ečge ekīn</i>		дед по линии матери	М; d; m; +2	РмРж	AL
<i>yeke ekeyin eke</i>		бабка по линии матери	Ж; d; m; +2	РжРж	AL

1	2	3	4	5	6
<i>ečiġe</i>	<i>ečġe, ečġke, ečġike, ečġē, eġġe, öġġe</i>	отец	М; d; +1	Рм	ТИМ, KG, МYy, ZYy, МП, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, VdI, Yy, Yb, BLk
<i>eke</i>	<i>ege, öke</i>	мать	Ж; d; +1	Рж	ТИМ, KG, МYy, ZYy, МП, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, VdI, Yy, Yb, BLk
<i>ebin</i>		старший брат отца	М; c; p; +1; ↑ <i>ečiġe</i>	↑ДмРРм	ТИМ, МYy, ZYy, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>abaqa 1</i>	<i>abuqa, abu'a</i>	младший брат отца	М; c; p; +1; ↓ <i>ečiġe</i>	↓ДмРРм	ТИМ, МYy, ZYy, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>abaqa 2</i>	<i>abaya</i>	брат отца	М; c; p; +1	ДмРРм	RH, МП, MA
<i>ečġeyin deü</i>		брат отца ¹	М; c; p; +1	ДмРРм	AL
<i>aya ečġē</i>	<i>aya ačā</i>	брат отца	М; c; p; +1	ДмРРм	ИМ
<i>aqai egeči</i>		сестра отца	Ж; c; p; +1	ДжРРм	HyG, Yb
<i>dewü ečġē</i>	<i>dü eġē</i>	сестра отца	Ж; c; p; +1	ДжРРм	ИМ
<i>naqaču</i>	<i>naqaču, naqaġu</i>	брат матери	М; c; m; +1	ДмРРж	ТИМ, МYy, ZYy, МП, RH, HyG, MA, Yy, Yb, BLk

¹ Исходя из значений составных частей этого описательного термина, скорее можно предполагать у него значение 'младший брат отца', однако в AL он четко противопоставлен термину *abaqa* как обозначение дяди по отцу названию брата матери.

1	2	3	4	5	6
<i>aya eke</i>		брат матери	М; с; m; +1	ДмРРж	ИМ
<i>abaqa 3</i>		брат матери	М; с; m; +1	ДмРРж	АЛ
<i>naqači egeči</i>		сестра матери	Ж; с; m; +1	ДжРРж	HyG, Yb
<i>ekeyin ökin digü</i>		сестра матери	Ж; с; m; +1	ДжРРж	АЛ
<i>aqā 1</i>	<i>aya, aqai</i>	родственник старше эго, младше эго родителей	М; ↑ эго & ↓ <i>ečige eke</i>	↑ДмР, ↓ДмРР, ↑ДмДРР, ↑ДмДДРРР... ↑ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹	ТИМ, МYy, ZYy, Ph, МП, ИМ, АЛ, RH, HyG, МА, Yy, Yb, BLk
<i>de'ü 1</i>	<i>deün, dewü, de'ü, diyü keün, dü, deü'ü</i>	родственник младше эго, старше эго детей	М; ↓ эго & ↑ <i>ke'üken</i>	↓ДмР, Дм↑ДмР, ↓ДмДРР, ↓ДмДДРРР... ↓ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹	ТИМ, МYy, ZYy, Ph, ИМ, АЛ, RH, HyG, HyT, МА, Yy, Yb, BLk
<i>*aqā 2²</i>	<i>aya</i>	брат	М; d; 0	ДмР	KG
<i>egeči 1</i>	<i>ekeči, ekeji, ökeči</i>	старшая сестра	Ж; d; 0; ↑ эго	↑ДжР	ТИМ, МYy, ZYy, АЛ, HyG, МА, Yy, Yb, BLk
<i>döyi</i>	<i>düi</i>	младшая сестра	Ж; d; 0; ↓ эго	↓ДжР	ТИМ, МYy, ZYy, HyG, Yb
<i>*de'ü 2³</i>	<i>de'ü, dü, diyü ökün, ökin deü'ü</i>	младшая сестра	Ж; d; 0; ↓ эго	↓ДжР	АЛ, МА, Yy, Yb, BLk

² Собственно термин *aqā* в значении 'брат' (без указания на относительный возраст) в ср.-мон. памятниках не встречается, однако зафиксированный в KG фонетический вариант явно предполагает ту же базовую форму, что и у вариантов лексемы *aqā 1*.

1	2	3	4	5	6
<i>egeči 2</i>	<i>ekeči</i>	сестра	Ж; d; 0	ДжР	KG, RH
<i>*de'ü 3⁴</i>	<i>dü, ökin de'ü</i>	сестра	Ж; d; 0	ДжР	ИМ, AL
<i>üye</i>		двоюродный брат по линии отца	М; c; p; 0; 1s	ДмДРРм	ТИМ, МҮу, ZYy
<i>qaya</i>		троюродный брат по линии отца	М; c; p; 0; 2s	ДмДДРРРм	ТИМ
<i>ke'üken 1</i>	<i>kö'üken, küken</i>	ребенок эго	d; -1	Д	ТИМ, RH, HyG, HyT, MA, Yb
<i>köbe'ün 1</i>		ребенок эго	d; -1	Д	Yy, BLk
<i>kö'ü(n) 1</i>	<i>kü'ün, kö'ün šibawun</i>	ребенок эго	d; -1	Д	ТИМ, HyT, MA
<i>nu'u(n)</i>		ребенок эго	d; -1	Д	МҮу, ZYy, HyG, Yb
<i>ke'üken 2</i>	<i>kö'üken, küken</i>	сын	М; d; -1	Дм	ТИМ, AL, MA
<i>*köbe'ün 2⁵</i>	<i>köbewün, köbe'ün, kübe'ün</i>	сын	М; d; -1	Дм	Ph, AL, Yb

³ Собственно термин *de'ü* в значении 'младшая сестра' в ср.-мон. памятниках не встречается, однако приведенные в таблице фонетические варианты явно подразумевают ту же базовую форму, что и у вариантов лексемы *de'ü 1*.

⁴ Собственно термин *de'ü* в значении 'сестра' в ср.-мон. памятниках не встречается, однако зафиксированный в ИМ фонетический вариант явно предполагает ту же базовую форму, что и у вариантов лексемы *de'ü 1*.

⁵ Собственно термин *köbe'ün* в значении 'сын' в ср.-мон. памятниках не встречается, однако приведенные в таблице фонетические варианты явно подразумевают именно такую базовую форму (ср. лексему *köbe'ün 1*).

1	2	3	4	5	6
<i>kö'ü(n) 2</i>	<i>ke'ün, kün, kü'ün, kewün, keü'ü</i>	сын	М; d; -1	Дм	ТИМ, Ph, МП, ИМ, RH, HyG, HyT, Vdl, Yy, BLk
<i>öki(n)</i>	<i>ökün, ökin kün, *ökin kö'üken⁶, *ökin kö'ün⁷, öken klgen</i>	дочь	Ж; d; -1	Дж	ТИМ, MYy, ZYy, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, Vdl, Yy, Yb, BLk
<i>yin</i>		ребенок брата	с; кМ; -1	ДДмР	MYy, ZYy, HyG, Yb
<i>(h)ači</i>	<i>ači keü, hači kö'ün</i>	внук по линии сына	М; d; кМ; -2	ДмДм	HyG, HyT, MYy, ZYy, Yy, Yb, BLk
<i>*küni kü'ün⁸</i>		внук по линии сына	М; d; кМ; -2	ДмДм	MA
<i>je'e 1</i>	<i>jeje, jě keü'ü</i>	ребенок сестры	с; кЖ; -1	ДДжР	HyG, Yy, Yb, BLk
<i>je'e 2</i>	<i>jě</i>	ребенок дочери	d; кЖ; -2	ДДж	ТИМ, Yb
<i>*(h)ači-yin kö'ün⁹</i>		правнук по линии сына	М; d; кМ; -3	ДмДмДм	Tch

⁶ Восстановлено по форме мн. ч. *ökin kö'üket* в [HyT, 3: 18a4].

⁷ Восстановлено по форме мн. ч. *ökin kö'üt* в [HyT, 3: 18b1-2].

⁸ Восстановлено по форме мн. ч. *küni kü'üt* в [MA, 2316].

⁹ Собственно термин *(h)ači-yin kö'ün* в ср.-мон. памятниках не встречается. Он восстановлен нами по форме *ači-yin köbegün*, которая зафиксирована в доклассической монгольской письменности [Tch, 13].

*ke'üken 2 / *köbe'ün 2 / kö'ü(n) 2* противопоставляются *öki(n)* по признаку «пол альтера» ('М' vs. 'Ж');

yin противопоставляется *je'e 1* по признаку «пол связующего родственника» ('кМ' vs. 'кЖ');

*(h)ači / *küni kü'ün* противопоставляются **(h)ači-yin kö'ün* по признаку «поколение» ('-2' vs. '-3').

Исключение составляют только термины с семантикой 'ребенок эго' – *ke'üken 1*, *köbe'ün 1*, *kö'ü(n) 1* и *nu'u(n)*, которые выступают гиперонимами для *kö'ü(n)* и *öki(n)*¹, а также ЛСВ *je'e 2*, для которого вообще нет коррелятивной пары (в силу отсутствия в ср.-мон. лексемы со значением *'ребенок сына'). Мы видим, что наибольшей смысловозначительной силой в рамках ср.-мон. СТР обладают ДП «пол альтера» (образует семь оппозиций) и «относительный возраст альтера» (образует три оппозиции), ключевая роль которых обусловлена внеязыковой значимостью половозрастных классификаций в социальной системе средневековых монголов. Напротив, ДП «латеральность» и «линейность» самостоятельно не способны порождать семантические оппозиции, выполняя смысловозначительную функцию сугубо в комбинации с другими, структурно более релевантными ДП.

Обращает на себя внимание, что многие из членов СТР являются полностью синонимичными, т.е. содержат в своих толкованиях одинаковый набор ДП (например, *naqači*, *aya eke* и *abaqa 3*; *abaqa 2*, *ečgeyin dei* и *aya ečē*; *ebüge(n)*, *yeke ečege* и *ečē ečē*). Иногда при этом речь действительно идет о свободном варьировании соответствующих терминов в тех или иных ср.-мон. памятниках. Так, в значении 'ребенок эго' в ТИМ, НуТ и МА полностью взаимозаменяют друг друга ЛСВ *ke'üken 1* и *kö'ü(n) 1*, а в НуГ и Уб – ЛСВ *ke'üken 1* и *nu'u(n)*. Одно и то же значение 'сын' реализуют в АЛ – ЛСВ *ke'üken 2* и **köbe'ün 2*, в ТИМ и МА – ЛСВ *ke'üken 2* и *kö'ü(n) 2*. Однако в большинстве случаев синонимичные формы оказываются дополнительно распределенными между собой. Как правило, это вполне можно объяснить диалектным членением ср.-мон. текстов². К примеру,

¹ Можно утверждать также, что любой из этих терминов образует с *kö'ü(n)* и *öki(n)* привативную оппозицию по признаку «пол альтера», являясь ее немаркированным членом.

² О диалектных различиях в ср.-мон. можно судить на основе анализа текстов, существующих в транскрипциях китайскими иероглифами или арабскими

термины *yölinmüçü[q]*, *emege(n)*, *ebin*, *abaqa 1*, *aqai egeči*, *naqaçu egeči*, *döyi*, *üye*, *qaya*, *köbe'ün 1*, *nu'u(n)*, *yin*, *(h)ači*, *je'e 1*, *je'e 2* встречаются только в памятниках вост. ср.-мон. диалектов [ТИМ, МYу, ZYу, Ph, HyG, HyT, Yy, Yb, BLk]. Напротив, только в текстах, отражающих зап. ср.-мон. диалекты [KG, TMEN, ИМ¹, AL, RH, MA, VdI], зафиксированы ЛСВ *yeke ečege*, *ečē ečē*, *yeke eke*, *yeke ečge ekīn*, *yeke ekeyin eke*, *abaqa 2*, *ečgeyin dei*, *aya ečē*, *dewü ečē*, *aya eke*, *abaqa 3*, *ekeyin ökin digü*, **aqa 2*, *egeči 2*, **de'ü 3*, **küni kü'ün*). Наряду с этим мы имеем и целый ряд бесспорно общеср.-мон. терминов (*boroqai*, *elinčük*, *ebüge(n)*, *ečige*, *eke*, *naqaçu*, *aqai 1*, *de'ü 1*, *egeči 1*, **de'ü 2*, *ke'üken 1*, *kö'ü(n) 1*, *ke'üken 2*, **köbe'ün 2*, *öki(n)*, *kö'ü(n) 2*). Примечательно, что если

письмом, а также записанных квадратной письменностью, которая отличалась чрезвычайной точностью в отображении ср.-мон. фонетики. При этом число ср.-мон. диалектов и их отношение к живым монгольским языкам является предметом дискуссий. Н.Н. Поппе писал о трех диалектах: южно-среднемонгольском (южн. ср.-мон.), восточно-среднемонгольском (вост. ср.-мон.) и западно-среднемонгольском (зап. ср.-мон.). По его мнению, южн. ср.-мон. был предком современных монгурского, баоаньского и дагурского языков, вост. ср.-мон. – предком бурятского и халха-монгольского, а от зап. ср.-мон. якобы происходят могольский и ойратский [Рорре 1965: 21–24]. Существование трех ср.-мон. диалектов признает и Е.А. Кузьменков, с тем отличием, что южн. ср.-мон. (или «сяньбийско-киданьскую ветвь») он считает прототипом старописьменного монгольского языка [Кузьменков 1993: 324]. Напротив, С. Одзава отмечал, что имеющийся материал позволяет четко выделять лишь два ср.-мон. диалекта – вост. и зап. [Одзава 1995]. Эту точку зрения разделяет и И.А. Грунтов, который на основе анализа изоглосс ср.-мон. падежных маркеров приходит к выводу о том, что все современные монгольские языки являются потомками зап. ср.-мон. диалекта, за исключением письменно-монгольского, по-видимому, созданного на базе вост. ср.-мон. диалекта, но подвергнувшегося сильному влиянию разговорного языка [Грунтов 2002: 13–18]. Оставляя в стороне вопрос о соотношении ср.-мон. диалектов и живых монгольских языков, мы безусловно присоединяемся к мнению о наличии в ср.-мон. двух, а не трех диалектов, или диалектных зон. Данное мнение представляется тем более оправданным, что даже Н.Н. Поппе не мог не констатировать отсутствие релевантного лингвистического материала по южн. ср.-мон. [Рорре 1965: 21], выделение которого в силу этого не имеет под собой надежных оснований.

¹ И.А. Грунтов относит язык ИМ к восточно-среднемонгольскому диалекту [Грунтов 2002: 14], однако особенности морфологической структуры зафиксированных в этом памятнике ТР скорее подтверждают его традиционное включение в западно-среднемонгольскую диалектную зону: замена элементарных терминов для патрилатеральных родственников поколения +2 составными или описательными является отличительной чертой памятников зап. ср.-мон. диалектов [AL, MA].

специфичная для вост. ср.-мон. лексика представлена в основном элементарными терминами, то специфику зап. ср.-мон. образуют по преимуществу составные или описательные термины. В плане ТР это может свидетельствовать о большем архаизме вост. ср.-мон. диалектов по сравнению с зап. ср.-мон. Именно диалектными различиями в значительной мере обусловлена отмеченная выше синонимия ТР: так, вост. ср.-мон. *emege(n)* соответствует зап. ср.-мон. *yeke eke*, вост. ср.-мон. *aqai egeči* – зап. ср.-мон. *dewü ečē*, вост. ср.-мон. *naqači egeči* – зап. ср.-мон. *ekeyin ökin digü*, вост. ср.-мон. *(h)ači* – зап. ср.-мон. **kūni kü'ün*.

Следует также отметить, что ЛСВ большинства полисемичных терминов в ср.-мон. СТР связаны друг с другом отношением регулярной метонимии (точнее, синекдохи как вида метонимии). т.е. взаимно соотносятся по принципу 'часть' vs. 'целое'. Метонимически мотивированы отношения ЛСВ *abaqa 1* vs. *abaqa 2*, *aqā 1* vs. **aqā 2*, *egeči 1* vs. *egeči 2*, **de'ü 2* vs. **de'ü 3*, *ke'üken 2* vs. *ke'üken 1*, **köbe'ün 2* vs. *köbe'ün 1*, *kö'ü(n) 2* vs. *kö'ü(n) 1*. Вместе с тем для некоторых фонетически тождественных форм непосредственная производность не может быть установлена. Так, *abaqa 3* метонимически не выводимо из семантики *abaqa 1* и *abaqa 2*, а *je'e 1* – из семантики *je'e 2*; еще более ощутимы различия между *de'ü 1*, с одной стороны, и **de'ü 2* vs. **de'ü 3*, с другой. Это можно объяснить двояким образом: и как омонимию соответствующих ЛСВ, и как особые типы многозначности: радиальную полисемию (*abaqa 3* связан с *abaqa 1* и *abaqa 2* через компоненты 'М; с; +1'; *je'e 1* и *je'e 2* связаны через компонент 'кЖ') и цепочечную полисемию (*de'ü 1* связан с **de'ü 2* через компонент '↓ эго', а **de'ü 2* с **de'ü 3* – через компоненты 'Ж; d; 0')¹. Однозначно классифицировать эти случаи затруднительно ввиду операциональности и градуальности противопоставления между омонимией и полисемией в лингвистике (см., например, [Кронгауз 2001: 151]).

Представленные нами материалы позволяют сделать выводы о типологической принадлежности ср.-мон. СР. Подробнее на характеристике этой системы мы планируем остановиться в другой работе, здесь же ограничимся самыми общими наблюдениями. По всей вероятности, СР средневековых монголов отно-

¹ О понятиях радиальной и цепочечной полисемии см. [Апресян 1995: 182–183].

сится к бифуркативно-коллатеральному (по Р. Лоуи), или арабскому (по М.В. Крюкову)¹ типу, характерному для тюрко-монгольских народов. Черты линейного (английского) типа прослеживаются в терминологическом отождествлении ДмРРм и ДмРРж (ЛСВ *abaqa* 2 и *abaqa* 3), если только употребление лексемы *abaqa* в значении 'брат матери' в АЛ не является ошибочным. Отсутствие наименований для кросскузенов по обоим линиям, а также одинаковое обозначение ДДжР и ДДж (ЛСВ *je'e* 1 и *je'e* 2)² могут свидетельствовать о наличии у ср.-мон. СР черт типа омаха, тем более что употребление ТР *йуе* и *qaua* носит ограниченный характер, и чаще всего обозначение патрилатеральных ортокузенов, как и сиблингов эго, осуществляют ЛСВ *aqā* 1 и *de'ü* 1 (см.: [Рыкин 2005: 33–34]). Более определенные выводы на этот счет мешает сделать недостаточный объем языкового материала. Очень любопытным является тот факт, что в +1, 0 и –1 поколениях ср.-мон. СР отражает свойственный многим народам урало-алтайского языкового ареала так называемый скользящий счет поколений, при котором в одну категорию родства объединяются представители двух смежных поколений: старшие члены одного с младшими членами другого (см.: [Бикбулатов 1981: 63–70; Бикбулатов 1983]). «Скользящей» семантикой обладают ЛСВ *aqā* 1 и *de'ü* 1, которые в силу этого представляют известные трудности для толкования, как на метаязыке компонентного анализа, так и в терминах кода Левина. Вообще говоря, критерий относительного возраста имеет силу для целого ряда ср.-мон. имен родства, но большей частью он действует в рамках отдельных поколений (ЛСВ *ebin*, *abaqa* 1, *egeči* 1, *döyi*, **de'ü* 2); лишь два указанных термина в своей референции явственно выходят за эти рамки.

В целом, анализ ср.-мон. СТР открывает перспективы для изучения эволюции СР монгольских народов и подводит надежную основу под исследования их социальной истории.

¹ См.: [Крюков 1972: 27–43].

² Это явление относится к тому, что в этнологии родства известно под наименованием «генерационное скашивание» (см.: [Дзибель 1995]).

Список сокращений

ИМ – арабско-монгольский словарь *Kitāb Ḥilīyat al-Insān wa Ḥalbat al-Lisān* Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.) [Мелиоранский 1904; Поппе 1938: 432–451; Weiers 1972; Төмөртоого 20026].

МА – арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь *Мукаддимат ал-Адаб* (XIV в.) [Поппе 1938; Төмөртоого 20026].

МП – монгольский язык в персидских средневековых памятниках [Doerfer 1963].

РСб – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1–2; М.; Л., 1960. Т. 2; М.; Л., 1946. Т. 3.

ТИМ – *Тайная история монголов* (сер. XIII в.) [Haenisch 1962; Rachewiltz 1972].

AL – монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь *Kitāb Madjam'u Tardjumān Turkī wa 'Adjamī wa Muḡ, alī wa Fārsī* Халила б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (1343 г.) [Porpe 1927–1928; Төмөртоого 20026; Saitō 2006].

АОН – Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

BLk – китайско-монгольский словарь *Бэйлу као* из сочинения Мао Юаньи *У бэй чжи* (1621 г.) [Manduqu 1995: 599–691]. По-видимому, одна из копий Үу.

HyG – китайско-монгольский словарь *Хуаи шуй* Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.): глоссарий [Manduqu 1995: 151–275; Kuribayashi 2003: 363; Жанчив, Бямбацэнд 2003: 23–47].

HyT – китайско-монгольский словарь *Хуаи шуй* Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.): тексты [Ligeti 1972b: 135–163; Manduqu 1998; Kuribayashi 2003: 64–116; Жанчив, Бямбацэнд 2003: 49–78].

KG – армянско-монгольский глоссарий из сочинения Киракоса Гандзакеци *История Армении* (1241 г.) [Ligeti 1965].

MYu – китайско-монгольский словарь *Мэнгу шуй* из сочинения Чэнь Юаньляна *Шилинь гуаньци* (1264 г.) [Manduqu 1995: 35–149].

Ph – монгольские тексты на квадратном письме (XIII–XIV вв.) [Жанчив 2002; Төмөртоого 2002а; Хугэцзилэту, Сажула 2004].

RH – арабско-персидско-тюркско-греческо-армянско-монгольский словарь *Rasūlid Hexaglot* ал-Малик ал-Афдала ал-'Аббаса б. 'Али (между 1363 и 1377 гг.) [Golden 2000].

Tch – китайско-монгольская билингва в честь Чжан Инжуя (1335 г.) [Cleaves 1950; Ligeti 1972a: 36–50].

VdI – арабско-персидско-турецко-монгольский словарь *Шамиль үл-Луг ат* (кон. XV – нач. XVI в.) [Ligeti 1962; 1963]. По мнению А.К. Боровкова, сокращенный список одной из редакций МА [Боровков 1965].

Үб – китайско-монгольский словарь *Ибу* из сочинения *Лулун сайлюе* Го Цзаоцина (1610 г.) [Manduqu 1995: 379–598].

Үу – китайско-монгольский словарь *Июй* из сочинения Ван Минхэ *Дэнтань бицзю* (1598 г.) [Manduqu 1995: 277–377].

ZYy – китайско-монгольский словарь *Чжюань шюй* (2-я пол. XIII в.) [Ligeti 1990; Kara 1990]. Один из списков МҮу.

Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М. Т. 1: Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп.

Бикбулатов 1981 – *Бикбулатов Н.В.* Башкирская система родства. М.

Бикбулатов 1983 – *Бикбулатов Н.В.* Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений) // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос)*. Л.

Боровков 1965 – *Боровков А.К.* К истории словаря «Мукаддимат алдаб» Замахшари // ВЯ. № 2.

Владимирцов 1934 – *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л.

Грунтов 2002 – *Грунтов И.А.* Реконструкция падежной системы праалтайского языка. Падежные системы алтайских языков: опыт диахронической интерпретации: Дис. ... канд. филол. наук. М.

Дзибель 1995 – *Дзибель Г.В.* Феномен генерационного скашивания в системах родства // АР-1.

Ельмслев 1999 – *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // *Зарубежная лингвистика*. Вып. 1. М.

Жанчив 2002 – *Жанчив Ё.* Дөрвөлжин үсгийн монгол дурсгал (Эх, үсгийн галиг, хөрвүүлэг, үгийн хэлхээ, номзүй) (= Монгольские памятники квадратной письменности [Тексты, транслитерация, перевод, глоссарий, библиография]). Улаанбаатар. (National University of Mongolia: Centre for Mongol Studies. Monumenta Mongolica; Т. 3).

Жанчив, Бямбацэнд 2003 – *Жанчив Ё., Бямбацэнд Ц.* Нангиад монгол «Хуа-и И-юй» толь «*華夷譯語*» (= Китайско-монгольский словарь *Хуаи шюй*). Улаанбаатар.

Калужиньски 1972 – *Калужиньски С.* Некоторые вопросы монгольской терминологии родства // *Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал*. Улаанбаатар. Б. 1.

Крадин, Скрынникова 2006 – *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.

Кронгауз 2001 – *Кронгауз М.А.* Семантика. М.

Крюков 1972 – *Крюков М.В.* Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М.

Кузьменков 1993 – Кузьменков Е.А. Фонетическая реконструкция монгольского текста «Юань-чао би-ши» // *Mongolica*: К 750-летию «Сокровенного сказания». М.

Левин 1970 – Левин Ю.И. Об описании системы терминов родства // СЭ. № 4.

Мелиоранский 1904 – Мелиоранский П. Араб филолог о монгольском языке // Зап. Вост. Отд. имп. РАО. Т. 15, вып. 2/3.

Поппе 1938 – Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л. Ч. 13. (Тр. / Ин-т востоковедения АН СССР; Т. 14).

Озава 1995 – Озава Ш. Дундад зууны монгол хэлний нутгийн аялгууны тухай (= О диалектах среднемонгольского языка) // *Mongolica*. Vol. 6 (27).

Рыкин 2005 – Рыкин П.О. Семантический анализ термина *aqa* в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства) // AP-9.

Рыкин 2006 – Рыкин П.О. Методы и принципы семантического описания социальной лексики в среднемонгольском языке (на материале терминов родства) // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 812 августа 2006 г.): Доклады российских ученых. М.

Төмөртоого 2002a – Төмөртоого Д. Монгол дөрвөлжин үсэгийн дурасхалын судалгаа: Удирдхал, эх бичиг, үгсийн хэлхээ, ном зүй (= Исследование монгольских памятников квадратной письменности: Введение, тексты, индекс, библиография). Улаанбаатар. (Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies; Vol. 2).

Төмөртоого 2002b – Төмөртоого Д. Араб үсэгийн монгол дурасхалын судалгаа: Удирдхал, үгсийн харьцуулсан толь, ном зүй (= Исследование монгольских памятников арабской письменности: Введение, сравнительный индекс, библиография). Улаанбаатар. (Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies; Vol. 3).

Хүгэцзилэту Сажула, 2004 – Хүгэцзилэту, Сажула. Басыбацзы мэнгуйюй взньсянь хуйбянь (= Сборник памятников монгольского языка на квадратном письме). Хухэ-Хаотэ. (A Series of Books for Altaic Studies).

Bacon 1958 – Bacon E.E. Obok: A Study of Social Structure in Eurasia. N.Y. (Viking Fund Publications in Anthropology; № 25).

Cleaves 1950 – Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying-jui // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 13, № 1/2.

Doerfer 1963 – Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden. Bd. 1: Mongolische Elemente im Neupersischen.

Golden 2000 – The King's Dictionary: The *Rasûlid Hexaglot*: Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian

and Mongol / Transl. by T. Halasi-Kun et al.; with introductory essays by P.B. Golden and Th.T. Allsen; Ed. with notes and commentary by P.B. Golden. Leiden; Boston; Köln. (Handbuch der Orientalistik; Abt. 8: Zentralasien. Bd. 4).

Haenisch 1962 – *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden.

Kałużyński 1970 – *Kałużyński S.* Terminologia pokrewieństwa u ludów mongolskich // *Etnografia Polska*. Vol. 14, fasc. 1.

Kara 1990 – *Kara G.* *Zhiyuan yiyu*: Index alphabétique des mots mongols // *AOH*. T. 44, fasc. 3.

Krader 1963 – *Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague. (Indiana University publications: Uralic and Altaic Series; Vol. 20).

Kuribayashi 2003 – *Kuribayashi H.* Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Sendai. (CNEAS Monograph Series; № 10).

Ligeti 1962 – *Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanbul // *AOH*. T. 14, fasc. 1.

Ligeti 1963 – *Ligeti L.* Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanbul // *AOH*. T. 16, fasc. 2.

Ligeti 1965 – *Ligeti L.* Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // *AOH*. T. 18, fasc. 3.

Ligeti 1972a – *Ligeti L.* Monuments préclassiques: 1. XIIIe et XIVe siècles. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 2). Budapest.

Ligeti 1972b – *Ligeti L.* Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise (Monumenta linguae mongolicae collecta; 3). Budapest.

Ligeti 1990 – *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / Éd. par G. Kara // *AOH*. T. 44, fasc. 3.

Manduqu 1995 – *Manduqu Ö.* Mongyol I iui toli bičig (= Монгольские словари Июй). (Mongyol tulyur bičig-un čubural). Begejng.

Manduqu 1998 – *Manduqu Ö.* Quva i I iui, 華夷譯語 (= *Xyau uoi*). Qayilar.

Poppe 1927–1928 – *Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // *IAH*.

Poppe 1965 – *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics (Ural-Altaische Bibliothek). Wiesbaden.

Rachewiltz 1972 – *Rachewiltz I. de.* Index To The Secret History of the Mongols (Indiana University publications: Uralic and Altaic Series; Vol. 121). Bloomington.

Saitô 2006 – *Saitô Y.* The Mongolian Words in *Kitâb Majmû' Turjumân Turkî wa-'ajamî wa-Muğalî*: Text and Index. Kyôto.

Weiers 1972 – *Weiers M.* Ein arabisch-mongolischer Wörterspiegel aus der Biblioteca Corsini in Rom // *Zentralasiatische Studien*. Bd. 6.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ЯЗЫКАХ БАНТУ

Языки банту относят к бантоидной ветви бенуэ-конголезской семьи нигеро-кордофанской макросемьи. С типологической точки зрения, строй языков банту агглютинативный с элементами флексии. Характерной особенностью языков банту является развернутая система именных классов. Все существительные распределены по группам, или именным классам, каждый из которых обладает определенными морфологическими и синтаксическими признаками, а именно именным префиксом и согласовательной парадигмой. Все предметные классы соотносятся попарно по признаку числа; каждый класс имеет значение либо множественного, либо единственного числа [Жуков 1968]. Ряд классов имеет значение локативности. Существует традиция называть классы по общему признаку для большей части лексики, которая попадает в соответствующий класс, например, класс людей (1/2), класс вещей (7/8), класс животных (9/10). Такое обозначение семантики условно, в подавляющем большинстве случаев семантический состав именного класса разнообразен и неоднороден [Громова, Охотина 1995].

Семантический признак является малозначимым при распределении слов по именным классам. Некоторые исследователи языков банту полагают, что из семантической системы именные классы преобразовались в систему грамматическую; другие, наоборот, склонны считать, что именные классы с определенной семантикой – это инновация. «Эти два противоположных взгляда на характер оппозиции в системе классов праязыка смыкаются на том, что история развития классов ведется от некоего нуля, ранее которого ничего не было» [Поздняков 1993: 11].

Для выделения именного класса в языках банту необходимо учесть следующие критерии: 1) именной префикс (Р); 2) способ образования множественного числа; 3) способ оформления слова на синтаксическом уровне (согласовательная парадигма). Ос-

новным критерием принадлежности к определенному классу считается согласовательная парадигма [Охотина 1985].

Однако в определенных случаях семантика слова является доминирующим критерием для выбора согласовательной цепочки, а следовательно и для отнесения слова к определенному классу. В ряде языков банту, если слово характеризуется признаком «личность» или «одушевленность», оно получает оформление на синтаксическом уровне по модели 1/2 классов, несмотря на изначальный именной префикс. Такой способ согласования дает основание выделять во многих языках банту класс 1a.

Лексический состав класса 1a варьируется в разных языках, однако практически универсальным является тот факт, что термины родства (далее ТР) можно объединить в отдельную группу в рамках класса 1a.

ТР в языках банту являются группой слов, которые выделяются не только лексически, но и грамматически. Их характерным признаком является нулевой именной префикс, поэтому по морфологическому признаку, а именно по именному префиксу, ТР нельзя отнести к 1-му классу (классу людей). Но на синтаксическом уровне ТР оформляются преимущественно по модели 1-го класса в единственном и 2-го – во множественном числе, маркеры зависимых форм (DP) соответствуют парадигме 1/2 классов.

Проиллюстрировать лингвистические особенности ТР можно примерами из языка суахили, в котором имена существительные распределены по 15 именным классам. 1/2 классы объединяют лексику с признаком «личность». Формальным показателем 1-го класса является префикс *m-*, 2-го класса – префикс *wa-*, например, *msichana mzuri* ‘красивая девушка’:

m-sichana

P1 кл.-девушка

m-zuri

DP 1 кл.-красивый

Большинство ТР в языке суахили по формальному показателю относятся к 9/10 классам, так как их именной префикс – Ø¹, например, [Громова 1987]:

Ø-baba

P 1a кл.-отец
‘отец’

Ø-mama

P 1a кл.-мать
‘мать’

¹ Символом Ø обозначена нулевая морфема.

Ø-*babu*

P 1a кл.-дед

‘дед’

Ø-*shangazi*

1a кл.-сестра

‘сестра отца’

Ø-*kaka*

P 1a кл.-старший брат

‘старший брат’

Ø-*shemeji*

P 1a кл.-сиблинг супруга/супруги

‘сиблинг супруга/супруги’

Ø-*bibi*

P 1a кл.-бабка

‘бабка’

Ø-*ndugu*

отца P 1a кл.-сиблинг

‘сиблинг’

Ø-*dada*

P 1a кл.-старшая сестра

‘старшая сестра’

Ø-*wifi*

P 1a кл.-сестра мужа

‘сестра мужа’

Согласование на синтаксическом уровне оформляется по модели 1/2 классов. Таким образом, ТР можно выделить в подкласс 1a/2a. Например, *dada mzuri* ‘красивая старшая сестра’:

Ø-*dada* *m-zuri*

P 1a кл.-старшая сестра

DP 1кл.-красивый

На основании ряда признаков языка банту можно распределить по нескольким группам. Эти признаки следующие:

1. именной класс, в который попадают ТР;
2. способ согласования ТР с притяжательными местоимениями;
3. наличие / отсутствие онорифической формы ТР.

Результаты исследования ТР в языках банту сведены в табл. 1–3.¹

1. Распределение терминов родства по именным классам

По способу распределения ТР по именным классам можно выделить три группы:

- 1) все ТР выделены в класс 1a;
- 2) ТР попадают в классы 1 и 1a;
- 3) ТР попадают во все классы, кроме локативных.

¹ Языки банту приводятся в соответствии с генетической классификацией, предложенной М. Гасри; на положение в классификации указывает индекс рядом с названием языка.

Таблица 1

Именные классы, объединяющие термины родства

1а класс	1/ 1а класс	Все предметные классы
общербантусские формы (по М. Гасри) бакуэри А.22 аква С.22 лингала С.36d тетела С.71 нъянкоре Е.13 гусии Е.42 курия Е.43 кикуйю Е.54 кипаре G.22 шамбала G.23 луганда J.15 ши J.53 квангали К.33 субия К.42 луба L.27 сонгье L.32 бемба М.42 лендже М.61 матумби Р.13 мвера Р.22 (Р 1а класса – а-) шона S.10 тсвана S.31 зулу S.42 (Р 1а класса – u-)	камба Е.55 дабида Е.74а рими F.32 суахили G.42 чипогоро G.65 руанда J.61 ила М.63 матенго N.13 чева N.31	яунде А.72а ха D.66

Таблица 2

Способы связи терминов родства с притяжательными местоимениями

Нет нарушений правил согласования	Регулярные сбои в согласовании
яунде А.72а аква С.22 лингала С.36d гусии Е.42 курия Е.43 дабида Е.74а кипаре G.22 луганда J.15 руанда J.61 субия К.42 матумби Р.13 мвера Р.22 шона S.10 тсвана S.31	шамбала G.23 суахили G.42 лендже М.61

Таблица 3

Наличие/отсутствие онорифических форм для терминов родства

Нет онорифических форм	Есть онорифические формы
яунде А.72а	лендже М.61
аква С.22	матумби Р.13
лингала С.36d	мвера Р.22
гусии Е.42	шопа С.10
курия Е.43	
дабида Е.74а	
кипаре G.22	
суахили G.42	
луганда J.15	
руанда J.61	
субия К.42	
тсвана S.31	
шамбала G.23	

Во многих языках банту ТР выделяются в отдельный именной класс, они являются компактной группой лексики, которая характеризуется строгими семантическими и грамматическими признаками. В подавляющем большинстве случаев ТР имеют либо нулевой префикс Ø-, либо иной специальный префикс. Например, согласно общекбантусской модели по М. Гасри [Аксенова, Топорова 2002] ТР имели следующий вид:

* Ø-*taata**

Р 1а кл.-мой.отец

‘мой отец’

* Ø-*cángú* / Ø-*cángó*

Р 1а кл.-отец

‘отец’

* Ø-*kuuku*

Р 1а кл.-дед/бабка

‘дед/бабка’.

*Ø-*maayi*

Р 1а кл.-моя.мать

‘моя мать’

* Ø-*nòkó* / Ø-*nòkò*

Р 1а кл.-мать

‘мать’

Подобная ситуация наблюдается в современном языке суахили.

Некоторые исследователи склонны полагать, что ТР, как и имена собственные, характеризуются не нулевым префиксом, а отсутствием префикса вообще, т.е. эта лексика стоит вне системы классов [Van de Velde 2003]. Такой вывод кажется малообоснованным, поскольку даже существительные с нулевым префиксом требуют соответствующего согласования в предложении. Кроме того, в ря-

де языков ТР имеют не нулевой, а особенный префикс, как, например, префикс *a-* в языке мвера [Harries 1950]:

<i>a-tati</i>	<i>a-mama</i>
Р 1а кл.-мой.отец	Р 1а кл.-моя.мать
‘мой отец’	‘моя мать’
<i>a-inago</i>	<i>a-kwago</i>
Р 1а кл.-твой.отец	Р 1а кл.-твоя.мать
‘твой отец,’	‘твоя мать’
<i>a-inagwe</i>	<i>a-kwawe</i>
Р 1а кл.-его/ее.отец	Р 1а кл.-его/ее.мать
‘его отец’	‘его мать’
<i>a-mbuje</i>	<i>a-nenga</i>
Р 1а кл.-моя.бабка	Р 1а кл.-сестра.моего.отца
‘моя бабушка’	‘сестра моего отца’
<i>a-nakulugo</i>	<i>a-nengago</i>
Р 1а кл.-твой.дед/бабушка	Р 1а кл.-сестра.твоего.отца
‘твой дед/бабушка’	‘сестра твоего отца’
<i>a-nakulugwe</i>	<i>a-njomba</i>
Р 1а кл.-его/ее.дед/бабушка	Р 1а кл.-брат.моей.матери
‘его/ее дед/бабушка’	‘брат моей матери’
<i>a-njombagwe</i>	<i>a-lumbwangu</i>
Р 1а кл.-брат.его.матери	Р 1а кл.-моя.сестра
‘брат его матери’	‘моя сестра’
<i>a-pwangwa</i>	<i>a-kangu</i>
Р 1а кл.-мой.старший.брат	Р 1а кл.-моя.жена
‘мой старший брат’	‘моя жена’
<i>a-sapw-etu</i>	<i>a-kwegwe</i>
Р 1а кл.-старший.брат-наш	Р 1а кл.-друг!
‘наш старший брат’	‘друг!’ (вокативная форма)

В ряде языков банту ТР попадают не только в особенный класс 1а, но и в 1-й класс, общий для всех существительных, обозначающих людей. Например, в суахили к 1-му классу относятся следующие термины [Громова 1987]:

<i>m-ute</i>	<i>m-ke</i>	<i>m-jomba</i>
Р 1кл.-муж	Р 1кл.-жена	Р 1кл.-брат.матери
‘муж’	‘жена’	‘брат матери’

Примеры языков, где ТР попадают в другие классы (кроме 1 и 1а), немногочисленны. В языке гусии [Аксенова 1984] слово *esigani* ‘человек, которому поручено искать невесту для юноши’

(начальный *e-* — префикс класса 9) согласуется по правилам класса 9, что говорит скорее о том, что это не ТР. Подобных примеров гораздо больше в языке яунде [Nekes 1911]:

3 класс:

m-bo'm

Р 3 кл.-невестка

‘невестка’

n-tó(l)

Р 3 кл.-первенец

‘первенец’

n-ku's

Р 3 кл.-вдова

‘вдова’

9 класс:

n-gon

Р 9 кл.-дочь

‘дочь’

n-do'm

Р 9 кл.-брат (Эж)

‘брат (Эж)’

Ø-ká(l)

Р 9 кл.-сестра (Эм)

‘сестра (Эм)’

Ø-kón

Р 9 кл.-дух предка

‘дух предка’

7 класс:

é-ko'mbá

Р 7 кл.-первая жена’

‘первая жена’

e-vûvûmân

Р 7 кл.-дальний родственник

‘дальний родственник’

m-vóe

Р 9 кл.-друг

‘друг’

m-vám

Р 9 кл.-дед/ бабка

‘дед/бабка’

m-ván

Р 9 кл.-жена моего мужа

‘жена моего мужа’

n-die

Р 9 кл.-внук/ внучка

‘внук/внучка’.

Однако эти сведения требуют дополнительной проверки, так как единственное описание языка яунде, доступное автору данной работы, а именно «Lehrbuch der Jaunde-Sprache» Г.П. Некеса [Nekes 1911], было опубликовано почти сто лет назад.

2. Способы связи ТР с притяжательными местоимениями

По поводу связи ТР с притяжательными местоимениями необходимо отметить, что ТР отличаются от других имен существительных тем, что они являются не аутосемантической, а релятивной, или относительной, лексикой.

В исследовании Г.Р. Добровой «Эгоцентричность прономинальной и “пара-прономинальной” лексики» проводится срав-

нительный анализ онтогенеза личных местоимений и ТР. Автор считает, что «выявляемый эгоцентризм ТР в совокупности с двойственной природой их предметной отнесенности (одновременно и постоянной, и непостоянной) заставляет отнести ТР к “пара-прономинальной” лексике и тем самым подчеркнуть их двоякую природу, внутреннюю связь не только с существительными, но и с местоимениями» [Доброва 2004: 1].

Под эгоцентризмом автор понимает то, что «ТР (как минимум, слова *мама* и *папа*) представляют собой знаки, содержание которых раскрывается при опоре на точку отсчета “я”» [там же].

Двойственность отнесенности ТР означает, что «два субъекта, если связаны отношениями родства, то связаны ими навсегда. Предметная отнесенность ТР является непостоянной, потому что она зависит от точки отсчета: один и тот же субъект по отношению к разным лицам (членам семьи) характеризуется с помощью различных ТР, и вместе с тем один и тот же ТР имеет различную предметную отнесенность – по отношению к разным членам семьи» [там же].

Предметная отнесенность выражается, прежде всего, с помощью притяжательных местоимений. В языках банту можно выделить четыре основных способа согласования ТР с притяжательными местоимениями:

- 1) ТР отнесен к определенному лицу без участия притяжательного местоимения;
- 2) притяжательное местоимение входит в саму основу ТР;
- 3) при оформлении синтаксической связи притяжательных местоимений с ТР происходят регулярные сбои в цепочке согласования;
- 4) никаких сбоев при согласовании ТР с притяжательными местоимениями не происходит.

2.1. Супплетивные основы для ТР с разными посессорами

В большинстве языков банту такие основные ТР, как ‘отец’ и ‘мать’, имеют особую форму, когда они относятся к 1-му лицу в единственном числе, т.е. ‘мой отец’, ‘моя мать’. Обычно эта форма употребляется также в вокативе, или в звательном значении. М. Гасри вывел общепантусскую модель для терминов ‘мать’/‘моя мать’, ‘отец’/‘мой отец’. Именно в таком виде эти

формы реализуются не во всех языках; в качестве наиболее соответствующих примеров можно привести следующие:

язык	мой отец	отец	моя мать	мать
общекбангусская модель по М. Гасри	<i>*taata</i>	<i>*cāṅgú/cāṅgó</i>	<i>*maayi</i>	<i>*nòkò/nòkò</i>
курия	<i>tata</i>	<i>ise</i>	<i>baba</i>	<i>nyako</i>
руанда	<i>data</i>	<i>se</i>	<i>mama</i>	<i>nyina</i>
шамбала	<i>tate</i>	<i>ishe</i>	<i>mame</i>	<i>nine</i>
лендже	<i>bata</i>	<i>beese</i>	<i>bama</i>	<i>banyina</i>
мверра	<i>atati</i>	<i>aina</i>		
дабида	<i>aba</i>	<i>ndee</i>		
яунде	<i>tara'</i>	<i>ésia'</i>		
гусии	<i>tata</i>	<i>ise</i>		
аква	<i>ta</i>	<i>sange</i>		
лингала			<i>mama</i>	<i>nyongo</i>

Язык мверра [Harries 1950] демонстрирует ряд особенностей в отношении форм элементарных терминов. Так, для термина 'мать' существует три основы, которые различаются в зависимости от того, к какому лицу они относятся. Если лицо, к которому относится ТР, находится в форме единственного числа, то притяжательное местоимение будет включено в саму основу слова:

a-mama

Р 1а кл.-моя.мать

'моя мать'

a-kwago

Р 1а кл.-твоя.мать

'твоя мать'

a-kwawe

Р 1а кл.-его/ее.мать

'его мать'

a-nyina *w-etu*

Р 1а кл.-мать DP 1кл.-наша

'наша мать';

a-nyina *w-enunji*

Р 1а кл.-мать DP 1кл.-ваша

'ваша мать';

a-nyina *w-awonji*

Р 1а кл.-мать DP 1кл.-их

'их мать'.

В языке мвера существуют необычные примеры для данного типа соотношения притяжательных местоимений и ТР [Harries 1950]:

a-pwangwa

Р 1а кл.-мой.старший.брат

‘мой старший брат’

a-capw-etu

Р 1а кл.-старший.брат-наш

‘наш старший брат’

a-kwegwe

Р 1а кл.-друг!

‘друг!’ (вокативная форма)

Ø-sawira

Р 1а кл.-друг. имеющий. особый. статус

‘друг, имеющий особый статус’

a-mbiye

Р 1а кл.-моя.бабка

‘моя бабушка’

a-nakulugwe

Р 1а кл.-его/ее.дед/бабушка

‘его/ее дед/бабушка’.

2.2. Слияние ТР с притяжательным местоимением

Во многих языках притяжательное местоимение входит в саму основу ТР. Обычно это происходит в том случае, когда ТР относится к 1-му, 2-му или 3-му лицу в единственном числе. Основа местоимения входит в лексему и при этом не получает никакого согласовательного префикса. В ряде случаев в результате фонетических изменений основу притяжательного местоимения выделить сложно, особенно это касается 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа для терминов ‘отец’ и ‘мать’:

язык	отец мой	отец твой	отец его	моя мать	твоя мать	его мать
мвера	<i>atati</i>	<i>ainago</i>	<i>ainagwe</i>	<i>amata</i>	<i>akwago</i>	<i>akwawe</i>
лендже	<i>bata</i>	<i>beeso</i>	<i>beeshi</i>	<i>bama</i>	<i>banyoko</i>	<i>banyina</i>
руанда	<i>data</i>	<i>so</i>	<i>se</i>	<i>mama</i>	<i>nyoko</i>	<i>nyina</i>
тсвана	<i>rrê</i>	<i>rrago</i>	<i>rraagwê</i>	<i>mmê</i>	<i>mmago</i>	<i>mmaagwê</i>
луганда	<i>kitange</i>	<i>kitaawo</i>	<i>kitaawe</i>	<i>nnyabo</i>		<i>nn-ina</i>
шамбала	<i>tate</i>	<i>isho</i>	<i>ishe</i>	<i>mame</i>	<i>nyokwe</i>	<i>nine</i>
суахили	<i>babangu</i>	<i>babako</i>	<i>babake</i>	<i>mamangu</i>	<i>mamako</i>	<i>mamake</i>
яунде	<i>tara'</i>	<i>ésoá</i>	<i>ésìà'</i>	<i>nna</i>	<i>nnoá</i>	<i>nníá</i>

Подобные примеры являются достаточно распространенным явлением для языков банту. Например, в суахили основы притяжательных местоимений имеют вид:

-angu 'мой'	-etu 'наш'
-ako 'твой'	-enu 'ваш'
-ake 'его/ее'	-ao 'их'.

Стандартное согласование выглядит следующим образом:

mtoto wangu 'мой ребенок':

m-toto *w-angu*

Р 1 кл.-ребенок DP 1 кл.-мой

В примере с TP происходит слияние основ:

baba + *-angu* – *babangu*

'отец' + 'мой' – 'мой отец'.

2.3. Регулярные сбои в согласовании терминов родства с притяжательными местоимениями

При оформлении синтаксической связи притяжательных местоимений с TP в ряде языков происходят регулярные сбои в цепочке согласования. В качестве примера можно привести язык суахили, в котором у TP сохраняется имманентное согласование притяжательных местоимений и посессивных частиц по модели класса 9 в единственном числе и класса 10 – во множественном, например [Громова, Петренко 2004]:

1) *ndugu yangu* 'мой сиблинг':

Ø-ndugu *y-angu*

Р 1 а кл.-сиблинг DP 9 кл.-мой

2) *ndugu zangu* 'мои братья':

Ø-ndugu *z-angu*

Р 2 а кл.-сиблинг DP 10 кл.-мой.

3) *baba ya watoto mwenyewe alijibu* 'отец детей сам ответил':

Ø-baba *y-a* *wa-toto*

Р 1 а кл.-отец DP 9 кл.-POSS Р 2 кл.-ребенок

mw-enyewe *a-li-jibu*

DP 1 кл.-сам S 1 кл.-PST-отвечать

Обычно в качестве объяснения указывают на то, что притяжательные местоимения 1-го и 2-го классов формально не выражают оппозиции по числу, например:

1) *ndugu wangu* 'мой сиблинг':

Ø-ndugu **w-angu*

Р 1а кл.-сibling DP 1 кл.-мой

ndugu wangu 'мои сиблинги':

\emptyset -*ndugu* **w-angu*

Р 2а кл.-сibling DP 2кл.-мой

2) *kaka wa Mus* 'старший брат Мусы':

\emptyset -*kaka* **w-a* \emptyset -*Musa*

Р 1а кл.-старший.брат DP 1кл.-POSS Р 1а кл.-Муса

kaka wa Mus 'старшие братья Мусы':

\emptyset -*kaka* **w-a* \emptyset -*Musa*

Р 2а кл.-старший.брат DP 2кл.-POSS Р 1а кл.-Муса

Однако необходимо отметить, что такие же сложности для определения числа наблюдаются и по отношению к другим существительным с именным префиксом *n-*, которые первоначально входили в 9/10 классы. В силу одушевленности в современном языке суахили такие слова (а обычно это названия животных) тоже попадают в подкласс 1а/2а, например:

\emptyset -*simba* *w-a* \emptyset -*Ali*

Р 1а кл.-лев DP 1кл.-POSS Р 1а кл.-Али 'лев Али';

\emptyset -*simba* *w-a* \emptyset -*Ali*

Р 2а кл.-лев DP 2кл.-POSS Р 1а кл.-Али 'львы Али'.

Однако сбои в согласовании с местоимениями наблюдаются только для ТР. Вероятно, из-за относительности данных лексем различие единственного и множественного числа является в данном случае более значимым, чем для других имен существительных, которые первоначально принадлежали к 9/10 классам. Вследствие этого используется согласовательная парадигма имманентного класса, которая позволяет однозначно определить то, в каком числе употреблен ТР.

Другое объяснение данного сбоя в согласовании опирается на то, что ТР являются не аутосемантическими, а релятивными лексемами. Вследствие этого ТР не могут употребляться без притяжательного местоимения. Можно предположить, что в данном случае притяжательное местоимение входит в основу лексемы, а сохранение согласования по модели первоначального класса указывает на особую связь между ТР и притяжательными местоимениями.

При согласовании ТР, которые относятся к классу 1, сбоев не обнаруживается, например:

m-ute

Р 1 кл.-муж

‘муж’

m-jomba

Р 1 кл.-брат матери

‘брат матери’.

Со словом *m-ke* ‘Р 1 кл.-жена’, во множественном числе – *wa-ke* ‘Р 2 кл.-жены’, возможно различное оформление притяжательных местоимений, например:

wa-ke w-ao

Р 2 кл.-жены DP 2 кл.-их

‘их жены’

wa-ke z-ao

Р 2 кл.-жены DP 10 кл.-их

‘их жены’.

Первый вариант используется значительно реже. Вероятно, первоначальное значение слова *mke* – ‘женщина’, т.е. аутосемантическое понятие. В современном языке существует специальная лексема ‘женщина’ – *twanamke*, которая, очевидно, является инновационной (*twana* ‘ребенок’, *mke* ‘женщина’). Слово *mke* используется преимущественно как ТР, т.е. становится относительным понятием и имеет тенденцию получать согласование с притяжательными местоимениями по модели, свойственной большинству ТР [Zheltov 1999].

Кроме ТР такой сбой в согласовании с притяжательными местоимениями и посессивными частицами может наблюдаться с такими словами, как, например:

Ø-rafiki

Р 1а кл.- друг

‘друг’

Ø-adui

Р 1а кл.- враг

‘враг’

Ø-jirani

Р 1а кл.- сосед

‘сосед’.

Вероятно, это также может быть связано с релятивностью данных лексем. Однако такой сбой по отношению к этим словам не является строго обязательным. Возможен двойной вариант (так же, как и с лексемой *mke* ‘жена’):

Ø-rafiki *w-angu*

Р 1а кл.- друг DP 1 кл.- мой

‘мой друг’

Ø-rafiki *y-angu*

Р 1а кл.- друг DP 9 кл.- мой

‘мой друг’.

Нельзя утверждать, что в каком-либо отдельном языке банту реализуется единственный способ согласования с притяжатель-

ными местоимениями. Обычно используется сразу несколько таких способов. В целом, языки банту можно разделить на две группы: языки, в которых обнаруживаются сбои в согласовании с притяжательными местоимениями, и языки, где таких сбоев не обнаруживается и ТР оформляются на синтаксическом уровне по модели того класса, к которому их относит именной префикс.

3. Онорифические формы терминов родства

В качестве особенности ТР в некоторых языках банту можно назвать наличие специальных онорифических (гонорифических) форм. Обычно эта форма образуется путем оформления существительного в единственном числе по модели множественного. Например, в языке мвера [Harries 1950] сам ТР оформлен префиксом 1а класса, он находится в единственном числе. Но согласование происходит по модели 2-го класса, т.е. во множественном числе: *aina wetu wambone waice lio* 'наш хороший отец пришел вчера' (досл. 'наши хорошие отец пришли вчера'):

<i>a-ina</i>	<i>w-etu</i>	<i>wa-mbone</i>
Р 1а кл.-отец	DP 2 кл.-наш	DP 2 кл.-хороший
<i>wa-ice</i>	<i>lio</i>	
S 2 кл.-приходить	вчера	

В языке шона [Fortune 1955] ТР употребляется в форме множественного числа, а согласование имени собственного или ТР происходит либо по 1-му классу, либо по 2-му, например: *Kaziwayi vababa muri pano!* 'Приветствую отца, который находится здесь' (досл. 'приветствую отцов, который здесь'):

<i>Kaziwayi</i>	<i>va-baba</i>	<i>mu-ri</i>	<i>pano!</i>
Приветствую	Р 2а кл.-отец	S 1 кл.-есть	здесь

В языке мвера следующие ТР обычно употребляются только в онорифической форме множественного числа, так как используются при обращении к персоне, более старшей по возрасту и статусу [Harries 1950]:

<i>va-tete</i>
Р 2а кл.-сестра отца
'сестра отца' (досл. 'сестры отца');
<i>va-mnene</i>
Р 2а кл.-мать мужа
'мать мужа' (досл. 'матери мужа');

va-mbiya

Р 2а кл.-мать жены

‘мать жены’ (досл. ‘матери жены’).

Для передачи значения простого множественного числа с именами собственными и ТР в языке мвера обычно используется составной префикс *vadzi-*, который образуется из префикса 10-го класса *dzi-* и 2а *va-*, например:

vadzi-baba

v-edu

Р 2а кл.-отцы

Р 2 кл.-наши

‘наши отцы’.

Исследователи склонны объяснять появление данной сложной формы префикса класса 2а необходимостью различать онорифическую форму имени существительного и форму простого множественного числа.

В языке лендже ТР употребляются в особой онорифической форме, которая образуется путем прибавления префикса 2-го класса к основе [Kagaya 1987], таким образом формально получается слово со значением множественности, но оно обращено к одному человеку, например: *ta* ‘мой отец’ употребляется только в форме *bata* (*ba-* – Р 2 кл., досл. ‘мои отцы’); *ma* ‘моя мать’ употребляется только в форме *bama* (*ba-* – Р 2 кл., досл. ‘мои матери’); *kaapa* ‘мой дед/бабка’ употребляется только в форме *bakaapa* (*ba-* – Р 2 кл., досл. ‘мои деды/бабки’).

Образование множественного числа таких ТР происходит следующим образом: префикс *ba-*, который исполнял в единственном числе онорифическую функцию, заменяет префикс *ma-*, а значение множественного числа передается с помощью замены префикса 1а класса \emptyset - на префикс 2-го класса *ba-*, так как по признаку числа 1а и 2 классы коррелируют:

\emptyset -*be-eshi*

Р 1а кл.-его.отец

‘его отец’ (досл. ‘его отцы’);

ba-me-eshi

Р 2 кл.-их.отцы

‘их отцы’;

\emptyset -*ba-nyina*

Р 1а кл.-его.мать

‘его мать’ (досл. ‘его матери’);

ba-ma-nyina

Р 2 кл.-их.матери

‘их матери’;

Ø-ba-nkambo

Р 1а кл.-его.дед/бабка

‘его дед/бабка’ (досл. ‘его деды/бабки’)

ba-ma-nkambo

Р 2 кл.-его.деды/бабки

‘его деды/бабки’.

В языках банту префикс *ba-* является показателем 2-го класса, префикс *ma-* – 6-го класса, но в случае с ТР они выполняют скорее словообразовательную функцию и являются показателями онорифичности.

ТР в языках банту являются тем пластом лексики, который демонстрирует регулярные нарушения в правилах распределения слов по именным классам. Система именных классов в языках банту по преимуществу грамматическая. Это означает, что префикс класса и цепочка согласования (морфологический и синтаксический признаки, соответственно) указывают на класс, к которому относится существительное (ср.: [Желтов 1998]). В случае с ТР основным критерием, который определяет классную принадлежность существительного, является семантика. В подавляющем большинстве рассмотренных языков банту наблюдается несоответствие классного префикса, который обычно имеет вид *Ø-*, и модели согласования, которая, как правило, указывает на 1 класс (класс людей). Поскольку согласование является доминирующим критерием для определения классной принадлежности, то в рамках 1-го класса можно выделить подкласс 1а, куда и попадают ТР. В ряде языков в 1а класс попадает и другая лексика с разнообразной семантикой, однако ТР отличаются от остальных существительных особыми способами согласования с притяжательными местоимениями: регулярно используются супплетивные формы для ТР с разными посессорами; распространено слияние основ ТР и притяжательных местоимений; в ряде случаев наблюдаются нарушения в стандартной цепочке согласования при оформлении синтаксической связи между ТР и притяжательными местоимениями. В некоторых языках ТР используются только в специальной онорифической форме, что также отличает их от других существительных.

Аксенова 1984 – Аксенова И.С. Тексты гусии // Младописьменные языки Африки: Материалы к лексическому описанию. М.

Аксенова, Топорова 2002 – Аксенова И.С., Топорова И.Н. Грамматика языка аква. М.

Громова 1987 – Громова Н.В. Суахили-русский словарь. М.

Громова, Охотина 1995 – Громова Н.В., Охотина Н.В. Теоретическая грамматика языка суахили. М.

Громова, Петренко 2004 – Громова Н.В., Петренко Н.Т. Учебник языка суахили. М.

Доброва 2004 – Доброва Г.Р. Эгоцентричность прономинальной и «пара-прономинальной» лексики (сравнительный анализ онтогенеза личных местоимений и терминов родства) // www.iling.ru.

Желтов 1998 – Желтов А.Ю. Семантические оппозиции и парадигматический анализ именных классов суахили // Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 20. СПб.

Жуков 1968 – Жуков А.А. О грамматической категории класса имени существительного в языках банту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.

Охотина 1985 – Охотина Н.В. Согласовательные классы в восточных и южных языках банту. Коммуникативный статус и грамматическая структура. М.

Поздняков 1993 – Поздняков К.И. Сравнительная грамматика атлантических языков. М.

Doke 1954 – Doke C. The Southern Bantu Languages. L.

Fortune 1955 – Fortune G. An Analytical Grammar of Shona. L.

Harries 1950 – Harries L. A Grammar of Mwera, a Bantu Language of the Eastern Zone Spoken in the South-Eastern Area of the Tanganyika Territory. Johannesburg.

Kagaya 1987 – Kagaya R. A Classified Vocabulary of the Lenje Language. Tokyo.

Nekes 1911 – Nekes H.P. Lehrbuch der Jaunde-Sprache // Lehrbücher des Seminars für Orientalische Sprachen in Berlin. Band 26. Berlin.

Van de Velde 2003 – Van de Velde M. Proper Names and the so-called Class 1a in Eton // Рукопись.

Zhelotov 1999 – Zhelotov A.J. Some 'why'-questions in Swahili grammar // Рукопись.

А.А. Бурыкин

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА И СВОЙСТВА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**(На материале вологодских имущественных описей
конца XVIII века)**

Как это ни странно, но русские термины родства (ТР) в наши дни почти не привлекают внимания ни этнографов, ни лингвистов. Новые исследования русских ТР, прежде всего, в современном литературном языке по существу отсутствуют. Между тем понятно — во всяком случае, это понимают лингвисты — что русский литературный язык постоянно развивается, и ни одна группа лексики не может избежать изменений. Вопрос о том, что представляет собой современная русская СТР, актуален не только для исторической лексикологии русского языка и описания ТР в исторических словарях, в частности — в составляемом словаре русского языка XIX в., но и для русского языка начала XXI в.

Вместе с тем, если задаться вопросом, как выглядит СТР современного русского литературного языка по имеющимся описаниям и словарным материалам, то в качестве ответа на него получим СТР, характерную для мещанского сословия XIX, т.е. позапрошлого века. К сожалению, мы не располагаем системой средств, позволяющих оценивать и отслеживать семантические изменения ТР в узусе, поскольку статистический критерий оценки употребления многозначных ТР в том или ином значении может применяться в лексикологии, но не находит применения в лексикографии. Разнообразные социальные варианты русского языка в разные периоды его истории еще не описаны с достаточной полнотой, и факты лексики, которые могут быть отмечены этими описаниями, едва ли смогут найти отражение в словарях, описывающих русский язык в состоянии, близком к современности, и уж точно не попадут ни в один словарь современного русского литературного языка.

Составители исторических словарей, в свою очередь, при описании ТР не используют инструмента, позволяющего отсекать те значения ТР, которые присутствуют в современном языке, но остаются не документированными или не выявленными в материалах словаря. В связи со сказанным выше становится очевидным, что изучение русских ТР в настоящее время может вестись как в плане описания особенностей состава, так и значений и закономерностей употребления ТР в различных по времени, регионам и жанровой принадлежности письменных источниках.

Документальные источники, отражающие экономические и общественные отношения русского народа в различных регионах России, интересны не только для диалектологов и историков русского языка, но также для тех, кто изучает русскую антропонику в ее исторической динамике и региональных вариантах. Эти материалы сообщают важные демографические сведения, из них могут извлекаться статистические данные, фиксирующие возраст вступления в брак и количество детей, а также состав семей и другую информацию социального характера.

Материалом для настоящего исследования послужили вологодские имущественные описи конца 80-х – начала 90-х годов XVIII в. [Описи 2004]. В этих документах дается описание состава крестьянских семей, которое позволяет охарактеризовать родственные отношения в южных районах Вологодской губернии, а также выявить правовой статус обозначаемых теми или иными ТР отношений родства.

Сразу же придется сказать, что изучаемый материал содержит не все те ТР, которые известны по словарям современного русского литературного языка, т.е. интересующая нас СТР зафиксирована в нем фрагментарно. Надо отметить и то, что анализируемые документы по существу не содержат и диалектного материала по ТР северно-великорусских говоров, надежды извлечь который имелись перед началом работы. Тем не менее, жанровые особенности изучаемого материала приводят к важному заключению – региональные официальные документы используют лексику русского литературного языка, вследствие чего встречающиеся в них регионализмы представляют заведомо не все группы лексики. Последнее утверждение справедливо и по отношению к ТР, которые в документах этого жанра имеют

статус юридических терминов, что и определяет их наличие в текстах.

Первое, что обращает на себя внимание в анализируемом материале – отсутствие термина «отец». Однако это обусловлено спецификой документов, в которых описание семьи начинается с главы семьи, называемого только по имени.

Термин «мать» встречается в описях довольно редко и с обязательным подчеркиванием социального статуса «вдова»: *Яковъ Ивановъ ... у него Якова вдова мать Марина Парфеньева; У Андрея братъ Иван Федоровъ ... у Андрея и Ивана мать вдова Федора Михайлова.*

Термин «брат» употребляется для обозначения сиблингов мужского пола номинального главы семьи, еще не состоящих в браке: *У Андрея братъ Иван Федоровъ; Самонъ Михайлов Иванъ братъ его у Самона жена Дарья Федулова.* Лишь однажды брат главы семьи имеет свое семейство, но, видимо, здесь проявляется особенность семьи, глава которой имеет физический недостаток: *Степан Андреев слепъ у него братъ Федоръ Андреевъ у него жена Настасья Самойлова у них дети Федоръ Иванъ дочь Матрена.*

Термин «сестра» используется для обозначения сиблингов женского пола главы семьи, с обязательной характеристикой семейного положения «девка» (т.е. не состоящая и не состоявшая в браке): *У Дмитрея сестра девка Агрофена Григорьева; Тимофей Григорей Васильевы дети у нихъ сестра девка Дарья; у Ивана сестра девка Авдотья.*

Термины «сын» и «дочь» обозначают потомка главы семьи, чаще всего еще не состоящего в браке: *у Кирила жена Марина Иванова у них снъ Тимофей; Спиридонъ Федоровъ у него жена Ксения Иванова у них дети снъ Андрей дочери Агрофена Марья Ефросинья Парасковья; Андреи Федоровъ у него жена Ксения Васильева у них дети сыновья Афонасеи Григорей дочери Настасья Анна; ... девка Марина Семенова у нее снъ незаконнорожденный Андрей; Андрей Ивановъ вдовъ у него дети Иванъ дочери Дарья Катерина.* Иногда сын главы семьи имеет свою семью и своих детей: *Василей Андреев, у него жена Фекла Афонасьева у них снъ Иванъ у него жена Ирина Васильева у нихъ снъ Евграфъ у Василья внукъ Иванъ Петровъ (где же тот Петр?! – А.Б.).*

Термин «**дочь**», кроме отмеченного значения, используется также для оформления наименования женщины по отцу: Данило Ивановъ у него жена Федосья **Тимофеева дочь**; Вдова Наталья **Максимова дочь** у нея дети Дмитрий, Михаилу Павловы дети холосты; Михаилу Игнатьев у него жена Фекла **Сергеева дочь** у них дети Никита, Петръ, Василей, Петръ, дочери Пелагея и Соломанида.

Термины «**внук**» и «**внучка**», как явствует из контекстов, в которых они зафиксированы, имеют в имущественных описях необычное употребление – они обозначают потомков умершего (или, во всяком случае, отсутствующего) сына или дочери. Ср.:

1) Вдова Федосья **Никитина дочь** у нее снъ Осипъ Ивановъ холостъ у нея вдовы **внукъ** Ефрем Васильев – из описи явствует, что внук Ефрем не может быть сыном холостого сына Осипа.

2) Василей Андреев, у него жена Фекла Афонасьева у них снъ Иванъ у него жена Ирина Васильева у нихъ снъ Евграфъ у Василья **внукъ** Иванъ Петровъ – вероятно, внук Иван является сыном умершего Петра, второго сына главы семьи.

Еще один пример с неясными родственными связями в семье: Степанъ Козминъ вдовъ у него **племянник** Никита Яковлевъ у него жена Акилина Степанова у них дети Василей, Степанъ дочери Марья, Матрена у Василья жена Авдотья Дмитриева у Василья снъ Никита дочь Парасковья у Никиты **внукъ** Андрей Яковлевъ. Здесь редкий пример семьи, в которой глава имеет потомков не по прямой, а по боковой линии: Никита Яковлев является сыном умершего брата или сестры Степана, а внук этого Никиты (Андрей Яковлев не может быть внуком второго Никиты, который еще не женат), видимо, был сыном умершего на момент составления описи Якова, еще одного сына Никиты Яковлева. То же самое мы видим с термином «внучка»: ср.: Василей Федоровъ у него жена Матрена Дмитриева у них девка вдова Марфа Дмитриева у ее снъ Андрей у него жена Авдотья Дементьева у Василья Федорова **внучка** Апросинья Степанова. Здесь, скорее всего, «девка вдова» Марфа – это сестра Матрены, жены главы семьи (у них одно и то же отчество) и вдова некоего Степана, по чьему имени записывается внучка Апросинья.

Еще пример: Ермолай Ивановъ вдовъ у него дети Стяфей Акимъ, Авдотья у Стафея жена Катерина Петрова у Ермолая **внучата** Николай, Алексей у них мать Авдотья Петрова. Из

контекста ясно, что внучата Ермолая не являются сыновьями Стафея [Евстафия] – иначе они были бы названы его детьми; они также не могут быть детьми Акимы (который не женат) и Авдотьи (она не замужем). Остается предполагать, что внучата Ермолая – это дети еще одного его сына, которого нет в живых.

Термины «племянник» и «племянница» употребляются в анализируемых описях для обозначения потомков сиблинга главы семьи, если сиблинг умер или, как отмечено в одном из документов, отдан в рекруты. Ср.: *У Кирила жена Марина Иванова у них снъ Тимофей у них племянники родные отданного в рекруты дети Василей девка Наталья Афанасьевы дети*. Здесь ясно, что у Кирилла, главы семьи, имеется брат Афанасий, который был «отдан в рекруты», о котором ничего не известно, кроме имени, и детей которого воспитывают их дядя и тетка. Вероятно, о детях умершего родственника говорится в следующем документе: *Иванъ Степановъ у него жена Ксенья Дмитрева у Ивана Степанова племянники Степанъ Яковъ Яковлевы* – очевидно, племянники – это дети умершего Якова, приходившегося братом Ивану Степанову; заметим, что собственных детей у него нет. Так же (применительно к таким же ситуациям) используется термин «племянница»: *Вдова Афимья Зиновьева у нее дети Василей, Дмитрий у Василья жена Анна Максимова у них дети Алексей, Василиса у Василья племянница Авдотья*. Очевидно, что Авдотья – это дочь умершего брата Василия, еще одного сына Афимьи, или дочь умершего брата или сестры его жены Анны, поскольку указания на родство племянницы с другим дядей – Дмитрием – отсутствуют.

Из ТР, обозначающих сиблингов родителей или их супругов, в источнике зафиксирован (причем, всего однажды) только термин «тетка»: *Михайло Петровъ у него жена Марфа Дмитриева у него тетка девка Татьяна Аверьянова*. Не ясно, была ли эта тетка сестрой отца или матери Михайла Петрова, но из описи можем понять, что он не имел своих детей, а Татьяна Аверьянова не состояла в браке. Таким образом, ни Михайло, ни его тетка Татьяна попросту не имеют других родственников. Еще об одном употреблении термина «тетка» по ряду причин речь пойдет ниже.

Термины «зять» и «сноха», обозначающие брачных партнеров детей, встречаются в одном документе: *Григорей Михайловъ*

у него жена *Ирина Иванова* у них *зять* *Михаило Васильевъ* у него жена *Татьяна Григорьева* у них дочь *Анна* у *Григорей сноха* *вдова Пелагея Григорьева* у нее снъ *Григорей Ильинъ*. Здесь зять (безусловно, муж дочери) поименован в составе данной семьи по той причине, что он женат на единственной дочери главы этой семьи, а глава семьи не имеет других трудоспособных родственников мужского пола – именно поэтому данный «зять» не образует самостоятельного хозяйства. Поскольку вместе с главой семьи живет «сноха вдова», это означает, что единственный сын Григория Михайлова, которого, как мы узнаем, звали Илья (Григорий Ильин – его сын) умер. Еще один пример редкого употребления термина «зять»: *Вдова Марфа Никифорова* у нее *зять Степан Леонтьев* у него жена *Степанида Прокопьева* у них дети *Нифонтей, Дарья*. Этот зять, безусловно, был взят в хозяйство вдовы, возможно, имевшей единственную дочь; впрочем, имущественные описи не позволяют судить о количестве дочерей, выданных замуж, равно как и о количестве сыновей главы семейства, выделившихся в отдельные хозяйства.

Из ТР, обозначающих родителей брачного партнера, в описях встретилось только однажды слово «тесть»: *Алексей Андреев* у него жена *Катерина Степанова* у них дети *Иван, Василей, Петръ, Федоръ* у *Ивана* жена *Анна Петрова* у нихъ дочь *Парасковья* у *Алексея* *тестъ Степанъ Петровъ*. Складывается впечатление, что этот тесть Степан Петров был вдов и жил в семье своего зятя, женатого на его единственной дочери.

Имущественные описи дают сведения не только об отношениях родства между членами семьи и примеры актуализации отношений членов семьи к ее главе. Как представляется, в этих описях зафиксированы нормы сохранения семейных хозяйств, основывающихся на создании фактической семьи, поддерживающей родственные отношения между членами распавшейся семьи или нескольких семей, между представителями которых имелись отношения родства.

Первый пример такого семейства: *Тимофей Григорьев* у него *тетка Ксения Фомина* у них дети *Борисъ* дочери *Анна, Анна* (две дочери носили одно и то же имя. – А.Б.), *Аграфена, Катерина*. Эта «тетка», которая была на 9 лет младше главы семейства, очевидно, приходилась женой какому-то из умерших братьев отца главы семейства и была впоследствии взята им в качестве

хозяйки в точном соответствии с нормами левирата, характерными для традиционных обществ. То, что дети этой «тетки» не называются в описи по имени отца, может иметь два объяснения – либо Ксения Фомина была замужем не единожды, и составители описи не расписывают ее детей по их отцам, либо она имела такую репутацию, что назвать отца ее детей представлялось затруднительным... Но странно, что Ксения Фомина не названа и чьей-то вдовой – вместе с тем маловероятно, что она вышла замуж первый раз за собственного племянника, однако местоимение «у них дети» едва ли было употреблено случайно.

Еще один пример необычного семейства: *Иванъ Федоровъ у него невестка вдова Соломонида Иванова у нее дети Яковъ, Дмитрей, Настасья Федоров.* Из описи явствует, что Соломонида была на 7 лет моложе главы семейства – то есть, видимо, это была жена его умершего брата, пришедшая в семью своего деверя: именно поэтому она «невестка» (жена брата, и, скорее всего, старшего), а не «сноха» (жена сына); иначе бы разница в возрасте была больше. Дети Соломониды именуются «Федоровы» и тут неясно, то ли Федором звали ее первого мужа (в пользу этого предположения говорит оборот «у нее дети»), то ли уже дети Соломониды и Ивана Федорова получают наследственную фамилию. Как бы там ни было, но и в этом случае описан сорокат – обычай брать в жены или в хозяйство вдову умершего брата, характерный для архаических обществ.

То, что термин «невестка» в этих материалах относится к супруге сиблинга, а не потомка главы семейства, явствует еще из одного контекста: *Вдова Ксения Миниева у нее дети Козма, Степанъ Федоровы дочь девка Авдотья невестка не вдова Парасковья Иванова у нихъ дети Павелъ, Василей Васильевы.*

Из встречающихся в описях слов, характеризующих статус женщин, обращают на себя внимание слова «девка» и «вдова». Словом «девка» именуется женщина, не состоящая или не состоявшая в браке: *девка Марина Семенова у нее снъ незаконнорожденный Андрей; у Кириша жена Марина Иванова у них снъ Тимофей у них племянники родные отданного в рекруты дети Василей девка Наталья Афанасьевы дети; Вдова Марья Федорова у нее дети сыновья Андреи Васильев Степанъ дочь девка Наталья; У Дмитрея сестра девка Агрофена Григорьева; Семень Егоровъ вдовъ у него дочь девка.*

Слово «**вдова**» довольно часто употребляется в обозначении женщины, являющейся главой семейства: *Вдова Наталья Максимова дочь у нея дети Дмитрий Михаило Павловы дети холостые; Вдова Парасковья Ермолаева у нее дети снъ Фроль дочь Варвара; вдова Марфа Федорова дочь у нее дети Андреянъ Кирило Григорьевы дети; Вдова Федосья Никитина дочь у нее снъ Осипъ Ивановъ холостъ у нея вдовы внук Ефрем Васильев*. Однако не всегда старшая по возрасту женщина, у которой умер муж, является главой хозяйства. Ср.: *у Андрея братъ Иван Федоровъ ... у Андрея и Ивана мать вдова Федора Михаилова; Яковъ Ивановъ ... у него Якова вдова мать Марина Парфеньева* – понятно, что на роль главы хозяйства не может претендовать младшая родственница; ср.: *Григорей Михаиловъ у него жена Ирина Иванова у нихъ зять Михаило Васильевъ у него жена Татьяна Григорьева у них дочь Анна у Григорей сноха вдова Пелагея Григорьева у нее снъ Григорей Ильинъ; Иванъ Федоровъ у него невестка вдова Соломонида Иванова у нее дети Яковъ, Дмитрий, Настасья Федоровы*.

В одном случае документ остается непонятным: *Василей Федоровъ у него жена Матрена Дмитриева у них девка вдова Марфа Дмитриева у ее снъ Андрей у него жена Авдотья Дементьева у Василья Федорова внучка Апросинья Степанова*. Почему Марфа, очевидно, приходящаяся сестрой Матрене, одновременно «девка» и «вдова», поскольку по наименованию ее дочери мы можем установить имя ее мужа, объяснить не представляется возможным – остается полагать, что «девка» в данном случае – это неисправленная описка вместо «вдова», поставленного в документе далее. Впрочем, данный случай весьма интересен во многих аспектах. Если Марфа – сестра жены Василья Федорова, то тогда в русской СТР, считающейся современной, она должна была бы именоваться *свояченицей*. В имущественных описях родственные отношения такой степени нигде более не фиксируются. Для обозначения сестры жены в вологодских говорах в XIX – начале XX вв. использовались слова *свояченица*, *своячина*, *свояшница* и *свесь* [Словарь 2006: 451, 449]. Однако, как можно предположить, ни одно из этих слов не было сочтено составителями описи отвечающим статусу лексической единицы официальной нормы литературного языка, а по существу – статусу правового термина, регламентирующего родственные от-

ношения. Таким образом, слова «девка вдова» в этом документе маркируют лексическую лакуну, выявившуюся в лексике официально-делового стиля русского литературного языка конца XVIII в., причем такую лакуну, для заполнения которой не подходили местные диалектные слова.

Последняя лексическая единица, на которую хотелось бы обратить внимание – это слово «**бобыль**», встретившееся в следующих примерах: *Бобыль Василей Стѣпановъ у него жена Федора Тимофеева, бобыль же Иван Степановъ Семень Леонтьевъ слепъ*. Эти два контекста показывают, что в сфере терминологии, выражающей социальные и семейные отношения, слово «**бобыль**» обозначало человека, у которого нет ни детей, ни родителей, хотя он вполне мог быть женатым. Это значение не вполне соответствует определению этого слова, данному в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова: «**БОБЫЛЬ**, бобыля, м. (обл.). Бедный, безземельный, бездомный, одинокий крестьянин. Живет бобылем. Остался бобыль-бобылем». Вероятно, слово *бобыль* в XIX в. изменило свое значение.

В целом, как показывает материал имущественных описей XVIII в., встречающиеся в них ТР представляют собой неотъемлемую часть официально-делового языка, в котором они имеют характер юридических терминов. Следствием этого является ограниченность состава ТР, используемых в документах данного типа; при этом принцип описания состава хозяйств исключал из употребления в описях нескольких ТР, относящихся к главам самостоятельных хозяйств, т.е. «отец», «дядя», «дед». Сделанные наблюдения, в особенности характер употребления слов *внук, внучка, племянник, племянница*, позволяют выделить в них особые оттенки значений «сын/дочь умершего сына или дочери», «сын/дочь умершего брата или сестры». Данные оттенки значений, насколько нам известно, не выделялись ранее для русских ТР ни в одном из синхронных срезов русского языка. И само по себе выявление таких особенностей употребления перечисленных ТР является весьма примечательным, поскольку обозначает перспективу для дальнейшего ретроспективного исторического исследования ТР. В частности, требует детального исследования возможная значимость признака «живой/неживой

коннектор» для обозначения отношений родства по нисходящей линии, а также по боковым линиям.

Описи 2004 – Вологодские имущественные описи конца XVIII века
/ Сост. С.Е. Парняков. Вологда

Словарь 2006 – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб.

Т.Б. Щепанская

МАТРИЦЫ СЕМЬИ И КОМАНДЫ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРИЗИСА (1990–2000-е годы)

*Работа написана по материалам исследования,
выполненного при финансовой поддержке
РГНФ (проект № 00-01-002-90а)*

В основу настоящей работы положены материалы этнографического исследования российского политического сообщества в последнее десятилетие XX и первые годы XXI столетия. В этот переходный и переломный период обнажились многие элементы его структуры и функционирования, скрытые в более благополучные времена. На фоне трансформации политической системы можно отчетливо наблюдать стабильные, инвариантные черты политической среды и культуры, не затронутые переменами. Среди таких стабильных элементов оказались структуры неформальных отношений политиков в «своей среде», правила и стереотипы их повседневного общения, обусловленные, по-видимому, не столько политической ситуацией или идеологией, сколько механизмами традиции.

Антропологическое исследование политики подразумевает взгляд на эту сферу «в человеческой перспективе» – с позиции деятеля, – что дает возможность проследить процесс конструирования политической деятельности в терминах, актуальных для ее субъекта. Наша задача – реконструкция культурных кодов, опосредующих взаимодействия в политической сфере, и повседневных практик, оформляющих эти взаимодействия. Речь идет об устойчиво воспроизводимых практиках и знаковых системах, которые могут быть охарактеризованы в терминах *политической традиции* или *политической культуры*¹.

¹ Отметим растущее число публикаций по этой проблематике, отражающее, вероятно, ее актуальность в отечественной науке (см., например, [Живов, Успенский 1987; Пивоваров 2000; Афанасьев 2000], а также материалы

214

Решение такого рода задач может быть осуществлено на базе этнографического описания повседневных практик персонажа, определяющего себя как «политик». При этом мы отбираем значимые практики, которые он сам считает важными при описании своей политической деятельности, и делаем акцент на выявлении их интерпретаций – приписываемых этим практикам или отдельным их элементам (стереотипам поведения, правилам, атрибутам) значений. Разумеется, речь идет об интерпретациях, полученных из уст политических деятелей.

Такая постановка задач подспудно предполагает существование (или возможность существования) социокультурной среды¹, в рамках которой протекает повседневная деятельность политика. Под социокультурной средой понимается общность (осознаваемая или нет), имеющая разделяемые культурные коды и повседневные практики, которые обеспечивают уплотнение контактов в рамках этой общности по сравнению с фоновыми. Наличие общего самосознания, идентичности служит дополнительным признаком и подтверждением существования социокультурной среды.

Матрица команды

Когда наши собеседники во время интервью рассказывали о повседневной политической деятельности, то они говорили чаще всего о своем неформальном окружении. Основным элементом этой неформальной системы взаимоотношений – небольшая группировка, известная под разными названиями: *клан*, *команда*, *круг сторонников* или *окружение* той или иной значимой фигуры.

Чаще всего при описании «своего» или значимого другого (с которым непосредственно взаимодействуют) сообщества используется слово «команда». Это определение применяется по отношению к функционально различным социальным образова-

независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» (члены-учредители: А. Ахиезер, А. Давыдов, Е. Туркентенко): <http://scd.centro.ru/15koi8.htm>.

¹ Интерпретации и приложения концепции «социальной среды» (milieu) см.: [Бурдье 1993, 1994; Чуйкина 1997; Grathoff 1989; Segert, Zierke 1997; Schneider 1994].

ниям: «командой» называют группу *назначенцев*, приведенных в систему управления одним и тем же лидером (*команда Гайдара*); сторонников, сплотившихся вокруг лидера; избирательный штаб определенного кандидата во время предвыборной кампании (*команда Ельцина*). Например, Ельцин вспоминает, что в его штабе на выборах в 1996 г. работали две «команды»: *команда Чубайса* и вторая, руководимая О. Сосковцом и А. Коржаковым [Ельцин 2002]. «Командой» называют и группу депутатов, солидарно голосующих (или координирующих свои действия) в различных представительных органах: так, членов Законодательного собрания в Санкт-Петербурге в 2002 г. политобозреватели разделяли на две большие «команды»: «черкесовских» (по имени представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе) и «яковлевских» (по имени губернатора) [Мухин 2002]. В политическом дискурсе фигурируют также *команды аналитиков*, которые готовят материалы и обоснования для принятия политических решений или пишут тексты выступлений политических деятелей. Так, группа молодых ленинградских экономистов, позднее известная как «команда Чубайса», незадолго до распада СССР была привлечена к работе над «Концепцией совершенствования хозяйственного механизма предприятия», готовившейся по заданию тогдашнего премьер-министра Н. Рыжкова [Гайдар 1996: 37]. Э. Лимонов называет *командами нацболов* (национал-большевиков) первичные ячейки основанной им партии [Лимонов 2002], когда (в 1993-1994 гг.) они представляли собою дружеские компании, тусовки *фанатов* писателя Э. Лимонова, философа А. Дугина или рок-музыканта Е. Летова. Словом «команда» или синонимичными ему определяется, по сути, любая контактная группа, в которой проходит повседневная деятельность политика, его повседневное окружение. Это определение наиболее характерно для неформального дискурса, текстов, конструирующих имидж (интервью, мемуары политиков), а также сленга политических аналитиков, отражающегося и в публикациях СМИ.

Выше мы привели примеры того, как определение «команда» используется по отношению к разным сообществам, различающимся, прежде всего, своими функциями. Тем не менее, их общее название означает указание на их общую матрицу, которая у них есть или им приписывается: набор правил организации и функ-

ционирования, символических регуляторов и поведенческих норм. Примем это как рабочую гипотезу и займемся реконструкцией матрицы «команды», т.е. связываемых с этим наименованием внутригрупповых форм общения: опосредующих это общение устойчивых практик и знаковых систем.

Само слово «команда» в системе русской традиционной культуре обозначало объединение парней для участия в коллективных драках во время деревенских праздников. Эти драки были неотъемлемой частью мужского взросления и рассматриваются в этнографических исследованиях как форма мужской инициации [Щепанская 1998, 2001], воинской подготовки, спортивных состязаний [Грунтовский 1998], народных развлечений, праздничного общения молодежи [Вадейша 2001: 101–116]. Другие названия этих объединений – *партия, дружина, артель, компания, шарага, ватага* и т.п. Некоторые из них также нашли свое применение в политической культуре – прямо (*партия*) или метафорически. Михаил Восленский, описывая «правлящий класс Советского Союза» (номенклатуру), использует метафору «дружина»: «Номенклатура – та организованная Сталиным и его аппаратом “дружина”, которая научилась властвовать, а в годы ежовщины перегрызла горло ленинской гвардии» [Восленский 1991]. В период застоя часто звучало выражение *брежневская гвардия*, указывавшая на круг наиболее преданных сторонников Генерального секретаря. Современный публицист Г. Павловский, характеризуя систему власти бурного десятилетия 1990-х, сравнивает ее с *ватагой*: «Власть сегодня, – утверждал он в 2000 г., – больше похожа на власть, чем на ватагу, как в предыдущее десятилетие, но предыдущее десятилетие было революционным, а революционная власть всегда немного ватага»¹. Вероятно, это высказывание следует понимать как оценку степени влияния неформальных структур в системе государственной власти в кризисные для нее времена.

Отметим, что для наименования элементарной единицы неформальной политической среды самими ее представителями, исследователями и журналистами систематически используются названия молодежных боевых объединений: *команда, ватага,*

¹ Г. Павловский в гостях у программы «Ночной полет» Андрея Максимова, ТВЦ. Записал И. Голунов 4 сент. 2000 г. АНО РИД «Новая газета». С текстом можно ознакомиться в Интернете: www.NovayaGazeta.Ru

партия, дружина, гвардия. Можно предположить, что подобные наименования актуализируют и соответствующую матрицу – структуру и нормативный комплекс, характерные для такого рода объединений. Структура молодежных команд (ватаг, партий) трехслойна: *атаман* (предводитель, инициатор драк и символ всей команды), *510 бойцов* или *товарищей* – его ближайшее окружение; наконец, все прочие парни – жители той же деревни (или улицы, конца), которые обязаны были поддерживать атамана с его бойцами, как только раздавался клич «наших бьют!». Если кто-то из них убегал с поля боя, атаман и «товарищи» после драки устраивали засаду и избивали его как предателя, чтобы неповадно было другим. В основе такой организации лежало два фактора: лидер, вокруг которого группировалось ядро, и территория, обеспечивавшая дополнительные ресурсы.

Ядром консолидации команды служит фигура лидера, от имени которого нередко образуется ее название (те же *черкесовские* и *яковлевские* в ЗакС'е Санкт-Петербурга в 2002 г.). В ряде случаев на первый план выходят земляческие связи. Впрочем, они также нередко связаны с фигурой лидера: во времена пребывания у власти Л.И. Брежнева в кулуарах говорили о *днепропетровской мафии*, Ельцина – о приходе людей из *уральской*, или *свердловской*, команды, с начальным периодом президентства В.В. Путина связан поток публикаций о приходе во власть *команды*, или *клана питерских*. Характерно, что и ватаги деревенских парней, идя на праздник, назывались по имени своей деревни («чудецкие» – из д. Чудцы, «холодиловские» – из д. Холодилово и т.д.) и группировались вокруг своего атамана. Можно заключить, что, по крайней мере, на символическом уровне эта матрица переносится и в политическую среду. Как видно уже из приведенных примеров, матрица «команды» (весьма схожая в основных чертах с традиционной мужской молодежной компанией) оказывает влияние на стереотип описания и восприятия неформальных структур в политической среде. Вопрос о ее влиянии на формирование и реальную структуру политических группировок остается открытым. Матрица существует – но действует ли как фактор структурирования политической среды?

Нормативный комплекс «команды»

Основой существования команды является определенный комплекс норм и стереотипов поведения, главный из которых – это принцип круговой поруки. На этом же принципе базировались отношения в мужских молодежных компаниях, о которых шла речь выше: главное требование к члену команды – верность атаману, надежность в драке.

Описывая нормативный комплекс политических «команд», их участники на первом месте называют «устойчивость человеческих отношений» (Е. Гайдар). Б. Немцов считает членами своей команды многих из тех, кто работал с ним в администрации Нижегородской области в период его губернаторства: «Это люди, которые не соглашаются, могут вообще уйти от меня. Но никогда не предадут. Просто невозможно себе представить такое» [Немцов 1997]. В. Новодворская пишет о стиле отношений в среде, которую она называет «моя команда»: «Я не люблю Ельцина, но я его не предам» [Новодворская 1993]. По словам одного из членов Совета Санкт-Петербургского отделения партии (тогда РПЦ) «Яблоко», «и на уровне всей партии, и на уровне территориальных организаций, и в кругу общения ... существует негласный принцип – принцип команды: человека не выкинут из нее, все друг за друга в ответе» [Боголюбова 2000].

Отношения между членами команды прочнее и более долговременны, чем политические объединения. Они не должны зависеть от официального статуса того или иного человека. Неформальные отношения между теми, кто работал в одной команде (например, в правительстве, парламенте, аналитической группе или избирательном штабе), сохраняются и после их ухода с прежних постов. По словам Е. Гайдара, после ухода в отставку с поста главы правительства РФ он «для себя вывел специальную условную единицу устойчивости человеческих отношений под названием “один чуб”, развернуто “один Чубайс”. Как бы ни менялись наши с Чубайсом соотносительные статусы, – продолжает Егор Тимурович, – это никогда и никак не сказывалось на характере наших взаимоотношений» [Гайдар 1996: 241]. Таким образом, неформальная структура, в основу которой положен «принцип команды», обеспечивает стабилизацию по-

литической среды, снижая зависимость межличностных связей от постоянных изменений должностного положения и даже партийной принадлежности отдельных политиков. Неформальная структура политического сообщества должна быть прочнее, чем видимая структура политических организаций.

Одна из главных функций команды – поддержка «своих» в постоянно возникающих ситуациях межгрупповой, политической, идеологической борьбы. В воспоминаниях А. Грачева о М.С. Горбачеве упоминается существовавшая в кругу первых секретарей, членов ЦК КПСС, «группа быстрого реагирования», замыкавшаяся на Кулакове (до переезда в столицу занимавшего пост первого секретаря обкома в Ставрополе). Эта группа должна была «по сигналу <...> в случае необходимости своими выступлениями на Пленуме и критикой правительства Косыгина подкреплять позиции Брежнева» [Грачев 2001]. Отметим метафорическое наименование этой группы как боевого подразделения, еще одно в ряду уже перечислявшихся «боевых» названий неформальных политических сообществ. В. Новодворская приводит ту же метафору в более развернутом виде: «Есть два лагеря. Две команды. И игра, которая ведется между ними <...> – это смертельная игра» [Новодворская 1993].

Б. Немцов, Г. Явлинский, В. Путин и многие другие говорят о команде как сообществе единомышленников. При этом имеют в виду, по-видимому, не только общность программ или идеологии, которые при обсуждении внутрипартийных отношений вообще малорелевантны. М. Соколов, опрашивая молодых членов ЛДПР в Санкт-Петербурге, пришел к заключению, что высказываемые ими позиции «часто полностью противоположны» [Соколов 1997]. Даже люди, занимающие видные позиции в структуре своих партий, в неформальной коммуникации довольно равнодушны к идеологическим конструкциям: «Лозунги постоянно обновляются, сложно все запоминать», – говорит деятель МС РПЦ «Яблоко», отсылая социолога к специалистам по PR [Боголюбова 2000]. «Программу тебе я пересказывать не буду, лучше дам прочитать, – отвечает на вопрос об идеологии лидер отделения НБП в Санкт-Петербурге (1998 г.), в то время один из самых активных вождей партии на местах. – Я воспринимаю партию как построение общества нормальных людей» [Топорова 1999]. По наблюдениям А. Топоровой, национал-большевики

идентифицируют себя неопределенно: как «право-левые»: «Нет, по внутреннему статусу у них – в большинстве своем – вообще нет никаких убеждений. Ладно, просто вот – тусовка... Вот у меня с девочкой интервью замечательное было... У этой же девушки спрашиваю: “Ну ты книжки читаешь?” – “Нет у меня времени книжки читать, потому что только книжку открою – друзья приходят”» [Топорова 1999]. По-видимому, не идеология сама по себе служит консолидирующим фактором в повседневном общении между членами политических организаций, как системных, так и внесистемных. Что же тогда имеют в виду, говоря о «команде единомышленников»? Е. Гайдар вспоминает, как во второй половине 1980-х гг. складывалась основа той общности, которая позже станет основой «команды Гайдара» в его правительстве реформ и близкой по духу «команды Чубайса». Он вспоминает семинар молодых экономистов, состоявшийся в конце августа 1986 г. под Ленинградом, где собрались «человек 30 экономистов-рыночников. В более узком кругу, – пишет Егор Тимурович, – обсуждаем самые идеологически опасные вопросы. Например, пути формирования рынка капитала, обеспечение прав собственности <...> Все мы остро испытываем чувство открывшейся свободы <...> Можно отказаться от эвфемизмов и недоговорок, описывать протекающие процессы принятыми в мировой экономической литературе терминами» [Гайдар 1996: 4344]. Основой ощущения общности становится общий дискурс, который осознается как «опасный» в случае публичного использования, но понятный и приемлемый в среде «своих» и формирующий эту среду. Пишущие о политике публицисты отмечают наличие целого ряда «политических языков», функционирующих в пределах отдельных группировок: называют «правозащитно-западнический язык “общечеловеческих ценностей”», язык политтехнологов, язык «конкретной политики наездов и откатов, эзотерические языки правых и левых радикалов» [Бугаев 2001].

Если вернуться к «командам» и «партиям» деревенских парней, которые мы рассматриваем как традиционную модель неформального мужского сообщества, то там языком, объединявшим «своих» и выражавшим агрессию против чужих, служил мат. Ненормативная лексика сохраняет свою актуальность и в некоторых современных политических сообществах как средст-

во для «внутреннего пользования» и расценивается как показатель особой прямоты, доверительности общения. В. Варенников утверждал, что в Форосе, во время беседы между высшими руководителями правительства СССР, вошедшими в состав ГКЧП, и М.С. Горбачевым звучали непарламентские выражения: «Я все это отнес на счет того, что беседующие люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено» [Степанков, Лисов 1992: 14]. Другие участники той беседы не подтверждают использования ненормативной лексики, однако мы обсуждаем здесь не сам факт ее употребления, а придаваемое этому значение (как показателя близости и проявления традиций общения в среде политических деятелей).

Важнейшим качеством «человека команды» считается надежность: если в команде «надежные» люди, то из нее не должно быть «утечки» информации. Выше мы цитировали высказывания Б. Немцова и других политиков о том, что человек команды никогда не предаст. Нормы такого рода имеют своей функцией поддержание коммуникативного барьера между внутренней средой команды и ее внешним окружением.

Матрица «команды» содержит не только нормы взаимодействия, но и способы их трансляции. Порядок вхождения в состав команды нового человека регулируется сложившейся традицией. Первый принцип, определяющий этот порядок – «оказание доверия»: войти в команду можно только по приглашению, исходящему от кого-нибудь из ее членов, заручившегося согласием если не всех, то самых авторитетных товарищей (т.е. членов команды). Второй принцип – «заочное знакомство» как условие доверия. В воспоминаниях Е.Т. Гайдара есть эпизод его знакомства с Г.Э. Бурбулисом, сыгравшим немалую роль в формировании «правительства реформ». 20 августа 1991 г. Егор Тимурович вместе с другими сотрудниками своего научного института пришел к Белому Дому, чтобы продемонстрировать свою поддержку борьбы с ГКЧП. В этот вечер и произошло его знакомство с Г.Э. Бурбулисом. Встретились в кабинете Геннадия Эдуардовича, «посетовали, что давно друг друга знаем понаслышке, а встретиться довелось в такой сложный момент Именно Бурбулис свел меня с Борисом Николаевичем Ельциным, и он же, наверное, более чем кто-либо другой, был причас-

тен к тому варианту состава правительства реформ, которое начало свою работу в ноябре 1991 года» [Гайдар 1996: 76] и ядром которого стала известная впоследствии «команда Гайдара». Тот же принцип подбора в свою команду заочно известных людей отмечает и В.В. Путин: «Кто в Вашей команде? – спрашивает интервьюер. – Кому Вы доверяете?». «Доверяю? Сергею Иванову, секретарю Совета Безопасности», – отвечает Владимир Владимирович, поясняя, что был с ним до этого знаком «давно, но не очень близко <...> просто знал, что есть такой человек <...> У нас было много общих друзей. В общем, информация о нем была с разных сторон, положительная информация» [Геворкян, Тимакова, Колесников 2000]. Иными словами, членом команды имеет шанс стать человек, принадлежащий к уже сложившейся более широкой сетевой структуре. Интересно, что именно нарушением этого принципа формирования команды объясняют случаи нарушения неписаного кодекса кем-либо из ее членов. Бывший пресс-секретарь первого президента России Б.Н. Ельцина В.В. Костиков, вспоминая события осени 1993 г., пишет о предательстве ближайших к Ельцину людей – Руцкого и Хасбулатова, т.е. нарушении ими самой главной нормы в кодексе «команды»: верности. В.В. Костиков склонен объяснять это спецификой времени, когда формировалась «команда первопроходцев»: «В условиях ранней, романтической демократии совершенно невозможно было черпать из старого номенклатурного котла. Приходилось полагаться на новобранцев, чьи политические и моральные качества были мало кому известны» [Костиков 1997: 108]. Иными словами, распад команды он объясняет нарушением правил ее формирования.

Итак, новый человек еще до вхождения в команду должен принадлежать к числу «своих» – среде или коммуникативной сети; инициатива его привлечения принадлежит одному из членов существующей или формируемой команды. Далее следует представление его остальным – «смотрины». Это слово использует, например, А.С. Грачев, описывая серию встреч приехавшего в Москву М.С. Горбачева в «нескольких кабинетах ЦК», а затем и в кабинете самого Генерального секретаря Л. И. Брежнева перед тем, как он вошел в состав его группы поддержки – «личной гвардии Брежнева», формировавшейся в то время в ЦК вокруг Кулакова – предшественника М.С. Горбачева на его

ставропольском посту. Кулаков и порекомендовал Михаила Сергеевича, а затем представил его московским товарищам [Грачев 2001].

Принадлежность к команде накладывает обязательство соблюдать неписанные нормы, о которых говорилось выше. Здесь вступает в силу третий принцип – «принцип сапера»: прямого контроля над поступками людей в команде нет, это не входит в обязанности лидера; однако первая же серьезная ошибка становится последней. Принцип сапера: ошибаешься только один раз. Границы допустимого обычно ощущаются любым членом сообщества. Их сформулировал один из членов Молодежного совета «Яблока» в Санкт-Петербурге: «Можно легко вылететь из партии, если ваша деятельность направлена против “Яблока” или есть нарушения Устава, нарушение моральных принципов», – при этом замечая: «Обычно люди сами выходят из партии, если их что-то не устраивает» [Боголюбова 2000], т.е. указывает на примат неформальных механизмов вытеснения человека за рамки политического сообщества. Нужно учесть, что большая часть того, что понимается под «моральными нормами» в каждом сообществе, обычно прямо не формулируется, поскольку считается общеизвестной. Сориентироваться помогают советы и консультации «старших товарищей».

На первых порах новый член команды проходит период обучения. Освоение групповых норм происходит либо при помощи покровителя – опытного наставника, либо путем ориентации на культурные образцы – культовые фигуры, персонифицирующие групповую норму.

О.Д. Бакланов вспоминает, как сразу после прихода на работу в ЦК КПСС попросил А.И. Лукьянова «проконсультировать меня, как себя вести, какие в ЦК существуют обычаи, правила. Он к моей просьбе отнесся по-человечески, объяснил, что к чему» [Степанков, Лисов 1992: 36]. Вячеслав Костиков, поступив на работу в Кремль в качестве пресс-секретаря Президента РФ, заручился обещанием первого помощника Президента В.В. Илюшина «подсказывать» ему на первых порах. Упоминает он и о помощи дежурных в приемной Б.Н. Ельцина, которые «небольшими подсказками и ненавязчивым руководством <...> во многом облегчали нелегкую жизнь в Кремле» [Костиков 1997: 35, 41]. Впрочем, иногда эти подсказки носили скорее характер

испытания – проверки новичка на способность самому выбрать правильное решение.

Не менее значим и другой путь освоения неформальных норм: ориентация на культурные образцы. Роль образца могут выполнять исторические персонажи («комиссары в пыльных шлемах» и германские штурмовики 1930-х гг. для НБП; Че Гевара для ряда леворадикальных организаций, антиглобалистов). Но чаще всего роль образца – примера для подражания играет лидер партии, ячейки либо иная харизматическая фигура в рамках «своего» сообщества. Так, среди питерских студентов-экономистов в конце 1990-х гг., тяготевших к ДВР, велика была популярность А. Чубайса. По свидетельству молодого члена ДВР (СПб., 1999 г.), доходило до копирования внешности и манер кумира. Еще более выражена функция культурного образца у лидеров неформальных политических движений и объединений. Так, по наблюдениям социолога А. Топоровой, рядовые члены подобных объединений идентифицируют друг друга через соотнесение с лидером. Несколько раз она наблюдала выяснения отношений между членами НБП (руководитель Э. Лимонов) и РНЕ (Баркашов). При этом национал-большевики воспроизводили следующий текст: «Давайте сравним. Взять, к примеру, по вождям: кто такой Лимонов? Известный писатель, человек хороший. А кто такой Баркашов? Это же просто слесарь» [Топорова 1999]. Характерно, что качества, приписываемые лидеру, распространяются символически на всех членов сообщества.

Примером для подражания становится неформальный лидер. Такая форма символизации норм характерна именно для неформальных сообществ типа «команды». В ее основе механизм регуляции поведения путем демонстрации групповых норм в виде культурного образца, воплощенного в харизматической фигуре (лидера сообщества или персонажа групповой мифологии). Эта форма регуляции может замещать либо дополнять регуляцию посредством прямых предписаний, запретов, системы принуждения, санкций и поощрений.

В традиционной культуре команда (ватага, партия, братство, компания и т.д.) – это группа мужской молодежи предбрачного возраста – мужское посвященное сообщество. Комплекс маскулинности составляет ядро его ценностно-символической сис-

темы. Если модель мужского посвященного сообщества реализуется в неформальных структурах политических группировок, то следует предположить, что именно эти неформальные структуры (а точнее – модель «команды») ответственны за воспроизводство патриархальных стереотипов в политической культуре. Действительно, довольно часто можно наблюдать разрыв между принципами равноправия полов и желательности политического участия женщин, провозглашаемыми в программе партии, и резким дисбалансом в распределении работы, руководящих постов и поощрений на уровне повседневной партийной жизни. В официальных структурах партийной иерархии или органах власти женщины иногда занимают руководящие должности, но лидер устойчивой неформальной команды – всегда мужчина.

Матрица семьи

В политическом дискурсе – как публичном, так и внутрисредовом – реализуется и другая матрица социальных отношений – «семья». В текстах, циркулирующих внутри политического общества, эта модель, как правило, противостоит «команде».

В русской культурной традиции команда – это объединение молодых неженатых мужчин. Женившись, человек переставал участвовать в драках и выпадал из команды¹. Эта модель почти буквально воспроизводится в молодежных сообществах и базирующихся на них политических организациях, что мы наблюдали на примере нацболов (НБП) или комсомольцев (РКСМ), где герой – боец, товарищ, солдат партии – противопоставляется ищущим спокойной жизни, обросшим жирком и семейными узами обывателям (которых в общении между собой молодые радикалы называют овощами). Вторая из «Заповедей нацбола» гласит, что для молодого революционера «партия – прежде всего; родители, жена, дети, женщины – после партии». Большинство молодых радикалов неженаты и, как замечала А. Топорова, женившись или обретя постоянную подругу, многие из них уходят из партии.

¹ Участие «женатика» в рассказах о драках обычно представлено как событие экстраординарное, часто трагическое (так как гибель или увечье его оставляет семейство без средств и статуса).

Этого нельзя сказать о солидных партиях системного типа и вообще об институциональной политике, где большинство – вполне взрослые люди, имеющие семью, и семейное благополучие – необходимая часть их публичного имиджа. Тем не менее во внутрикомандной политической коммуникации, в среде коллег-политиков, наличие семьи не принято акцентировать. Семья и политика резко разграничиваются, и семейная часть жизни, согласно неписаному правилу «команды», должна оставаться невидимой. «За каждым человеком признается право на тайну семейной, личной жизни, – говорит молодая активистка Молодежного совета «Яблока». – О личной жизни лидера мы знаем то, что он хочет, чтобы мы знали» [Боголюбова 2000]. Б.Н. Ельцин пишет в своих мемуарах: «Железное правило – семья отдельно, работа отдельно – я никогда не нарушал. Не нарушал до весны 1996 года... Долгие годы в семье я о политике вообще не говорил. Ни слова! Все новости жена и дочери узнавали только по телевизору» [Ельцин 2000]. Привлечение дочери к работе предвыборного штаба потребовало специальных объяснений (ссылка на «момент жесточайшего политического кризиса, когда от меня отвернулись почти все бывшие союзники»), занявших целую главу в мемуарах первого президента России.

В идеале (с точки зрения неписаного кодекса политического сообщества) семья политика должна оставаться невидимой. Если супруга политического лидера становилась заметной фигурой, она вызывала раздражение и отторжение (феномен Раисы Максимовны). Работая в команде, политик должен оставлять семью «за дверью», четко разделяя политическое и приватное пространство. «Команда» и «семья» в политическом дискурсе разведены как противостоящие структуры. «Семья» фигурирует по отношению к политике как «твердый тыл» либо помеха (забирает время, делает человека уязвимым), а то и угроза нормальному функционированию политических сообществ (стимулирует коррупцию, семейственность, блат). Академик Георгий Арбатов, вспоминая закат эпохи Брежнева, с горечью говорит о том вредном влиянии, которое оказывала на стареющего и больного генсека его семья. «Во всех неблагоприятных делах немалую роль играла семья Брежнева. Она удобряла почву для массового недовольства. Он же не только терпел, но, может быть, и поощрял дурные нравы членов семьи». Далее академик

упоминает «поведение дочери, и <...> сильно, запойно пившего сына», головокружительную карьеру зятя, Чурбанова, который «в считанные годы стал генерал-лейтенантом, из заурядного милицейского работника вырос до первого заместителя министра внутренних дел <...> То же самое относится и к сыну, который был выдвинут в первые заместители министра внешней торговли <...> Детьми дело не ограничивалось. Заместителем министра стал брат Брежнева <...> Не были обделены и дальние родственники, и родственники родственников, и их друзья» [Коханова 2002: 13]. Эта же схема – связывать неудачи в профессиональной деятельности политика с влиянием его семьи – реализована и в мифологии новейшей российской истории, где роль злого гения власти сыграла «Семья» первого президента России.

Символическое противопоставление «команды» и «семьи» служит, по-видимому, одним из факторов, сдерживающих продвижение женщин в политике, поскольку женщина в этой оппозиции традиционно идентифицируется с семьей. Политик-мужчина во внутригрупповом дискурсе, в среде коллег идентифицируется, прежде всего, как «человек (той или иной) команды»: оценивают, кто он: питерский или лужковский. Женщина – как человек, «связанный семьей». Как выразилась президент Лиги избирательниц Т. Доругина, «женщина-политик – обязательно спросят, как там дома, кто стирает» [Полевые 2001]. Подобное разделение особенно заметно во внутренних коммуникациях между политиками: «До сих пор помню, как женщина-депутат как-то встала и сказала: “Каникулы начинаются, давайте все по домам”. Мужчине эта логика непонятна», – говорит работница аппарата фракции «Яблоко» в Законодательном собрании. – «У женщины всегда оглядка на семью, она затылком думает: а что же с ней будет и как бы чего не вышло. А мужчина меньше думает о последствиях» [Полевые 2002]. Именно на роль женщины в семье, на обязанности перед семьей часто ссылаются, объясняя нежелание выдвигать ее на руководящие должности в партии. Считается, что наличие семьи делает политика более уязвимым перед угрозами и разного рода давлением, причем эта уязвимость в большей мере присуща женщинам: «Один вот только мужчина, я знаю, отказался идти в Законодательное собрание, когда его спросили: “У тебя ребенок есть?”»

<...> В общем-то ему пригрозили <...> Это тот случай, который я знаю наверняка, в массе я не знаю. А с женщиной это подействует на 100%», – говорит та же собеседница. Не менее распространено убеждение, что женщине трудно посвятить себя политике, потому что у нее «дети, дом, хозяйство. Когда ж ей заниматься депутатской деятельностью». Любопытно отметить, что эти слова принадлежат женщине, которая сама состоит в партии и работает в Законодательном собрании (в аппарате фракции «Яблоко»). Характерны рассуждения другой ее коллеги, на момент интервью руководившей аппаратом партийной фракции в ЗакС'е, объясняющей, почему женщин неохотно выдвигают на внутрипартийные посты: «Хорошо, давайте посмотрим иначе на этот вопрос. Представьте, что вдруг возникла какая-то срочная работа, вот у меня здесь, в аппарате фракции, которым я руковожу, пять человек. Из них двое мужчин и две женщины плюс я, одна молодая, а у другой есть ребенок, и она замужем. Вот возникает какая-то проблема, иногда она возникает неожиданно, в пять часов вечера, надо срочно что-то сделать. Я совершенно точно знаю, что девушку, у которой ребёнок, я просить не могу, ей надо ребенка забирать из садика, молодая девушка – в зависимости от того, что у нее сегодня, у нее тоже иногда бывает личная жизнь по вечерам, тоже мне не хочется. На кого я могу положиться? На мужиков и на себя, поскольку мои проблемы с садиками давно решены. Это объективный фактор? Объективный. Ну, так из этого и надо исходить. Я ни в коем случае не сержусь. Но вот если вдруг дадут какую-то ставку и в связи с этим я могла бы выдвинуть кого-то на повышение. Кого бы я выдвинула? Я бы двинула того, кто больше работает, а в силу сложившихся обстоятельств больше работают мужчины. Вот Ольга вырастит свою дочь, она замечательная совершенно, умница большая, она вырастит свою дочь, перестанет бегать за ней в садик <...> А как Вы представляете, как я могу её повысить, если рядом у меня мужики, которые работают не на страх, а на совесть. По выходным, по вечерам, когда надо. Я могу их обойти? То есть это объективный фактор. Да, бывает несправедливость, я сама с ней сталкивалась. Ну что, надо раз и навсегда понять: мир такой и приспособливаться к этому миру» [Полевые 2002].

Считается очевидной и не требующей доказательств связь «женщина – семья», так же как «мужчина – команда». Эта схема не нуждается в логическом или опытном обосновании, поскольку опирается на общепринятую в данной среде классификацию и сама является, собственно, классификационной схемой, а не опытным знанием. Если женщина демонстрирует свободу от идентификации с семьей, это разрушает ее политический имидж (о ней говорят как о мужеподобной или морально ущербной, т.е. неполноценной женщине) и фактически лишает перспективы продвижения в публичной политике.

В целом «семья» и «команда» в политическом дискурсе – это две разные, противопоставленные друг другу модели человеческих отношений. Во внутренних коммуникациях политического сообщества доминирует модель мужского сообщества – «команды», с помощью которой описываются отношения в среде политиков (и эти описания предназначены не для публичного использования, а преимущественно для своей же среды). Иногда в эту схему включаются семейные мужские роли (старшего брата, отца, который выполняет функции наставника и образца для прочих «товарищей»).

В публичной политической коммуникации более задействована модель «семьи». Перед президентскими выборами в марте 2000 г. «Комсомольская правда», ссылаясь на результаты социологического опроса, опубликовала любопытную идентификацию ведущих политиков: «Людей просили сказать, кого из членов семьи напоминают им нынешние кандидаты в президенты. По частоте упоминаний лидировали трое кандидатов. Владимир Путин – это “старший брат”: он постоянно контролирует, защищает, оберегает, но за непослушание может и “по шеем надавать”. Геннадий Зюганов – “дядюшка”, живущий по соседству и часто заходящий в гости (иногда незванным), любящий всех покритиковать, поругать и поучить, но потом обязательно уйти к себе. А вот Аман Тулеев в сознании большинства – это “отец семейства”, заботливый и всех друг от друга защищающий, как бы гарантирующий устойчивость своей семьи и даже стремящийся к ее “расширению” (видимо, отзвук идеи укрупнения регионов). Среди других кандидатов: Памфилова – “маманя”, много разговаривающая, но все безрезультатно. Говорухин – суровый “дедушка”-правдолюб, любящий рассказывать, что “так

жить нельзя” даже тогда, когда его никто не слушает. А вот Жириновский для большинства опрошенных – это... “теща”, крикливая и не слишком любимая» [Шмакова 2000: 9].

Матрица «семьи» может прикладываться и к описанию внутригрупповых отношений в политическом сообществе. В наставлениях «НБП: Что делать и как делать», адресованных рядовым членам, фигурирует модель партийной организации как патриархальной семьи: «Все члены партии образуют семью. Во главе стоит вождь, его власть основывается на большом жизненном опыте, уме и мудрости. Все члены семьи обязаны беспрекословно подчиняться вождю. Он распоряжается жизнью и смертью каждого члена партии». Заметим, что из всех семейных отношений в этом случае упоминаются: отношение сыновей к отцу – как модель и средство легитимации иерархической структуры, а также отношения между братьями, моделирующие равные отношения между рядовыми членами команды.

Итак, в публичном политическом дискурсе реализуется традиционно-патриархальная модель «семьи»: символами власти служат мужские семейные и сексуальные роли, а подвластная позиция изображается как женская. В сфере неформальных отношений внутри политических сообществ отчетливо проявляется модель мужского инициационного сообщества – *команды*. Примечательно, что к обеим моделям апеллируют для обоснования и легитимации гендерного дисбаланса в распределении руководящих и вообще сколько-нибудь значимых постов.

Афанасьев 2000 – *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.

Боголюбова 2000 – *Боголюбова Ю.* Полевые материалы // Архив кафедры культурной антропологии и этносоциологии СПбГУ.

Бугаев 2001 – *Бугаев А.* Трупояз // Информационно-дискуссионный портал гражданского общества России. 12.11.2001: hartiya.ru

Бурдые 1994 – *Бурдые П.* Начала. М.

Бурдые 1993 – *Бурдые П.* Социология политики. М.

Вадейша 2001 – *Вадейша М.В.* Деревенский праздник: распределение ролей // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб.

Восленский 1991 – *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.

Гайдар 1996 – *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М.

Геворкян, Тимакова, Колесников 2000 – *Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А.* От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.

Грачев 2001 – *Грачев А.* Горбачев. Человек, который хотел, как лучше. М.

Грунтовский 1998 – *Грунтовский А.* Русский кулачный бой. История. Этнография. Техника. СПб.

Ельцин 2000 – *Ельцин Б.* Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.

Живов, Успенский 1987 – *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Русская культура и проблемы переводимости / Под ред. Б.А. Успенского. М.

Костиков 1997 – *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.

Коханова 2002 – *Коханова Л.* Послевкусие эпохи. Разговор с академиком Георгием Арбатовым, почетным директором Института США и Канады // Литературная газета. 814 мая.

Лимонов 2002 – *Лимонов Э.* Моя политическая биография. М.

Мухин 2002 – *Мухин А.* Сергей Тарасов: «Многие думают, что быть спикером просто» // Известия – Санкт-Петербург. 18 июня.

Немцов 1997 – *Немцов Б.* Провинциал. М.

Новодворская 1993 – *Новодворская В.* По ту сторону отчаяния. М.

Образы власти 2000 – *Образы власти в политической культуре России* / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.

Пивоваров 1994 – *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. М.

Полевые 20012002 – *Полевые материалы* // Архив кафедры культурной антропологии и этносоциологии СПбГУ.

Соколов 1997 – *Соколов М.* Участие в молодежной политической организации: мотивационные и организационные факторы (на примере Либерально-Демократического Союза Молодежи) // Молодежный Петербург: движения, организации, субкультуры (опыт социологического описания). СПб.

Степанков, Лисов 1992 – *Степанков В., Лисов Е.* Кремлевский разговор. М.

Топорова 1999 – *Топорова А.* Интервью, данное автору этой статьи.

Чуйкина 1997 – *Чуйкина С.* Границы и повседневная жизнь диссидентской среды // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб.

Шмакова 2000 – *Шмакова А.* Аман Тулеев – отец семейства, а Жириновский – нелюбимая теща // Комсомольская правда. 18 марта.

Щепанская 1998 – *Щепанская Т.Б.* Драки и браки (сельские праздничные драки: по материалам поездок в Курскую, Псковскую, Новгородскую области в 19961997 гг.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб. Вып. 4.

Щепанская 2001 – *Щепанская Т.Б.* Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб.

Grathoff 1989 – *Grathoff R.* Milieu und Lebenswelt: Einführung in die sozialphenomenologische Forschung. Frankfurt am Main.

Segert, Zierke 1997 – *Segert A., Zierke I.* Sozialstruktur und Milieuerfahrungen. Opladen.

Schneider 1994 – *Schneider Th.* Schichten und Erlebnismilieus. Wiesbaden.

МАТЕРИАЛЫ

А.А. Бурыкин

МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА И СВОЙСТВА НЕНЦЕВ

Среди малочисленных этносов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока ненцы занимают особое место по целому ряду причин. Во-первых, это самый крупный этнос из числа тех, которые в России официально именуются «малочисленными»: численность ненцев составляет около 35 тыс. чел., при этом в Российской Федерации проживают 34 190 ненцев [Агеева 2000: 234]. Во-вторых, отчасти в силу численности и отчасти в силу отдаленности занимаемой территории и относительно позднего времени ее промышленного освоения ненцы лучше других народов сохранили родной язык и традиционную культуру – 77,66 % ненцев считают ненецкий своим родным языком. В-третьих, ненецкий язык и этнография ненцев в течение двух третей XX столетия составляли своего рода «лицо» официальной науки о народах Севера, хотя в лингвистической ее части на это же место с полным правом по приоритетности и по количеству специалистов могут претендовать и претендуют чукотский и эвенкийский языки.

Несмотря на то, что этнография ненцев становилась в разное время предметом нескольких монографий [Хомич 1966; Хомич 1976], СТР ненцев не получила в них развернутого описания. Среди относительно немногочисленных специальных публикаций по лексике ненецкого языка, представленных в основном статьями в различных сборниках, описания ТР ненцев также не присутствуют. Исключение составляет лишь объемная статья

234

известного специалиста по языку и фольклору ненцев З.Н. Куприяновой [1954], которая является инвентаризирующим описанием лексики, выражающей родственные отношения в ненецком языке. Следует отметить, что данная статья была написана с учетом всех возможных признаков классификации ТР, и, очевидно, в ее основе лежала какая-то серьезная этнографическая разработка описания системы родства (далее СР) и СТР, хотя в тексте статьи ссылки на какие-либо специальные работы по СР и СТР отсутствуют.

Настоящая статья представляет собой опыт описания СТР ненцев как лингвистического материала, извлеченного из объемных словарей ненецкого языка – русско-ненецкого и ненецко-русского [Пырерка, Терещенко 1948; Терещенко 1965], которые, особенно последний из названных, могут считаться лучшими из двуязычных словарей по языкам малочисленных народов Севера РФ. В данный момент мы намеренно не обращаемся к тем источникам, которые документируют лексику ненецкого языка в исторической перспективе с XVIII в. (см., например, [Donper 1932]), а отдельные записи – и с XVI в. Учитывая возможность наличия в территориальных вариантах ненецкого языка определенных лексических различий, мы оставляем открытыми вопросы о территориальной привязке тех или иных ТР к отдельным ненецким говорам – эта работа, безусловно, должна стать предметом дальнейших исследований, как и интерпретация значительного по объему лексического материала, вошедшего в фундаментальный ненецко-немецкий словарь, составленный финским ученым Т. Лехтисало [Lehtisalo 1956].

В данной работе мы рассматриваем материал тундрового наречия ненецкого языка и не обращаемся к материалам по лексике языка лесных ненцев (лесного наречия ненецкого языка) [Агеева 2000; Вожакова 1997], описание ТР которого должно составить предмет отдельной работы. Основная цель нашей работы сводится к тому, чтобы показать многозначность отдельных ненецких ТР и в общих чертах определить наиболее характерные признаки СР ненцев, с тем чтобы создать возможность для сопоставительного и сравнительно-исторического описания СТР ненцев и других самодийских народов – энцев, нганасан, селькупов, а также в перспективе приступить к сравнительно-исторической реконструкции СТР на общесамодийском и, воз-

можно, общеуральском уровнях. Как обычно, в лингвистических описаниях такой группы слов, как ТР, имеется и некоторый чисто практический смысл и ценность, поскольку полная и семантически адекватная разработка ТР весьма важна для обучения ненецкой лексики в дошкольных учреждениях, школах и иных учебных заведениях, поскольку в учебных пособиях по языкам народов Севера даже такие группы лексики, как ТР, зачастую приводятся в неполном составе или с неточностями в значениях.

Термины кровного родства

Хаданата хада – ‘прабабка’ [Пырерка, Терещенко 1948: 213] (в [Терещенко 1965] нет).

Ирината ири – ‘прадед’ [Пырерка, Терещенко 1948: 213] (в [Терещенко 1965] нет); *ирита ири* – ‘прадед’ [Терещенко 1965: 148; Самойлова 2002: 9].

Ири, вэсако – ‘дед’ [Пырерка, Терещенко 1948: 65]; *вэсако* – ‘старик’, ‘муж’ [Терещенко 1965: 77]; *ири* – ‘дед, дедушка, отец отца или матери, прадедушка, старший брат отца или матери, свекор, старший брат мужа, все мужчины из рода мужа старше его’ [Терещенко 1965: 147].

Хада, хадакэ – ‘бабушка’ [Пырерка, Терещенко 1948: 13]; ‘бабушка, прабабушка, свекровь, невестка – жена старшего брата мужа, все женщины из рода отца и матери старше их’ [Терещенко 1965: 714]; *хадакэ, хадакэй* (детск.) – ‘бабушка’ [Терещенко 1965: 715].

Нися (вокатив *нисе"в*) – ‘отец’ [Пырерка, Терещенко 1948: 174]; *нися* (краткое ‘я’) ‘отец’ [Терещенко 1965: 315].

Нгэця (вокатив *нгэце"в*) – ‘папа’ [Пырерка, Терещенко 1948: 182]; *нгэця* (большезем. говор /детск./) – ‘папа’, *н"эцйов"* (детск. вокатив) – ‘папа’ [Терещенко 1965: 423–424].

Небя – ‘мать’ [Пырерка, Терещенко 1948: 130]; *небя* (большезем. и вост. говоры) – ‘мать, мама’ [Терещенко 1965: 291].

Ня, хасава ня – ‘брат’ [Пырерка, Терещенко 1948: 25]; *ня* – ‘брат, сестра’, ‘товарищ, подруга, приятель’, ‘муж, жена’ [Терещенко 1965: 335]; *няка* – ‘старший брат’, ‘дядя – младший брат отца’ [Терещенко 1965: 341].

Нинека, някангарка ня – ‘старший брат’ [Пырерка, Терещенко 1948: 25]; *нинека* – ‘старший брат, дядя – младший брат отца, двоюродный брат – сын брата отца, старше говорящего, все мужчины из рода отца старше говорящего’ [Терещенко 1965: 313].

Нябако – ‘старшая сестра, тетка – младшая сестра отца, двоюродная сестра – дочь брата отца старше говорящего, все женщины из рода отца старше говорящего’ [Терещенко 1965: 336].

Папа, папако, пебя, нюдя ня – ‘младший брат’ [Пырерка, Терещенко 1948: 25]; *нюдя ня* – ‘младший брат’ [Терещенко 1965: 329];

Папа – ‘младший брат или младшая сестра, племянник или племянница (сын или дочь старшего брата), все младшие родственники по отцовской линии’ [Терещенко 1965: 445].

Не папа, не папако – ‘младшая сестра’ [Терещенко 1965: 445]¹.

Пебя – ‘младший брат, младшая сестра’ [Терещенко 1965: 456].

Яхасаха – ‘близнецы’, *яха*”(с)² – ‘один из близнецов’ [Терещенко 1965: 856].

Ню – ‘сын’ [Пырерка, Терещенко 1948: 278], ‘дитя, ребенок’, *хасава ню* – ‘сын’, *не ню* – ‘дочь, племянник – ребенок младшего брата или сестры эго, внук, внучка, ребенок из рода говорящего, родители которого моложе говорящего’ [Терещенко 1965: 327–328].

Не ню – ‘дочь’ [Пырерка, Терещенко 1948: 72]; *недо ню* (фольк.) – ‘дочь’ [Терещенко 1965: 293; Самойлова 2002: 7].

Ню ню – ‘внук’ [Пырерка, Терещенко 1948: 37]; *ню хасава ню* – ‘сын’, *не ню* – ‘дочь’, *ню* – ‘племянник/племянница (ребенок младшего брата или младшей сестры говорящего), ребенок из рода говорящего, родители которого моложе последнего’, *ню ню* – ‘внук, внучка’, *ню' ню' ню* – ‘правнук, правнучка’, *не нюни не ню* – ‘внучка от дочери’ [Терещенко 1965: 327–328].

Ню не ню – ‘внучка’ [Пырерка, Терещенко 1948: 37].

¹ Элементы *-кэ* и *-ко*, встречающиеся в ряде ТР, представляют собой уменьшительные или уменьшительно-ласкательные суффиксы.

² Буква в скобках в подобных случаях показывает конечный элемент основы при присоединении к основе грамматических показателей.

Ири, нися нинека, нися няка, нися нгарка ня – ‘дядя – старший брат отца’ [Пыерка, Терещенко 1948: 75].

Нинека, няка, нися папа, нися пебя, нися нюдя ня – ‘дядя – младший брат отца’ [Пыерка, Терещенко 1948: 75].

Ири, небя нинека, небя няка, небя нгарка ня – ‘дядя – старший брат матери’ [Пыерка, Терещенко 1948: 75].

Тидя, небя папа, небя пебя, небя нюдя ня – ‘дядя – младший брат матери’ [Пыерка, Терещенко 1948: 75].

Небя' пебя – ‘дядя – младший брат матери’ [Пыерка, Терещенко 1948: 291]; *тидя* – ‘дядя – младший брат матери, все мужчины из рода матери моложе ее, сыновья младшего брата по отношению к сыновьям старшей сестры’ [Терещенко 1965: 658].

Хада, нися нябако – ‘тетка – старшая сестра отца’ [Пыерка, Терещенко 1948: 281].

Нябако, нися не папа, нися не папако – ‘тетка – младшая сестра отца’ [Пыерка, Терещенко 1948: 281]; *нябако* – ‘старшая сестра, тетка – младшая сестра отца, двоюродная сестра – дочь брата отца старше говорящего, все женщины из рода отца старше говорящего’ [Терещенко 1965: 336].

Хада, небя нябако – ‘тетка – старшая сестра матери’ [Пыерка, Терещенко 1948: 281].

Нея, небя не папа, небя не папако – ‘тетка – младшая сестра матери’ [Пыерка, Терещенко 1948: 281]; *нея* – с кратким ‘а’ – ‘тетка – младшая сестра матери, все женщины из рода матери моложе ее’ [Терещенко 1965: 307].

Няба³, мея – ‘тетка – жена дяди’ [Пыерка, Терещенко 1948: 78], *мея* – ‘невестка, сноха, жена сына, младшего брата, жена брата мужа’ [Терещенко 1965: 251].

Ня ню – ‘племянник’; *папа, нинека ню, няка ню* – ‘племянник – сын старшего брата’ [Пыерка, Терещенко 1948: 191].

Папа' ню – ‘сын младшего брата’ [Терещенко 1965: 445].

³ Считаем необходимым отметить, что данный термин сходен по звучанию с ненецким словом *ниби* – ‘паук’: для ненецкого языка это сходство может быть случайным, но именно такие факты созвучия слов при языковом контактировании с самодийскими языками могли индуцировать у исторических соседей самодийцев перенос каких-то ТР на название паука и в дальнейшем спровоцировать появление мифологемы паука-прародителя или паучихи-прародительницы.

Ню, папа ню, пебя ню – ‘племянник – сын младшего брата’ [Пырерка, Терещенко 1948: 191].

Мянгг, нябако ню – ‘племянник – сын старшей сестры’ [Пырерка, Терещенко 1948: 191].

Ню, не папа ню – ‘племянник – сын младшей сестры’ [Пырерка, Терещенко 1948: 191].

Мянгг – ‘двоюродный брат со стороны матери’, *не мянггь* – ‘сестра со стороны матери’ [Пырерка, Терещенко 1948: 65]; *мянгг* – ‘ребенок старшей сестры, дети старшей сестры по отношению к детям ее братьев, дети женщины старше говорящего по возрасту и принадлежащей к тому же роду по женской линии; дети дочери и младшей сестры говорящего по отношению к его детям или детям его сыновей и братьев’ [Терещенко 1965: 278].

Сюнэ – ‘дочь сестры’ [Пырерка, Терещенко 1948: 72]; *сюны* – ‘дети двух сестер как родных так и двоюродных со стороны матери по отношению друг к другу’ [Терещенко 1965: 589].

Нея – ‘дочь сестры матери’ [Пырерка, Терещенко 1948: 72]; *нея* (с кратким ‘я’) – ‘тетка, младшая сестра матери, все женщины из рода матери моложе ее’ [Терещенко 1965: 306].

Как явствует из приведенного материала, родство по восходящей линии у ненцев не уходит дальше +3 поколения, а родство по нисходящей линии – дальше 3 поколения. При этом названия родственников +3 поколения имеют весьма специфическое оформление и, что существенно, оно не идентично оформлению названий потомков по нисходящей линии, т.е. правнуков, а названия потомков по нисходящей линии, в свою очередь, не имеют никакого специального выражения, за исключением выстраивания цепочек из слова *ню* (‘потомок’, ‘сын/дочь’), поскольку даже для понятия «дочь» в ненецком языке нет отдельной лексической единицы и оно выражается сочетанием слов “женщина+потомок”; понятно, что длина таких цепочек не будет знать ограничений. В целом же при наличии в СТР ненцев слов с большим объемом значений, в котором инвариантным признаком значений является «возраст относительно эго», различия по признаку поколения являются неустойчивыми даже в +1/+2 и 1/2 поколениях, а, соответственно, в более чем в +2 поколении они уже не выражаются.

Что касается обозначения сиблингов эго, здесь представляется необходимым обратить внимание, что пол сиблингов различается только у старших сиблингов эго (*нинека* – ‘старший брат’, *нябако* – ‘старшая сестра’: у обоих терминов есть и иные значения), наименования младших сиблингов по полу не различаются (*папа* – ‘младший брат/младшая сестра’, *небя* – с теми же самыми значениями). Только в тех случаях, когда необходимо выразить пол потомка или сиблинга, к словам ню или папа добавляются слова *хасава* (‘мужчина’) или *не* (‘женщина’). Наименования типа *нюдя ня* (‘младший брат’), похоже, являются переводами соответствующих русских словосочетаний, которые появляются в объемных двуязычных словарях как следствие основательной разработки словарных статей; в особенности это характерно как раз для русско-ненецкого словаря, где в статьях, посвященных ТР, приводятся почти все словесные комбинации переводимого русского слова с другими ТР. К слову, немало таких словосочетаний, являющихся весьма коварным материалом для исследователей СТР, и в «Ненецко-русском словаре» [Терещенко 1965].

Довольно интересная картина наблюдается в обозначениях сиблингов родителей. Старшие братья отца и матери по-ненецки именуются *при* (‘дед’), старшие сестры отца и матери – *хада* (‘бабушка’), младшие братья отца – *нинека* (‘старший брат’), младшие сестры отца и матери – *нябако* (‘старшая сестра’), и только для младшего брата матери имеется особый термин *тидя*, а приводимые в словарях сочетания *небя папа*, *небя небя*, *небя нюдя ня* – всего лишь воспроизводят различными средствами ненецкого языка понятие «младший брат матери». Параллельно с термином *тидя* у ненцев существует особый термин для младшей сестры матери – *нея*, однако его определение как ‘дочь сестры матери’ указывает, что им же обозначается и двоюродная сестра по матери. Примечательно, что словарями отмечено два названия для тетки-свойственницы – жены брата отца или матери, одно из которых – *мея* – совпадает с названием жены потомка или младшего сиблинга эго, а второе – *няба* – является производной основой для слова *нябако* (‘старшая сестра, младшая сестра отца’). Аналогично для супруга младшей сестры отца у ненцев используется термин *ниняды*, имеющий основное значение ‘зять, муж старшей сестры’.

Весьма сложна у ненцев система обозначений потомков сиблингов эго. Потомок старшего сиблинга, в соответствии со скопленным счетом поколений, может обозначаться термином *папа*, служащим для обозначения младшего сиблинга эго¹. Вместе с тем у ненцев наличествует особый термин *мянгг*, являющийся единым для сына старшей сестры эго и для двоюродного брата по матери. Для дочерей брата эго специальные термины отсутствуют², но они имеются для обозначения дочерей сестры – *сюнэ* (с синонимом *нея* в одном из значений); при этом, в отличие от наименований сыновей брата и сестры, относительный возраст альтера, как кажется, здесь не имеет значения. Однако это еще не все, поскольку дети сиблингов младше эго могут обозначаться термином *ню* – ‘дитя, сын, дочь’ в прямом значении. Остальные составные обозначения потомков сиблингов эго представляют собой описательные наименования типа ‘сын старшей сестры’ и к собственно ТР могут быть отнесены лишь условно.

Неоднозначная картина прослеживается с обозначением двоюродных братьев и сестер. Для детей двух сестер существует взаимный термин *сюны*, термином *мянгг* обозначается двоюродный брат со стороны матери, двоюродные брат и сестра со стороны отца, имеющие относительный возраст старше эго, обозначаются терминами *нинека* (‘старший брат’) и *нябако* (‘старшая сестра’) – относительный возраст коннектора здесь не играет роли. Для обозначения двоюродных братьев по отцовской линии используется термин *папа*, и данное значение входит в группу значений «все младшие родственники по отцовской линии» и отдельно лексикографически не прописывается. Очевидно, данные термины используются и для обозначения троюродных братьев и сестер, поскольку последние входят в

¹ Соответствующего значения не имеет термин *небя*, по существу, дублетный для термина *папа* в прямом значении ‘младший брат / младшая сестра’. В чем причины такой синонимии ТР в ненецком языке – пока объяснить трудно; возможно, исходная ненецкая СТР в ходе этнической истории ненцев испытала влияние какой-то иной СТР, из которой была заимствована частично самая номенклатура, и частично – система значений отдельных ТР.

² Те составные обозначения, которые приводит З.Н. Куприянова в своей статье о ненцких ТР под рубриками “сын моего брата (*нян ню*)” и “дочь моего брата (*нян не ню*)” [1954: 172], являются пословными эквивалентами соответствующих русских словосочетаний.

класс родственников, обозначаемых по признаку линии отца или матери и признаку возраста относительно эго.

Довольно яркой характеристикой ненецких ТР является то, что многие ТР не различают пол, средством факультативного выражения которого является слово *не* ('женщина'), относящееся всегда к тому слову, непосредственно перед которым оно располагается в словосочетании. В этом плане ненецкая СТР обнаруживает сходство с СТР чукчей, на что в свое время обратила внимание З.Н. Куприянова [1954: 163–164].

Термины свойства

Хасава, вэсу', *вэсако* – 'муж' [Пыерка, Терещенко 1948: 136]; *вэсу'(с)* – 'муж', *вэсута* – 'ее муж' [Терещенко 1965: 77].

Пуху, пухуця, не – 'жена'; *пюды, тюды не* – 'первая жена', *таты, таты не* – 'вторая жена' [Пыерка, Терещенко 1948: 78]; *пуху, пухуця* – 'старуха, жена' [Терещенко 1965: 492]; *не* – 'женщина, жена' [Терещенко 1965: 290–291; Самойлова 2002: 7].

Ири – 'свёкор' [Пыерка, Терещенко 1948: 252], 'деверь старший' [Пыерка, Терещенко 1948: 65]; 'дед дедушка, отец отца или матери, прадедушка, старший брат отца или матери, свекор, старший брат мужа, все мужчины из рода мужа старше его, медведь, волк' [Терещенко 1965: 147].

Хада – 'свекровь' [Пыерка, Терещенко 1948: 252], 'бабушка' [Терещенко 1965: 714].

Нгынаб – 'тесть' [Пыерка, Терещенко 1948: 281]; 'отец жены или мужа, тесть, свекор, старший брат жены или мужа, как родной, так и двоюродный, все мужчины из рода мужа старше его по отношению к жене, все мужчины из рода жены старше ее мужа по отношению к мужу' [Терещенко 1965: 409–410].

Не нгынаб – 'теща' [Пыерка, Терещенко 1948: 281]; 'мать жены, теща, старшая сестра жены, невестка все женщины из рода жены старше ее по отношению к мужу' [Терещенко 1965: 409–410].

Няба – 'жена старшего брата' [Пыерка, Терещенко 1948: 78]; 'мачеха, золовка, жена старшего брата по отношению к младшим сестрам и братьям мужа; тетка, жена младшего брата отца, жена двоюродного брата старше говорящего' [Терещенко 1965: 335–336].

Мея – ‘жена младшего брата’ [Пырерка, Терещенко 1948: 78], ‘невестка’ [Пырерка, Терещенко 1948: 150]; ‘невестка, сноха, жена сына, жена младшего брата, жена младшего брата мужа’ [Терещенко 1965: 251].

Ий – ‘зять, муж дочери, муж младшей сестры’ [Пырерка, Терещенко 1948: 100]; ‘зять, муж дочери, муж младшей сестры, муж двоюродной сестры моложе говорящего’ [Терещенко 1965: 139].

Нинеды – ‘муж старшей сестры’ [Пырерка, Терещенко 1948: 100]; *ниняды* – ‘зять, муж старшей сестры, дядя – муж младшей сестры отца, муж двоюродной сестры старше говорящего, муж любой женщины из рода отца старше говорящего’ [Терещенко 1965: 314].

Надо – ‘деверь младший’ [Пырерка, Терещенко 1948: 65], ‘шурин (младший брат мужа)’ [Пырерка, Терещенко 1948: 308] (sic! – А.Б.) = ‘младший брат жены’ (А.Б.); *надо* – ‘деверь – младший брат мужа, шурин – младший брат жены, племянник – сын старшего брата жены или мужа; пасынок, все мужчины из рода мужа моложе его’ [Терещенко 1965: 281].

Не надо – ‘невестка, золовка, младшая сестра мужа или жены, племянница – дочь старшего брата жены или мужа, падчерица’ [Терещенко 1965: 281].

Сел – ‘мужья двух сестер’ [Пырерка, Терещенко 1948: 136], ‘свояк’ [Пырерка, Терещенко 1948: 254]; ‘невестки, жены братьев по отношению друг к другу, зятя, мужья сестер; сестры, вышедшие замуж за братьев, братья, женившиеся на сестрах’ [Терещенко 1965: 544].

Ярнянги ня – ‘свояк’ [Самойлова 2002: 9]; *ярнянги ня* – ‘свойственник, ‘сдьмая вода на киселе’ [Терещенко 1965: 853].

Янэ'(д) – ‘сват, отец зятя или невестки’ [Пырерка, Терещенко 1948: 252]; ‘свойственник, сват’, *не янэ'(д)* – ‘свойственница, сватья’, *янэдако* – ‘сватьяшка’ [Терещенко 1965: 844].

Янэ'(д), не янэ' – ‘сватья’ [Пырерка, Терещенко 1948: 252].

В ненецком языке к наименованиям супругов относится только термин *вэсу'(с)* (‘муж’), поскольку те слова, которые даются в словарях как эквиваленты русских слов «муж» и «жена» имеют значения «мужчина», «старик» или «старуха». Однако любопытно заметить, что для названия супругов наряду со словами *хасава* (‘мужчина’) и *не* (‘женщина’) употребляются обо-

значения людей определенного возрастного класса, маркированного как старший возрастной класс, подобно тому, как это имеет место у тунгусских народов – эвенков и эвенов.

Примечательная особенность ненецкой системы терминов свойства – двойное обозначение родителя супруга для Эж, для которого, наряду с нейтральным для Эм и Эж и специализированным термином *нгынаб*, в исходном состоянии, очевидно, не различающем признак пола родителей брачного партнера (ср. *нгынаб* – ‘отец мужа/жены’, *не нгынаб* – ‘мать мужа / жены’), используются термины *ири* (‘дед’) и *хада* (‘бабушка’). Здесь следует обратить внимание на то, что родители супруга для Эж при такой номинации повышаются в статусе на одно поколение по восходящей линии, но это обстоятельство пока остается без объяснения.

Как и во множестве других СР, брачный партнер потомка и брачный партнер младшего сиблинга эго обозначаются одними и теми же терминами *ий* (‘муж дочери, муж младшей сестры’) и *мея* (‘жена сына, жена младшего брата’). В то же время для жены старшего брата используется термин *няба* (он же применяется для жены дяди, см. выше), а для мужа старшей сестры имеется термин *нинеды/ниняды* – очевидно, соотносительный в историческом отношении с термином *нинека* (‘старший брат’).

В СТР ненцев старшие братья и сестры брачного партнера для Эж различаются по полу и выражаются соответственно словами *ири* и *няба*, в то время как для младших сиблингов брачного партнера для Эм и Эж мы находим единый термин *надо*, не имеющий других значений и специализированный в данной, хотя и весьма насыщенной роли.

В ненецкой СТР существует единый термин *сел*, использующийся для обозначения брачных партнеров сиблингов по отношению друг к другу, нейтрализующий признаки пола и возраста альтера и пола эго. Из словарных определений термина *сел* явствует, что им могли обозначаться жены братьев, мужья сестер и братья, женатые на сестрах; соответственно все подобные браки у ненцев относились к категории дозволенных.

Что касается единого термина *янэ’(д)* для обозначения родителя брачного партнера эго и его женского коррелята *не янэ’(д)*, образованного посредством соединения слова *не* (‘женщина’) с

данным термином, то такая номинация старших свойственников не является чем-то особо примечательным.

Как и в терминах кровного родства, в ненецких терминах свойства признак пола довольно часто не имеет специального выражения. В качестве ситуативно необходимого дистинктора многозначных терминов по признаку пола в таких случаях также выступает слово *не* ('женщина'), ставящееся непосредственно перед определяемым им словом. Однако возможно, что для использования этого слова в терминах свойства действуют некие ограничения, связанные с тем, что данное слово имеет и значение «жена», и в этом случае составные наименования так или иначе могут быть двусмысленными.

Термины искусственного родства

Относительно терминологии искусственного родства можно с уверенностью сказать, что в ненецком языке таковая отсутствует вообще. Во-первых, большинство обозначений разного рода отношений искусственного родства составные, а уже это значит, что они не являются самостоятельными единицами лексической системы языка. Во-вторых, все такие обозначения состоят из таких полнозначных знаменательных слов, которые употребляются в их составе в своих прямых основных значениях, следовательно, ненецкие обозначения искусственного родства есть свободные словосочетания, а не единые номинационные единицы. В-третьих, в обозначениях искусственного родства у ненцев отмечается заметная вариативность.

Небя пуй хасава (большезем. говор) – 'отчим' (собственно 'следующий муж матери'. – А.Б.) [Пырерка, Терещенко 1948: 179]; *небя нямимдей хасава* – 'отчим' [Терещенко 1965: 291].

Няба – 'мачеха' [Терещенко 1965: 335–336] (собственно 'старшая сестра'. – А.Б.); *нися няби не* – 'мачеха' [Терещенко 1965: 315] (собственно 'другая женщина отца'. – А.Б.); *нися пуй не* – 'мачеха' [Самойлова 2002: 8] (собственно 'следующая женщина отца'. – А.Б.).

Ховы ню – 'пасынок' [Пырерка, Терещенко 1948: 182] (собственно 'найденный сын', от *хось* – 'найти'. – А.Б.).

Ховы не ню – 'падчерица' [Пырерка, Терещенко 1948: 181] (собственно 'найденная дочь'. – А.Б.).

Надо – ‘пасынок’ [Терещенко 1965: 281].

Не надо – ‘падчерица’ [Терещенко 1965: 281].

Любопытно, что среди терминов искусственного родства ненцев, которые выглядят окказиональными образованиями, фигурирует и термин *надо*, обозначающий младших по отношению к эго свойственников, а это означает, что грань между свойством и искусственным родством по существу снимается.

Если говорить о каких-то значимых особенностях ненецкой СТР, то необходимо обратить внимание на следующие ее особенности. Прежде всего, это лексическая синонимия для выражения некоторых отношений родства, которая объективно представляет собой необычное явление. Возможно, что появление синонимов и некоторые факты многозначности ТР могут найти объяснение в том, что ненецкая СТР в какой-то период этнической истории ненцев подверглась воздействию со стороны СТР какого-то иного типа или иного состава, принадлежавшей другому этносу. Необычным для СТР является присутствие у ненцев термина *ня*, имеющего чрезвычайно широкий спектр значений. В ненецкой СР очень важную роль играет признак относительного возраста, реализующийся в репрезентациях возраста старше/младше эго. Одновременно с этим в СТР ненцев, особенно в терминах кровного родства, довольно мало случаев, когда признак пола включается в семантическую структуру термина, чаще признак женского пола выражается словом *не* (‘женщина’). Скошенный счет поколений, характерный для СТР ненцев, охватывает не только представителей +1/+2 и 1/2 поколения, но и племянников/двоюродных братьев, что не характерно для других народов Сибири, в СТР которых также отмечаются разновидности скошенного счета поколений. Присутствие в СТР ненцев отдельного наименования младшего брата матери – *тибя* – объединяет СТР ненцев с СТР других народов Сибири, в частности, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов.

В подсистеме терминов свойства существенно использование термина кровного родства *ири* как обозначения старших родственников супруга для Эж. Хотя в принципе соотносительность СТР с социальными явлениями предполагается в равной мере как исходная предпосылка и как результат исследований СР и СТР, в настоящее время ясно, что далеко не все структурные черты СТР имеют проекции на социальную организацию этноса

или поддаются социальной интерпретации. Очевидно, что СТР ненцев сущностным образом отражает некоторые реальности общественной жизни этноса, которые могут относиться к сравнительно недавнему историческому прошлому.

Агеева 2000 – *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М.

Бармич, Вэлло 1994 – *Бармич М.Я., Вэлло И.А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.

Вожакова 1997 – *Вожакова Е.Н.* Русско-ненецкий словарь (лесной диалект). М.

Куприянова 1954 – *Куприянова З.Н.* Терминология родства в устном народном творчестве ненцев // Уч. зап. Ленинградск. гос. пед. и-та им. А.И.Герцена. Т. 101. Факультет народов Севера.

Пырерка, Терещенко 1948 – *Пырерка А.П., Терещенко Н.М.* Русско-ненецкий словарь. М.

Самойлова 2002. *Самойлова Е.Н.* Русско-ненецкий тематический словарь. СПб.

Терещенко 1965 – *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. М.

Хомич 1966 – *Хомич Л.В.* Ненцы. М.; Л.

Хомич 1976 – *Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.

Donner 1932 – *Donner K.* Samojedische Worterwerzeichnisse. Helsinki.

Lehtisalo 1956 – *Lehtisalo T.* Jurak-Samojedisches Worterbuch. Helsinki.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА САНДАВЕ С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Язык сандаве распространен в Танзании; он входит в макро-семью койсанских языков (готтентотская семья). Характерной особенностью койсанских языков, в том числе и сандаве, является наличие особых щелкающих звуков. В языке сандаве четыре смысловозначительных тона: высокий, низкий, восходящий, нисходящий. Некоторые исследователи считают возможным выделять также пятый – средний – тон.

Основной морфологической чертой сандаве является наличие категории рода. Имя существительное состоит из корня и суффикса, который выражает род и число. В сандаве два числа – единственное и множественное. В единственном числе различают три рода: мужской, женский и средний, или нейтральный [Охотина 1986]. Показателями рода являются следующие суффиксы:

мужской род – *-e/-i/-se* – *mekeba-e(e)* ‘сирота (он)’;

женский род – *-s(u)/-is(u)/-sus(u)* – *mekeba-s(u)* ‘сирота (она)’;

средний род – *-Ø*¹ – *mekeba-Ø* ‘сирота (без указания пола)’.

Суффикс множественного числа – *-so/-iso/-siso* – *mekeba-so* ‘сироты’.

Особые формы суффиксов, выражающих род и число, отмечаются у имен существительных, которые обозначают термины родства (ТР): в единственном числе суффикс нулевой (*-Ø*), во множественном он имеет форму *-x*, например:

tata-Ø ‘отец’ – *tata-x* ‘отцы’;

iyoo-Ø ‘мать’ – *iyoo-x* ‘матери’.

К сожалению, в распоряжении автора данной работы нет достаточно полного описания грамматического строя языка сандаве. Имеющиеся сведения, основным источником которых послужил тематический словарь Р. Кагайя [Kagaya 1993], позволяют говорить лишь о том, что в языке сандаве система рода

¹ Символом *Ø* обозначена нулевая морфема; в словаре лексема приводится как *mekeba*.

семантическая, т.е. мужской и женский роды характерны только для существительных с признаком «личность» и отражают различия людей по полу. Остальные существительные – названия животных, предметов и явлений – попадают в нейтральный средний род.

При рассмотрении ТР сандаве можно выявить ряд интересных закономерностей. Прежде всего, ТР можно разделить на те, которые обозначают человека строго определенного пола, и те, которые выражают только общий статус человека безотносительно его пола (см. табл. 1). Например, ТР *tata* ‘отец’ в любом случае обозначает только мужчину, а словом *//no(o)* ‘ребенок’ можно назвать как мальчика, так и девочку. Особенностью койсанских языков, в том числе и сандаве, является то, что понятие ‘человек’ как таковое относится не к мужскому роду, как это происходит, к примеру, в индоевропейских языках, и не к женскому, а к среднему, или нейтральному, роду. При этом слова ‘мужчина’ и ‘женщина’ образуются от слова ‘человек’ при помощи соответствующих показателей рода. В сандаве прослеживается грамматическое различие между этими двумя группами терминов.

Таблица 1

Термины родства с лексически выраженным полом

Термины родства в ед.ч.		Термины родства во мн.ч.	
<i>tata-Ø</i>	‘отец/ брат отца-ед.ч.’	<i>tata-x(a)</i>	‘отец/брат.отца-мн.ч.’
<i>koko-Ø</i>	‘дед-ед.ч.’	<i>koko-x(o)</i>	‘дед-мн.ч.’
<i>iyoo-Ø</i>	‘мать/ сестра матери-ед.ч.’	<i>iyoo-x(o)</i>	‘мать/сестра.матери-мн.ч.’
<i>mama-Ø</i>	‘бабка-ед.ч.’	<i>mama-x(a)</i>	‘бабка-мн.ч.’
<i>thoots'e-e</i>	‘брат-м.р.’ (Эм)	<i>thoots'e-x</i>	‘брат-мн.ч.’ (Эм)
<i>//naahle-e</i>	‘брат-м.р.’ (Эж)	<i>//naahle-x</i>	‘брат-мн.ч.’ (Эж)
<i>hlin-su</i>	‘сестра-ж.р.’ (Эм)	<i>hlin-su(o)</i>	‘сестра-ж.р.-мн.ч.’ (Эм)
<i>thoo-s(u)</i>	‘сестра-ж.р.’ (Эж)	<i>thoo-s(u)-x</i>	‘сестра-ж.р.-мн.ч.’ (Эж)
<i>maam-e</i>	‘брат матери-м.р.’	<i>maam-e-x</i>	‘брат.матери-м.р.-мн.ч.’
<i>ma-s(u)</i>	‘сестра отца-ж.р.’	<i>ma-so-x(o)</i>	‘сестра.отца-ж.р.-мн.ч.’
<i>maxe-e</i>	‘муж-м.р.’	<i>maxa</i>	‘муж’
<i>/numu-su</i>	‘жена-ж.р.’	<i>/numu-su-x</i>	‘жена-ж.р.-мн.ч.’

Из приведенных в табл. 1 только четыре ТР не имеют специального показателя рода. Для остальных ТР этот показатель объяснен.

Интересно рассмотреть способ образования множественного числа. По стандартной модели оно образуется путем замены суффикса рода суффиксом *-so*. Для терминов из данной группы суффикс множественного числа имеет вид *-x(o) / x(a)*. То, какой гласный может появиться в суффиксе, зависит от предыдущего гласного в корне слова, например:

<i>tata-x(a)</i>	<i>koko-x(o)</i>

отец/брат.отца-мн.ч.	дед-мн.ч.

‘отцы’, ‘братья отца’	‘деды’

ТР, обозначающие мужчин, следуют правилу замещения одного суффикса другим, например:

// <i>naahle-e</i>	// <i>naahle-x</i>

брат-м.р.	брат-мн.ч.

‘брат (Эж)’	‘братья (Эж)’

Исключением является ТР *taxe-e* ‘муж’ – *taxa* ‘мужья’. В данном случае видоизменяется основа слова, т.е. мы имеем супплетивную форму множественного числа.

В примере *taam-e* (брат матери-м.р.) ‘брат матери’ суффикс множественного числа не замещает показатель мужского рода, а накладывается на него: *taam-e-x* – ‘братья матери’.

Такая ситуация характерна для ТР, обозначающих женщин. Суффикс, указывающий на женский род (*-s(u)*), не заменяется при образовании множественного числа, например:

<i>thoo-s(u)</i>	<i>thoo-s(u)-x</i>

сестра-ж.р.	сестра-ж.р.-мн.ч.

‘сестра (Эж)’	‘сестры (Эж)’.

Изменение формы суффикса *-s(u)* при образовании множественного числа на суффикс *-so*, который можно интерпретировать как стандартный показатель множественного числа, наблюдается в следующем примере: *ma-s(u)* ‘сестра отца’ – *ma-so-x(o)* ‘сестры отца’.

В языке сандаве можно отметить наличие вокативных форм для двух ТР: *wambwe* ‘отец!’ (референтивная форма: *tata* ‘отец’, ‘брат отца’) и *thaa!* ‘дед!’ (референтивный термин – *koko* ‘дед’).

Таблица 2

Термины родства с грамматически выраженным полом

Термины родства в ед.ч.		Термины родства во мн.ч.	
<i>haba-i</i>	‘родитель-м.р.’	<i>haba-i-so</i>	‘родители-м.р.-мн.ч.’
<i>haba-i-s(u)</i>	‘родительница-м.р.-ж.р.’		
<i>mekeba-Ø</i>	‘сирота-ср.р.’	<i>mekeba-so</i>	‘сироты-мн.ч.’
<i>mekeba-e</i>	‘сирота-м.р.’		
<i>mekeba-su</i>	‘сирота-ж.р.’		
<i>//no(o)-Ø</i>	‘ребенок-ср.р.’	<i>//no-ko</i>	‘дети-мн.ч.’
<i>//no(o)-e</i>	‘сын-м.р.’		
<i>//no(o)-s(u)</i>	‘дочь-ж.р.’		
<i>berekw-e</i>	‘внук-м.р.’	<i>berek-o</i>	‘внуки-мн.ч.’
<i>berekwo-su</i>	‘внучка-ж.р.’		
<i>badiso-Ø</i>	‘первенец-ср.р.’		
<i>wang'kho-ro-Ø</i>	‘родитель.невестка/зять-ср.р.’		
<i>nuunu-Ø</i>	‘младший.сиблинг-ср.р.’		

Данные табл. 2 показывают, что ТР, которые по полу различаются только при помощи суффиксов, как правило, образуют форму множественного числа по стандартной модели при помощи суффикса *-s(o)*. Исключением являются термины *//noko* ‘дети’ и *berek-o* ‘внуки’. В первом примере множественное число образуется при помощи суффикса *-ko*; во втором случае – выделить суффикс множественного числа сложно, так как согласный *k* входит в основу слова.

В результате анализа имеющихся данных можно предположить, что в языке сандаве ряд ТР отличается от других существительных мужского и женского рода тем, что в их составе нет соответствующего классного показателя. Нулевой классный показатель можно трактовать либо как показатель нейтрального класса, либо как отсутствие показателя любого класса. В качестве предварительного вывода можно предположить, что в языке сандаве существует особый класс существительных, который объединяет ТР. Кроме нулевого показателя в единственном числе этот класс грамматически характеризуется особым способом образования множественного числа. За рядом исключений оформление множественного числа существительных с помо-

щью суффикса *-x(o)* характерно только для таких ТР, которые в единственном числе однозначно обозначают человека либо мужского, либо женского пола. ТР, которые изначально нейтральны к значению пола, оформляются во множественном числе стандартным суффиксом *-so*.

Охотина 1986 – *Охотина Н.В.* Койсанские языки // Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1. М.

Kagaya 1993 – *Kagaya R.* A Classified Vocabulary of the Sandawe Language. Tokyo.

БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬМАНАХА «АЛГЕБРА РОДСТВА: РОДСТВО. СИСТЕМЫ РОДСТВА. СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА». Вып. 1–10

Выпуск 1. 1995

Предисловие (Попов В.А.)	3
Дискуссии и обсуждения	
<i>Тетраидная теория генезиса первичных систем родства</i>	
Кожановская И.Ж. О тетраидной теории Н.Дж. Аллена: Некоторые предварительные замечания	7
Аллен Д.Дж. Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа	26
Тротманн Т.Р. Дравидийская система родства как культурный и как структурный тип	43
Бородатова А.А., Кожановская И.Ж. Протосистема родства майя: попытка реконструкции	58
Дзибель Г.В. О тетраидной теории Н.Дж. Аллена	82
Белков П.Л. Тетраидная теория как элемент научного познания, или по поводу смысла «алгебры родства»	88
Попов В.А. Тетраидность и тетраидная теория: Некоторые заключительные замечания	92
Теория и методология	
Паркин Р. Трансформация и методология	99
Крюков М.В. Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства	111
Дзибель Г.В. Феномен генерационного скашивания в системах родства	138
Конкретные исследования	
Бутинов Н.А. Родство: Океанийская модель	172

<i>Федорова И.К.</i> Семантика некоторых терминов родства у маори Новой Зеландии	184
<i>Конне С., Попов В.А.</i> Система терминов родства манья (Либерия)	198
<i>Куропятник М.С.</i> Система терминов родства кольских саамов	203
<i>Решетов А.М.</i> Об употреблении вокативных терминов родства в повседневном быту русских (по воспоминаниям и наблюдениям)	217
Искусственные системы родства	
<i>Дридзо А.Д.</i> «Братство по кораблю» как вариант псевдорodства	231
<i>Щепанская Т.Б.</i> Термины родства в группировках хиппи	247
Материалы	
<i>Покровская Л.А.</i> Гагаузские термины родства	260
<i>Мартынова Е.П.</i> Материалы по терминам родства и свойства хантов	268
<i>Дуньон И.</i> Терминология родства догонов Мали	274
<i>Бенуис Э.</i> Терминология родства берберов Марокко и Ливии	275

Выпуск 2. 1998

Предисловие (<i>Попов В.А.</i>)	3
Дискуссии и обсуждения	
<i>Системы терминов родства: этнографический и лингвистический подходы к изучению</i>	
<i>Арсеньев В.Р.</i> О лингвистическом и социальном измерениях этнокультурной реальности (в связи с изучением системы терминов родства бамбара)	7
<i>Маслов А.А.</i> Мнимые и реальные противоречия этнологического и лингвистического подходов к изучению терминологии родства бамбара (комментарий к статьям В.Р. Арсеньева и В.Ф. Выдрина)	32
<i>Добронравин Н.А.</i> Термины родства, имена родства и компаративистика	42
<i>Кулланда С.В.</i> Системы терминов родства и праязыковые реконструкции	47
<i>Бурыкин А.А.</i> Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования)	76
<i>Дзибель Г.В.</i> Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому	89

<i>Попов В.А.</i> Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического	135
Конкретные исследования	
<i>Бондарев Д.Г.</i> Системы терминов родства канури и канембу	143
<i>Бурыкин А.А.</i> Семантическая структура эвенских терминов родства и свойства	155
<i>Жугра А.В.</i> Албанские соционимы и система терминов родства	167
<i>Окладникова Е.А., Попов В.А.</i> Вокативные термины родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе	186
Материалы	
<i>Дридзе А.Д.</i> «Братство по кораблю» – новый вариант	196
<i>Баглай В.Е.</i> Некоторые традиции семейно-брачных отношений и терминология родства древних ацтеков	201
Библиография	
<i>Дзибель Г.В.</i> Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке (с добавлением литературы на языках бывшего Советского Союза), опубликованных в 1845–1995 гг.	214

Выпуск 3. 1999

Предисловие (Попов В.А.)	3
Дискуссии и обсуждения	
<i>Латеральность и линейность как принципы счета родства</i>	
<i>Гиренко Н.М.</i> Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства	5
<i>Артемова О.Ю.</i> Лукавство или самообман? (О «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях)	21
<i>Гиренко Н.М.</i> Госпожа Артемова познала все (Ответы на некоторые вопросы О.Ю. Артемовой по поводу систем родства, систем терминов родства и их соотношения с другими социальными институтами)	82
<i>Маслов А.А.</i> Латеральность: определение понятия и области его применения (К дискуссии по статье Н.М. Гиренко)	97
<i>Коротаев А.В.</i> О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа (К дискуссии между Н.М. Гиренко и О.Ю. Артемовой)	117
	255

<i>Белков П.Л.</i> Патрилокальность и патрилинейность	148
<i>Арсеньев В.Р.</i> Этнология и «родство»: в чем проблема?	153
<i>Артемова О.Ю.</i> Отклик второй степени	166
<i>Гиренко Н.М.</i> Что в сухом остатке?	188
<i>Артемова О.Ю.</i> Post Scriptum	203
Конкретные исследования	
<i>Дзенискевич Г.И.</i> Мотив родства в традиционной ораторике тлинкитов	206
<i>Калюта А.В.</i> Система терминов родства древних науа: опыт историко-типологической реконструкции	217
<i>Гохман В.И.</i> Тайская система терминов родства (генетические и типологические аспекты реконструкции)	231
<i>Краснодембская Н.Г.</i> О терминах и категориях родства у народов Южной Азии (традиционные системы и установки в обстоятельствах современной жизни)	256
<i>Родионов М.А.</i> Еще раз об ортокузенном браке у арабов	264
Материалы	
<i>Бурыкин А.А., Булатова Н.Я.</i> Система терминов родства эвенков (предварительные материалы к описанию)	267
<i>Мбайкенг М., Попов В.А.</i> Современная система терминов родства сара (Республика Чад)	278

Выпуск 4. 1999

Предисловие (<i>Попов В.А.</i>)	3
Дискуссии и обсуждения	
<i>Неэгоцентрические термины родства</i>	
<i>Уайлдер У.Д.</i> Безреципрокные термины родства: непризнанная область изучения	5
<i>Добронравин Н.А.</i> Некоторые размышления из области лингвистической антропологии (комментарий к статье У.Уайлдера)	28
<i>Бурыкин А.А.</i> Оппозиция взаимности – невазимности в системах терминов родства: соотношение лингвистического и этносоциологического компонентов	33
<i>Маслов А.А.</i> Порядковые имена и отношения родства	39
<i>Дзибель Г.В.</i> Безреципрокные термины, иденетика и основные формы систем родства	42

<i>Гиренко Н.М.</i> Некоторые замечания относительно терминов «unreciprocal» и «self-reciprocal»	45
<i>Гохман В.И.</i> К вопросу о происхождении безреципрокных терминов в системах терминов родства Юго-Восточной Азии (замечания к статье У.Уайлдера)	48
<i>Куланда С.В.</i> Зачем этнографу история? (По поводу статьи У.Уайлдера)	52
<i>Попов В.А.</i> Социальная идентификация, феномен взаимности и геометрия родства (краткий комментарий к дискуссии по неэгоцентрическим терминам родства)	61
Теория и методология	
<i>Белков П.Л.</i> Система экзогамии	64
<i>Бутинов Н.А.</i> Экзогенное родство	78
<i>Решетов А.М.</i> Историческая вариативность половозрастной структуры и системы родства	104
<i>Шабашов А.В.</i> К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии	122
<i>Добронравии Н.А.</i> Термины родства в этногенетических легендах: хаусанское предание о Дауре и его современная критика	132
Конкретные исследования	
<i>Щепанская Т.Б.</i> Дискурсы российской власти: термины родства	137
<i>Окладникова Е.А., Попов В.А.</i> Имена родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе (церемониальный аспект)	162
<i>Бурыкин А.А., Летягина Н.И.</i> Терминология родства тувинцев в сравнении с терминами родства других тюркских народов Южной Сибири	179
Материалы	
<i>Аткнин В.Д.</i> Корейская терминология родства	197
<i>Омакаева Э.У., Бурыкин А.А.</i> Система терминов родства и свойства калмыков	212
<i>Тадина Н.А.</i> Система терминов родства и этикетные нормы бращения алтайцев	222
Словари	
<i>Казаченко Б.Н.</i> Краткий словарь забытых и вышедших из употребления русских терминов родства, свойства и сватовства	237

Выпуск 5. 2000

Предисловие (Попов В.А.)	3
Дискуссии и обсуждения	
<i>Проблемы реконструкции протосистем терминов родства</i>	
Дзибель Г.В. К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства	5
Гиренко Н.М. Несколько замечаний о теории и методологии иденетической реконструкции систем терминов родства	53
Добронравин Н.А. Лингвистическая антропология, этнолингвистика, иденетика?	58
Бурькин А.А. Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства?	63
Кулланда С.В. Все на борьбу с филологическим формализмом (по поводу статьи Г.В. Дзибеля «К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства»)	77
Дыбо А.В. О теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства	87
Казанков А.А. Системы терминов родства и теория монофилетического происхождения языков	90
Дзибель Г.В. Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства)	98
Теория и методология	
Коротаев А.В., Казанков А.А., Дрейер Л.М., Дмитриева Н.Е. Апология сравнительного синхронного метода социальной антропологии (на примере изучения эволюции систем терминов родства)	189
Конкретные исследования	
Белков П.Л. Мифологическое родство у аборигенов Австралии	207
Бурькин А.А. Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах	213
Окладникова Е.А., Попов В.А. Имена родства в функции половозрастных апеллативов в современном русском обществе (психологический аспект)	243

Материалы

<i>Дридзе А.Д.</i> «Братство по кораблю»: новые варианты	259
<i>Пан Т.А.</i> Система терминов родства маньчжур	263
<i>Гирфанова А.Х.</i> Удэгейские термины родства	271
<i>Идиатов Д.И.</i> Система терминов родства тура	278

Выпуск 6. 2001

Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории.
472 с. + Приложение (указатели). 36 с.

Выпуск 7. 2001

Предисловие (<i>Попов В.А.</i>)	3
Дискуссии и обсуждения	
<i>Проблемы иденетической реконструкции протосистем терминов родства</i>	
<i>Кулланда С.В.</i> Supra grammaticam (иденетика и вопросы языкознания)	5
<i>Казанков А.А.</i> Еще раз о монофилетической теории происхождения языка (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства)	32
<i>Добронравин Н.А.</i> Давить или не давить? (О Г.В. Дзибеле, иденетической реконструкции и новых концепциях в лингвистической антропологии)	40
<i>Маслов А.А.</i> Брат-сестра – 2	48
<i>Бурыкин А.А.</i> Интердисциплинарные, частные и специальные проблемы в изучении терминологии родства	54
<i>Дзибель Г.В.</i> Еще раз об иденетике, сравнительно-историческом языкознании и индоевропейских терминах родства и свойства	66
Теория и методология	
<i>Бурыкин А.А.</i> Проблемы семантической реконструкции терминов родства в алтайских языках и перспективы реконструкции общеалтайской системы терминов родства	136
<i>Кортаев А.В., Бондаренко Д.М.</i> Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование	173
Конкретные исследования	
<i>Маслов А.А.</i> Системы родства западных манде	187
	259

<i>Туркина Т.Г.</i> Системы терминов родства йоруба: опыт историко-типологической характеристики	219
<i>Кулланда С.В.</i> Древнеяванская терминология родства и свойства и ее историко-типологические импликации	231
Материалы	
<i>Бурькин А.А., Омакаева Э.У.</i> Термины родства и свойства монголов и бурят	240
<i>Кара-оол Л.С.</i> О некоторых особенностях функционирования терминов родства у тувинцев-эрзинцев	248
<i>Тадина Н.А.</i> О возрастных степенях и связанных с ними терминах родства и нормах апелляции у алтайцев	255
Учебные материалы	
<i>Попов В.А.</i> Системы родства и системы терминов родства (программа спецкурса)	266
Архив	
<i>Бутинов Н.А.</i> Родство в эпоху племенного строя (к постановке проблемы)	270

Выпуск 8. 2005

Маслов А.А. Системы родства народов манде: Опыт историко-типологического исследования. 160 с.

Выпуск 9. 2005

Предисловие (<i>Попов В.А.</i>)	3
Дискуссии и обсуждения	
<i>Проблемы реконструкции протосистем терминов родства и свойства</i>	
<i>Дыбо А.В., Кулланда С.В.</i> Ностратическая терминология родства и свойства	5
<i>Рыкин П.О.</i> Семантический анализ слова <i>aqa</i> в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства)	32
<i>Бурькин А.А., Попов В.А.</i> О некоторых итогах обсуждения реконструкции ностратической терминологии родства и свойства	45
Теория и методология	
<i>Дзибель Г.В.</i> О дистрибутивном анализе терминов родства	57

<i>Успенская Е.Н.</i> Каста как родственная категория	61
<i>Ансальдо Фигероа Р.Э.</i> Системы свойства индейцев: опыт структурной типологии	80
Конкретные исследования	
<i>Калюта А.В.</i> Инвертированное употребление терминов смежных поколений в системе родства древних науа	104
<i>Дзибель Г.В.</i> Северные шошоны: циклы этносоциальной истории, системы терминов родства и экологическое родство	111
<i>Бурыкин А.А.</i> Термины родства и свойства чукчей (к проблеме состава системы терминов родства и свойства)	234
Материалы	
<i>Бурыкин А.А.</i> Материалы к структурной характеристике системы терминов родства и свойства чаплинских эскимосов	246
<i>Тадина Н.А.</i> Три линии родства и авункулат у алтайцев	255
<i>Новожилов А.Г., Бурыкин А.А., Мызников С.А., Попов В.А.</i> Терминология родства и свойства прибалтийско-финских народов России	266

Выпуск 10. 2006

Калюта А.В. Ацтеки: родство, гендер, возраст. Опыт историко-социологического исследования. 320 с., илл.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В АЛЬМАНАХЕ «АЛГЕБРА РОДСТВА»

- Аллен Д.Дж.* Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа. — 1: 26–42.
- Ансальдо Фигероа Р.Э.* Системы свойства индейцев: опыт структурной типологии. — 9: 80–103.
- Арсеньев В.Р.* О лингвистическом и социальном измерениях этнокультурной реальности (в связи с изучением системы терминов родства бамбара). — 2: 731.
- Арсеньев В.Р.* Этнология и «родство»: в чем проблема? — 3: 153–165.
- Артемова О.Ю.* Лукавство или самообман? (О «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях). — 3: 21–81.
- Артемова О.Ю.* Отклик второй степени. — 3: 166–187.
- Артемова О.Ю.* Post Scriptum. — 3: 203–205.
- Аткнин В.Д.* Корейская терминология родства. 4: 197211.
- Баглай В.Е.* Некоторые традиции семейно-брачных отношений и терминология родства древних ацтеков. — 2: 201–213.
- Белков П.Л.* Мифологическое родство у аборигенов Австралии. — 5: 207–212.
- Белков П.Л.* Патрилокальность и патрилинейность. — 3: 148–152.
- Белков П.Л.* Система экзогамии. — 4: 64–77.
- Белков П.Л.* Тетраидная теория как элемент научного познания, или по поводу смысла «алгебры родства». — 1: 88–91.
- Бенуис Э.* Терминология родства берберов Марокко и Ливии. — 1: 275–277.
- Бондарев Д.Г.* Системы терминов родства канури и канембу. — 2: 143–154.
- Бондаренко Д.М.* — см.: *Кортаев А.В., Бондаренко Д.М.* — 7: 173–186.
- Бородатова А.А., Кожановская И.Ж.* Протосистема родства майя: Попытка реконструкции. — 1: 58–81.
- Булатова Н.Я.* — см.: *Бурыкин А.А., Булатова Н.Я.* — 3: 267–277.
- Бурыкин А.А.* Интердисциплинарные, частные и специальные проблемы в изучении терминологии родства — 7: 54–65.
- Бурыкин А.А.* Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства? — 5: 63–76.

- Бурыкин А.А. Материалы к структурной характеристике системы терминов родства и свойства чаплинских эскимосов. — 9: 246–254.
- Бурыкин А.А. Оппозиция взаимности невзаимности в системах терминов родства: соотношение лингвистического и этносоциологического компонентов. — 4: 33–38.
- Бурыкин А.А. Проблемы семантической реконструкции терминов родства в алтайских языках и перспективы реконструкции общеалтайской системы терминов родства. — 7: 136–172.
- Бурыкин А.А. Семантическая структура эвенских терминов родства и свойства. — 2: 155–166.
- Бурыкин А.А. Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах. — 5: 213–242.
- Бурыкин А.А. Термины родства и свойства чукчей (к проблеме состава системы терминов родства и свойства. — 9: 234–245.
- Бурыкин А.А. Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования). — 2: 76–88.
- Бурыкин А.А., Булатова Н.Я. Система терминов родства эвенков (предварительные материалы к описанию). — 3: 267–277.
- Бурыкин А.А., Летагина Н.И. Терминология родства тувинцев в сравнении с терминами родства других тюркских народов Южной Сибири. — 4: 179–198.
- Бурыкин А.А. — см.: Новожилов А.Г., Бурыкин А.А., Мызников С.А., Попов В.А. — 9: 266–281.
- Бурыкин А.А. — см.: Омакаева Э.У., Бурыкин А.А. — 4: 212–221.
- Бурыкин А.А., Омакаева Э.У. Термины родства и свойства монголов и бурят. — 7: 240–247.
- Бурыкин А.А., Попов В.А. О некоторых итогах обсуждения реконструкции ностратической терминологии родства и свойства. — 9: 45–56.
- Бутинов Н.А. Родство в эпоху племенного строя (к постановке проблемы). — 7: 270–283.
- Бутинов Н.А. Родство: Океанийская модель. — 1: 172–183.
- Бутинов Н.А. Экзогенное родство — 4: 78–103.
- Гиренко Н.М. Госпожа Артемова познала все (Ответы на некоторые вопросы О.Ю. Артемовой по поводу систем родства, систем терминов родства и их соотношения с другими социальными институтами). — 3: 82–96.
- Гиренко Н.М. Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства. — 3: 5–20.
- Гиренко Н.М. Некоторые замечания относительно терминов «unreciprocal» и «self-reciprocal». — 4: 45–47.

- Гиренко Н.М.* Несколько замечаний о теории и методологии иденетической реконструкции систем терминов родства. — 5: 53–57.
- Гиренко Н.М.* Что в сухом остатке? — 3: 188–202.
- Гирфанова А.Х.* Удэгейские термины родства. — 5: 271–277.
- Гохман В.И.* К вопросу о происхождении безреципрокных терминов в системах терминов родства Юго-Восточной Азии (замечания к статье У. Уайлдера). — 4: 48–51.
- Гохман В.И.* Тайская система терминов родства (генетические и типологические аспекты реконструкции). — 3: 231–255.
- Дзенискевич Г.И.* Мотив родства в традиционной ораторике тлинкитов. — 3: 206–216.
- Дзибель Г.В.* Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке (с добавлением литературы на языках бывшего Советского Союза), опубликованных в 1845–1995 гг.). — 2: 214–283.
- Дзибель Г.В.* Безреципрокные термины, иденетика и основные формы систем родства. — 4: 42–44.
- Дзибель Г.В.* Еще раз об иденетике, сравнительно-историческом языкознании и индоевропейских терминах родства и свойства. — 7: 66–135.
- Дзибель Г.В.* К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства. — 5: 5–52.
- Дзибель Г.В.* О дистрибутивном анализе терминов родства. — 9: 57–60.
- Дзибель Г.В.* О тетраидной теории Н. Дж. Алена. — 1: 82–87.
- Дзибель Г.В.* Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства). — 5: 98–188.
- Дзибель Г.В.* Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому. — 2: 89–134.
- Дзибель Г.В.* Феномен генерационного скашивания в системах родства. — 1: 138–171.
- Дзибель Г.В.* Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. — 6.
- Дзибель Г.В.* Северные шошоны: циклы этносоциальной истории, системы терминов родства и экологическое родство. — 9: 111–233.
- Дмитриева Н.Е.* — см.: *Коротаев А.В., Казанков А.А., Дрейер Л.М., Дмитриева Н.Е.* — 5: 189–206.
- Добронравин Н.А.* Давить или не давить? (О Г.В. Дзибеле, иденетической реконструкции и новых концепциях в лингвистической антропологии). — 7: 40–47.

- Добронравин Н.А.* Лингвистическая антропология, этнолингвистика, иденетика? — 5: 58–62.
- Добронравин Н.А.* Некоторые размышления из области лингвистической антропологии (комментарий к статье У.Д. Уайлдера). — 4: 28–32.
- Добронравин Н.А.* Термины родства в этногенетических легендах: хаусанское предание о Дауре и его современная критика. — 4: 132–136.
- Добронравин Н.А.* Термины родства, имена родства и компаративистика. — 2: 42–46.
- Дрейер Л.М.* — см.: *Кортаев А.В., Казанков А.А., Дрейер Л.М., Дмитриева Н.Е.* — 5: 189–206.
- Дридзо А.Д.* «Братство по кораблю» как вариант псевдородства. — 1: 231–246.
- Дридзо А.Д.* «Братство по кораблю» — новый вариант. — 2: 196–200.
- Дридзо А.Д.* «Братство по кораблю»: новые варианты. — 5: 259–269.
- Дуньон И.* Терминология родства догонов Мали. — 1: 274.
- Дыбо А.В.* О теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства. — 5: 87–89.
- Дыбо А.В., Кулланда С.В.* Ностратическая терминология родства и свойства. — 9: 5–31.
- Жугра А.В.* Албанские соционимы и система терминов родства. — 2: 167–185.
- Идиатов Д.И.* Система терминов родства тура. — 5: 278–284.
- Казанков А.А.* Еще раз о монофилетической теории происхождения языка (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства). — 7: 32–39.
- Казанков А.А.* Системы терминов родства и теория монофилетического происхождения языков. — 5: 90–97.
- Казанков А.А.* — см.: *Кортаев А.В., Казанков А.А., Дрейер Л.М., Дмитриева Н.Е.* — 5: 189–206.
- Казаченко Б.Н.* Краткий словарь забытых и вышедших из употребления русских терминов родства, свойства и сватовства. — 4: 237–263.
- Калюта А.В.* Адтеки: родство, гендер, возраст. Опыт историко-социологического исследования. — 10.
- Калюта А.В.* Инвертированное употребление терминов смежных поколений в системе родства древних нава. — 9: 104–110.
- Калюта А.В.* Система терминов родства древних нава: опыт историко-типологической реконструкции. — 3: 217–230.

- Кара-оол Л.С.* О некоторых особенностях функционирования терминов родства у тувинцев-эрзинцев. — 7: 248–254.
- Кожановская И.Ж.* О тетраидной теории Н.Дж. Аллена: Некоторые предварительные замечания. — 1: 7–25.
- Кожановская И.Ж.* — см.: *Бородатова А.А., Кожановская И.Ж.* — 1: 58–81.
- Конне С., Попов В.А.* Система терминов родства манья (Либерия) — 1: 198–202.
- Кортаев А.В.* О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа (К дискуссии между Н.М. Гиренко и О.Ю. Артемовой). — 3: 117–147.
- Кортаев А.В., Бондаренко Д.М.* Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование. — 7: 173–186.
- Кортаев А.В., Казанков А.А., Дрейер Л.М., Дмитриева Н.Е.* Апология сравнительного синхронного метода социальной антропологии (на примере изучения эволюции систем терминов родства). — 5: 189–206.
- Краснодембская Н.Г.* О терминах и категориях родства у народов Южной Азии (традиционные системы и установки в обстоятельствах современной жизни). — 3: 256–263.
- Крюков М.В.* Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства. — 1: 111–137.
- Кулланда С.В.* Все на борьбу с филологическим формализмом (по поводу статьи Г.В. Дзибеля «К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства»). — 5: 77–86.
- Кулланда С.В.* Древнеяванская терминология родства и свойства и ее историко-типологические импликации. — 7: 231–239.
- Кулланда С.В.* Зачем этнографу история? (По поводу статьи У.Д. Уайлдера). — 4: 52–60.
- Кулланда С.В.* Системы терминов родства и праязыковые реконструкции. — 2: 47–75.
- Кулланда С.В.* *Supra grammaticam* (иденетика и вопросы языкознания). — 7: 5–31.
- Кулланда С.В.* — см.: *Дыбо А.В., Кулланда С.В.* — 9: 5–31.
- Куропятник М.С.* Система терминов родства кольских саамов. — 1: 203–216.
- Летягина Н.И.* — см.: *Бурыкин А.А., Летягина Н.И.* — 4: 179–198.
- Маслов А.А.* Брат-сестра – 2. — 7: 48–53.
- Маслов А.А.* Латеральность: определение понятия и области его применения (К дискуссии по статье Н.М. Гиренко). — 3: 97–116.

- Маслов А.А.* Мнимые и реальные противоречия этнологического и лингвистического подходов к изучению терминологии родства бамбара (комментарий к статьям В.Р. Арсеньева и В.Ф. Выдрина). — 2: 32–41.
- Маслов А.А.* Порядковые имена и отношения родства. — 4: 39–41.
- Маслов А.А.* Системы родства западных манде. — 7: 187–218.
- Маслов А.А.* Системы родства народов манде: Опыт историко-типологического исследования. — 8.
- Мартынова Е.П.* Материалы по терминам родства и свойства хантов. — 1: 268–273.
- Мбайкенг М., Попов В.А.* Современная система терминов родства сара (Республика Чад). — 3: 278–284.
- Мисюгин В.М.* Родство и этносоциальная история. — 4: 264–283.
- Мызников С.А.* — см.: *Новожилов А.Г., Бурыкин А.А., Мызников С.А., Попов В.А.* — 9: 266–281.
- Новожилов А.Г., Бурыкин А.А., Мызников С.А., Попов В.А.* Терминология родства и свойства прибалтийско-финских народов России. — 9: 266–281.
- Окладникова Е.А., Попов В.А.* Вокативные термины родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе. — 2: 186–195.
- Окладникова Е.А., Попов В.А.* Имена родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе (церемониальный аспект). — 4: 162–178.
- Окладникова Е.А., Попов В.А.* Имена родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе (психологический аспект). — 5: 243–258.
- Омакаева Э.У., Бурыкин А.А.* Система терминов родства и свойства калмыков. — 4: 212–221.
- Омакаева Э.У.* — см.: *Бурыкин А.А., Омакаева Э.У.* — 7: 240–247.
- Пан Т.А.* Система терминов родства маньчжур. — 5: 263–270.
- Паркин Р.* Трансформация и методология. — 1: 99–110.
- Попов В.А.* Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического. — 2: 135–142.
- Попов В.А.* Предисловие. — 1: 3; 2: 3; 3: 3; 4: 3; 5: 3; 7: 3; 9: 3.
- Попов В.А.* Системы родства и системы терминов родства (программа спецкурса). — 7: 266–269.
- Попов В.А.* Социальная идентификация, феномен взаимности и геометрия родства (краткий комментарий к дискуссии по неэгоцентрическим терминам родства). — 4: 61–63.
- Попов В.А.* Тетраидность и тетраидная теория: Некоторые заключительные замечания. — 1: 92–98.

- Попов В.А.* — см.: *Бурыкин А.А., Попов В.А.* — 9: 45–56.
- Попов В.А.* — см.: *Конне С., Попов В.А.* — 1: 198–202.
- Попов В.А.* — см.: *Мбайкенг М., Попов В.А.* — 3: 278–284.
- Попов В.А.* — см.: *Новожилов А.Г., Бурыкин А.А., Мызников С.А., Попов В.А.* — 9: 266–281.
- Попов В.А.* — см.: *Окладникова Е.А., Попов В.А.* — 2: 186–195.
- Попов В.А.* — см.: *Окладникова Е.А. Попов В.А.* — 4: 162–178.
- Попов В.А.* — см.: *Окладникова Е.А., Попов В.А.* — 5: 243–258.
- Покровская Л.А.* Гагаузские термины родства. — 1: 260–267.
- Решетов А.М.* Об употреблении вокативных терминов родства в повседневном быту русских (по воспоминаниям и наблюдениям). — 1: 217–230.
- Решетов А.М.* Историческая вариативность половозрастной структуры и системы родства. — 4: 104–121.
- Родионов М.А.* Еще раз об ортокузенном браке у арабов. — 3: 264–266.
- Рыкин П.О.* Семантический анализ слова *aqa* в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства). — 9: 32–44.
- Тадина Н.А.* О возрастных степенях и связанных с ними терминах родства и нормах апелляции у алтайцев. — 7: 255–265.
- Тадина Н.А.* Система терминов родства и этикетные нормы обращения алтайцев. — 4: 222–236.
- Тадина Н.А.* Три линии родства и авункулат у алтайцев. — 9: 255–265.
- Тротманн Т.Р.* Дравидийская система родства как культурный и как структурный тип. — 1: 43–57.
- Туркина Т.Г.* Системы терминов родства йоруба: опыт историко-типологической характеристики. — 7: 219–230.
- Уайлдер У.Д.* Безреципрокные термины родства: непризнанная область изучения. — 4: 5–27.
- Успенская Е.Н.* Каста как родственная категория. — 9: 61–79.
- Федорова И.К.* Семантика некоторых терминов родства у маори Новой Зеландии. — 1: 184–197.
- Шабашов А.В.* К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии. — 4: 122–131.
- Щепанская Т.Б.* Дискурсы российской власти: термины родства. — 4: 137–161.
- Щепанская Т.Б.* Термины родства в группировках хиппи. — 1: 247–259.

CONTENTS OF «KINSHIP ALGEBRA »

Issue 1–10

Issue 1. 1995

Preface (<i>Popov V.A.</i>)	3
Discussions	
<i>Tetradic theory of the genesis of the initial kinship systems</i>	
<i>Kozhanovskaya I.Zh.</i> On N.J. Allen's tetradic theory: Some preliminary comments	7
<i>Allen N.J.</i> The prehistory of Dravidian-type kinship terminologies	26
<i>Trotmann Th.R.</i> The Dravidian kinship as a cultural type and as a structural type	43
<i>Borodatova A.A., Kozhanovskaya I.Zh.</i> Maya protosystem of kinship terminology: an attempt of the reconstruction	58
<i>Dziebel G.V.</i> On N.J.Allen's tetradic theory	82
<i>Belkov P.L.</i> Tetradic theory as the element of scientific knowledge (in connection with the meaning of «kinship algebra»)	88
<i>Popov V.A.</i> Tetradness and tetradic theory: Some concluding comments	92
Theory and methodology	
<i>Parkin R.</i> Transformation and methodology	99
<i>Kryukov M.V.</i> Synchro-diachronic method and the concept of transformational multidirectionality of kinship	111
<i>Dziebel G.V.</i> The phenomenon of generation skewing in kinship systems	138
Concrete studies	
<i>Butinov N.A.</i> Kinship: The Oceanian model	172
<i>Fedorova T.K.</i> Semantics of some kinship terms among the Maori of New Zealand	184
<i>Konne S., Popov V.A.</i> System of kinship terms of the Manya (Liberia)	198
<i>Kuropyatnik M.S.</i> Saami system of kinship terms	203
<i>Reshetov A.M.</i> On usage of vocative kinship terms in the Russian everyday life (by memoirs and observations)	217
Fictitious kinship systems	
<i>Dridzo A.D.</i> «Shipmate» as a variant of pseudo-kinship	231
<i>Shchepanskaya T.B.</i> Kinship terms among the Hippie groupings	247
Data and materials	
<i>Pokrovskaya L.A.</i> The Gagauz kinship terms	260
<i>Martynova E.P.</i> The data on kinship terms of the Khants	268
	269

<i>Dunyon I.</i> Kinship terminology of the Dogons of Mali	274
<i>Benuis E.</i> Kinship terminology of the Berbers of Morocco and Libia	275

Issue 2. 1998

Foreword (<i>Popov V.A.</i>)	3
Discussions	
<i>Systems of kinship terms: the ethnographic and linguistic approaches</i>	
<i>Arseniev V.R.</i> On linguistic and social dimensions of ethnocultural reality (in connection with Bambara system of kinship terms)	7
<i>Maslov A.A.</i> Imaginary and real contradictions of ethnology and linguistics in study of the kinship nomenclature in Bambara (comments to the articles by V.R. Arseniev and V.F. Vydrin)	32
<i>Dobronravina N.A.</i> Kinship terms, names of kinship and comparative studies	42
<i>Kullanda S.V.</i> System of kinship terms and ancestor language reconstructions	47
<i>Burykin A.A.</i> Kinship terms as the object of linguistic analysis (range of problems and aspects of the research)	76
<i>Dzibel G.V.</i> Kinship term and system of kinship terms: the connection of linguistic and ethnographic contexts	89
<i>Popov V.A.</i> Kinship nomenclature and system of kinship terms: the correlation of linguistic and ethnographic contexts	135
Concrete studies	
<i>Bondarev D.G.</i> Kanuri and Kanembu systems of kinship terms	143
<i>Burykin A.A.</i> Semantic structure of Even terms of kinship and affinity	155
<i>Zhugra A.V.</i> Albanian socionyms and system of kinship terms	167
<i>Okladnikova E.A., Popov V.A.</i> Russian vocative nomenclature of relationship in the function of sex-and-age appellation	186
Data and materials	
<i>Dridzo A.D.</i> The new variant of «shipmate»	196
<i>Baglai V.E.</i> Some marriage traditions and kinship terminology of ancient Aztec	201
Bibliography	
<i>Dzibel G.V.</i> Annotated bibliography on kinship studies published in Russian in 1845–1995 (with addition of the literature on languages of former Soviet Union)	214

Issue 3. 1999

Foreword (<i>Popov V.A.</i>)	3
Discussions and Debates	
<i>Laterality and linearity as a principles of descent</i>	
<i>Girenko N.M.</i> Laterality and linearity as differential indicators of social organism of kinship	5
<i>Artemova O.Yu.</i> Slynness or self-deception? (About "lateral" descent and certain reconstruction of the past)	21
<i>Girenko N.M.</i> Mrs. Artemova knows everything (Answers on some questions of O.Yu. Artemova about kinship systems, systems of kinship erminologies and their correlations to the other social institutions)	82
<i>Maslov A.A.</i> Laterality: definition of the notion and the sphears of its application	97
<i>Korotaev A.V.</i> On the correlations between systems of kinship terms and the types of social systems: an attempt at quantitative cross-cultural analysis	117
<i>Belkov P.L.</i> Patrilocality and patrilinearity	148
<i>Arseniev V.R.</i> Ethnology and «kinship»: what is the problem?	153
<i>Artemova O.Yu.</i> Response number two	166
<i>Girenko N.M.</i> What is in the dry remains?	188
<i>Artemova O.Yu.</i> Post Scriptum	203
Concrete studies	
<i>Dzeniskevitch G.I.</i> Theme of kinship in traditional oratory of the Tlingits	206
<i>Kalyuta A.V.</i> System of kinship terms of ancient Nahuatl: an attempt in typological reconstruction	217
<i>Gohman V.I.</i> Thai system of kinship terms (genetic and typologic aspects of reconstruction)	231
<i>Krasnodembskaya N.G.</i> About terms and categories of kinship among peoples of South Asia (traditional systems and orientations in circumstances of the modern life)	256
<i>Rodionov M.A.</i> Once more about orthocousin marriage among Arabs	264
Data and materials	
<i>Burykin A.A., Bulatova N.Ya.</i> Evenks system of kinship terms (preliminary data to description)	267
<i>Mbaikeng M., Popov V.A.</i> Modern system of kinship terms of the Sara (Tchad)	278
	271

Issue 4. 1999

Foreword (<i>Popov V.A.</i>)	3
Discussions and Debates	
<i>Non-Ego-Centered Kinship Terms</i>	
<i>Wilder W.D.</i> Unreciprocal terms: a neglected field of kinship studies	5
<i>Dobronravin N.A.</i> Some notes on linguistic anthropology (commentary on the article by W.D. Wilder)	28
<i>Burykin A.A.</i> Opposition of reciprocal – nonreciprocal in kinship terms systems: correlation between linguistic and ethnosociological components	33
<i>Maslov A.A.</i> Birth-order names and kinship relations	39
<i>Dziebel G.V.</i> Unreciprocal terms, idenetics and basic forms of kinship systems	42
<i>Girenko N.M.</i> Some notes on the terms «unreciprocal» and «self-reciprocal»	45
<i>Gohman V.I.</i> On the genesis of the unreciprocal terms in South-East Asia	48
<i>Kullanda S.V.</i> Why an anthropologist should need history? (In connection with the article by W.D. Wilder)	52
<i>Popov V.A.</i> Social identification, phenomenon of reciprocity and kinship geometry (brief comments on the discussion of non-ego-centered kinship terms)	61
Theory and Methodology	
<i>Belkov P.L.</i> System of exogamy	64
<i>Butinov N.A.</i> Exogenic kinship	78
<i>Reshetov A.M.</i> Historical variability of sex-and-age structure and kinship systems	104
<i>Shabashov A.V.</i> On the problem of typologization of some kinship terms systems of Northern Eurasia	122
<i>Dobronravin N.A.</i> Kinship terms in ethnogenetical legends: Hausan tradition about Daura and its modern critique	132
Concrete Studies	
<i>Shchepanskaya T.B.</i> Russian power discourses: kinship terms	137
<i>Okladnikova E.A., Popov V.A.</i> Russian names of kinship in the function of sex-and-age appellation (ceremonial aspect)	162

<i>Burykin A.A., Letyagina N.I.</i> Tuvian kinship terminology in comparison to kinship terms of other Turkic nations of South Siberia	179
Data and Materials	
<i>Atkin V.D.</i> Korean kinship terminology	197
<i>Omakaeva E.U., Burykin A.A.</i> Kalmyk system of kinship and affinity	212
<i>Tadina N.A.</i> Kinship terms system and etiquette norms of appellation among the Altaians	222
Dictionaries	
<i>Kazachenko B.N.</i> Short dictionary of Russian forgotten and obsolete terms of kinship, affinity and bridehood	237
Archives	
<i>Misyugin V.M.</i> Kinship and ethnobiological history	264
<u>Issue 5. 2000</u>	
Foreword (<i>Popov V.A.</i>)	3
Discussions and Exchanges	
<i>Problems of reconstruction of the protosystems of kin terminology</i>	
<i>Dziebel G.V.</i> Theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology	5
<i>Girenko N.M.</i> A few comments on the theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology	53
<i>Dobronravina N.A.</i> Linguistic anthropology, ethnolinguistics, idenetics?	58
<i>Burykin A.A.</i> What reality do the students of kin terminology systems observe?	63
<i>Kullanda S.V.</i> All together against philological formalism (about G.V. Dziebel's «Theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology»)	77
<i>Dybo A.V.</i> On the theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology	87
<i>Kazankov A.A.</i> Kin terminology systems and the theory of monophyletic origin of languages	90
<i>Dziebel G.V.</i> Theory and practice in comparative historical research (apropos the discussion on the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology)	98

Theory and Methodology

<i>Korotaev A.V., Kazankov A.A., Dreier L.M., Dmitrieva N.E.</i> An apology of the synchronic comparative method in social anthropology (as viewed through the study of the evolution of systems of kinship terms)	189

Case Studies

<i>Belkov P.L.</i> Mythological kinship among Australian aborigines	207
<i>Burykin A.A.</i> Kin terminology system of the Yakuts in its synchronic, comparative historical and areal aspects	213
<i>Okladnikova E.A., Popov V.A.</i> Russian names of kinship as sex-and-age appellatives (psychological aspect)	243

Data and Materials

<i>Dridzo A.D.</i> «Shipmates»: New versions	259
<i>Pang T.A.</i> Kin terminology system of the Manchu	263
<i>Girfanova A.H.</i> Udegeian kin terms	271
<i>Idiatov D.I.</i> Kin terminology system of the Tura	278

Issue 6. 2001

<i>Dziebel G.V.</i> The Phenomenon of Kinship. Prolegomena to Idenetic Theory. 472 p. + Appendix (indexes). 36 p.	

Issue 7. 2001

Foreword (<i>Popov V.A.</i>)	3
Discussions and Exchanges	
<i>Problems of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology</i>	
<i>Kullanda S.V.</i> Supra grammaticam (idenetics and linguistic matters)	5
<i>Kazankov A.A.</i> The monophyletic theory of the language origin revisited (apropos the discussion on the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology)	32
<i>Dobronravin N.A.</i> To crush or not to crush? (On G.V. Dziebel, the idenetic reconstruction and on new conceptions of linguistic anthropology)	40
<i>Maslov A.A.</i> Brother-sister – 2	48
<i>Burykin A.A.</i> Interdisciplinary issues and special cases in the study of kinship terminology	54

<i>Dziebel G.V.</i> Once more on idenetics, comparative historical linguistics and Indo-European terms of kinship and affinity	66

Theory and Methodology

<i>Burykin A.A.</i> Problems of the semantic reconstruction of kinship terms in Altaic languages and the reconstruction perspectives of the common Altaic kin terminology system	136

<i>Korotaev A.V., Bondarenko D.M.</i> Polygyny and democracy: cross-cultural research	173

Case Studies

<i>Maslov A.A.</i> Kinship systems of the Western Mande	187

<i>Tourkina T.G.</i> Kinship terminology systems of the Yoruba: an attempt of historical-typological characterization	219

<i>Kullanda S.V.</i> Ancient Javanese terminology of kinship and affinity and its implications for historical typology	231

Materials

<i>Burykin A.A., Omakaeva E.U.</i> Mongolian and Buryat terms of kinship and affinity	240

<i>Kara-ool L.S.</i> On some peculiarities of kinship terms functioning among the Erzin Tuvinians	248

<i>Tadina N.A.</i> Age grades and the related kinship terms and appellation norms among the Altaians	255

Tutorial materials

<i>Popov V.A.</i> Kinship systems and kin terminology systems (curriculum)	266

Archives

<i>Butinov N.A.</i> Kinship in tribal society: an outline	270

Issue 8. 2005

Maslov A.A. Mande Kinship Systems. 160 p.

Issue 9. 2005

Foreword (<i>Popov V.A.</i>)	3

Discussions and Exchanges

Problems of reconstruction of kinship and affinity protosystems

<i>Dybo A.V., Kullanda S.V.</i> Nostratic terminology of kinship and affinity	5

<i>Rykin P.O.</i> Semantic analysis of the word <i>aqa</i> in the Middle Mongolian language	32

<i>Burykin A.A., Popov V.A.</i> On some results of discussion on reconstruction of Nostratic terminology of kinship and affinity	45
Theory and Methodology	
<i>Dziebel G.V.</i> On distributive analysis of kinship terms	57
<i>Uspenskaya E.N.</i> Caste as kindred category	61
<i>Anzaldo Figueroa R.E.</i> Affinity systems of American Indians: an attempt of structural typology	80
Case Studies	
<i>Kalyuta A.V.</i> Inverted use of terms of adjacent generations in the ancient Nahua kinship system	104
<i>Dziebel G.V.</i> The Northern Shoshones: cycles of ethnosocial history, kinship terms systems, and ecological kinship	111
<i>Burykin A.A.</i> Chukchi terms of kinship and affinity (on the problem of kinship and affinity terms system composition)	234
Materials	
<i>Burykin A.A.</i> The data on the structural characterization of Chaplin's Eskimos kinship and affinity terms system	246
<i>Tadina N.A.</i> Three lines of kinship and avunculate among the Altaians	255
<i>Novozhilov A.G., Burykin A.A., Myznikov S.A., Popov V.A.</i> Kinship terms of some local groups of Baltic Finns peoples	266

Issue 10. 2006

Kalyuta A.V. Aztecs: Kinship, Gender, Age. 320 p.

INDEX OF ARTICLES AND MATERIALS PUBLISHED IN «KINSHIP ALGEBRA»

- Allen N.J.* The prehistory of Dravidian-type kinship terminologies. — 1: 26–42.
- Anzaldo Figueroa R.E.* Affinity systems of American Indians: an attempt of structural typology. — 9: 80–103.
- Arseniev V.R.* Ethnology and "kinship": what is the problem? — 3: 153–165.
- Arseniev V.R.* On linguistic and social dimensions of ethnocultural reality (in connection with Bambara system of kinship terms). — 2: 7–31.
- Artemova O.Yu.* Post Scriptum. — 3: 203–205.
- Artemova O.Yu.* Response number two. — 3: 166–187.
- Artemova O.Yu.* Slynness or self-deception? (About «lateral» descent and certain reconstruction of the past). — 3: 21–81.
- Atnin V.D.* Korean kinship terminology. — 4: 197–211.
- Baglai V.E.* Some marriage traditions and kinship terminology of ancient Aztec. — 2: 201–213.
- Belkov P.L.* Mythological kinship among Australian aborigines. — 5: 207–212.
- Belkov P.L.* Patrilocality and patrilinearity. — 3: 148–152.
- Belkov P.L.* System of exogamy. — 4: 64–77.
- Belkov P.L.* Tetradic theory as the element of scientific knowledge (in connection with the meaning of "kinship algebra"). — 1: 88–91.
- Benuis E.* Kinship terminology of the Berbers of Morocco and Libia. — 1: 275–277.
- Bondarev D.G.* Kanuri and Kanembu systems of kinship terms. — 2: 143–154.
- Borodatova A.A., Kozhanovskaya I.Zh.* Maya protosystem of kinship terminology: an attempt of the reconstruction. — 1: 58–81.
- Bulatova N.Ya.* — see: *Burykin A. A., Bulatova N.Ya.* — 3: 267–277.
- Burykin A.A.* Chukchi terms of kinship and affinity (on the problem of kinship and affinity terms system composition). — 9: 234–245.
- Burykin A.A.* Interdisciplinary issues and special cases in the study of kinship terminology. — 7: 54.
- Burykin A.A.* Kinship terms as the object of linguistic analysis (range of problems and aspects of the research). — 2: 76–88.
- Burykin A.A.* Kin terminology system of the Yakuts in its synchronic, comparative historical and areal aspects. — 5: 213–242.

- Burykin A.A.* Opposition of reciprocal nonreciprocal in kinship terms systems: correlation between linguistic and ethnosociological components. — 4: 33–38.
- Burykin A.A.* Problems of the semantic reconstruction of kinship terms in Altaic languages and the reconstruction perspectives of the common Altaic kin terminology system. — 7: 136–172.
- Burykin A.A.* Semantic structure of Even terms of kinship and affinity. — 2: 155–166.
- Burykin A.A.* The data on the structural characterization of Chaplin's Eskimos kinship and affinity terms system. — 9: 246–254.
- Burykin A.A.* What reality do the students of kin terminology systems observe? — 5: 63–76.
- Burykin A.A., Bulatova N.Ya.* Evenks system of kinship terms (preliminary data to description). — 3: 267–277.
- Burykin A.A., Letyagina N.I.* Tuvian kinship terminology in comparison to kinship terms of other Turkic nations of South Siberia. — 4: 179–198.
- Burykin A.A., Omakaeva E.U.* Mongolian and Buryat terms of kinship and affinity. — 7: 240–247.
- Burykin A.A., Popov V.A.* On some results of discussion on reconstruction of Nostratic terminology of kinship and affinity. — 9: 45–56.
- Burykin A.A.* — see: *Novozhilov A.G., Burykin A.A., Myznikov S.A., Popov V.A.* — 9: 266–281.
- Burykin A.A.* — see: *Omakaeva E.U., Burykin A.A.* Kalmyk system of kinship and affinity. — 4: 212–221.
- Butinov N.A.* Exogenic kinship. — 4: 78–103.
- Butinov N.A.* Kinship in tribal society: an outline. — 7: 270–283.
- Butinov N.A.* Kinship: The Oceanian model. — 2: 172–183.
- Dmitrieva N.E.* — see: *Korotaev A.V., Kazankov A.A., Dreier L.M., Dmitrieva N.E.* — 5: 189–206.
- Dobronravina N.A.* Kinship terms in ethnogenetical legends: Hausan tradition about Daura and its modern critique. — 4: 132–136.
- Dobronravina N.A.* Kinship terms, names of kinship and comparative studies. — 2: 42–46.
- Dobronravina N.A.* Linguistic anthropology, ethnolinguistics, idenetics? — 5: 58–62.
- Dobronravina N.A.* Some notes on linguistic anthropology (commentary on the article by W.D. Wilder). — 4: 28–32.

- Dobronravin N.A.* To crush or not to crush? (On G.V. Dziebel, the idenetic reconstruction and on new conceptions of linguistic anthropology). — 7: 40–47.
- Dreier L.M.* — see: *Korotaev A.V., Kazankov A.A., Dreier L.M., Dmitrieva N.E.* — 5: 189–206.
- Dridzo A.D.* «Shipmate» as a variant of pseudo-kinship. — 1: 231–246.
- Dridzo A.D.* «Shipmates»: New versions. — 5: 259–262.
- Dridzo A.D.* The new variant of «shipmate». — 2: 196–200.
- Dunyon I.* Kinship terminology of the Dogons of Mali. — 1: 274.
- Dybo A.V.* On the theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology. — 5: 87–89.
- Dybo A.V., Kullanda S.V.* Nostratic terminology of kinship and affinity. — 9: 531.
- Dzeniskevitch G.I.* Theme of kinship in traditional oratory of the Tlingits. — 3: 206–216.
- Dzibel G.V.* Annotated bibliography on kinship studies published in Russian in 1845–1995 (with addition of the literature on languages of former Soviet Union). — 2: 214–283.
- Dziebel G.V.* The Phenomenon of Kinship. Prolegomena to Idenetic Theory. — 6.
- Dziebel G.V.* Kinship term and system of kinship terms: the connection of linguistic and ethnographic contexts. — 2: 89–134.
- Dziebel G.V.* Once more on idenetics, comparative historical linguistics and Indo-European terms of kinship and affinity. — 7: 66–135.
- Dziebel G.V.* On distributive analysis of kinship terms. — 9: 57–60.
- Dziebel G.V.* On N.J. Allen's tetradic theory. — 1: 82–87.
- Dziebel G.V.* The Northern Shoshones: cycles of ethnosocial history, kinship terms systems, and ecological kinship. — 9: 111–233.
- Dziebel G.V.* Theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology. — 5: 552.
- Dziebel G.V.* Theory and practice in comparative historical research (apropos the discussion on the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology). — 5: 98–188.
- Dziebel G.V.* The phenomenon of generation skewing in kinship systems. — 1: 138–171.
- Dziebel G.V.* Unreciprocal terms, idenetics and basic forms of kinship systems. — 4: 42–44.
- Fedorova T.K.* Semantics of some kinship terms among the Maori of New Zealand. — 1: 184–197.

- Girenko N.M.* A few comments on the theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology. — 5: 53–57.
- Girenko N.M.* Laterality and linearity as differential indicators of social organism of kinship. — 3: 520.
- Girenko N.M.* Mrs. Artemova knows everything (Answers on some questions of O.Yu. Artemova about kinship systems, systems of kinship terminologies and their correlations to the other social institutions). — 3: 82–96.
- Girenko N.M.* Some notes on the terms «unreciprocal» and «self-reciprocal». — 4: 45–47.
- Girenko N.M.* What is in the dry remains? — 3: 188–202.
- Girfanova A.H.* Udegeian kin terms. — 5: 271–277.
- Gohman V.I.* On the genesis of the unreciprocal terms in South-East Asia. — 4: 48–51.
- Gohman V.I.* Thai system of kinship terms (genetic and typologic aspects of reconstruction). — 3: 231–255.
- Idiatov D.I.* Kin terminology system of the Tura. — 5: 278–284.
- Kalyuta A.V.* Aztecs: Kinship, Gender, Age. — 10.
- Kalyuta A.V.* Inverted use of terms of adjacent generations in the ancient Nahua kinship system. — 9: 104–110.
- Kalyuta A.V.* System of kinship terms of ancient Nahua: an attempt in typological reconstruction. — 3: 217–277.
- Kara-ool L.S.* On some peculiarities of kinship terms functioning among the Erzin Tuvinians. — 7: 248–284.
- Kazachenko B.N.* Short dictionary of Russian forgotten and obsolete terms of kinship, affinity and bridehood. — 4: 237–263.
- Kazankov A.A.* The monophyletic theory of the language origin revisited (apropos the discussion on the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology). — 7: 32–39.
- Kazankov A.A.* Kin terminology systems and the theory of monophyletic origin of languages. — 5: 90.
- Kazankov A.A.* — see: *Korotaev A.V., Kazankov A.A., Dreier L.M., Dmitrieva N.E.* — 5: 189–206.
- Konne S., Popov V.A.* System of kinship terms of the Many (Liberia). — 1: 198–202.
- Korotaev A.V.* On the correlations between systems of kinship terms and the types of social systems: an attempt at quantitative cross-cultural analysis. — 3: 117–147.

- Korotaev A.V., Bondarenko D.M.* Polygyny and democracy: cross-cultural research. — 7: 173–186.
- Korotaev A.V., Kazankov A.A., Dreier L.M., Dmitrieva N.E.* An apology of the synchronic comparative method in social anthropology (as viewed through the study of the evolution of systems of kinship terms). — 5: 189–206.
- Kozhanovskaya I.Zh.* On N.J. Allen's tetradic theory: Some preliminary comments. — 1: 7–25.
- Kozhanovskaya I.Zh.* — see: *Borodatova A.A., Kozhanovskaya I.Zh.* — 1: 58–81.
- Krasnodembskaya N.G.* About terms and categories of kinship among peoples of South Asia (traditional systems and orientations in circumstances of the modern life). — 3: 256–263.
- Kryukov M.V.* Synchro-diachronic method and the concept of transformational multidirectionality of kinship. — 1: 111–137.
- Kullanda S.V.* All together against philological formalism (about G.V.Dziebel's «Theory and methodology of the idenetic reconstruction of the protosystems of kin terminology»). — 5: 77–86.
- Kullanda S.V.* Ancient Javanese terminology of kinship and affinity and its implications for historical typology. — 7: 231–239.
- Kullanda S.V.* Supra grammaticam (idenetics and linguistic matters). — 7: 531.
- Kullanda S.V.* System of kinship terms and ancestor language reconstructions. — 2: 47–75.
- Kullanda S.V.* Why an anthropologist should need history? (In connection with the article by W.D. Wilder). — 4: 52–60.
- Kullanda S.V.* — see: *Dybo A.V., Kullanda S.V.* — 9: 531.
- Kuropyatnik M.S.* Saami system of kinship terms. — 1: 203–216.
- Letyagina N.I.* — see: *Burykin A.A., Letyagina N.I.* — 4: 179–198.
- Martynova E.P.* The data on kinship terms of the Khants. — 1: 268–273.
- Maslov A.A.* Birth-order names and kinship relations. — 4: 39–41.
- Maslov A.A.* Brother-sister – 2. — 7: 48–53.
- Maslov A.A.* Imaginary and real contradictions of ethnology and linguistics in study of the kinship nomenclature in Bambara (comments to the articles by V.R. Arseniev and V.F. Vydrin). — 2: 32–41.
- Maslov A.A.* Kinship systems of the Western Mande. — 7: 187–218.
- Maslov A.A.* Mande Kinship Systems. — 8.
- Maslov A.A.* Laterality: definition of the notion and the spheres of its application. — 3: 97–116.
- Mbaikeng M., Popov V.A.* Modern system of kinship terms of the Sara (Tchad). — 3: 278–284.

- Misyugin V.M.* Kinship and ethnosiological history. — 4: 264–283.
- Myznikov S.A.* — see: *Novozhilov A.G., Burykin A.A., Myznikov S.A., Popov V.A.* — 9: 266–281.
- Novozhilov A.G., Burykin A.A., Myznikov S.A., Popov V.A.* Kinship terms of some local groups of Baltic Finns peoples. — 9: 266–281.
- Okladnikova E.A., Popov V.A.* Russian names of kinship as sex-and-age appellatives (psychological aspect). — 5: 243–258.
- Okladnikova E.A., Popov V.A.* Russian names of kinship in the function of sex-and-age appellation (ceremonial aspect). — 4: 162–178.
- Okladnikova E.A., Popov V.A.* Russian vocative nomenclature of relationship in the function of sex-and-age appellation. — 2: 186–195.
- Omaeva E.U., Burykin A.A.* Kalmyk system of kinship and affinity. — 4: 212–221.
- Pang T.A.* Kin terminology system of the Manchu. — 5: 263–270.
- Parkin R.* Transformation and methodology. — 1: 99–110.
- Pokrovskaya L.A.* The Gagauz kinship terms. — 1: 260–267.
- Popov V.A.* Foreword. — 2: 3; 3: 3; 4: 3; 5: 3; 7: 3; 9: 3.
- Popov V.A.* Kinship nomenclature and system of kinship terms: the correlation of linguistic and ethnographic contexts. — 2: 135–142.
- Popov V.A.* Kinship systems and kin terminology systems (curriculum). — 7: 266–269.
- Popov V.A.* Preface. — 1: 36.
- Popov V.A.* Social identification, phenomenon of reciprocity and kinship geometry (brief comments on the discussion of non-ego-centered kinship terms). — 4: 61–63.
- Popov V.A.* Tetrads and tetradic theory: Some concluding comments. — 1: 92–98.
- Popov V.A.* — see: *Burykin A.A., Popov V.A.* — 9: 45–56.
- Popov V.A.* — see: *Konne S., Popov V.A.* — 1: 198–202.
- Popov V.A.* — see: *Mbaikeng M., Popov V.A.* — 3: 278–284.
- Popov V.A.* — see: *Novozhilov A.G., Burykin A.A., Myznikov S.A., Popov V.A.* — 9: 266–281.
- Popov V.A.* — see: *Okladnikova E.A., Popov V.A.* — 2: 186–195.
- Popov V.A.* — see: *Okladnikova E.A., Popov V.A.* — 5: 243–270.
- Popov V.A.* — see: *Okladnikova E.A., Popov V.A.* — 4: 162–178.
- Reshetov A.M.* Historical variability of sex-and-age structure and kinship systems. — 4: 104–124.
- Reshetov A.M.* On usage of vocative kinship terms in the Russian everyday life (by memoirs and observations). — 1: 217–230.

- Rodionov M.A.* Once more about orthocousin marriage among Arabs. — 3: 264–266.
- Rykin P.O.* Semantic analysis of the word *aga* in the Middle Mongolian language. — 9: 32–44.
- Shabashov A.V.* On the problem of typologization of some kinship terms systems of Northern Eurasia. — 4: 122–131.
- Shchepanskaya T.B.* Kinship terms among the Hippie groupings. — 1: 247–259.
- Shchepanskaya T.B.* Russian power discourses: kinship terms. — 4: 137–161.
- Tadina N.A.* Age grades and the related kinship terms and appellation norms among the Altaians. — 7: 255–265.
- Tadina N.A.* Kinship terms system and etiquette norms of appellation among the Altaians. — 4: 222–236.
- Tadina N.A.* Three lines of kinship and avunculate among the Altaians. — 9: 255–265.
- Tourkina T.G.* Kinship terminology systems of the Yoruba: an attempt of historical-typological characterization. — 7: 219–230.
- Trautmann Th.R.* The Dravidian kinship as a cultural type and as a structural type. — 1: 43–57.
- Uspenskaya E.N.* Caste as kindred category. — 9: 61–79.
- Wilder W.D.* Unreciprocal terms: a neglected field of kinship studies. — 4: 527.
- Zhugra A.V.* Albanian socionyms and system of kinship terms. — 2: 167–185.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

- AP-1 — Алгебра родства: Родство. Системы родства.
Системы терминов родства. Вып. 1. СПб., 1995.
- AP-2 — Алгебра родства: Родство. Системы родства
Системы терминов родства. Вып. 2. СПб., 1998.
- AP-3 — Алгебра родства: Родство. Системы родства.
Системы терминов родства. Вып. 3. СПб., 1999.
- AP-4 — Алгебра родства: Родство. Системы родства.
Системы терминов родства. Вып. 4. СПб., 1999.
- AP-5 — Алгебра родства: Родство. Системы родства.
Системы терминов родства. Вып. 5. СПб., 2000.
- AP-6 — Алгебра родства: Родство. Системы родства.
Системы терминов родства. Вып. 6: *Дзибель Г.В.*
Феномен родства. Прологомены к иденетической теории.
СПб., 2001.
- AP-7 — Алгебра родства: Родство. Системы родства.
Системы терминов родства. Вып. 7. СПб., 2001.
- AP-9 — Алгебра родства: Родство. Системы родства.
Системы терминов родства. Вып. 9. СПб., 2005.
- АЭС — Africana. Африканский этнографический сборник. Л.
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера). Л.
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- НРМ — Народы и религии мира. Энциклопедический справочник.
М., 1998.
- ПИДРЯ — Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже
третьего тысячелетия. М., 2000.
- РАО — Российское археологическое общество.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л.
- УЗИИ — Ученые записки Института истории АН СССР.
- ЭО — Этнографическое обозрение. М.
-
- AA — American Anthropologist.
- CA — Current Anthropology.
- IF — Indogermanische Forschungen.
- JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute.
- MT — Mother Tongue.

- SWJA — South-Western Journal of Anthropology.
 TK — Transformations of Kinship. Washington, London, 1998.
 UCLA — University of California Linguistic Anthropology.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ТЕКСТЕ

- ВТР — взаимная терминология родства, взаимный термин родства
 ДП — дифференциальный признак
 ИЕ — индоевропейский
 ЛСВ — лексико-семантические варианты
 СР — система(ы) родства
 СТР — система(ы) терминов родства
 ТР — термин(ы) родства, терминология родства
- DP — согласовательный префикс
 IE — индоевропейский
 P — именной префикс
 PIE — протоиндоевропейский
 POSS — показатель посессивности
 S — субъектный согласователь
 PST — прошедшее время

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В.А. Попов).....	3
Дискуссии и обсуждения	
<u>Проблемы реконструкции ностратической</u> <u>системы терминов родства и свойства</u>	
Bomhard A.F. The Nostratic hypothesis and Nostratic kinship terminology	5
Dziebel G.V. Reconstructing "our" kinship terminology (Comments on the Indo-European material in A.V. Dybo and S.V. Kullanda's <i>The Nostratic terminology of kinship and affinity</i>).....	42
Дыбо А.В., Кулланда С.В. In loco cognates	93
Бурыкин А.А., Попов В.А. О методах сравнительно-исторических исследований (в связи с обсуждением реконструкции ностратических терминов родства и свойства).....	103
Теория и методология	
Артемова О.Ю. Гармония родства	117
Артемова Ю.А. Joking relations: «Шуточное» или «нешуточное» родство?	146
Конкретные исследования	
Рыкин П.О. Система терминов родства в среднемонгольском языке.....	168
Иванова О.А. Лингвистические особенности терминов родства в языках банту	187
Бурыкин А.А. Терминология родства и свойства как средство характеристики социальных отношений (на материале вологодских имущественных описей конца XVIII века).....	204
Щепанская Т.Б. Матрицы семьи и команды как культурные коды и повседневные практики российской власти в десятилетие кризиса (1990–2000-е годы)	214
Материалы	
Бурыкин А.А. Материалы к описанию терминологии родства и свойства ненцев	234
Иванова О.А. Термины родства сандаве с лингвистической точки зрения.....	248
Библиография	
Содержание альманаха «Алгебра родства». Вып. 1–10	253
Алфавитный указатель статей и материалов, опубликованных в альманахе «Алгебра родства». Вып. 1–10	262
Contents of «Kinship Algebra». Issue 1–10	269
Index of articles and materials published in «Kinship Algebra»	277
Список библиографических сокращений	284
Список сокращений в тексте	285

CONTENTS

Foreword (Popov V.A.)	3
Discussions and Exchanges	
<u>Problems of the reconstruction of the Nostratic system</u>	
<u>of kin and affinity terminology</u>	
Bomhard A.F. The Nostratic hypothesis and Nostratic kinship terminology	5
Dziebel G.V. Reconstructing "our" kinship terminology (Comments on the Indo-European material in A.V. Dybo and S.V. Kullanda's <i>The Nostratic terminology of kinship and affinity</i>)	42
Dybo A.V., Kullanda S.V. In loco cognates	93
Burykin A.A., Popov V.A. On the methods of comparative-historical linguistics (towards the Nostratic terminology of kinship and affinity)	103
Theory and Methodology	
Artemova O.Yu. Harmony of kinship	117
Artemova Yu.A. Joking relations: «joking» or «non-joking» kinship	146
Case Studies	
Rykin P.O. Kinship terms system in the Middle Mongolian language	168
Ivanova O.A. Language peculiarities of Bantu kinship terminology	187
Burykin A.A. Terminology of kinship and affinity as a method of social relations characteristics (based on eighteenth-century property registers from Vologda)	204
Shchepanskaya T.B. Family and team matrices as cultures codes and daily practices of government structures in Russia (1990–2000 years)	214
Materials	
Burykin A.A. On the Nenets kinship and affinity terms system	234
Ivanova O.A. Sandawe kinship terms	248
Bibliography	
Содержание альманаха «Алгебра родства». Вып. 1–10	253
Алфавитный указатель статей и материалов, опубликованных в альманахе «Алгебра родства». Вып. 1–10	262
Contents of «Kinship Algebra». Issue 1–10	269
Index of articles and materials published in «Kinship Algebra»	277
Abbreviations in references	284
Abbreviations in the texts	285

альманах

**АЛГЕБРА РОДСТВА
РОДСТВО. СИСТЕМЫ РОДСТВА
СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА**

Выпуск 11

*Утверждено к печати
Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук*

**Редактор М.А. Ильина
Художник А.Ю. Харитонова
Компьютерная верстка М.А. Ильиной**

Подписано к печати 12.12.2006. Формат 60х90 1/16.
Объем 18 п.л. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 1392.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типографии «Наука»»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12